КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В.И. Вернадского

ЧЕРНОМОРСКИЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

ИНСТИТУТ СЕРБСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ПРИШТИНА-ЛЕПОСАВИЧ (СЕРБИЯ)

УНИВЕРСИТЕТ ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ

XXXVI МЕЖДУНАРОДНЫЙ ХАРАКСКИЙ ФОРУМ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ:

ПРАВДА И ЛОЖЬ В ПОЛИТИКЕ И ИСКУССТВЕ

15-17 мая 2019 г.
г. Ялта,
Республика Крым

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2019

УДК 37
ББК 74.00
П 50

Сборник зарегистрирован в системе
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Главные редакторы:
Т.А. Сенюшкина, *доктор политических наук, профессор;*
Д.Танчич, *доктор политических наук, профессор.*

Редакционная коллегия:
Е.А. Сенюшкин, *кандидат политических наук, доцент;*
П.И. Пашковский, *кандидат политических наук, доцент;*
А.А.Зоткин, *кандидат социологических наук, доцент.*

Рецензенты:
Далибор Элезович, *доктор истории, профессор;*
Миодраг Гордич, *доктор политических наук, профессор;*
Прити Дас, *доктор философии, доцент.*

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

П 50 Политическое пространство и социальное время: Правда и ложь в политике и искусстве. Сборник научных трудов XXXVI Международного Харакского форума 15–17 мая 2019 г., г. Ялта / Под ред. Т.А. Сенюшкиной и Д.Танчича. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2019. – 334 с.
ISBN 978-5-907162-54-9

В сборнике размещены материалы XXXVI Международного Харакского форума «Политическое пространство и социальное время: Правда и ложь в политике и искусстве», состоявшегося в г. Ялта 15–17 мая 2019 г. Раскрываются проблемы взаимосвязи политического пространства и социального времени, анализируются разнообразные аспекты правды и лжи в политике и искусстве.

УДК 37
ББК 74.00

© Сенюшкина Т.А., 2019
© Танчич Д., 2019
© Институт сербской культуры, 2019
© ИТ «АРИАЛ», 2019

ISBN 978-5-907162-54-9

Алехина Л.Л., Полякова О.И.

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ КАК НЕОБХОДИМОЕ ТРЕБОВАНИЕ К ПОВЫШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ КАДРОВОГО МЕНЕДЖМЕНТА В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. В данной статье показывается актуальность стратегического подхода к управлению человеческими ресурсами, выделяются основные уровни развития управления человеческими ресурсами в организации.

Ключевые слова: управление человеческими ресурсами, стратегическое управление, развитие управления, кадровый менеджмент.

Alekhina L.L., Polyakova O.I.

THE STRATEGIC APPROACH TO THE MANAGEMENT OF HUMAN RESOURCES AS A NECESSARY REQUIREMENT TO IMPROVE EFFICIENCY OF THE PERSONNEL MANAGEMENT UNDER THE CONDITIONS OF SYSTEM CRISIS OF THE WORLD DEVELOPMENT

Abstract. This article shows the relevance of the strategic approach to human resources management, highlights the main levels of human resources management in the organization.

Keywords: management of human resources, strategic management, development of management, personnel management.

В современных условиях хозяйствования и ведения бизнеса стратегический подход является приоритетным требованием эффективности управления человеческими ресурсами организации, особенно в период системного кризиса мирового развития. Стратегическое управление на сегодняшний день выступает необходимым условием выживания и долгосрочного развития организаций как хозяйствующих субъектов рынка. В их интересах, в качестве активного использования открывающихся возможностей, стратегия в предвосхищении изменений основана на их предвидении

во внешней и внутренней среде в будущем. В связи с этим наличие стратегии позволяет формировать деятельность организаций и предприятий в высокой степени осмысленной и рациональной.

Стратегия дает возможность строить их текущую работу с учетом долговременных изменений рынка, конкуренции, общества, самих организаций и предприятий и открывающихся новых возможностей. При отсутствии стратегии управление организациями является не превентивным, предвосхищающим наступление событий, а реактивным, реагирующим на возникшие и обычно уже обострившиеся проблемы, многих из которых можно было бы избежать.

Стратегическое управление человеческими ресурсами формируется и осуществляется в рамках определенного целостного объединения людей как социальной системы, оказывающей определенное влияние не только на стратегию, но и на управление персоналом и другие основополагающие виды и сферы деятельности организации.

Стратегическое управление человеческими ресурсами является достаточно новым направление в теории менеджмента. Стратегический подход к управлению человеческими ресурсами выступает порождением нового этапа в системе кадрового менеджмента. Он отражает глубокие качественные изменения, происходящие в современном бизнесе и обществе в целом. Для управления человеческими ресурсами характерно рассмотрение персонала как важнейшего ключевого ресурса организации, необходимого для достижения ее всех целей и в том числе стратегической направленности.

В условиях системного кризиса мирового развития, в первую очередь, от качества персонала зависит выживание организации и ее успешное развитие. Человеческие ресурсы выступают не только средством реализации всех организационных целей, но и являются главным достоянием организации, которое необходимо сохранять, преумножать, развивать и использовать для успеха в конкурентной борьбе. От характера и содержания человеческих ресурсов прямо зависят экономические и иные возможности организации. Поэтому к человеческим ресурсам необходим интегрированный подход с точки зрения всей организации как системы.

Уровни развития управления человеческими ресурсами с точки зрения движения данной области управления к стратегическому управлению персоналом выделил российский ученый В.И. Маслов. Он характеризует четыре таких уровня, представленных на рисунке

1 [1].

Согласно представленному рисунку, на первом уровне развития управления персоналом работа в данной сфере деятельности организации выполняется как вспомогательная функция для решения оперативных задач в рамках функции администрирования. На этом уровне имеет место быть фаза бюрократического управления.

УРОВЕНЬ 2 Работа с персоналом как задача функциональных отделов фаза институционализации управления	УРОВЕНЬ 4 Управление персоналом, ориентированное на перспективу и интеграцию фаза системного предпринимательства
УРОВЕНЬ 1 Работа с персоналом как административная задача фаза бюрократического управления	УРОВЕНЬ 3 Работа с персоналом как «задача ремонта, выполняемая линейными руководителями» фаза импровизации в управлении персоналом

Рисунок 1 – Уровни развития управления человеческими ресурсами в организации

Второй уровень управления человеческими ресурсами предполагает внедрение отдельных изолированных методов воздействия на персонал согласно распоряжениям высшего менеджмента, но без вовлечения в процесс изменений линейных руководителей. Изменения и нововведения в системе управления данного уровня выступают следствием столкновений с трудностями и не рассчитаны на долгосрочную перспективу. Следовательно, на данном уровне наблюдается фаза институционализации управления.

Третий уровень развития управления человеческими ресурсами в организации предполагает отдельные случаи, когда решение кадровых проблем в свои руки берет руководитель, который на основе ситуационной импровизации решает так называемые ремонтные задачи. Третий уровень означает фазу импровизации в системе управления персоналом.

Наконец, на четвертом, заключительном уровне развития управления человеческими ресурсами разрабатывается стратегическая концепция управления персоналом в организации, ориентированная на длительные сроки. Такая концепция является результатом совместной деятельности членов руководящей команды организации (преимущественно, топ-менеджмента как высшего

руководства), сотрудников департамента развития, линейных руководителей и самого персонала. Вовлечение высшего руководства в процесс организации управления персоналом, стратегического развития данной сферы деятельности позволяет избежать ряда трудностей, прежде всего, связанных с обеспечением соответствия и интеграции важнейших сфер управления: управление персоналом, производством, финансами, маркетинговой деятельностью, инвестициями, а так же с поддержкой кадровых мероприятий линейными руководителями. В связи с этим, на четвертом уровне развития отмечается фаза целостного (системного) предпринимательства, которая носит стратегический характер.

Итак, интегрирование управления персоналом в общую стратегию бизнеса является существенным и важным отличием управления человеческими ресурсами от традиционного управления кадрами. При этом любые управленческие решения должны учитывать человеческий аспект, т.е. возможности людей в их выполнении, а так же их влияние на персонал. Что в результате будет способствовать повышению эффективности кадрового менеджмента в условиях системного кризиса мирового развития.

Таким образом, стратегическое управление в системе кадрового менеджмента является масштабным планом в сфере человеческих ресурсов организации. Данный план конкретизируется и детализируется в ее кадровой политике и в тактических (в том числе и оперативных) планах структурных подразделений и отдельных сотрудников на длительный период времени. В стратегии управления человеческими ресурсами выделяются наиболее важные и существенные долговременные цели в области кадрового менеджмента, средства и способы их реализации, а также приоритетные кадровые мероприятия.

Литература

1. Пугачев, В.П. Стратегическое управление человеческими ресурсами организации: учебное пособие / В.П. Пугачев, Н.Н. Опарина. – М.: КНОРУС, 2016.- 208с.

2. Технологии управления развитием персонала [текст]: учебник / под ред. А.В. Карпова, Н.В. Клюевой. — Москва: Проспект, 2016. — 408 с.

3. Управление персоналом в России: история и современность: монография. Кн. 1. [Текст] / Под ред. А.Я. Кибанова. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 240с.

4. Управление персоналом в России: новые функции и новое в функциях: монография. [Текст] / Под ред. И.Б. Дураковой. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 242с.

Андреева Ю.В.

СТОРИТЕЛЛИНГОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫМ ПОТОКОМ В СИТУАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ И ЦИФРОВОЙ БЛОКАДЫ

Аннотация. В условиях политической информационной конкуренции, возможной ситуации «цифровой блокады», российский истеблишмент учится с помощью новых медиатехнологий управлять информационным потоком. В статье анализируются новые явления цифровой эпохи – различные виды и типы цифрового сторителлинга: кросс-медийного, мультимедийного, трансмедийного. Сторителлинг рассматривается как технологичный метод, сочетающий классические приемы медиавоздействия на массовую аудиторию и теорию мифов, основ драматургии. Дается описание столителлинга с точки зрения теорий психологии массовой коммуникации, предлагается авторская методика оценки коммуникативной структуры сторитейлинга с позиции психодинамического, драматургического, нарративного подхода.

Ключевые слова: Психология массовых коммуникаций, цифровые медиа, кросс-медиа, мультимедиа, трансмедиа, сторителлинг.

Andreyeva Yu. V.

STORYTELLING TECHNOLOGIES OF MANAGEMENT OF INFORMATION FLOW IN THE SITUATION OF THE POLITICAL COMPETITION AND DIGITAL BLOCADE

Abstract. In the context of political information competition, a possible situation of "digital blockade", the Russian establishment is learning with the help of new media technologies to manage the information flow. The article analyzes new phenomena of the digital

age – different types and subtypes of digital storytelling: cross-media, multimedia, transmedia ones. Storytelling is considered as a technological method that combines classical techniques of media influence on the mass audience and the theory of myths, the basics of drama. The description of storytelling from the point of view of the theory of psychology of mass communication is given, the author's technique of an assessment of communicative structure of storytelling from the position of psychodynamic, dramaturgic, narrative approach is offered.

Keywords: Psychology of mass communications, digital media, cross-media, multimedia, transmedia, storytelling

Все сферы человеческой деятельности получили цифровой профиль, активно подменяющий, вытесняющий «физическое» действие. Войны и противостояния, политическая конкуренция тоже получили информационный статус. Как отмечают аналитики ИНСОР, «стратегической задачей России на данном историческом этапе является полномасштабное вхождение в глобальное информационное общество в качестве его полноправного участника — при сохранении политической независимости, национальной самобытности и культурных традиций» [1]. В данной ситуации, важно учится управлять информационным потоком, оставаясь активным, профессиональным модератором цифрового контента. Одной из технологий, успешно применяемой для цифровой коммуникацией стал сторителлинг (storytelling) как цифровая стратегия передачи информации в виде завершенных историй с применением моделирования оригинальных семиотических «упаковок». Сторителлинговые технологии сегодня влияют на развитие всех направлений массовой коммуникации: PR, пропаганды, маркетинга, журналистики. Так, в политической журналистике новость должна быть создана с учетом перехода с одной медиа платформы на другую, без потерь для цельности и уникальности контента. Конкуренцию в трансляции таких новостей выигрывают цифровые проекты, имеющие возможность динамично управлять интерактивом, обновлять инфографику, включая анимационные ресурсы, пространственное моделирование и пр. Сторителлинг – новая форма передачи информации, которая базируется на особенности кросс-чтения, применении эджайл-подходов, в условиях информационного стресса и переизбытка информации. Известный блогер-сторилеллер Никита Обухов, анализируя свой

опыт резюмирует: «Кросс-чтение (скимминг): чтение идет только по заголовкам, врезам и так далее. Если попадается что-то интересное, внимание останавливается. Важно учитывать чтение второго типа. Структура материала должны считываться беглым взглядом… «залипающие» кнопки, остаются в поле зрения при скроллинге страницы» [2].

Для управления внимания в сторитейлинге используется герой, среда (контекст), цель и мотивы героя. Одним из наиболее применяемых для анализа эффективности воздействия влияния творческого произведения (к которым относится текст медиа) был и остается психодинамический метод. Современное представление о понятии «психодинамической модели» творческого произведения базируется на теоретическом предположении о том, что все человеческое функционирование (и особенно результаты креативной деятельности) формируют динамические (интерактивные) психологические силы. Как говорил гений парадокса О. Уайльд: «Искусство - зеркало, отражающее того, кто в него смотрится, а вовсе не жизнь». В каждой политической истории предъявляется содержание ценностных структур личности и социума, драматизма опыта внутренних и внешних конфликтов, содержания явных и скрытых сфер общественного сознания. Пальма первенства в психологическом анализе текстов искусства принадлежит К. Юнгу и З. Фрейду, А. Менегетти. Анализ архетипов и мифов в сюжете «объекта» культуры представлен в работах М. Бахтина, «мифологизаторов» американской школы - Д. Кемпбэлла, Э. Нойманна, Р. Робертсона и др. Немало глубоких исследований проведено по изучению психологических стратегий воздействия архетипов и образов драматического произведения, в частности, это работы З. Кракауэра, А. Минегетги, Н. А. Хренова, М. Конфорти. Если бы каждый передавал информацию и получал ее без единого смыслообразующего базиса, в мире не возможны были бы стратегии информационного управления обществом. В основе образного восприятия лежат архетипы как базовые структуры глубинных сфер сознания. В современной психологии существует сотни авторских трактовок базовых архетипов и схем их взаимодействий. Одно из наиболее широко применяемых в драматургии взаимодействий архетипов: противостояние Героя и Тени (протогонист-антотогонист), которому помогает помогает Дух (Помощник), в результате Герой побеждает Эго и Возрождается, переходя на иную ступень саморазвития - в

Самость. Так, Д. Кемпбэлл раскрывает эти архетипы, отмечая динамические черты: «Образ тирана- монстра распространен в мифах… во всем мире, его черты одинаковы. Он покушается на общественное достояние». «Герой – это человек, который добровольно принял судьбу… тот, кому удалось преодолеть личные и конкретные исторические ограничения.. совершенный, лишенный индивидуальных черт, универсальный, рождается в новой жизни» [3]. Возрождение характеризует торжество Героя над обстоятельствами. Выделяются другие повторяющиеся нарративные последовательности, сопутствующие становлению героя: «чудесное рождение», «уязвимость» или «слабые места», «подвиги» и др. Вечная тема, волнующая многие века человечество переосмысливается новыми авторами, так, культуролог К.С. Карчевская пришла к выводу, что структурно-архетипический фундамент кинематографической мелодрамы включает такой набор фабульных позиций: «уход», «испытание», «претенденты», «посвящение», «неудача в любви», «нехватка любви», «возвращение» [4].

Поскольку в основе сторителлинга лежит история, рассказанная по базовым законам драматургии (завязка – конфликт - развитие - кульминация – развязка), для ее анализа можно использовать синтезированный подход, на стыке применения структур и подходов: драматургического, филологического (нарративного), сторитейлингового, психолого-динамического. Приведем важнейшие элементы сторителлинга: «крючок» (эксклюзив, уникальность события), образ героя («библия героев»), арка героев (архетипов) – динамические как позитивные так и негативные трансформации, сеттинг (контекст, экспозиция, рамка, фрейм), тема (инфоповод, идея, цель), референс (базовый миф, сюжет) и пр.

Такой подход близок к пониманию журналистского произведения как драматического повествования. Так, медиа история как новость содержит как минимум 5 признаков: наличие главного героя, драматизма событий, активное действие героев, приковывающее внимание, новизны и привязки к существующей повестке дня. Несколько расширил этот «драматургический» подход к журналисткой истории Б. Мендель, взяв за основу тезис о том, что «влияние это процесс и результат изменения индивидом поведения другого человека (его установок, намерений, представлений и пр.) в ходе взаимодействия с ним» [4]. Журналистский текст, созданный в стиле сторитейлинга

должен оказать максимальное воздействие на аудиторию, взаимодействуя с ним виртуально или на открытой цифровой площадке. Именно такие истории набирают сегодня большее число просмотров и комментариев.

В политической истории современной России немало историй, сочиненных и презентуемых по всем правилам сторителлинга. В каждом регионе страны найдется с десяток подобных «сказаний». Так в республике Татарстан, одной из популярных историй считается рассказ о том, как руководитель автономной республики Ф.А. Табеев «выиграл в шахматы» у Л.И. Брежнева строительство КамАЗа [6]. Подобных историй, поднявшихся и удержавшихся надолго в инфопотоке, немало. В Татарстане это миф о мудрой и прекрасной Сююмбике, очаровавшей Ивана Грозного, история суверенитета Татарстана, венчаемая фразой Ельцина: «Берите столько, сколько сможете унести», легенда о инновационной удачливости региона с якорной фразой Шаймиева: «Без булдырабыз», тема о толерантности Казанского межконфессионального диалога, где мечети попадают в объектив на фоне золотых куполов монастырей. Все истории имеют описанные характеристики, с планируемой сторителлинговой эмоцией, мотивирующим контентом, аркой героя на фоне контекста, экспозиции. Такие же истории управляют миром большой политики и имеют сегодня колоссальное влияние на массовые аудитории, на сознание и подсознание «цифрового реципиента».

Сегодня сторителлинг может быть кросс-медийным, мультимедийный и трансмедиыным проектом. В рекламе и политтехнологиях чаще используется кросс-медийный сторитейлинг, когда одна история транслируется на нескольких площадках. Медиаплатформы настолько разнообразны и взаимосвязаны, что не понятно, где кончается одна и начинается другая. Появление технологий виртуальной реальности выводит журналистику на уровень максимальной включенности, зритель становится участником событий. Так, трансмедийный сторителлинг используется при создании многоходовых информационных проектов, например, «дело Скрипаля», когда резонанс на одной площадке становится поводом драматического поворота истории в иных СМИ: аудитория оказывает влияние на ход истории и сама становятся частью истории. Зритель входит в проект уже как модератор, как участник, начинает жить в новой реальности, обретая новое окружение, новые впечатления и

эмоции, новые образы и поведенческие паттерны. Новые технологии, такие как мультимедийный, кросс-медийный и трансмедийный сторителлинг будут все активнее использоваться в сфере массовых коммуникаций, следовательно, должны стать новым объектом предметного исследования в медиапсихологии, политологии, журналистики. Для эффективного управления современным обществом необходимо понимать, как осуществляется воздействие на когнитивную и эмоциональную сферу субъектов информационного воздействия в цифровой эпохе. Следовательно, исследования в сфере медиапсихологии должны инициироваться на государственном уровне.

Литература

1. ИНСОР. URL: http://www.insor-russia.ru/ru/programs/strategies.
2. https://special.theoryandpractice.ru/storytelling.
3. Кэмпбэлл Д. Тысячеликий герой. – СпБ.: Изд-во «Питер», 2008.
4. Карчевская К.С. Архетипы в кинематографе: культурологический анализ. Автореферат диссертации. – СпБ., 2010 // http://cheloveknauka.com/arhetipy-v-kinematografe-kulturologicheskiy-analiz
5. Мандель Б. Р. Современная психология массовых коммуникаций : история, теория, проблематика : учебное пособие для обучающихся в магистратуре. – М. – Берлин: Директ-Медиа, 2016. – 438 с.
6. http://www.nytimes.com/projects/2012/snow-fall/index.html#/?part=tunnel-creek
7. https://www.business-gazeta.ru/article/76369.

Ахметагич Я.

ПАРАНОИДАЛЬНОЕ ОТКРОВЕНИЕ И ТЯГА К ИСТИНЕ В *НОВОМ ИЕРУСАЛИМЕ* БОРИСЛАВА ПЕКИЧА

Аннотация. В статье обосновывается положение о том, что фантастические мотивы рассказа Бориславa Пекича «Музыканты золотых времен» из сборника «Новый Иерусалим», предназначены для сокрытия противоречивого отношения нарратора, присутствующего на всех уровнях рассказа, к проблеме противоборства с истиной о самом себе. Автор интерпретирует посредством универсальной фантастики проблему истины в искусстве и жизни, точнее, проблему диссидентства и нарратора.

Ключевые слова: Борислав Пекич, Новый Иерусалим, «Музыканты золотого века», откровение, признание, паранойя, идеология, нечистая совесть.

Ahmetagić J.

PARANOID REVELATION AND THE WILL TO TRUTH IN *NEW JERUSALEM* BY BORISLAV PEKIC

Abstract. The article substantiates the thesis that the fantasy motives of the story «Musicians of Golden times» by Borislav Pekich from the collection «New Jerusalem» are intended to hide the narrator's contradictory attitude who is present at all levels of the story to the problem of confrontation with the truth about himself. The author interprets through universal fantasy the problem of truth in art and life, more precisely, the problem of the dissidence and narrator.

Keywords: Borislav Pekić, New Jerusalem, "The Musicians of the Golden Age", revelation, confession, paranoia, ideology, guilty conscience.

Опус Бориславa Пекича, одного из самых значимых сербских писателей второй половины 20-го века и, возможно, единственного признанного сербского диссидента, пронизывает несовместимость с коммунистической идеологией. Этические вопросы, которые в его трудах играют важную роль (принятые и отвергнутые компромиссы, проблема писательского ангажемента), и перевоплощаются в поэтические (проблема фактической и поэтической истины), часто

основываются на тематизации места и положения личности в центре идеологии, которую он воспринимает как враждебную силу.

В рассказе «Музыканты золотых времен» из сборника *Новый Иерусалим*, в который он транспонировал собственный автобиографический опыт, Борислав Пекич интерпретирует посредством универсальной фантастики проблему истины в искусстве и жизни, точнее, проблему диссидентства и нарратора. В данной статье указывается, что фантастические мотивы этого рассказа предназначены для сокрытия двойственного отношения нарратора, присутствующего на всех уровнях рассказа, к проблеме противоборства с истиной о самом себе. Нарратор, постепенно обнажая свою амбивалентную позицию (повествование как свидетельство и как откровение), создает из процесса повествования поприще драмы, которую описывает: оказывается, что освидетельствование чужого параноидального опыта и является собственно параноидальным признанием, которое проблематизирует не только тягу нарратора к истине, но и осознание причинно-следственных связей в самой фабуле. Параноидальный опыт возникает не только как непосредственная реальность исключительного идеологического общественно-политического устройства, но и как внутренний опыт, который разрешает причастность к проблеме нечистой совести и изобличает психологическое бессилие нарратора, чтобы в поисках истины ей же противостоять.

Особый статус «Музыкантов из золотого века» в «*Новом Иерусалиме»* – хотя сборник не был рассмотрен с этой позиции литературно-теоретическими исследованиями критиков - способствует обнаружению его важного семантического слоя (параноидальный опыт более или менее присутствует во всех рассказах) и связывает с другими произведениями Пекича.

Баранецкий А.Н.

АКСИОМЫ ПСИХОДЕЛИЧЕСКОЙ ПОСТПРАВДЫ

Аннотация. Автор предлагает ряд эстетических терминов, описывающих информационные войны, которые интерпретируются как «психоделические». Высокомерно презрение к доказательствам того, что врага не стоит уничтожать. Лепить из врага образ низкого, некрасивого, независимо от объективного качества - это аксиома.

Ключевые понятия: эстетика, прекрасное, безобразное, оружие психоделической войны.

Baranetsky A.N.

AXIOMS OF THE PSYCHEDELIC POST-TRUTH

Abstract. The author offers a number of aesthetic terms describing information wars, which are interpreted as "psychedelic". The contempt is arrogant for the evidence that the enemy should not be destroyed. To shape from the enemy the image of the disgusting, ugly one, regardless of the objective quality is an axiom.

Keywords: aesthetics, the beautiful, the ugly, weapon of the psychedelic war.

Информационные войны быстро превратились в психоделические. Имиджмейкеры умеют делать чёрный PR. Миллион полуправд «закольцовываются», образуют завесу лжи. «Культура сегодня оказывается во власти тотального рынка…» [1, с. 93] Вполне вероятно, что под «культурой» подразумевается то чем заняты люди, получающие зарплату в минкульте. А если культура – всё, что не есть дикая стихия, то тогда культура это то, что осталось после того, как всё остальное забыто. Итог культивирования. Первичное, изначальное, исходное, то есть то, что впечатляло ЭСТЕТИЧЕСКИ. Часто некритично. Поэтому наиболее актуальной представляется новая роль *эстетства*. Эстетство – это псевдо-эстетическая культура. Эстетское высокомерие инспирировано презрением к врагам. Высокомерному презрению доказательства истины не интересны. Тем само эстетство интересно «жрецам Постправды» международного класса - СМИ. Дети, всё подрастающее поколение атакуются так называемой «постправдой», то есть ложью особого качества. Правда, не все проникаются.

2. Тысячи лет дети воспитывались так, что их любовь к родителям была трепетной и непреложной. Интернет стремительно распространяет ***высокомерное презрение или отвращение*** по отношению к мамам, папам, бабушкам и дедушкам, отвращение и сильное отторжение вызывает то, что они при их жизни ценили и любили – Родину, её честь, родную речь. Все эти святыни цинично высмеиваются. Порочность и низость исторических фигур – это, якобы, есть в отечественной истории. А вот у иноземцев – Величие, Святыни, Красота, Любовь, Верность, Преданность, Благородство, Достоинства и так далее. А у нас тут – всё только Низменное и Безобразное.

3. Теперь попытаемся осмыслить стремление атакованных патриотов сопротивляться. Они традиционно против лжи выставляют правду. Но ведь «доверие в отношениях отсутствует» [3, с. 34] В войне психоделической это – указатель на то, что надо срочно оболгать и опорочить, доказательства изучать не будет, ни враг, ни обманываемое юное поколение. ***Аксиомы психоделической постправды*** формулируются со специфической эффективностью: 1. Если кто-то утверждает что-то возвышенное и прекрасное по-поводу отечественной истории и реалий – это, якобы, ***ложно и внимания не достойно («Вы всё врёте»)***. Аксиома 2. Если кто-то уверен, что всё-таки у нас есть много Прекрасного и Возвышенного – то он «заблуждается», «не знает правды жизни», не знает, сколь «омерзительны» реалии его «несчастной страны» и его «убогого народа». То есть - если прослойка населения нужна врагу (это офицеры, чиновники, программисты в стане врага), то он не сразу начинает лепить всей прослойке населения имидж безобразной, не сразу культивирует высокомерное презрение и отвращение к этому слою населения. Сначала идёт интенсивная вербовка в логике инверсии восхищения и преданности. В опиумных войнах именно чиновники Китая перестали быть патриотами, стали наркоманами. В Ираке именно офицеры охотно продались, это было бы невозможно в таких масштабах при условии этического и эстетического отторжения самого представления о США.

Аксиома 3. Если кто-то упорно отстаивает ценность любви к его Родине – он сам «отвратителен и безобразен», он это делает из «низменных» побуждений и является «моральным уродом». Психоделическая война игнорирует обоснования, она насквозь беспардонна, любые доказательства истины преподносятся так, чтобы раздражать.

3. Завербованные агенты на высоких должностях не могут выключить пропагандистскую машину патриотов, но они легко обеспечивают тотальный менторский тон патриотической пропаганды и вместо восхищения своей Родиной в итоге мы получаем отвращение к патриотизму. Алармисты пишут о русофобии, но ***высокомерное презрение и отвращение – не русофобия***. Когда мы воюем с русофобией, то бьём мимо и показываем врагу слабости.

4. Неуклонно растёт число лиц, которые постоянно погружены в переживание якобы «безобразного», «постыдного и низменного» характера всех отечественных святынь и ценностей, рост количества таких людей столь стабильный, что невооружённым взглядом заметен искусственный характер ***распространения эстетского высокомерия***. Эти лица надолго пропитались безоговорочным признанием омерзительного характера главных святынь и ценностей своего государства, Отечественной культуры и истории.

Ещё опаснее то, что попытки изучить процессы распространения высокомерного омерзения к своему собственному народу юридически грамотно пресекаются и этот процесс продолжается без публичного контроля.

Если болеет родная мама, то её высокомерно презирать – признак запредельной низости, но вот высокомерное презрение к Родине из-за социальных болезней – якобы под охраной всего списка конституционных свобод… кто так трактует конституцию и почему ему это позволено?

По словам Х. Плавиуса у гуманитариев есть «… обязанность – дать диагноз современному состоянию мира» [4, с. 221].

Вообще-то эти процессы должны быть в центре внимания и первым номером всех повесток в вопросах государственной безопасности, общественных тревог. Но этого нет.

5. Классики и профессионалы в области эстетики в большинстве стран мира опираются на исследования 12-томника Алексея Лосева, на «Эстетику словесного творчества» М.М.Бахтина, на семиотику культуры Ю. Лотмана. Эстетика как наука в нашем отечестве была поднята на такую высоту, которую почти нигде не достигала эстетическая мысль в соседних цивилизациях в XX веке. Поэтому основным оружием в психоделической войне может стать именно отечественная гуманитарная культура вне профанации, вне популяризации, но профессиональная и постоянно актуализируемая.

Очень высокая художественная и гуманитарная культура нашего отечества из-за высоты своей практически недоступна

профанам, поэтому знатокам этой культуры враждебные резиденты всячески пресекают карьеру. Подавляющее большинство руководителей, которых назначали на высокие должности по советам заграничных экспертов в 90-е годы – это люди, в массе своей не ведающие ни наследия советской психологии, ни советской педагогики. Словно психологическая и педагогическая культура лидерам нации ни к чему. Естественно, что русскую философию и историю эстетики, искусствоведение и литературоведение они тем более не знают.

Наши начальники чаще всего не назначались Западом и они видят, что выполнять тысячи диких нормативов – грешно и стыдно, но ведь не выполнять – преступно. Поэтому тяжело на душе и у взрослых, и у детей. Практика повседневной работы чаще безобразна, чем прекрасна, вот и завидуют прадедам, которые восстанавливали страну после победы в Великой Отечественной, сами себе составляли Законы, сами уточняли их понимание на общих собраниях. У профанов отбирали дипломы о «высокой образованности». Но нам и сегодня ничего не мешает лишать юридической силы дипломы преступников: о какой высокой образованности личности можно говорить, если эта личность совершает доказанные преступления.

6. Более сложная проблема – экспертиза воспитательного эффекта работы СМИ. Общество ещё не готово признать, что итог воспитания – ценностное отношение, что низвержение отечественных ценностей и презрение к святыням – во все эпохи у всех народов считались самыми страшными преступлениями. Сегодня у нас СИМВОЛЫ святынь запрещено осквернить. Но сами святыни – не запрещено: якобы трудно доказать. Прославлено своим пафосом «вольтеровское «Раздавите Гадину» [2, с. 82]. И широко известно, что «гадиной» названа была «святая» католическая церковь. Но ведь в этих ситуациях достаточно уважения к мнению большинства. Если большинство оскорблено акцией, стилем, эпатажем, просто пошлостью в общественном пространстве, то творцов этой скверны можно и нужно проверять на соответствие занимаемым должностям. Если деятели искусства распространяют пошлые вкусы и релятивизм, то это – тоже делает нас БЕЗЗАЩИТНЫМИ в информационной психоделической войне. Есть достаточно много технологий, особенно в рамках работы имиджмейкеров, которые позволяют сделать привлекательным субъекта №1 и наоборот – создать отталкивающий образ субъекту

№2. Для информационной (т.е. психоделической) войны эти технологии оказались настоящей «находкой».

7. Каркас усилий, структура разрушающих импульсов информационной (психоделической) войны базируется на невежестве. Поэтому можно выделить контрастные представления просвещённых и непросвещённых людей. На основе этого контраста можно начинать структурный анализ этико-эстетического просвещения. Но при этом важно знать, что критерием просвещённости является не осведомлённость на эту тему, а смена (облагораживание) жизненной позиции, совершенно проникновенное понимание высокой идеи, безусловно регулирующий характер этических категорий, которые, в свою очередь, полностью детерминируют любые эстетические потребности. Без названного «просвещённость» - комплимент.

<table>
<tr><th>Просвещенные люди</th><th>Тема</th><th>Непросвещенные люди</th></tr>
<tr><td>Понимают, что это только внешнее впечатление</td><td>О безобразном</td><td>Перепутывают безобразное с безвкусицей по личному вкусу</td></tr>
<tr><td colspan="3">Невежество в понимании безобразного оборачивается эффективной манипуляцией теми массами людей, которые не утруждали себя изысками верного, гармоничного, истинного.</td></tr>
<tr><td>Регулярно отслеживают и вычищают из своей души</td><td>О низменном</td><td>Редко наблюдают внутри своей души</td></tr>
<tr><td colspan="3">Особенно опасна коллективная самовлюблённость: если британские лорды тайно возомнят себе, что у них возродилось монопольное право на геноцид, то переубедить их будет невозможно</td></tr>
<tr><td>Ненавидят только саму безликую ненависть, но не её носителя</td><td>О ненависти</td><td>Ненавидят того, кого считают источником зла – «злодея», плохих людей.</td></tr>
<tr><td colspan="3">Научиться ненавидеть только саму ненависть – очень сложно. Велик соблазн искать в каждом человеке доброту и вообще обойтись без ненависти. Но ненависть от этого только выигрывает.</td></tr>
</table>

Ощущают любовь к Родине в связи всех привязанностей: семья, род, народ, человечество.	О патриотизме, о любви к роду, к семье, к матери.	Преданы, тому во что влюблены, поэтому готовы к предательству если влюблённость исчезла.
Любовь к матери (культ матери, - его важность подчёркивал Сухомлинский), любовь к родине как зрелое чувство - преодолеет без предательства и болезни матери и болезни Родины,		
Знают, что без этого качества вся судьба человека обречена на господство низменного	Благородство	Приводят примеры, но к себе примеряют очень редко, жаждут для себя, но сами не явят.
Благородство это такое цельное качество нравственной культуры, благодаря которому шаг за шагом становятся невозможны рецидивы неблагородного отношения, подлость, ложь и .т.д.		

Что же могут сделать просветители: 1) Форсировано распространять ненависть к ненависти и отвращения к высокомерному отвращению; 2) Создавать методики диагностики всех типов ненависти, лицемерия, высокомерия, низкопробных и пошлых претензий на «творческое» самовыражение. Конечно, не законно запрещать людям искать себя, но они не вправе делать это за казённый счёт; 3) Привлечь все силы философского сообщества и опыт теоретической эстетики для создания новой «критики способности эстетического суждения». Подобно тому, как в 1700-е годы обсуждались выставки в салонах, так и в эпоху Интернета вполне разумно начать КВАЛИФИЦИРОВАННО обсуждать любые претензии выставить себя на всеобщее обозрение со своими суждениями; 4) Синтез классики – инструмент формирования нового высокого вкуса и распространения новейшего элитарного искусства. Его элитарность будет соответствовать классическому понятию об «элитности» как «лучшем из лучшего», а не как «самое непонятное из непонятного» или «самое нелепое из нелепого». Речь идёт не много ни мало – о «…духовных силах (благородном сознании и низменном сознании)…» [2, с.78]. То есть, речь о том, чтобы не путать праведное с грешным, существенное с несущественным, подлость и благородство.

Литература

1.Булавка – Бузгалина Л.А. Культура как потенциал модернизации // Философские науки. 2017. № 11. С. 90-95.

2.Жирар Э. От высказывания к этике (Лиотар читает Левинаса) / пер. с франц. Е.Г. Рудневой // Философские науки. 2017. № 11. С. 71-89.

3.Козубенко И.И. История взаимоотношений России, ЕС и НАТО в сфере европейской безопасности. В сб: Наука и образование: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей научно-практической конференции «Меньковские чтения» (5-7 декабря 2018 года, Севастополь), - Уфа: Аэтерна, 2019. – 303 с.

4.Хайнц Плавиус. К понятию «мировое состояние» у Гегеля // Эстетика Гегеля и современность. Сб.статей. – М.: Изобр.искусство, 1984. – 272 с.

Баранов А.В.

ЭТНИЧЕСКАЯ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЁЖИ КРЫМА КАК РЕСУРС ДОВЕРИЯ В ПОЛИЭТНИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье выявлены тенденции развития этнической и конфессиональной идентичности молодёжи Крыма на основе анкетных опросов 2017–2018 гг. Доказано, что идентичности молодых крымчан имеют сложносоставной характер. Этничность и конфессиональность молодёжи являются ресурсом укрепления доверия и единства российской нации в полиэтничном обществе, но и содержат в себе конфликтогенный потенциал.

Ключевые слова: молодёжь, Крым, этническая и конфессиональная идентичности, полиэтничное общество, доверие.

Baranov A.V.

ETHNIC AND CONFESSIONAL IDENTITY OF YOUNG CRIMEANS AS A RESOURCE OF TRUST IN THE POLYETHNIC SOCIETY

Abstract. The article reveals the development trends of the ethnic and confessional identity of the youth of Crimea on the basis of 2017–

2018 questionnaire polls. It is proved that the identities of young Crimeans have a compound character. The ethnicity and confessional identity of young Crimeans are a resource for strengthening the confidence and unity of the Russian nation in the multiethnic society, but at the same time they contain the potential for a conflict.

Keywords: youth, Crimea, ethnic and confessional identity, polyethnic society, trust.

В условиях воссоединения Крыма с Россией важно обеспечить социокультурную интеграцию полиэтничного региона в российское общество, межэтнический мир и доверие. Особенно важна политика идентичности в отношении крымской молодёжи. Цель статьи – установить соотношение тенденций межэтнического доверия и конфликта в развитии этнической и конфессиональной идентичностей молодёжи Крымского полуострова.

Состояние и тенденции развития идентичностей можно определить по итогам пилотажного опроса в Республике Крым и г. Севастополе (октябрь – декабрь 2017 г.), анкетного опроса (сентябрь 2018 г.), проведённых по программе проекта РФФИ под руководством д-ра полит. наук, проф. И.В. Юрченко с участием д-ра полит. наук, д-ра ист. наук, проф. А.В. Баранова и канд. социол. наук, доц. М.В. Донцовой. В Республике Крым опрос проведён под руководством д-ра социол. наук, проф. В.А. Чигрина, а в г. Севастополе – канд. филос. наук, доц. Л.Н. Гарас.

Теоретическая основа работы – социальный конструктивизм. Этнические и конфессиональные признаки интерпретируются как субъективно воспринимаемые отражения индивидуального и группового самосознания; этнические границы и маркеры понимаются как подвижные, конструируемые субъектами политики. Выборка анкетного опроса составила 410 чел.: в Республике Крым (n=300) и г. Севастополе (n=110). В опросе приняла участие молодёжь от 16 до 35 лет: студенты (57% выборки), имеющие постоянную занятость (23%), старшеклассники средних образовательных учреждений (20%). Этнический состав респондентов (по самооценке) – 62,7% русских, 14,2% крымских татар, 11,2% украинцев, по 0,75% – армян, болгар и евреев. Доля не назвавших этничность опрошенных высока (9,7%), что объясняется распространением гибридных неустойчивых идентичностей (самооценка «крымчанин») [1, с. 42]. Религиозная самоидентификация опрошенных: 61,9% – христиане различных конфессий (28,4% – православные и 32,1% – «просто христиане»,

0,4% – католики), 12,7% – мусульмане, 6% – атеисты и 18,7% не указали конфессию [2, с. 33]. Территориальный охват: 1) города (Симферополь, Белогорск, Евпатория, Керчь, Джанкой, Судак); 2) сельские пункты (с. Пахаревка, Глазовка, Заветное, Ковыльное, Пионерское). Выбранные поселения репрезентативны для местных сообществ Крыма.

Восприятие межэтнических и межконфессиональных отношений производно от ориентаций самосознания, от того, единым или фрагментированным респонденты считают региональное сообщество, какие виды идентичностей для них субъективно значимы. Вопрос задавался так: «Кем Вы себя ощущаете в наибольшей степени? (выберите один ответ, который лучше всего характеризует Ваше самоощущение, при необходимости конкретизируйте Ваш ответ)». На первом месте региональная самооценка себя как крымчан – 26,9% ответов; на втором – глобальная (20,1%), на третьем – российская гражданская (17,9%), на четвертом – этническая (14,2%), на пятом – конфессиональная (6,7%), на шестом – локальная (5,2%) и на последнем – макрорегиональная южнороссийская идентичность (4,5% ответов) [1, с. 43–45].

Важным показателем состояния межэтнических и межконфессиональных отношений выступает взаимная приемлемость. Она выявляет степень доверия между группами. Индикатором приемлемости выбрана шкала социальной дистанции Э. Богардуса. Уровень межэтнической дистанции составил: в отношении русских 2,08 балла; украинцев – 2,30; крымских татар – 3,53; армян – 4,23. Дистанции повышалась в подвыборке молодёжи приграничного и экономически бедственного г. Джанкоя, где повышен удельный вес крымских татар. Высокая дистанция в отношении армян, вероятно, вызвана их малочисленностью и занимаемой социально-профессиональной нишей. Уровень межконфессиональных дистанций составил в отношении христиан всех конфессий 2,64 балла, а мусульман – 3,70. Восприятие христианских конфессий в Крыму положительнее, чем на Кубани, а ислама – умеренно отрицательнее, взаимное дистанцирование двух идентификационных групп выражено более отчетливо [1, с. 46–47].

Частота встречаемости установки абсолютной близости («Готов принять как члена моей семьи») по убывающей составила: 56,9% в отношении русских, 46,2% – украинцев, 26,2% – крымских татар, 16,9% – армян. В отношении христиан установка абсолютной близости на уровне 34,6%, а мусульман – 24,6%. Итак, выявлен

достаточно значительный потенциал межэтнической и межконфессиональной терпимости молодежи Крыма.

Частота встречаемости установки абсолютной неприемлемости («Я не хотел бы видеть их в моей стране» составила в отношении крымских украинцев 0,8%, русских – 1,5%, армян – 6,2%, крымских татар – 7,7%. В отношении основных конфессий установка абсолютной неприемлемости составила 3,8% для христиан и 8,5% для мусульман [1, с. 48–49]. То есть, подтвердилась зафиксированная в предшествующих опросах ВЦИОМ и Фонда «Общественное мнение» (2015–2016 гг.) [3; 4] и нашем пилотажном опросе 2017 г. [5] асимметрия межэтнических и межконфессиональных дистанций, когда русские и украинцы в Крыму близки, а крымские татары воспринимаются как «иная» этническая и конфессиональная общность, чем большинство крымчан.

Для Крыма специфична повышенная роль конфессий как маркера групповой идентичности молодёжи. Мы не имеем сведений о соотношении влияния православной, протестантских и католической идентичностей внутри подвыборки молодых крымчан, определившей себя как христиан. Можно предположить, что в Крыму влияние протестантских конфессий повышено.

Восприятие проблемы миграции молодёжью Крыма относительно позитивное. Считает, что проблема трудовой конкуренции между старожилами и новосёлами существует, 19,4% опрошенных молодых работников, а считают эту проблему надуманной 40,3%. Полагают, что миграция полезна для экономического развития региона, 18,7%, что она вредна – 13,4%. Большинство молодых крымчан не ориентируется в вопросе, видимо, из-за относительно слабого развития издержек миграции. Но и пилотажный, и массовый опрос отчётливо подтвердили более негативную оценку миграции крымскими татарами и украинцами. Считают, что надо ограничить миграцию в Крым, 48,5% респондентов в республике. За привлечение мигрантов на полуостров выступают 44,0% опрошенных молодых крымчан [1, с. 49–50].

Общая оценка межэтнических отношений опрошенными молодыми крымчанами умеренно позитивна. Считают, что реальными препятствиями для достижения личных целей может стать их этничность либо конфессия, только 6% респондентов. Но указали на личный опыт оскорблений/конфликтов на почве национальной, религиозной нетерпимости 22,4% всех опрошенных

(в том числе 52,6% опрошенных крымских татар). Считают, что они пережили случаи дискриминации по половому, возрастному, религиозному, национальному признаку 7,5% всех опрошенных (9% крымских татар); бытовые конфликты с представителями других народов – 10,4% всех опрошенных (столько же – крымских татар). Указали на то, что им пришлось вынужденно покинуть свой дом, 5,2% всех респондентов (10,5% из числа опрошенных крымских татар) [1, с. 49–50]. При ограниченности итогов опроса они подтверждают повышенную виктимность общественного мнения крымских татар в сравнении с другими этническими группами Крыма.

Итак, установки крымской молодёжи по преимуществу выражают модель избегания конфликта, добрососедских межэтнических и межконфессиональных отношений. Межэтнические отношения в г. Севастополе более устойчивы и позитивны, чем в Республике Крым. Наблюдается латентная конфликтность, связанная с восприятием статуса этнических групп, их поведения, возможных намерений повысить свой статус. Риски негативного восприятия межэтнических отношений проявились в наибольшей мере среди опрошенных крымских татар. Этнические дистанции в Крыму носят выраженный асимметричный характер. Ареал повышенной конфликтогенности установлен в Джанкойском районе и г. Симферополе с пригородами.

Литература

1. Баранов А.В., Донцова М.В., Чигрин В.А. Ориентации и установки восприятия межэтнических и межконфессиональных отношений работающей молодежью Кубани и Крыма // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2018. Т. 10, № 5. Часть 2. С. 41–51.

2. Проект «Открытое мнение – Крым–2016». Краткий аналитический отчет по итогам исследования. М., 2016. С. 33.

3. Крым и Севастополь: о жизни после воссоединения с Россией // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3155. 18.07.2016. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115782 (дата обращения: 12.12.2018).

4. Мукомель В.И., Хайкин С.Р. Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 51–68.

5. Баранов А.В., Донцова М.В., Чигрин В.А. Межэтнические отношения в Краснодарском крае и Республике Крым в зеркале общественного мнения молодёжи: сравнительный анализ // Общество: социология, психология, педагогика. Краснодар, 2017. № 11. С. 10–14.

Баранов Н.А.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ МЯГКОЙ СИЛЫ В КОНТЕКСТЕ ПОСТПРАВДЫ

Аннотация. Информатизация общества, выступающая в качестве ресурса мягкой силы, способствует появлению технологий, изменяющих восприятие реальной действительности. К таким технологиям относится постправда, которая применяется для обозначения неактуальности какой-либо концепции, события, принадлежащего настоящему времени. Обращение к эмоциям людей без предоставления реальных фактов или путем их искажения становится распространенной формой политики западных стран, которые искусственно нагнетают напряженность в отношениях с Россией.

Ключевые слова: коммуникация, мягкая сила, политическая постправда, информационное общество.

Baranov N.A.

INFORMATION ASPECTS OF THE SOFT POWER IN THE CONTEXT OF THE POST-TRUTH

Abstract. The informatization of the society acting as a resource of the soft power promotes the emergence of the technologies changing perception of reality. The post-truth which is applied to designation of irrelevance of any concept, event belonging to the present is such a technology. The appeal to people’s emotions without giving real facts or distorting them is becoming a common form of the policy of the western countries which artificially raise tensions in the relations with Russia.

Keywords: communication, soft power, political post-truth, information society.

Все большее значение в арсенале мягкой силы имеют средства и методы воздействия, в основе которых лежит коммуникация. На

уровне государств эти методы объединены в информационную политику: особую сферу жизнедеятельности людей, связанную с распространением информации в интересах государства и гражданского общества. Как пишут О.Ф. и В.М. Русаковы, с точки зрения теории политической коммуникации soft power следует рассматривать как стратегический и технологический инструментарий политического управления национальными, региональными, местными ресурсами, обладающими аттрактивной силой. В контексте международных коммуникаций дискурс мягкой силы выступает интегративным драйвером разнообразных способов и методов ненасильственного воздействия на «партнеров», ведущим к возрастанию конкурентоспособности агентов влияния и упрочению их позиций в целях контроля за различными глобальными пространствами (геополитическими, экономическими, культурными, информационными и др.) [7, с. 64].

Распространителями информации, чаще всего, являются средства массовой информации, обладающие по выражению Р.М. Блакара, «инструментом социальной власти» [2, с. 88-119]. Информационный ресурс, внушающий населению определенную точку зрения, зависит от используемых технологий и инфраструктуры, поиска новых форм и выразительных средств, позволяющих медиасообществу эффективно выполнять свои главные функции — информировать о мировых событиях национальные аудитории и транслировать свои идеалы и ценности на аудитории зарубежные.

Наибольшими возможностями в данном контексте обладают западные СМИ, которые осуществляют информационную экспансию в отношении государств, не разделяющих их ценности. Однако такая экспансия сталкивается с препятствиями в виде национальной консолидации, а зачастую приобретает обратный эффект, когда воспринимается незападным миром как информационная агрессия, дополняя недружественный образ США и стран Западной Европы.

Под влиянием информации могут возникать потребности как конструктивного, так и деструктивного характера. Под деструктивностью понимается изменение в сознании субъекта воздействия культурно-ценностных и поведенческих норм, а также усвоение новых смыслов, противоречащих культурному коду объекта и способствующих девиации его поведения. Рост влияния элементов информационного противоборства способствует появлению новых технологий, изменяющих восприятие реальной действительности. Одним из таких современных феноменов

является постправда, которая по мнению составителей Оксфордского словаря, в 2016 году стала словом года. Этот термин стал применяться в начале XXI века для обозначения неактуальности какой-либо концепции, события, принадлежащего настоящему времени [9]. Политика «постправды» создает ситуацию, в которой истинное положение дел больше не интересует, таким образом, создавая неопределенность и непредсказуемость в социально-политическом контексте. В данном контексте следует согласиться с точкой зрения К.Ф. Завершинского, полагающего, что «в семантическом плане понятия «постправды», «политики постправды» остаются весьма размытыми и чаще используются в рамках идеологического и пропагандистского сегмента современных массмедиа» [6, с. 6].

Проблема восприятия, понимания и интерпретации полученной информации является одной из основных проблем современного общества. Как пишет филолог М.Р. Желтухина, «реальность, осознаваемая нами, представляет собой отличную от презентируемой действительность, запечатленную в нашей памяти в результате ее восприятия по какому-либо информационному каналу, трансформированную в нашем сознании под влиянием социокультурных, психологических, геополитических и других факторов» [3, с. 153].

В результате событий 2016 г. появилось словосочетание «политическая постправда», когда государственные деятели, взывая к эмоциям населения, пренебрегают фактами или искажают их. С постправдой связывают исход президентских выборов в США и референдума в Великобритании о выходе из ЕС, а также информационный дискурс вокруг Украины. Постправда означает, что при формировании общественного мнения объективные факты становятся менее значимыми, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям. Факты играют вспомогательную роль — если они противоречат позиции, эмоциям, мировоззрению человека, то он игнорирует факты. Таким образом, постправда подпитывает существующие убеждения людей, создавая обоснования под собственное приоритетное мнение [1, с. 28-32].

Постправда эмоциональна, поэтому ее атрибутом, который с готовностью воспринимается обществом, становится информация с эмоциями страха, симпатии, гордости или ненависти. Зачастую она основывается на «фейковых новостях» («fake news»), которые становятся популярнее, чем настоящие и которые привносят еще больше неопределенности в политический процесс.

Словосочетание «fake news» объявлено словом 2017 года по версии толкового словаря английского языка Collins English Dictionary. Collins определяет «fake news» как «ложную, зачастую сенсационную информацию, распространяемую под видом новостных сообщений» [8].

Опасность «fake news» заключается в том, что в качестве сенсационных сообщений в информационном пространстве начинают доминировать искаженные новости и вокруг них выстраивается дискуссия, уводящая далеко в сторону от обсуждения реальных проблем. Подключающиеся к такой дискуссии официальные органы узаконивают их, вводя в политический дискурс.

Постправда основана на семантических особенностях восприятия информации, основным звеном которого выступает сообщение. В глобальном информационном пространстве главными политически значимыми элементами являются сообщение о зарубежном событии и сообщение о том, как за рубежом оценивают события в твоей собственной стране.

В современных условиях «ускоренного создания и потребления информационного контента, своеобразного информационного изобилия», отечественные исследователи (Г.В Лукьянова) выделяют новые медиатехнологии конструирования и распространения «постправды»: а) персонализация политики, связанная с изменением освещения политических тем в СМИ и смещением фокуса на личность; б) эмоционализация политики - смещение акцента с рациональных аргументов на эмоциональные составляющие; в) развлекательная политика - трансформации политики в развлекательное шоу; г) гибридные медиакампании - взаимопроникновение медиа, политической и публичной повестки дня [6, с. 69-73].

В условиях информационной перегрузки, характерной для современного общества, которую англо-австралийский политолог Дж. Кин называет «коммуникационным изобилием» [4, с. 8], возрастает важность выбора правильной формы сообщения, так как если оно не привлечет своего адресата своеобразной манерой подачи и другими выразительными средствами, то содержание не сможет выполнить свою функцию. Поэтому форма первична, а содержание вторично. Следует отметить, что развитие мультимедийных технологий и средств передачи изображения подняло глобальные коммуникации на новый уровень, что способствовало появлению технологии постправды.

Постправду можно рассматривать как коммуникативный инструмент реализации мягкой силы, использующий медиавоздействие для убеждения международной общественности в определенной позиции, аргументации своих представлений о сложившейся политической или международной ситуации.

Политика ряда современных государств в полной мере подходит под определение постправды. Искусственное нагнетание напряженности между Россией и западными государствами может быть рассмотрена не иначе, как формирование в общественном дискурсе заведомо ложного представления о российском государстве в целях получения дивидендов от стран, заинтересованных в поддержании регулируемой напряженности через противостояние со страной, претендующей на статус транснациональной великой державы. Международные скандалы, широко обсуждаемые западной политической элитой, а вместе с ней и общественностью имеют одну цель: без доказательств, а лишь с утверждением «высокой доли вероятности» обвинить Россию в преступлениях и заставить оправдываться, выдавая, таким образом, желаемое за действительное.

Таким образом, процесс коммуникации, лежащий в основе мягкой силы, претерпевает изменения, появляются новые тенденции, которые проходят апробацию в условиях информатизации, глобализации и геополитических изменений. Появление форм общественной практики, для которых нет содержательных определений, А.И. Неклесса называет «важным симптомом перемен» [5, с. 166]. Приходится актуальное положение вещей описывать при помощи префиксов «пост», «нео», «анти», «мета», «пара», «квази», «гипер», лишь фиксируя новизну, не углубляясь в суть явлений. В сложившихся условиях перед научным сообществом встают проблемы концептуализации политических изменений в целях понимания и влияния на происходящие перемены как в рамках национальных государств, так и в масштабах мировой политики.

Литература

1. Баранов Н.А. Политические процессы на евразийском пространстве в условиях турбулентности мировой политики // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 1. Ч.1 / Отв. ред. В.И. Герасимов. М.: ИНИОН РАН, 2018. С.28-32.

2. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-методологические исследования языка и его использования // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С.88-119.
3. Желтухина М.Р. Политические манипуляции сознанием адресата в СМИ: воздействие и понимание // Soft Power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ: колл. монография / сост. и ред. Е.Г. Борисова. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. С.153-165.
4. Кин Дж. Демократия и декаданс медиа / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. АК. Смирнова. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. 312 с.
5. Неклесса А.И. Цивилизационные альтернативы постсовременности // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития: научное издание / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. С.165-200.
6. «Политика постправды» и популизм / под ред. О. В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2018. 216 с.
7. Русакова О.Ф., Русаков В.М. "Мягкая сила" как инструмент политической коммуникации и гуманитарной дипломатии // Дискурс-Пи. 2017. Т. 14. № 1. С. 61-72.
8. Fake news is 'very real' word of the year for 2017 // The Guardian. 2 November 2017. // URL: https://www.theguardian.com/books/2017/nov/02/fake-news-is-very-real-word-of-the-year-for-2017 (дата обращения: 10.02.2019).
9. Keyes Ralph. The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life. New York: St. Martin's, 2004. 320 p.

Безменов В.В.

ИДЕОЛОГИЯ ПАНИСЛАМИЗМА КАК АЛЬТЕРНАТИВНАЯ СИЛА ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В данной статье рассматривается такое явление, как идеология панисламизма, которая является не только силой идеологической, но и политической. Проведён подробный анализ столкновения панисламизма как идеологии со стороны исламского мира и политики Европейской глобализации.

Ключевые слова: цивилизация, государство, сообщество, религия, идентичность.

Bezmenov V.V.

IDEOLOGY OF PAN-ISLAMISM AS AN ALTERNATIVE FORCE OF THE EUROPEAN POLICY OF GLOBALIZATION

Abstract. The phenomenon of ideology of pan-Islamism which is not only an ideological force, but also a political one, is considered in this article. The collision of pan-Islamism as an ideology of the Islamic world and the policy of European globalization is analysed.

Keywords: civilization, state, community, religion, identity.

В предлагаемом исследовании осуществлён подробный анализ столкновения двух ведущих идей развития человеческой цивилизации. Это – панисламизм как идеология со стороны исламского мира и политика Европейской глобализации. Подобный выбор сторон был обусловлен многими факторами, но среди них стоит выделить несколько основных: 1) тесные торговые связи ряда Европейских и исламских государств, которые были установлены во время колониальной экспансии в страны северной Африки и Ближнего Востока; 2) большой ввоз эмигрантов из мусульманских колоний на территорию Европы в первой четверти двадцатого века в связи с нехваткой людей для труда на производстве из-за больших потерь в Первой мировой войне. Подобное проводилось и после Второй мировой войны по тем же причинам. Большое количество эмигрантов в первой половине двадцатого века сформировали первые крупные мусульманские общины на территории современной Европы, через которые, как и в двадцатом веке, так и в настоящее время ведётся взаимодействие, охватывающее различные аспекты жизни современного общества, начиная от налаживания торговых связей и заканчивая религиозной поддержкой представителей общины; 3) проникновение Европейских стандартов ведения торговли, строения государства в бывших колониях, что обусловило своеобразную идейную зависимость от бывших стран-патронов; 4) огромный эмиграционный поток, который начался в начале 90-х годов с территорий бывших колоний в страны метрополии. Подобный процесс вызвал реакцию со стороны Евросоюза, которая была направлена на адаптацию эмигрантов и их европеизацию, что в дальнейшем привело к появлению такого явления, которое в политической и научной сфере получило название - «Евроислам». Подобная политика сформировала реакцию мирового мусульманского сообщества в виде идеологии

панисламизма. Рассматривая идеологию панисламизма как общее целое, можно заметить ряд расхождений, которые проявляют себя на территории современного исламского мира. Подобные расхождения обусловлены рядом факторов. Если рассматривать панисламизм на примере мусульманских стран, то можно заметить тенденцию по внедрению западных моделей построения государства, ведения торговли и т.д. Безусловно, западные модели поведения пытаются адаптировать для исламского сообщества и менталитета, но в большинстве своём подобные модернистские идеи не находят особого одобрения среди корпуса фундаменталистов, что впоследствии может привести к реакции в стране.

Таким образом, можно видеть попытку адаптировать западные порядки под исламский образ жизни и мировосприятие, что, в свою очередь, помогает наладить тесные контакты мусульманским странам, которые взяли курс на адаптацию западных ценностей. К подобным странам на сегодняшний момент можно отнести: Египет, Турцию, Ливан, Тунис.

Совершенно иную ситуацию в попытке собрать мусульманский мир по примеру Евросоюза можно увидеть в ряде других стран, к которым можно отнести Саудовскую Аравию, Объединённые арабские эмираты, Хашимитское королевство Иордания.

В данных странах можно наблюдать тенденцию по созданию аналогов систем ведения дел, которые сейчас существуют в западном мире. Подобные страны не стараются привнести на свою территорию идеи с запада и адаптировать их у своей культуре, а наоборот - создать идентичный мусульманский продукт, который бы вписывался в мировую систему. В данных странах более активно звучат идеи по объединению мирового мусульманского сообщества. Подобные заявления обусловлены не только политической составляющей, но и составляющей религиозной. Дело в том, что в данных странах светский лидер государства зачастую является и лидером религиозным. Лидер может распространять права на власть не только в пределах своего государства, но и во всём исламском мире, подкрепляя свою политику родством с Пророком Мухаммадом. Подобные страны являются гораздо более устойчивыми, чем страны, которые взяли курс на адаптацию западных моделей. Подобная устойчивость обуславливается тем, что модернистские идеи не выходят за рамки религиозной традиции и подкрепляются непосредственно властью светской и духовной. Подобный подход по введению новаторских идей будет вызывать наименьшую реакцию со стороны традиционных кругов, что,

конечно же, не будет вредить устойчивости государства. Перечисленные факторы свидетельствуют о расколе панисламизма, но не о его угасании как идеи. Различия непосредственно внутри мусульманских стран не являются предвестником гибели идеологии, а являются борьбой концепций и идей, которые появились на почве идеологии.

Помимо этого, стоит отметить тесные связи стран первого и второго плана. На сегодняшний момент на территории северной Африки, ближнего востока и Аравийского полуострова существует организация под названием «ЛАГ» - лига арабских государств. Данная лига является моделью Евросоюза, только перенесённого на территорию исламского мира. Лига арабских государств имеет множество программ развития и резолюций по внутренним и внешним вопросам.

Проведённое исследование выявило, что в современных условиях наблюдается трансформация мирового исламского сознания, которое происходит под влиянием идей политики Европейской глобализации. Изучение подобной проблематики может помочь выработать ряд механизмов для взаимодействия с мировым исламским сообществом.

Литература

1. Крывелев. И.А. Панисламизм и модернизация ислама // История религии. Т. 2. URL.: https://religion.wikireading.ru/72710

2. Сикоев Р.Р. Панисламизм: Истоки и современность. – М.: Аспект Пресс, 2010. 272 с.

3. Шагавиев Д.А. Исламские течения и группы. Учебное пособие. – Казань, 2015. 336 с.

Беспалова Т.В.

ИСКУССТВО, КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В условиях глобализации любой народ способен к выживанию только при условии сохранения своей культурной идентичности. Уникальность культурных ценностей связана не только с содержанием, но и с неповторимой творческой формой их выражения. Ценности и нормы русской культуры воспроизводятся благодаря духу народа и воле национальной элиты. Необходимость нормативно-правового выражения ценностей русской цивилизации возникла в XXI веке в силу утраты большей части культурного

наследия русского народа и необходимости его сбережения в интересах культурного суверенитета России.

Ключевые слова: культурная идентичность, искусство, государственная культурная политика.

Bespalova T.V.

ART, CULTURE AND POLICY IN MODERN RUSSIA

Abstract. Under the conditions of globalization any people is capable to survive only on condition of maintaining its cultural identity. The uniqueness of cultural values is connected not only with contents, but also with a unique creative form of their expression. The values and standards of the Russian culture are reproduced due to the people's spirit of and the national elite's will. The necessity in standard and legal expression of values of the Russian civilization has appeared in the XXI century owing to the loss of the most part of the Russian people's cultural heritage and necessity of its saving for the benefit of cultural sovereignty of Russia.

Keywords: cultural identity, art, state cultural policy.

Российская модель культурной политики определяется ценностно-смысловыми доминантами, проверенными временем. Тысячелетняя русская культура имеет множество культурных пластов, обновление которых происходило постоянно, но независимо от соотношения традиций-новаций востребованным в контексте эпохального времени всегда остаётся цивилизационный код русской культуры. Стратегия государственной культурной политики Российской Федерации предусматривает государственную поддержку культурных проектов, транслирующих традиционные российские духовно-нравственные ценности российской цивилизации с целью её возрождения и сохранения.

В период трансформации любого общества особую значимость имеет осмысление ключевых событий истории, их выражение в культуре и искусстве. Трагизм и красота русской истории могут быть поняты только в рамках православного мировоззрения. Концептуальное определение целей современной государственной культурной политики должно учитывать преемственность основных российских исторических эпох — царской, советской и постсоветской. Отречение от царя в феврале 1917 года повлекло за собой целый ряд искупительных деяний — революции, гражданская

война, репрессии. Все эти события имеют своё особое художественно-культурное измерение и подвергаются различным интерпретациям в период перемен.

Наша эпоха исключительна: время идейного прославления не просто новых героев, а порой и предателей. В начале XXI века некоторые арт-практики (к примеру, «танцы» «Пусси Райт») стали очевидным выражением моральной деградации и политизации отдельных направлений современного искусства и наглядно продемонстрировали разрушение границ между искусством и не-искусством. Деструкция современного российского художественного пространства с особой силой проявилась в условиях новых геополитических вызовов для России. Позиция части российской художественной элиты противоречит общенациональной картине мира до такой степени, что об искусстве здесь уже нет речи, остаётся только политика — причём политика, наносящая ущерб национальным интересам России. «Как сладостно Отчизну ненавидеть и жадно ждать её уничтоженья» — известный иезуит В. Печерин заметил это ещё в XIX веке.

Сегодня мы оказались в такой политической ситуации, когда национальные интересы должны учитываться в первую очередь. В этом суть русской культуры, её государствообразующая миссия. Художественная элита, не осознающая национальных сверхзадач в судьбоносное для страны историческое и политическое время, неизбежно оказывается, в конце концов, за пределами государственно поощряемого культурного поля — не в силу отсутствия таланта, а по причине его эгоцентрического использования.

Конечно, всё имеет свою оборотную сторону. Псевдохудожественные провокации, например, порой играют прямо противоположную роль — сплочение народа вокруг православных ценностей и святынь.

Выдающийся русский мыслитель К.Н. Леонтьев точно подметил одну из главных функций культуры и искусства — удержание, замедление человеческого падения: «Всё менее и менее сдерживает кого-либо религия, семья, любовь к Отечеству, — и именно потому, что они всё-таки ещё сдерживают, на них всё более обращаются ненависть и проклятия современного человечества. Они падут, — и человек станет абсолютно и впервые “свободен”» [1, с.147].

Религия, семья, любовь к Отечеству — три начала, которые в эпоху снижения всего высокого сдерживают от разрушения православно-русскую цивилизацию.

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

В таком контексте способы общения искусства и власти приобретают особую значимость. Исследователи выделяют различные типы диалога «художники власть» — конструктивный, деструктивный и нейтральный, зависимые от политических установок власти и ценностных ориентиров художника [2]. *Сотрудничество с властью, лояльность к ней или борьба с ней во многом определяют содержание художественного творчества.*

По сути, «язык» власти воздействует на «язык» музыки или живописи, возникает идеологизированная/политизированная культура (например, советская), в которой, тем не менее, значительную роль играли её русские архетипы.

Диалог «художник и власть» обусловлен характером политического времени и может проявлять себя в противоречивых формах — от служения государству до его отрицания. Расхождение обычно происходит между официальной картиной мира и инновационной рефлексией на неё художественной элиты. В частности, специфика диалога «художник-власть» в России неоднократно проявляла себя в разделении «гражданского» и «поэтического», когда одно противопоставлялось другому («сапоги выше Шекспира» или, наоборот, «искусство ради искусства»).

Таким образом, интерпретация диалога художественно-культурной элиты и власти, с одной стороны, выражает бинарность русской культуры, а с другой — может менять/сохранять аксиологические приоритеты культурной системы [2].

В Российской Империи взаимосвязь искусства и политики была направлена на *создание позитивного образа верховной власти, монархического начала вообще.* В советский период она стала элементом социалистической идеологии. В постсоветский период указанная взаимосвязь приобрела скорее отрицательный характер. Новые принципы государственной культурной политики были сформулированы в современной России только в 2012 г.

В настоящее время в процессах реализации государственной культурной политики становятся актуальными темы российской идентичности, патриотизма, исторической и культурной памяти.

Происходит возврат к стратегии управления художественно-культурными процессами. Культура в России всегда в определённой мере выражала форму государственного устройства, влияла на иерархию приоритетных ценностей, способы коммуникации власти и общества. *Какие книги издавать, какую музыку пропагандировать, какие пьесы допускать или запрещать к театральной постановке — государство не может оставаться равнодушным к этим вопросам. Это совместное дело государства и национальной элиты.*

Особое значение сегодня приобретает идея самобытных культурно-исторических типов, разработанная Н.Я. Данилевским в его фундаментальном труде «Россия и Европа». Разнообразие исторической практики, по Данилевскому, сводится к четырём разрядам культурной деятельности: религиозной, культурной, политической и общественно-экономической. Если римский тип развил политическую, еврейский — религиозную, греческий — собственно культурную (искусство), германо-романский — научную и промышленную стороны культурной деятельности, то славяно-русская цивилизация (как культурно-исторический тип) проявляется в *религиозной, политической, культурной и общественно-экономической деятельности одновременно*. В этом и сила России, и её основная проблема.

Принятие в 2014 году Основ государственной культурной политики, в 2015 — Стратегии национальной безопасности РФ, а в 2016 году — Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года обозначило новую веху в развитии культуры в России. Цели государственного участия в художественно-культурном процессе изменились кардинально. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации появился блок «Культура», в котором *«признание первостепенной роли культуры в сохранении и приумножении традиционных российских духовно-нравственных и культурных ценностей, обеспечение культурного суверенитета*» выступает одним из факторов укрепления национальной безопасности России. Понятие *«традиционные российские духовно-нравственные и культурные ценности»* стало определяющим ориентиром в реализации государственной культурной политики.

Метафизический смысл русской цивилизации теперь обозначен на нормативно-правовом уровне. Российская модель культурной политики складывалась веками; её специфика обусловлена ключевыми смыслами русской цивилизации:

— уникальность;

— приоритет духовного над материальным;
— социальная справедливость, совесть;
— свобода, ограниченная пределами совести;
— централизованное государственное устройство;
— образы русской власти в культуре;
— межкультурная компетентность (уважительное отношение к другим народам, религиям, культурам, цивилизациям).

Устойчивые культурные практики, значимые культурные архетипы, актуальные технологии воспроизводят исторически сложившийся в России тип культурных отношений, формируют единое цивилизационное пространство. Многие исследователи подчёркивают изначальную *государственную ориентированность русской культуры.* В России самые серьёзные изменения в культурной сфере, как правило, начинались *по инициативе государства*. Современный период развития культуры в нашей стране требует последовательных государственных инициатив, с целью создания единого культурного пространства, в том числе разграничения сфер классического искусства, современного искусства и частных арт-практик.

Подлинное произведение искусства обладает онтологической значимостью (эстетической «вечностью») и создаётся на архетипическом языке, понятном любому человеку. Элитарность, избирательность — это скорее характеристика акта творчества, но не восприятия культурного шедевра. Подлинное произведение искусства сохраняет свой смысл, независимо от попыток изменить авторский замысел в период культурных революций.

Пушкин в двух четверостишьях смог обозначить критерий подлинного искусства — его вечность:

Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит.
И свой рисунок беззаконный
Над ней бессмысленно чертит.
Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуей;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.

Проблема сохранения культурного наследия решается на стыке искусства, культуры и идеологии. «Вопрос, что сохранять, субъекты культурной политики не вправе решать ни с классовых, ни с прагматических, ни с эстетических, ни с каких-либо иных преходящих, групповых позиций. Сохранять нужно всё, т. е.

наследие в целом как интеграционный компонент памяти поколений», — пишет Е. В. Кузнецова [3]. В принципе, это верно, однако на практике мы сталкиваемся с избирательным сохранением культурного наследия по различным признакам. Изменение интерпретации исторических событий в различные исторические эпохи влечёт за собой пересмотр культурной значимости памятников. Содержание культурной политики обусловлено политическим режимом, степенью свободы, уровнем пропаганды, определяющим диалог власти и художественно-культурной элиты. Искусственно политизированная культура превращается в массовый продукт, который не выражает духа и коллективного гения народа. Общество, лишённое традиционной культуры, сталкивается с распадом цивилизационной общности.

Несмотря на историческую противоречивость культурных практик, Россия в самых сложных политических условиях всегда сохраняла (или вновь возрождала) свой культурно-цивилизационный код. Сохранение культуры — это сбережение народа.

Иван Александрович Ильин писал, что Западная Европа нас не знает: ей чужд русский язык, чужда русская религиозность, чуждо славяно-русское созерцание мира, природы и человека. Люди Европы движутся волей и рассудком. А русский человек живёт прежде всего сердцем и воображением, и лишь потом волей и умом. У нас иные храмы, иное богослужение, иная доброта, иная храбрость, иной семейный уклад. Всё это необходимо иметь в виду при выработке и реализации современной российской государственной культурной политики. Тогда придёт успех.

Литература

1. Леонтьев К. Византизм и славянство. М., 2007.
2. Есипов В.В. Диалог «художник и власть» как инновационный ресурс культуры. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.dslib.net/teorja-kultury/dialog-hudozhnik-i-vlast-kak-innovacionnyj-resurs-kultury.html Дата обращения 23.09.2016.
3. Кузнецова Е. В. Культурная политика России. [Электронный ресурс]. – URL: http://cheloveknauka.com/kulturnaya-politika-rossii Дата обращения 07.08.2016.

Булетова Н.Е., Степанова Е.В.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭВОЛЮЦИИ ЕГИПЕТСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Аннотация. В данном исследовании авторы представляют результаты структурного анализа экономики Египта с оценкой приоритетов и особенностей государственной структурной экономической политики в условиях наращения цифровых трансформаций в системах государственного управления и ведения бизнеса, а также в жизнедеятельности социума, что в целом направлено на роста качества жизни человека вне зависимости от места жительства и гарантирует безопасность на национальном и местном уровне. А это и есть приоритеты, цели государственного стратегического планирования и управления развитием территорий.

Ключевые слова: эволюция экономической системы, структурный анализ, модель Кларка-Фишера

Buletova N.E., Stepanova E.V.

A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE EVOLUTION OF THE EGYPTIAN AND RUSSIAN ECONOMIC SYSTEMS

Abstract. The paper presents the structural analysis results of the Egyptian economy with assessment of its priorities and key features of the state structural economic policy under the conditions of growing digital transformations in the systems of state administration and business making, and also in the life of the society. The prime concern focuses generally on its population life quality improvement regardless of the place of residence and guarantees security both at national and local levels what corresponds to the priorities and goals of the state strategic planning and territorial development management.

Keywords: economic system evolution, structural analysis, the Clark-Fisher Model.

Глобализация и тренды мировой экономики привели к сильной зависимости национальных экономических систем от положения в мире и необходимости учитывать в своем развитии тренды экономической эволюции в рамках промышленных революций, в том числе Индустрия 4.0. и в развитии цифровых технологий как

условия конкурентоспособности и даже жизнеспособности национальной экономики. Роль государства состоит в новации и поддержке актуальных тенденций автоматизации сельского хозяйства и промышленности, развития сектора услуг и его Цифровизация высокими темпами с учетом трендов мирового НИОКР. В этих условиях повышается актуальность оценки тенденций в эволюции экономических систем, основанных на теории трехсекторальной экономики Кларка-Фишера (основные работы [3], [4]), когда закономерным трендом будет переход от аграрного типа экономики к индустриальному, затем – к сервисному типу и далее – к развитию сектора нематериальных услуг (в первую очередь, за счет цифровых технологий), что является тенденцией уже 21 века и актуально для всех национальных экономических систем. Авторский подход к проведению исследования динамики межотраслевой структуры национальной экономики базируется на следующих условиях и порядке [2]:

1) применяется классификация отраслевой структуры валовой добавленной стоимости (ВДС), традиционная для макростатистики, национальных счетов, и включающая деление ВДС на Agriculture, hunting, forestry, fishing (ISICA-B), Mining, Manufacturing, Utilities (ISICC-E), Construction (ISICF) и сектор услуг, включающий Wholesale, retailtrade, restaurantsandhotels (ISICG-H), Transport, storageandcommunication (ISICI) andOtherActivities (ISICJ-P) (по данным ООН [1]);

- агрегирование представленных в ВДС элементов проводится по следующей схеме:

1) аграрный сектор (DA) включает ISICA-B;

2) промышленный сектор (DI) включает ISICC-E;

3) сервисный сектор (DS) состоит из разделов, которые идут подряд в структуре ВДС: ISICG-H, ISICIandISICJ-P

2) исследование межотраслевой структуры с помощью индексов координации позволяет использовать для описания этих систем две структурные характеристики:

$$t\alpha = DI / DA \quad (1)$$

$$t\beta = DS / DI \quad (2)$$

где tα - степень индустриализации, показывает, сколько на одну денежную единицу ВДС, созданной в сельскохозяйственных отраслях, приходится таковых единиц, созданных в промышленности;

tβ – степень сервизации, показывает, сколько на одну денежную единицу ВДС, созданной в промышленности, приходится таковых единиц, созданных в секторе услуг.

Применяя теорию межсекторальных структурных изменений Кларка-Фишера, эволюцию показателей tα и tβ, проанализируем соответствующие структурные изменения в экономике Египта и России за 1998-2016гг. Выбор Египта объясняется наличием научного и образовательного сотрудничества ВИУ РАНХиГС с египетским университетом Эль-Мансура и актуальностью данного исследования в рамках данного взаимодействия.

На примере России (рис.1) можно видеть большое количество структурных сдвигов, резкие изменения вектора развития на протяжении всего анализируемого периода, что свидетельствует о неустойчивости траектории эволюции и слабой управляемости, неэффективности структурной экономической политики, в результате можно видеть снижение конкурентоспособности и уровня НИОКР; тем не мене, по состоянию на 2016 год значения tαи tβ были следующие: tα= 5,4; tβ=2,45.

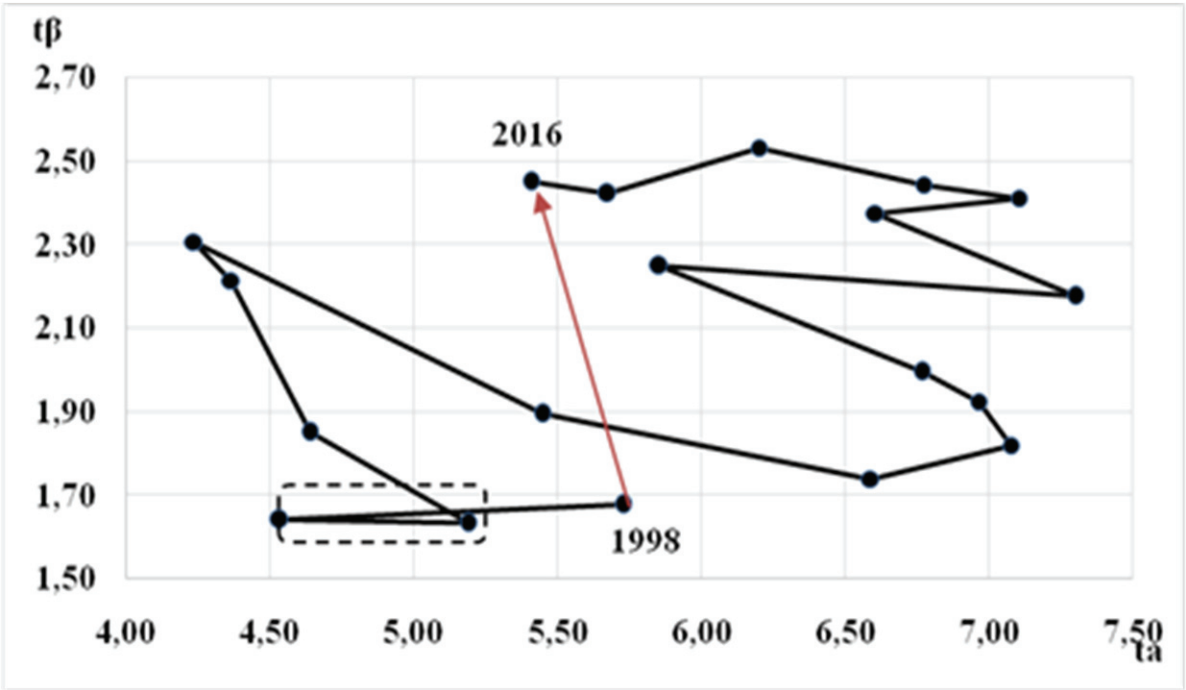


Рис.1 Траектория межсекторальных изменений в экономике России за 1998-2016гг.

По Египту были получены следующие результаты структурных изменений в экономической системе (рис.2):

1) в 1998 году для экономики Египта были получены следующие значения tα и tβ: tα= 1,9, то есть на 1 денежную единицу,

производимую в агарном секторе национальной экономики приходилось почти 2 единицы, производимые в промышленности, что типично для индустриальных стран; tβ=1,85, следовательно, сектор услуг также превосходил индустриальный сектор на 85%;

2) за анализируемый период можно наблюдать следующие «зоны» структурных флуктуаций, которые можно также интерпретировать как переходный период в эволюции системы: после 1999 года и по 2004 год включительно прирост индустриального сектора был приоритетнее и заметнее на фоне сокращений сектора услуг по сравнению с индустриальным сектором; затем в период 2004-2011 гг. можно наблюдать сильные структурные флуктуации, что, можно предположить, и стало экономическим стимулом политической нестабильности в стране; только в период 2014-2016гг. можно наблюдать четкий вектор наращения сектора услуг, что, с одной стороны, несет угрозу промышленности и ее конкурентоспособности на внешнем рынке (на фоне сокращения доли аграрного сектора в ВДС Египта с 14,9% в 1998 году до 11,9% в 2016 году и снижения доли индустриального сектора с 28,3% в 1998 году до 27,5% в 2016 году), с другой стороны, свидетельствует о курсе на повышение качества жизни и наращивание сектора услуг, в том числе государственных, обеспечивающих рост удовлетворенности населения в потреблении доступных и востребованных благ;

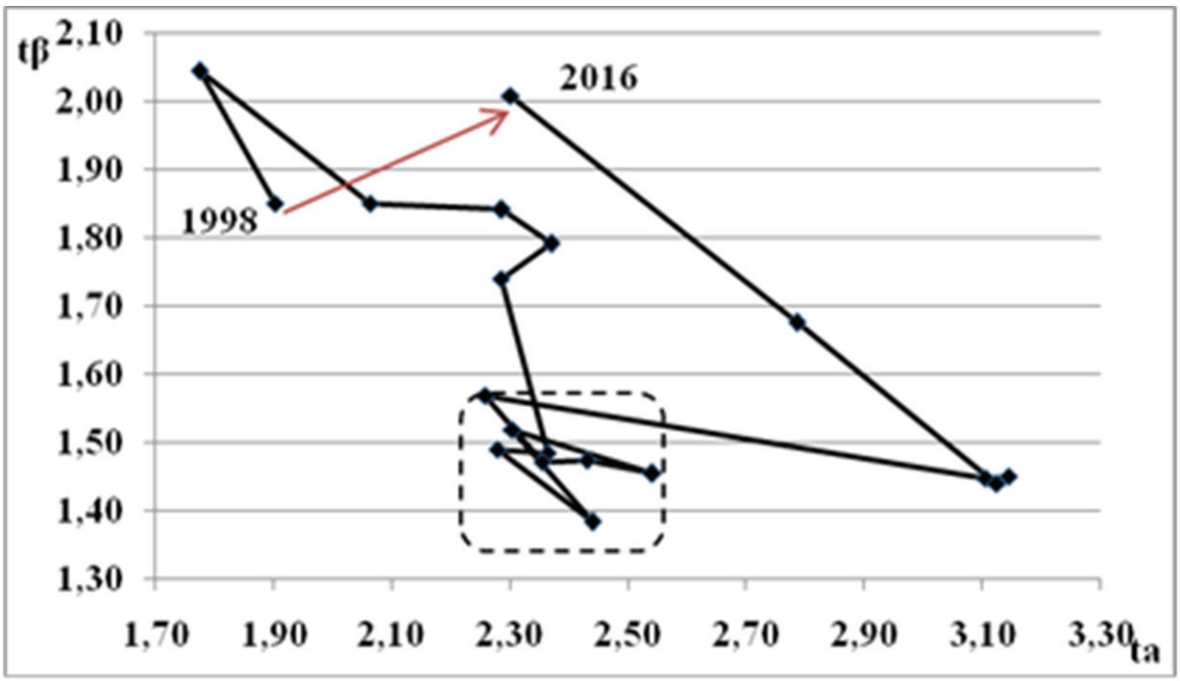


Рис.2 Траектория межсекторальных изменений в экономике Египта за 1998-2016гг.

- оценивая итоговый вектор эволюции национальной экономической системы Египта за 1998-2016гг. (красная стрелка на рис.2), можно видеть в результате гармоничный рост как tα с 1,9 в 1998 году до 2,3 в 2016 году, так и tβ с 1,85 в 1998 году до 2,01 в 2016 году, однако встает вопрос о целесообразности всех флуктуаций с точки зрения затраченных государством ресурсов и полученных результатов в развитии национальной экономики.

Оценивая результаты проведенного структурного анализа египетской национальной экономики и ряда стран, вошедших в выборку для объективного анализа и результатов исследования, можно сделать следующие выводы:

- распределение стран мира по итогам структурного анализа по уровню экономического развития корректно с точки зрения статуса этих стран в мировой экономике, однако проведя сравнение выбранных стран, можно видеть, что все они вписаны в общий тренд эволюции национальных экономических систем; актуальным для 21 века является тренд цифровизации, коррелирующий с наращением сервизации в отраслевой структуре ВДС;

- для повышения управляемости траектории развития и эффективности используемых в системе государственного управления ресурсов необходимо учитывать результаты структурного анализа в содержании и направлениях, мерах государственной структурной экономической политики, на примере Египта можно утверждать, что приоритетом управления экономическим развитием должно стать выравнивание тренда в сторону несокращения (а желательно и роста) достигнутых значений tα при более интенсивной росте tβ, что позволит говорить о приоритете развития сектора услуг при сохранении и поддержании конкурентоспособности производимой продукции на внутреннем и внешнем рынках.

Литература

1. Материалы официального сайта ООН «Gross value added (GVA) by economic activity at current basic prices». URL: http://data.un.org/Data.aspx?d=SNAAMA&f=grID:201;currID:NCU;pcFlag:0#SNAAMA.

2. Buletova N.E., Stepanova E.V. System Diagnostics Methods of Regional Sustainability Assessment // International Scientific

Conference "Far East Con" (ISCFEC 2018)/ Advances in Economics, Business and Management Research. Volume 47. P.461-466.
3. Clark C. The Conditions of Economic Progress. 3rd ed. Macmillan Press. 1957.
4. Fisher A.G.B. The Clash of Progress and Security. London, 1935.

Воликова Т.В.

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Аннотация. Коллективная память — явление «многомерное», обладающее сложной структурой. Коллективная память лежит в основе многих общественных обсуждений текущих и исторических событий. Поэтому в статье нами предприняты попытки с помощью изучения работ зарубежных и российских авторов проанализировать понятие коллективной памяти как социально-политического феномена.

Ключевые слова: память, коллективная память, историческая память, виды памяти.

Volikova T. V.

COLLECTIVE MEMORY AS A SOCIO-POLITICAL PHENOMENON

Abstract. Collective memory is a «multidimensional» phenomenon with a complex structure. Collective memory is at the heart of many public discussions of current and historical events. Therefore, the article attempts to analyze the concept of collective memory as a socio-political phenomenon by studying the works of foreign and Russian authors.

Keywords: memory, collective memory, historical memory, types of memory.

В современном обществе коллективная память приобретает особое значение, так как она связана с коллективными представлениями о прошлом. Коллективная память лежит в основе многих общественных обсуждений текущих и исторических событий. Каждая группа людей создает свою память о собственном

прошлом – память, которая подчеркивает специфические черты этой группы и ее отличия от других. Воспроизводимые в общественном сознании образы прошлого дают группе возможность представить свою историю, свое происхождение и развитие. В связи с этим коллективная память предоставляет людям чувство принадлежности к сообществу и является одним из актуальных вопросов, поскольку история помогает объяснить социальный мир и политическую реальность.

У каждого из нас есть воспоминания, с самого детства мы храним в себе что-то поистине нам дорогое. Это все мы называем памятью, которая помогает нам запоминать разные события, случившиеся в нашей жизни.

Память будь-то для самого человека, нации или государства нечто поистине дорогое и неизменное, поскольку с помощью нее мы можем передавать определенную информацию последующему поколению, а также просто хранить и накапливать сведения об окружающем нас мире. Поэтому под памятью мы понимаем запечатление, сохранение и последующее узнавание и воспроизведение следов прошлого опыта, позволяющее накапливать информацию, не теряя при этом прежних знаний и навыков.

Изучением и анализом данной темы среди российских исследователей занимались Полетаев А.В., Савельева И. М., Репина Л.П. , Беспалова Т.В., Емельянова Т. П. и др. В своих работах каждый из них писал о понятии «память». Что же такое память?

Еще в античности древнегреческие философы интересовались данным понятием. У греков было два слова — *mnēmē* и *anamnēsis* — для обозначения, с одной стороны, воспоминания, рождающегося, в конечном счете, пассивно, так что его появление можно охарактеризовать как чувство — *pathos*; с другой стороны — воспоминания как объекта поиска, обычно называемого вспоминанием, припоминанием [1]. Основными мыслителями античности, которые интересовались понятием «памяти» и ее характерными чертами, являлись Платон и Аристотель. Они оба занимались изучением такого феномена, как память. Аристотель, для того чтобы более точно описать понятие память, и выяснить, каковы ее основные черты, изложил свои мысли в своей работе под названием «О памяти и припоминании», а Платон – в работе «Об ощущении и памяти».

Термин «память» в последние годы двадцатого века начал активно использоваться для обозначения массовых или групповых представлений о прошлом в различных словосочетаниях –

коллективная память, социальная память, политическая память, культурная память, историческая память и т.д.

Интерес к проблемам коллективной памяти основывается на работе Мориса Хальбвакса, французского социолога и идейного последователя Эмиля Дюркгейма, автора концепта «коллективная память».

В 1920 г. он ввел в научный оборот термин коллективная память, который теперь активно используется психологами, социологами, историками и литературными критиками. На сегодняшний день большинство исследований коллективной памяти коснулось таких важных и обширных вопросов как роль коллективной памяти в формировании культурной идентичности, развитии межэтнического конфликта, оправдании политической идеологии. В целом исследования коллективной памяти являются частью более широкого движения по изучению памяти, охватывающего социальные и гуманитарные науки.

По мнению Хальбвакса, каждая группа людей создает свою память о собственном прошлом – память, которая подчеркивает специфические черты этой группы и ее отличия от других. Воспроизводимые в общественном сознании образы прошлого дают группе возможность представить свою историю, свое происхождение и развитие. В результате коллективная память формирует символические культурные практики, которые не обязательно опираются на непосредственный опыт группы, однако именно они обеспечивают «матрицу» для индивидуальных идентичностей [2]. Коллективная память укоренена в мифах, ритуалах, традициях, языках, искусстве, популярной культуре и материальном мире, она находит свое выражение в символических формах переживания совместного опыта о прошлом [3, с. 43]. Коллективная память предоставляет людям чувство принадлежности к сообществу. История помогает объяснить социальный мир и политическую реальность

В своей концепции памяти Хальбвакс полемизирует с А. Бергсоном, учеником которого он являлся. Всё ли прошлое остаётся в нашей памяти? По мысли Бергсона, ответ на этот вопрос должен быть положительным. Прошлое предстаёт в нашем сознании завершённым, как печатные страницы книги, которую в любой момент можно раскрыть. Хальбвакс думает по-другому: в индивидуальной памяти остаются не готовые образы, но в обществе содержатся все факты, чтобы восстановить ту или иную часть нашего прошлого. Взаимосвязь личной, индивидуальной памяти и

той формы коллективной памяти, которую мы называем исторической, имеет свои особенности. Хальбвакс обращается к оппозиции «память – история» и подчёркивает различие между типами прошлого, которое они восстанавливают. Память – за сходство между прошлым и настоящим. История же – за различия. У истории критическая позиция по отношению к прошлому. Она отметает эмоции, с которыми связана и на которые воздействует память. События и образы, восстанавливаемые памятью, зыбки, а исторические свидетельства достоверны. Хальбвакс показывает, как в передаче реальности прошлого ненадёжна память и как объективна история.

Работы Хальбвакса вдохновили целый ряд исследователей эпохи постмодерна, которые опираются на его открытия. Поскольку индивидуальная память ненадёжна, то они могут опираться только на то прошлое, которое осталось. Хотя они не могут свидетельствовать о мыслях, идеях, намерениях людей, но можно написать историю трансформаций образов прошлого, как сделал М. Фуко в своей книге «История безумия» [4]. В контексте «коллективной памяти» М. Хальбвакса французский историк П. Нора издаёт многотомный сборник «Места памяти» [5]. Работа Нора и его соавторов показывает, как память о прошлом и история прошлого Франции оказываются в центре идентификации настоящего. Главный интерес для него представляют не события прошлого, а скорее их репрезентации.

Можно сказать, что труды М. Хальбвакса, посвящённые проблеме коллективной памяти, оказались чрезвычайно востребованными и плодотворными для гуманитарных наук конца XX и начала XXI в. Он поднял проблемы соотношения коллективной и индивидуальной памяти, памяти и истории, памяти и традиции, социально-культурных функций памяти. С идеями Хальбвакса спорят, их дополняют и развивают [6].

Например, концепт «историческая память» имеет разные трактовки, систематизированные Л.П. Репиной: как «коллективная память» о прошлом в случае группового субъекта и как «социальная память», если речь идёт об обществе; как индивидуальная память о прошлом; как совокупность представлений о социальном прошлом на массовом и индивидуальном уровнях в единстве когнитивного, образного и эмоционального аспектов (содержание исторической памяти); как минимальный набор основных образов событий и личностей прошлого в устной, визуальной и текстуальной форме, которые присутствуют в активной памяти [7].

Концептуализация исторической памяти и политики памяти, представленная И.В. Савельевой и А.В. Полетаевым, также заслуживает внимания. Историческая память является главным символом политизации истории как идеологическое клише, поскольку, по сути, речь идёт о социальных представлениях о прошлом. Идеологический характер понятия «историческая память» подтверждается его неразрывной во многих случаях связью с понятием «политика памяти». Политика указывает на то, что речь идёт об изучении способов идеологизации прошлого.

Литература

1. Рикёр П. Память, история, забвение / Пер. с франц. - М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004 (Французская философия XX века). – 728 с.
2. Хальбвакс М.Коллективная и историческаяпамять / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – №2−3 (40−41). – С. 8–27.
3. Политическое пространство и социальное время. 1917-2017 : смыслы и ценности прошедшего столетия. Сборник научных трудов XXXII Харакского форума 17 – 21 мая 2017 г., г. Ялта / Под ред. Т.А. Сенюшкиной, А.В. Баранова. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. – 280 с.
4. Фуко М. История безумия в классическую эпоху /М. Фуко. – СПб., 1997. – 568 с.
5. Нора П. Франция – память / П. Нора, М. Озуф [и др.]. – СПб., 1999. – 328 с.
6. Устьянцев В.Б. Человек, жизненное пространство, риски: ценностный и институциональный аспекты / В.Б. Устьянцев. – Саратов, 2006. – 256 с.
7. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). – М., 2003. – 426 с.
8. Савельева И.М. Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 2: Образы прошлого. – СПб., 2006. – 410 с.

Velojić D. Z.

COOPERATION OF THE UNITS OF THE PEOPLE'S LIBERATION ARMY OF YUGOSLAVIA AND THE 3RD UKRAINIAN FRONT OF THE RED ARMY IN NIŠ OPERATION IN OCTOBER 1944

Abstract. This paper presents activities of 13th Corps of Yugoslav People's Liberation Army and units of the 3rd Ukrainian Front of the Red Army in the operations of liberation of Niš in 1944, based on available documents kept in military records as well as published sources and literature. The importance of Niš operation for both Yugoslav and Soviet military units lay in securing the rear of the main operations unit advancing towards Belgrade. Niš, as an important transition junction point, had a role in the retreat of the German Army "E“ Group from Greece. By closing this direction, the Germans were cut off and redirected to alternative routes via Kosovo and Sandžak towards Bosnia. The paper gives special focus on behaviour and activity of Bulgarian forces under command of the 3rd Ukrainian Front.

Keywords: People's Liberation Army of Yugoslavia, Red Army, 3rd Ukrainian Front, Niš operation, Army ‘’E“ Group.

Велойич Д. З.

СОТРУДНИЧЕСТВО ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ АРМИИ ЮГОСЛАВИИ И 3-ГО УКРАИНСКОГО ФРОНТА КРАСНОЙ АРМИИ В ОПЕРАЦИИ В НИШЕ, В ОКТЯБРЕ 1944 ГОДА

Аннотация. В статье, основанной на материалах Военного архива, опубликованных источниках, а также в научной литературе, показана деятельность подразделений 13-го корпуса НОАЮ и частей 3-го Украинского фронта Красной Армии в операциях по освобождению Ниша в 1944 году. Важность операции в Нише для югославских и советских подразделений была отражена в обеспечении фона главной оперативной группы, которая шла к Белграду. Ниш, как важный транспортный узел, имел важное значение во время ухода немецкой армии группы „E“ из Греции. В результате перекрытия данного направления, немцы были отрезаны от отступления и перенаправлены на альтернативные коммуникации через Косово и Санджак в Боснию. Особое внимание в статье уделяется поведению и

действиям болгарских сил под командованием 3-го Украинского фронта.

Ключевые слова: Национальная освободительная армия Югославии, Красная Армия, 3-й Украинский фронт, операция Ниш, армия группы „E“.

The possibility of collaboration of the Yugoslav Partisans and the Red Army opened in autumn of 1944, since both these armies were successful in fighting German units. After completing Jassy-Kishinev offensive, the Soviet forces, i.e. 2nd and 3rd Ukrainian Front paved the way for the breakthrough into the Balkan Peninsula [1]. The Red Army entered the territory of Romania and Bulgaria, which had broken the alliance with the Axis powers and joined the Allied forces. A pro-communist government of *Otechestven Front* (Fatherland Front) was formed in Bulgaria, with the Army under command of the Soviet 3rd Ukrainian front [2].

The first official contact and meeting regarding Yugoslav-Soviet military collaboration in war, with the exception of providing military missions, was held in September 1944, when Josip Broz Tito visited Moscow in order to make an agreement with Stalin on collaboration. At that time, the Red Army troops were stationed by the Danube River. This meeting, and the following address of the Soviet Military High Command to the High Command of the Yugoslav National Liberation Army about entering Yugoslav territory, meant indirect and informal acknowledgment of communist authorities. An agreement was made for the Soviet forces to enter the territory of Yugoslavia and stay there temporarily, respecting the established authority. It was also agreed that the Red army was to have delivered by the end of 1944 weapons for 12 divisions (around 10.000 men each) and two air force divisions, coming down to 96.515 rifles, 1.329 radio stations, 491 fighter planes. A later agreement was made on delivery of planes with Marshal Tolbukhin, commander of the 3rd Ukrainian Front, stating that equipment of the 10th guard division and 236th air force division be delivered to Yugoslav National Liberation Army. Also, Yugoslav pilots were submitted to training with General Vitruk's air force group [3].

On entering the territory of Yugoslavia, the Red Army troops, together with partisan units, were supposed to cut off the route of German army "E" group, retreating from Greece, by acting on the main route towards Belgrade, as well as secondary route towards the Morava valley and Niš. Marshal Tolbukhin's troops of the 3rd Ukrainian Front found the collaboration with Yugoslav Partisan divisions useful, to secure their south side and particularly, enable communication in the rear. The partisan movement, on the other hand, besides personal bravery and fighting

experience of soldiers, needed tanks, artillery and aviation for more serious action against the enemy and final liberation of the country. The aim of the Soviet forces was primarily to cut off Germans from eastern Serbia so as to come into the Morava valley and join the units of 1st army group advancing towards Belgrade [4]. The main front group was the 57th Army, fighting on the territory starting at the Danube River as far as Knjaževac, with the aim to move its forces along the route Zaječar-Žagubica-Smederevska Palanka-Belgrade.

Returning from Moscow, Tito had talks with the representatives of Bulgarian Fatherland Front government in Craiova. At the request of Bulgarians and insistence of the Soviet command, Bulgarian forces were permitted to take the side of the allied forces on the territory of Serbia and Macedonia. Although engagement of Bulgarian forces was not necessary, which was acknowledged by Tito himself, the consent to participation in final operations against Germans was given in the aim of rehabilitation and redemption of Bulgaria [2]. After that, the Soviet High Command included Bulgarian army into units of the 3rd Ukrainian Front [3].

Communication cut-off in the valley of Great Morava River was important, above all, for obstruction of German Army "E" group in its retreat towards the north and the west, which was the easiest route. Besides, these actions, together with liberation of Niš, provided rear for the main partisan operation group and Soviet forces advancing towards Belgrade.

Niš, as an important transition junction, was of extreme importance for both sides at war. Both the railway and the road from Skopje and Sofija passed through Niš, branching towards Belgrade and towards the Danube river following the course of the Timok river. Secondary communication lines led over Prokuplje in the direction of Kosovo, which was also considered an alternative retreat route, along the Ibar Valley.German troops were therefore forced to hold these communication lines in order to retreat around 350.000 soldiers from Greece as easily as possible, who could be used in fights against the Red Army. The fact that Bulgaria took the side of the allies made German position difficult, since part of the forces stationed in Serbia had to be used at the eastern border in order to hinder the union of Soviets and Yugoslav partisans. Elite divisions in Yugoslavia were used in these operations, such as the 7th SS, the 1st Mountain division, the 117th Jäger division as well as units of Brandenburg division [5].

Forces of Yugoslav partisans in Serbia grew in the summer and autumn of 1944. In East and South Serbia a free territory was formed, where the 13th (area of Pirot, Leskovac, Vranje and Vlasotince comprising the 22nd, the 24th, the 46th and the 47th divisions) and the 14th corps (Kladovo, Negotin, Zaječar, Knjaževac and Svrljig area, comprising the

23rd, the 25th and the 45th divisions) operated, as well as ten partisan detachments, under command of the main headquarters in Serbia. Besides, the 2nd Proletarian brigade was engaged as an independent fighting group, with the task to control communication lines with base on Jastrebac Mountain, as well as to control communication in the valleys of West and South Morava rivers and prevent enemy transportation between Stalać and Niš [6]. In addition to these units, the 1st and the 12th corps of the Yugoslav National Liberation Army operated on the territory of Serbia, directly submitted to the Supreme Headquarters, and they advanced towards Belgrade with 8 elite divisions. [5].

The Soviet 57th Army (the 75th, the 68th and the 64th corps) acting in that area, had the task to neutralize enemy resistance in eastern Serbia together with the 14th corps of Yugoslav Partisans, to take over communication and to come onto the valley of Great Morava river, thus creating a firm lodgement area. After that, they were supposed to join the 1st army group of Yugoslav Partisans and advance towards Belgrade. Creating a lodgement area along the Morava river was to hinder retreat of German forces from the south and redirect them into the valley of Ibar River. Also, following the Craiova agreement made by Tito and representatives of the Fatherland front, the Bulgarian 2nd army advanced towards Belgrade from the direction of Pirot [5].

Units of the 3rd Ukrainian Front crossed Yugoslav-Bulgarian border on the 27/28th September. In the next ten days, united with divisions of the 14th Yugoslav partisan corps, they managed to liberate eastern Serbia with key transition junctions in Negotin, Zaječar and Knjaževac , to reach the valley of Great Morava near Velika Plana, and to connect with units of the 2nd Proletarian division after liberation of Aleksinac [7].

In South Serbia, the 13th corps and the 2nd Proletarian division had success fighting German forces which were securing communication on the line Kumanovo-Niš and further towards Stalać. In order to strengthen defence in this sector, the commander of army "E" group organized the breakthrough of the 11th Luftwaffe Field Division, which had arrived to Macedonia from Greece, occupied Preševo and Bujanovac, and invaded Vranje. Besides, the 7th SS Division "Prinz Eugen" was also sent to Niš, where they fortified their outpostsin areas of Vlasotince and Bela Palanka [5]. To eliminate danger of attack by these German groups, on October 3rd, Tito sent the order to the main headquarters to start preparations for liberation of Niš saying :" *In accordance with the High command of the Red Army, draw enough units for attack on Niš. The attack is to take place on October 9-10th"* [8]. The plan for liberation of Niš was agreed on in Craiova, and further elaborated in Pirot, in the 13th corps headquarters, in

the presence of the commanding officer of the 3rd Ukrainian Front and Bulgarian military commander, General Biryuzov. The plan anticipated closing the routes in the area of Vranje and Bujanovac as well as Stalać in the northwest so as to isolate and destroy German forces in Niš, Leskovac and Vranje. This operation had to run in parallel with the liberation of Belgrade [8].

The 13th corps attacked Niš from the south and the west, while the 45th division of 14th corps advanced from the direction of Aleksinac. The constituent units of the 3rd Ukrainian front, namely the 1st Guards Army having the strength of a division, acting from the north and the 2nd Bulgarian Army acting from the direction of Pirot and Bela Palanka, took part in liberation of Niš. From there, following the order of the 3rd Ukrainian Front command, operation developed in three directions: via Svrljig towards Aleksinac, further towards Niš and via Vlasotince towards Leskovac [9]. With this army headquarters, and in the presence of Soviets, they regulated the establishment of government in liberated cities, keeping the order, and protocol of captured enemy equipment. As agreed, Bulgarian units were not allowed to interfere with establishing government and maintaining order, while captured equipment was dealt with consequently, through authorized headquarters, under condition that all warehouses and captured equipment be guarded by the partisans [10].

Important support to ground forces was given from the air by the 189th assault, the 228th fighter and the 244th bomber divisions comprising the Soviet 17th Air Army. The task of the Soviet Air Force was to neutralize enemy weapons during artillery preparation, and to provide support for infantry during attack and fights deep in enemy lines. Having established absolute supremacy in air, Soviet air force endangered communication on the routes leading to Niš, as well as important railway junctions. This supremacy became evident during air battles with German air force, which had at first bombed targets in South Serbia without any obstacle. Therefore, a demand was made by chief of Soviet military mission in Main Headquarters in Serbia to establish a security zone Niš-Leskovac-Priština [11]. Bombing of ground targets was also successful. In one such raid on Niš railway station, 12 German echelons with people and equipment were destroyed [5]. In the other case, in air raid on Belo Polje near Surdulica, the German crew, which secured the factory for processing molybdenum, was destroyed [11].

Niš operation lasted from the 8th to 14th October. Introductory fights startedin Vlasotince and Leskovac, on the way to Niš in order to take the best possible position for attack. As planned, Vlasotince was attacked by the 22nd division of partisans, supported by Bulgarian tank brigade on

October 8th. After two days' fights, Vlasotince was liberated, and the available forces moved forward to Leskovac [9]. As Vlasotince and Leskovac route was the best fortified, the fights were the hardest there, and the advance was slower. Inactivity of Bulgarian forces contributed to this, even though they were warned several times by the command of the 3rd Ukrainian Front and forced to act more energetically. On one occasion, several Bulgarian officers, without being timely informed, were captured together with the head of intelligence service of the 2nd Army on entering Vlasotince prior to liberation. They were imprisoned and Germans made them reveal important data concerning the plan of Niš attack [12]. Nevertheless, the reprimands of the Main Headquarters of Serbia and the 13th corps headquarters referred to Bulgarian indolence, which forced Yugoslav partisans to fall behind. One report stated that one German battalion was sufficient to hold the whole Bulgarian division, while the other accused the commander of the Bulgarian 31st regiment of collaborating openly with Germans [13]. Further breakthrough of the 22nd partisan division from Vlasotince area was slowed down, due to indolence of Bulgarian forces [14]. At the same time, Leskovac was attacked, where the 47th division overtook outer line of city defence. In the night of the 10/11th October, after losing fortified positions south of Leskovac, German forces left the city [16]. This was partly assisted by the fact that units of the 11th air force field division could not make a breaktrough from direction of Kumanovo to the north, since they were held up by the 46th division in the area of Vranje and Surdulica [12]. Vranje was liberated on the 11th October, and German city crew retreated in the direction of Bujanovac, and further on to Kosovo [14].

Simultaneous activity started on both northern and eastern direction. Following street fights, the 23rd brigade of the 45th division, together with Soviet forces, managed to seize Knjaževac on 10th October. Weapons, ammunition and captured vehicles (about 100 trucks) were given to the Red Army. Afterwards, movement was made in the direction of Svrljig, for the purpose of terrain clearance and preparation to encompass Nis from the north [15].From the direction of Pirot and Bela Palanka, the Bulgarian 6th and 9th divisions were attacking. Since the activity of these units was slow, the success of the 13th corps division was questioned [16]. Therefore, levelling with Bulgarians was ordered, who were 35 km away from Niš. At the same time, there was a request at the Headquarters of the 3rd Ukrainian front considering Bulgarian indolence, and more energetic action was demanded [14]. Consequently, the command of the 3rd Ukrainian Front ordered Bulgarian forces to take Niš on the 13th October, considering operations in the north towards Belgrade and in the valley of Great Morava.

This decision was made too late, since the Germans were planning to retreat from Niš towards Prokuplje, having lost Morava-Vardar communication [17]. Already on the 12th October, one part tried a breakthrough towards Prokuplje, but it was suppressed by activity of the 24th and units of the 47th division[18]. Thus, the focus of fights shifted to the western part of the city, where the main of the 7th SS division was moving. In such circumstances, the 22nd division from the south and the 45th division with the 1st Guards Army from the north, jeopardized the city's defence. German breakthrough was successfully carried out due to slow advance of Bulgarian forces from the south and the east. After retreat of the main German force, units of the 6th Bulgarian and the 22nd Partisan division entered the city on the 14th October, assisted by Soviet tanks from the north [19]. German 7th SS Division "Prinz Eugen" retreated towards Prokuplje, where near the village Jugbogdanovac it was broken by action of Soviet air force and field attack of the 47th and the 24th division. About 4.000 soldiers managed to retreat over Jastrebac mountain in smaller groups and gather in Kraljevo [17]. With these activities, Niš operation was completed, war equipment and weapons were captured, and consequently a conflict with Bulgarians arose. The main Serbian headquarters and the 13th corps reported on conflicts dealing with plunder, in which there were both dead and wounded, and also about civilian robberies [20]. Deeming the behavior of Bulgarian units unbearable, the Supreme Headquarters intervened with the headquarters of the 3rd Ukrainian Front to retreat the 2nd Army. These units were allowed to take part in operations on Kosovo, owing to pleas and apologies from Bulgarian political circles, but similar incidents continued there too [12].

Niš operation definitely disabled German Army "E" group in retreating along the Morava Valley to the north and redirected it towards Kosovo and the Ibar Valley. Although planned in coordination with the attack on Belgrade and creating a lodgement on Great Morava, it was not entirely conducted according to plan. Joint activity of the 13th corps and units of the 3rd Ukrainian front was adequately planned, but not strictly carried out. Due to indolence of Bulgarian forces, around 4.000 German soldiers from the 7th SS Division managed to get away. Bulgarian technical supremacy in these fights was not rationally used, therefore liberation of Niš and terrain clearance from German forces was delayed, following the coming of Red Army onto Great Morava and starting fights for Belgrade, which might have compromised Belgrade operation.

We could say that collaboration of Yugoslav partisans with units of the 3rd Ukrainian Front of Red Army had two aspects, collaboration with Soviet and Bulgarian forces, which were subordinate to the front

headquarters. Collaboration with the Soviets started when the Red Army reached the Danube river and encountered Yugoslav partisans. According to Tito-Stalin agreement, and consequently the one between Tito and Marshal Tolbukhin, collaboration was clearly defined with reference to keeping Soviet forces on the territory of Serbia, as well as respect for newly formed national government bodies, which indirectly meant their acknowledgment. Tito's soldiers carried out military co-operation with the 3rd Ukrainian front throughout whole eastern Serbia, thus liberating Timok valley and the main cities. By getting out into the Morava valley, German retreat was cut off, rear was secured and conditions created for easy attack on Belgrade and Niš. The Red Army found the help of Tito's partisans very useful for communication lines and providing the rear, whereas, on the other hand, Yugoslav partisan movement was strengthened and technically modernized with ideologically close allies. The agreement on delivery of weapons for 12 infantry and two air force divisions was of advantage to insufficiently equipped Serbian divisions. Very often, the plunder was handed over to Soviets, for example, the 45th division was well equipped with Soviet weapons during and after Niš operation, but on the other hand, during liberation of Knjaževac and Aleksinac, all German equipment fell into hands of the 1stGuards Army. Also, Soviet aviation proved useful in neutralizing enemy targets during preparation and the attack itself, but also in obstructing German supplies from the air.

The other aspect was collaboration with Bulgarian army, or more precisely the 2nd Army, which was a constituent part of the 3rd Ukrainian Front. Considering that majority of soldiers, particularly officers took part in the occupation of Serbia, their collaboration with the allies was not approved of. Although unnecessary from the military point of view, engagement of the Bulgarian 2nd army in Niš operation, as well as later activities on Kosovo, was approved after Craiova meeting, at the proposal of Marshal Tolbukhin as mediated by General Biryuzov, the head of the Front Headquarters. General Biryuzov also helped in elaboration of the attack plan on Niš and to determine directions of action for Bulgarian forces. However, despite clear instructions from Soviet headquarters, and superior weapons, Bulgarian units proved to be indolent, which delayed the operation itself. More than once, protests and warnings about bad action of Bulgarians came from the headquarters of the 13th corps and the Main Headquarters, causing the reaction of 3rd Ukrainian Front. Out of respect for the Soviet side, some Bulgarian excesses were disregarded, such aslack of information of the main information officer of the Bulgarian 2nd Army, his capturing in Vlasotince and revealing the plans of attack on Niš, taking war plunder, causing conflicts with partisans, and finally, rejection of certain

commanders to act against Germans (31st Bulgarian regiment). Indolence of Bulgarian 2nd Army definitely affected the activity of other units, which prevented faster completion of Niš operation and achievement of better results.

References

1. Anderson D, Clark L, Walsh S, *The Eastern Front,* London: Amber Books, 2012.
2. Mitrevski B, Glišić V, Ristovski T, *Bugarska vojska u Jugoslaviji 1941-1945,* Beograd: Međunarodna politika, 1971.
3. Petranović B, *Istorija Jugoslavije 1918-1988,* II, Beograd: Nolit, 1988.
4. *Зборник докумената и података о народноослободилачком рату,* том II, књига 14, Београд: Војноисторијски институт, 1981, с. 116.
5. *Beogradskaoperacija 20. oktobra 1944,* Beograd: Vojnoistorijski institute JNA, Moskva: Institut za vojnu istoriju Ministarstva odbrane SSSR, 1989.
6. Војни архив (ВА), фонд НОВЈ, к. 181, ф. 5, д. 45, 3.
7. „Srbija“, *Vojna enciklopedija*, IX, Urednik: Nikola Gažević, Beograd: Vojnoi zdavačkizavod, 1970.
8. *Зборник докумената и података о народноослободилачком рату,* том II, књига 14, с. 201.
9. Colić M, *Pregled operacijana jugoslovenskom ratištu 1941-1945,* Beograd: Vojnoistorijsk iinstitut, 1988.
10. *Oslobodilačkirat naroda Jugoslavije 1941-1945,* II, Beograd: Vojnoistorij skiinstitut, 1957.
11. ВА, фонд НОВЈ, к. 182, ф. 1, д. 1; к. 193, ф. 1, д. 39.
12. Вишњић П, *Битка за Србију,* књ. 2, Београд: Београдска књига, 1984.
13. ВА, фонд НОВЈ, к. 184, ф. 1, д. 30, с. 14; к. 1051, ф. 5, д. 2, с. 21.
14. *Završne operacije za oslobođenje Jugoslaije 1944-1945,* Beograd: Vojnoistorijski institut, 1957.
15. ВА, НОВЈ, к. 1329, ф. 2, д. 3.
16. *Зборник докумената и података о народноослободилачком рату,* том I, књига 13, с. 297.
17. *Kumm O, Vorvärts Princ Eugen! Die Geschichte der 7. SS Freiwilligen-Division „Princ Eugen“, Coburg: Munin-Verlag, 1978.*
18. *ВА, НОВЈ, к. 182, ф. 1, д. 83.*
19. *ВА, НОВЈ, к. 182, ф. 1, д. 27.*
20. *ВА, НОВЈ, к. 181, ф. 3, д. 36; к. 181, ф. 2, д. 6; к. 184, ф. 1, д. 20, с. 7;*

Геращенко К.В.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ КАК ФАКТОР РАВНОМЕРНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Социально-экономическое развитие регионов – одно из приоритетных направлений Российской Федерации. Именно однородность в экономической, политической и культурной жизни субъектов является базой для создания эффективного развития всего государства. В статье анализируются особенности и факторы, влияющие на социально-экономическое развитие регионов Российской Федерации.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, Российская Федерация, факторы, регион, экономика.

Gerashchenko K. V.

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF REGIONS AS A FACTOR OF UNIFORM DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The socio-economic development of the regions is one of the priorities of the Russian Federation. This is the heterogeneity in the economic, political and cultural life of the subjects that makes the basis for creating an effective development of the entire state. The article analyzes the features and factors affecting the socio-economic development of the regions of the Russian Federation.

Keywords: social and economic development, Russian Federation, factors, region, economy.

Социально-экономическое развитие региона является центральной функцией органов государственной власти субъекта. На обеспечение сбалансированного социально-экономического развития субъектов направлена государственная региональная политика [2]. Социально-экономическое развитие регионов является одним из приоритетных направлений Российской Федерации.

В результате процесса разделения материального мира на качественно различные и внутренне связанные части возникают различного вида ареалы (регионы, области, провинции, зоны, и т.п.). Они эволюционируют, пересекаются, накладываются друг на друга,

иногда исчезают вовсе [1]. В зависимости от географического положения, исторических предпосылок, ресурсного потенциала, социальных и политических процессов возникают различные темпы их развития и, как следствие, неравномерность ареалов (в нашем случае регионов) в рамках единого пространства – Российской Федерации.

Несмотря на позитивные тенденции в целом по России (снижение уровня безработицы (на 0,3% по сравнению с окт. 2017 года); увеличение размера пенсий на 3,3%; увеличение МРОТ до 11 163 рублей; социальные программы по приобретению и строительству жилья для граждан РФ, в том числе и региональные программы; реализаций Стратегий развития регионов; разработка Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, где были учтены сильные и слабые стороны регионов), все-таки есть существенные различия в социально-экономическом развитии [3]. Проблема социально-экономической неравномерности регионов является негативным фактором, замедляющей демократические и социальные процессы в стране.

Мною были определены вызовы, с которыми должна справиться Россия, для того, чтобы ее развитие было стабильным, последовательным, и, в конечном счете, мы могли бы быть эталоном социального демократического государства, которым мы себя и определили в Конституции в 1993 году.

1. Недостаточное количество центров экономического роста. Для того, чтобы происходило равномерное социально-экономическое развитие, необходимо, чтобы такие «экономические центры» были расположены по всей территории не только региона, но и Российской Федерации, равномерно.

2. Демографический потенциал региона определяет и его экономику, при достаточном ресурсе людей возможен резкий подъем в социально-экономической сфере (примером является Тайвань, где позитивные экономические успехи основаны на использовании демографического потенциала страны).

В январе-сентябре 2018 г. по сравнению с аналогичным периодом 2017 г. в России отмечалось снижение числа родившихся (в 83 субъектах Российской Федерации) и увеличение числа умерших (в 49 субъектах). Естественный прирост населения в январе-сентябре 2018 г. зафиксирован в 21 субъекте Российской Федерации (в январе-сентябре 2017 г. - в 27 субъектах). В связи с тем, что, все-таки, в значительной части субъектов Российской Федерации наблюдается низкий уровень естественного прироста, то

увеличивается нагрузка на трудоспособное население. Вторым вызовом является снижение демографической нагрузки на трудоспособное население в значительной части субъектов Российской Федерации, а также увеличение естественного прироста населения.

3. Миграционные потоки способствуют экономическому росту, росту трудового потенциала региона. К примеру, в 2018 году численность постоянного населения Российской Федерации сократилось на 83,5 тыс. человек (по сравнению с началом года), но миграционный прирост на 51,8% компенсировал естественную убыль населения. Миграционный прирост был положительным в Центральном, Северо-Западном, Южном Федеральных округах (т.е. европейская часть РФ), в то время как наибольшая миграционная убыль была в Приволжском и Сибирском округах. Третьим вызовом является проведение грамотной миграционной политики, с целью направления миграционных потоков в Северо-Восточную часть (наименее освоенную).

4. Недостаточная связанность крупных городских агломераций и административных центров субъектов Российской Федерации по-прежнему является значимым инфраструктурным ограничением многих субъектов России. На данный момент в стране остается низкий уровень транспортной доступности многих городов, по причине высокого количества региональных и местных автотрасс, находящихся в плохом эксплуатационном состоянии, следовательно, увеличивается время перевозки грузов. На территориях Дальнего Востока и Сибири сохраняется большое количество населенных пунктов без круглогодичного транспортного сообщения, замедляется освоение новых территорий.

5. Другие: нехватка финансовых ресурсов, трудовых ресурсов, устаревшая система трубопроводов, ухудшение экологии, наличие санкций, наличие производственных секторов экономики без выраженной экономической специализации.

Все вышеперечисленные вызовы, в совокупности, формируют одну глобальную проблему – проблему неравномерности социально-экономического развития регионов Российской Федерации, решение которой является важнейшей задачей для социального государства

Как решать?

1. Необходима расстановка приоритетов государственной поддержки субъектов РФ, призванных обеспечить их эффективное

развитие. Это может быть, с одной стороны, поддержка более сильных регионов, способных обеспечить модернизацию и инновационное развитие России, с другой – поддержка слабых, имеющих низкий социально-экономический потенциал, а также стагнирующих и кризисных регионов, неспособных развиваться самостоятельно при отсутствии государственных программ помощи.

2. Экономические центры. Стимулирование производства на территории депрессивных, кризисных и отсталых, в экономическом отношении, районов. Необходимо находить узкие специализации. Так, во Франции удалось снизить дифференциацию в развитии регионов, в ней есть регионы, специализирующиеся исключительно на выращивании фруктов, сыроварении, деликатесной продукции, туризме, керамике.

3. Демография. Увеличение объема господдержки регионам на выплаты при рождении первенца в несколько раз (для стимулирования прироста населения). За январь – сентябрь 2018 в РФ было заключено 758 639 браков, а разводов – 452 426. Для снижения разводов необходимо проводить пропаганду семейных отношений. На демографические настроения молодежи часто влияет их первый опыт работы, половина молодых людей уходит с первой работы в течение полугода. В этот момент у них складывается неуверенность в стабильности и принимается решение не заводить семью, пока не накопится достаточно сбережений.

4. Транспорт. Контроль со стороны органов власти за исполнение программ, создание стратегии по реконструкции дорог не только регионов, но в РФ в целом.

5. Для решения проблем необходимо привлечение молодежи, а также развитие молодежной политики, зачастую прогрессивные предложения возникают именно от нее. Целесообразно проводить межрегиональные круглые столы с экспертами в различных сферах, усилить контроль за исполнением и выполнением тех или иных стратегических программ, совершенствовать систему законодательства, более четко разграничить полномочия между центром и регионами.

Литература

1. Гладкий, Ю. Н. Регионоведение: учебник для академического бакалавриата / Ю. Н. Гладкий, А. И. Чистобаев. — М.: Издательство Юрайт, 2016. — 360 с.
2. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/
3. Информация о социально-экономическом положении России // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140087276688.

Горин А. А., Сафиуллина Е. А.

ИНСТРУМЕНТЫ СОЗДАНИЯ ИСКУССТВЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Аннотация. В своей статье авторы поднимают вопрос о механизмах создания искусственных этнических и культурных идентичностей. Анализируя опыт XIX и XX века, они рассматривают религию как один из инструментов ускоряющих создание такой идентичности, однако способный спровоцировать и обратный процесс.

Ключевые слова: идентичность, этнос, религия, социология религии, статусно-идентификационная система

Gorin A. A., Safiullina E. A.

TOOLS FOR CREATING AN ARTIFICIAL RELIGIOUS AND ETHNOCULTURAL IDENTITY IN RUSSIA: A HISTORICAL RETROSPECTIVE.

Abstract. In the article the authors raise the question about the mechanisms of creating artificial ethnic and cultural identities. Analyzing the experience of the XIX and XX centuries, they consider religion as one of the tools that accelerates the creation of such an identity, but it can also provoke a reverse process.

Keywords: identity, ethnos, religion, sociology of religion, status-identification system

Вопрос о конструировании этнокультурной идентичности неоднократно поднимался в научной литературе. В последние же годы можно констатировать его выход на качественно новый уровень.

Из последних вышедших работ можно назвать работу И. А. Гобозова "Государство и национальная идентичность", рассматривающего составные части глобализационных процессов, как элементы субъективного процесса. В основном, И. А. Гобозов разделяет позицию Л. Н. Гумилёва с его концепцией трёх основных компонентов определяющих этнокультурную идентичность: место компактного проживания-язык-культура [4, с. 84]. Однако И. А. Гобозов в своей работе идёт дальше, противопоставляя этнокультурную идентичность, которую он считает объективной величиной, глобализационной идентичности, которую он считает субъективной, конструируемой. С его точки зрения, задача "конструкторов" глобалистсткой космополитической идентичности – деиндивидуализация и деинтеллектуализация личности [4, с. 144, 153]. Одним из методов такого процесса является разрушение "гумилёвской тройки"

Однако одновременно с описанным И. А. Гобозовым процессом набирают обороты и противоположные процессы. Тимоти Снайдер в своей работе "Реконструкция наций", проводит анализ механизмов так называемой "Реконструкции наций", иначе говоря – возрождения агрессивного национализма и становления националистического самосознания у представителей народов Восточной Европы, а также - Украины и Белоруссии, инспирированные правительством США в постсоветский период [7, с. 329-346]. Интересно следующее: Т. Снайдер фактически признаёт технологию массового навязывания языков, используемых этническими меньшинствами, как неотъемлемую часть этнокультурной идентичности, сочетающуюся с технологией массовой "зачистки памяти", позиционирующейся как "десоветизация", но фактически повторяющей технологию формирования искусственной идентичности "мюридов" Северо-Кавказского имамата, в противовес реальной этнокультурной идентичности кавказских народов, описанной авторами в более ранних статьях [6, с. 149-150]. Если точнее, то Т. Снайдер описывает формирование искусственных культурных ориентиров, созданных для подмены реальных элементов идентичности.

В этой технологии нет ничего нового. Подобные попытками создания искусственных квазиэтнических идентичностей со стороны правительства Австро-Венгрии II половины XIX - начала XX вв. Так граф В. А. Бобринский в своих публикациях 1908 года описывает попытки "*вынародования*", которым подверглись на территории Австро-Венгрии указанного периода галицкие русские и боснийские сербы. По свидетельству В. А. Бобринского в рамках политики "вынародования" в Австро-Венгрии специальным циркуляром было объявлено о том, что "*есть народ боснийский в отличие от сербского народа*" [1, л. 15]. Первым мероприятием по "вынародованию" по свидетельству В. А. Бобринского, стало составление "специальных грамматик исковерканного сербского языка". Примечательно, кстати, что В. А. Бобринский вторым случаем "вынародования" называет политику создания из галицких русских... политического движения "украинство". По мнению графа Бобринского, неудача создания искусственного "народа боснийцев" (который был позже "отменён" новым циркуляром австро-венгерских властей [1, л. 15]) заставило правительство Австро-Венгрии в индустрии создания "украинства" сосредоточиться в начале XX века не на этнокультурном, а на политическом аспекте данного движения. Фундамент именно политического аспекта "украинства" отражён и в памятной записке, направленной наместнику Царства Польского Ф. Ф. фон Бергу его информатором Анатолем Мартином Новосельским, описываются некоторые детали деятельности создателя "фонетического письма" претендующего на новый язык ("украинский") - П.А. Кулиша. Записка написана в крайне негативном ключе, более напоминающем памфлет, однако автор - современник событий отмечает факты поездки Кулиша в Галицию именно с проектом "Руси, свободной от Российской империи" [2, л. 3-4]. Причём Кулиш основным критерием определения границ "Руси" (термина "Украина" в документах середины XIX века ещё не употребляется) рассматривает именно географическую "привязку" (Север - "Московия", Юг - от Карпат до Каспия - "Русь"). Однако если обратить внимание на публикации И. Филиппова, посвящённые положению населения Галицкой Руси в Австро-Венгрии, то мы заметим планомерное внедрения азбуки-"кулишовки", а также - "нового фольклора" в среде "русинов" или "рутенов", для интенсификации их обособления в качестве отдельного "народа" [1, л.1].

Само название "рутены", навязывающееся русскому населению Галиции в качестве самоназвания граф В. А. Бобринский также называет способом "вынародования" [1; л. 15].

Особое место в конструировании искусственной идентичности как в XIX, так и в начале XXI веков играет конструирование религиозной принадлежности, как части "культуры", отмеченной Л.Н. Гумилёвым и И.А. Гобозовым, как одна из основных составляющих этнокультурной идентичности.

В XIX веке в пределах Российской империи можно наблюдать два ярких примера подмены религиозной идентичности, и даже - попыток замены этнокультурной идентичности – религиозной. Первая – политика имамов Гази-Мухаммада, Гамзат-бека и Шамиля по насильственному навязыванию модели поведения суфийского "мюрида" с радикальной нетерпимостью к иным течениям ислама и иным религиям, сопровождающееся жёстким запретом народных эпоса, игр, танцев и песен, а также - навязывание арабского языка в качестве языка делопроизводства и повседневного общения на территории Северо-Кавказского имамата [6, с. 148-149].

Вторым примером можно считать политическую борьбу, развернувшуюся на территориях Галиции, Царства Польского и Западной Белоруссии вокруг "Греко-униатской церкви" (Греко-католическая церковь), на тот момент ещё сохраняющей относительное единство. Так в докладной записке, поданной на имя наместника Царства Польского во II пол. 60-х гг. XIX века (точная дата на документе не сохранилась) указано, что "Греко-униатская церковь" на территории Галиции и Польши находится в жёсткой конфронтации с Римско-католической церковью, в том числе и по причине попыток использования "греко-униатских" священнослужителей как инструмента ополячивания русского населения Австро-Венгрии и "посягательств на народность" русского населения на территории Царства Польского в границах Российской империи [3, л. 2-3]. Что интересно: "греко-униатская" церковь в тот момент стоит на позициях "сохранения русской народности".

В настоящее время на территории Российской Федерации мы наблюдаем в отношении религий картину, имеющую сходные элементы как с "северо-кавказским", так и с "польским" сценариями. С одной стороны, распространение религиозных групп, подменяющих этнокультурную идентичность радикальными формами религиозной самоидентификации (салафия, Маждународное Общество сознания Кришны, Свидетели Иеговы и

др.) [5, с. 56-57]. С другой - попытки навязывания влияния через эклектичные религиозные вероучения для изменения самоидентификации индивида от "этнокультурной" на "европейскую" или "космополитичную".

Таким образом, упомянутые выше технологии остаются актуальными до сегодняшнего дня, и риски, связанные с ними также сохраняют свою злободневность.

Литература

1. ГАРФ ф.547, оп. 1, д. 105
2. ГАРФ, ф. 541, оп. 1, д. 1.
3. ГАРФ, ф. 547, оп. 1 д. 245
4. Гобозов И. А. "Государство и национальная идентичность". Глобализация или интернационализация?. - М.: ЛЕНАНД, 2019 – 84 с.
5. Горин А. А. Замена этнокультурной идентичности на религиозную как инструмент современной геополитики на территории России /А. А. Горин // Политическое пространство и социальное время: синергия смыслов и ценностей. Сборник научных трудов XXXIV Междлународного Харакского форума 17-20 мая 2018 г., г. Ялта / Под ред. Т.А.Сенюшкиной. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018 – С. 54-59.
6. Горин А.А., Силаева З.В. Северо-Кавказский имамат: опыт изменения массового сознания и радикализации религиозного вероучения /А.А. Горин, З.В. Силаева // Вестник экономики, права и социологии. - 2017. - №2. - С. 147-151.
7. Снайдер Т. Реконструкция наций. – М.: Вроцлав: Летний сад, 2013 – 346 с.

Донцев С.П.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Анализируется влияние религиозного фактора (на примере деятельности Русской Православной Церкви) в формировании и реализации политики памяти в современной России. Показано влияние религиозного фактора на российскую политику памяти при политической социализации и формировании

символического пространства, а также разработки концепций «Святой Руси» и «Русского мира».

Ключевые слова: политика памяти, историческая политика, коммеморация, государственно-конфессиональные отношения, Русская православная церковь.

Dontsev S. P.

THE RELIGIOUS FACTOR IN THE FORMATION AND IMPLEMENTATION OF THE POLITICS OF MEMORY IN CONTEMPORARY RUSSIA

Abstract. The influence of the religious factor (on the example of the Russian Orthodox Church activities) in the formation and implementation of the policy of memory in modern Russia is analyzed. The article shows the influence of the religious factor on the Russian politics of memory in political socialization and formation of The symbolic space, as well as the development of concepts of "the Holy Russia" and "the Russian World".

Keywords: politics of memory, historical politics, commemoration, state-religious relations, Russian Orthodox Church.

Государственные институты и религиозные организации, имея в современных российских реалиях возможности для взаимодействия по широкому кругу вопросов, могут совместно участвовать в реализации отдельных стратегий и проектов политики памяти. Русская православная церковь (РПЦ), как крупнейшая и наиболее влиятельная религиозная организация в России, имеет возможность транслировать собственный дискурс памяти на максимальную широкую аудиторию, который может коррелировать с дискурсом, формируемым государственными институтами, в отдельных аспектах его дополнять, или же расходиться с ним. Религиозный фактор в политике памяти, включающей всю сферу публичных стратегий в отношении прошлого, особенно ярко проявляется при политической социализации населения через систему образования и вооруженные силы, при формировании символического пространства Российского государства, практиках коммеморации, а также разработке и реализации интеграционных проектов, которые одновременно могут рассматриваться к контексте российской мягкой силы.

Русская православная церковь может не только транслировать определенный образ прошлого, но и непосредственно участвовать в его формировании, внося в него ценности, связанные с православной традицией. Взаимодействие с системой государственного образования является одним из ключевых каналов для трансляции образа прошлого и интерпретации таких понятий как власть, государство, патриотизм и т.п. Это происходит в процессе интеграции культурологического блока дисциплин, акцентирующих внимание на религиозной традиции в систему государственного образования, где в контексте религиозных ценностей рассматриваются исторические, общественно-политические и культурные сюжеты. Так, в рамках образовательной области «Основы духовно-нравственной культуры народов России», ряд элементов учебных программ, в которых присутствует интерпретация сюжетов российской истории через призму религиозной традиции, а также тематика творческих работ и творческих проектов завершающих уроков, имеют непосредственное отношение к формированию политической культуры учащихся, а значит могут рассматриваться в контексте политической социализации.

В контексте политической социализации, в которой реализуется политика памяти, можно рассматривать и отдельные элементы взаимодействия религиозных организаций и армии. Участие духовенства в воинских ритуалах освящения боевых знамен, военной техники, совершение молебнов святым покровителям отдельных воинских частей перед учениями, участие представителей религиозных организаций в торжествах, посвященных памятным Дням воинской славы, а также элементы воспитательной и просветительной деятельности восстановленного в 2009 г. по инициативе Межрелигиозного совета России института военного духовенства, помимо задачи реализации права верующих военнослужащих на свободу совести и вероисповедания, безусловно, выполняют и функции социализации в контексте приобщения к исторической традиции.

Государственные символы и праздники могут выступать в качестве инструмента политики памяти, фиксируя и воспроизводя образы, способствующие формированию чувства сопричастности граждан к государству. Религиозный фактор при формировании системы праздников может проявляться в признании государством в качестве праздника дня памяти, связанного с определенной религиозной традицией, или, когда религиозная организация

выступает инициатором и/или поддерживает введение в систему государственных праздников соответствующего дня памяти. В новейшей российской истории наиболее показательным в этой связи является сюжет с введенным в 2005 г. государственном праздником – Днем народного единства, инициатива введения которого принадлежала Межрелигиозному совету России. В публичных выступлениях представителей Церкви дается ценностное обоснование празднества, соединяющее историческую память о сюжетах гражданской и церковной истории периода Смутного времени и памятную дату почитания Казанской иконы Божьей Матери. Следует также отметить установление на государственном уровне памятной даты – «День крещения Руси» в 2010 г, после обращения Архиерейского Собора РПЦ к президенту России Дм. Медведеву с предложением учредить в стране государственный праздник в честь святого равноапостольного князя Владимира [2]. В 2014 г. В. Путин в ежегодном послании Федеральному Собранию заявил о том, что для России Корсунь– Херсонес, в котором по церковному преданию принял крещение св. Владимир, имеет «огромное цивилизационное и сакральное значение» [3].

Знаковым этапом в формировании образов прошлого стало создание и реализация интеграционного проекта «Русский мир», на основе общности русского языка и российской культуры. Одна из его особенностей состояла в том, что его смысловая и ценностная составляющая во многом формировалась под влиянием Православной церкви и, что важно, именно прошлое в интерпретации РПЦ стало одной из его ценностных основ. Дискуссионный вопрос о том, соответствие каким критериям должно определять принадлежность к «Русскому миру» в РПЦ трактуется однозначно – это исторически сформированное духовное единство России, Украины и Белоруссии, в основе которого лежит православная вера [4]. Эта тема так или иначе входила в повестку всех Всемирных русских народных соборов, являющихся коммуникационной площадкой между Церковью, государством и обществом начиная с 1993 г., т.е. за долго до того, как образ «Русского мира» стал широко транслироваться представителями государства и стал составной частью публичного политического дискурса (это стало фиксироваться примерно с 2008-2009 гг. и достигло максимума в 2013-2015 гг.). Тоже самое относиться и к образу «Святой Руси», который также вошел как составная часть в концепцию «Русского мира». В 2008 г. Архиерейский собор РПЦ определил «Святую Русь» как общее цивилизационное пространство

восточнославянских народов [1], имеющих общее историческое прошлое.

Концепции «Русского мира» и «Святой Руси» можно рассматривать как инструменты политики памяти в силу того, что с их помощью обосновывались две ключевые стратегии – проектная, связанная с преобразованием политической реальности, политическим конструированием нового единства на основе ценностей, имеющих своим основанием мифологизированное прошлое, и охранительная, связанная с необходимостью сохранить те элементы этого единства, которые, несмотря на все исторические перипетии, тем не менее сохранились до сегодняшнего дня.

В целом, можно сказать, что религиозный фактор задает контекст, в котором реализуются отдельные элементы политики памяти, а также оказывает влияние на процессы социализации населения в аспектах, связанных с приобщением к исторической традиции.

Литература

1. Определение Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви «О единстве Церкви» / Официальный сайт Московского патриархата. – М., 2008. – 27 июня. – Режим доступа: http://www.patriarchia.ru/db/text/428916.html. (Дата посещения: 25.02.2019.)

2. Послание Святейшего Патриарха Алексия от имени Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Президенту Российской Федерации Д.А. Медведеву / Официальный сайт Московского патриархата. – М., 2008. – 27 июня. – Режим доступа: http://www.patriarchia.ru/db/text/428844.html (Дата посещения: 25.02.2019.)

3. Путин В. Послание Президента Федеральному Собранию / Официальный сайт Президента России. – М., 2014. – 4 декабря. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/47173 (Дата посещения: 25.02.2019.)

4. Собор называет единство Святой Руси "величайшим достоянием" народов России, Украины и Белоруссии / Интерфакс-религия. – М., 2008. – 27 июня. – Режим доступа: http://www.interfax-religion.ru/orthodoxy/?act=news&div=25181 (Дата посещения: 25.02.2019.)

Егорова О.В., Ловецкий Г.И., Самылов П.В.

ЧИЖЕВСКИЙ О СОЗНАТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Аннотация. В работах А.Л. Чижевского (1897-1964) впервые была сформулирована концепция естественно-исторической периодизации всемирно-исторического процесса. В ее основе представления об историометрии, историометрическом или социометрическом цикле, о естественно-историческом знании. Сближение научного потенциала ученого с работами по клиометрии, клиодинамике, социостественной истории создают возможности научного государствоведения и перехода человечества к сознательной истории.

Ключевые слова: Чижевский, естественно-историческое знание, сознательная история.

Egorova O.V., Lovetsky G.I., Samylov P.V.

CHIZHEVSKY ABOUT THE CONSCIOUS HISTORY

Abstract. In the works by A. L. Chizhevsky there was first formulated the concept of natural-historical periodization of the world-historical process. It is based on the idea of historiometry, historiometric or sociometric cycle, natural-historical knowledge. The rapprochement of the scientific potential of the scientist with works on cliometry, cliodynamics, socio-natural history creates the possibility of scientific state studies and the transition of mankind to conscious history.

Keywords: Chizhevsky, natural-historical knowledge, conscious history.

Осмысливая бурные события Первой мировой войны и революционные преобразованиям в России, Чижевский писал [1, с. 639] о том, что история человечества есть совсем нечто другое, чем история историков. Сталкиваясь с динамическими явлениями в культурной и социальной жизни общества, историки испытывают значительные трудности в связи с ограниченностью имеющихся в их распоряжении инструментальных ресурсов. Зачастую кроме логики и интуиции их вообще нет. Однако, если объективных законов нет, то успех исторического труда в еще большей степени определяется литературным талантом автора [6].

Чижевский не только тонко чувствовал этот конфликт, но и нашел выход из него. Под всемирно-историческим процессом ученый понимает одновременно протекающую социальную эволюцию во всех человеческих сообществах, зависимых или независимых одно от другого по своему пространственному положению на поверхности земного шара [3]. Ему принадлежит также вывод о том, что все (мироздание и жизнь и социальная история на планете Земля) есть результат эволюции электрона, который, находя все новые возможности, продолжал свою неутомимую работу с самых первых мгновения. Сегодня его мыслям созвучна точка зрения Карла Вёзе, который считал, что эволюцию следует рассматривать как физический феномен с использованием методов физики твердого тела.

Чижевский формулирует положение о том, что историческое время может быть измерено в физических единицах. Новую отрасль знания ученый называет историометрией. Основной морфологический закон историометрии устанавливает соотношение между деятельностью Солнца и человечества: 1) в средних точках течения цикла массовая деятельность человечества достига-ет максимального напряжения, выражающегося в психомоторных пандеми-ях, революциях, восстаниях, войнах, переселениях, создающих новые фор-мации в жизни отдельных государств и новые исторические эпохи в жизни человечества; 2) в крайних точках напряжение общечеловеческой деятельности понижается до минимального предела, уступая место созидательной дея-тельности при дезинтеграции и депрессии масс и усилении абсолютистских тенденций власти.

Массовые движения человеческих коллективов с точки зрения физики представляют собой процесс преобразования притекающей к Земле солнечной энергии в результате газо- и электрообмена организма с внешней средой. Так возникает психосфера Земли [1, с. 649]. В обоснование своей теории он ввел следующие ограничения. Во-первых, при отсутствии объединяющего массы социального фактора (психического семени, или идеи) повышенная возбудимость масс выльется в индивидуальные поступки, например, в индивидуальные преступления, в экзальтационное состояние. Во-вторых, его точка зрения на энергетический характер массовых и общественных явлений не имеет ничего общего с точкой зрения Освальда, Сольвея и других, которые пытались выразить социальные явления в терминах энергетики и изучать их физико-химические основы. Не менее пагубен и другой путь - выражать

естественно-исторические явления символьным языком. И в этой связи он подчеркивает, что между развиваемой им теорией и астрологией существует такая же огромная пропасть, как между электронной химией и наукой о философском камне.

Социально-исторический процесс не является процессом замкнутым в самом себе, а протекает под воздействием всей сложной совокупности явлений окружающей его природы, и естественные науки лишь недавно прибли-зились к пониманию этого момента [1, с. 676]. Сам человек, участник исторического процесса, представляет собой не сверхприродную организацию, стоящую над природой, а лишь неотделимую от окружающей его среды частицу, сознание которой обусловливается всей совокупностью влияний внешнего мира. Каждый цикл всемирно-исторического процесса является как бы мерой времени в социальной жизни человечества.

Ученый считает, что значение данной теории должно рассматриваться с точки зрения государстововедения. Изучая поведения масс по периодам солнцедеятельности, можно установить нормы и формы деятельности для каждого индивида в области его специальной профессии, подготовить рекомендации для отдельных групп людей, для семей, перейти к социально-историческому экспериментированию.

В целом, писал он, в изложении настоящего вопроса мы пришли к крайним границам современного знания, поскольку загадка сознания, по-видимому, лежит в неизвестной нам еще внутренней структуре материи [1, с. 691]. Он размышлял над факторами, позволяющими сохранять социальное и духовное здоровье нации, призывал мировое научное сообщество к объединению усилий в решении этих задач, а правительства государств мира к внедрению научных методов государствоведения и формированию основ сознательной истории человечества.

И хотя развитие практической космонавтики и интеграция наук наполняют новым содержанием зависимость периодической деятельности Солнца и событий человеческой истории, а эмпирический исследования дают дополнительные подтверждения гипотезы о том, что динамика солнечной активности может быть статистически значимым фактором социально-политической дестабилизации [4], кардинальные выводы ученого с большим трудом пробивают дорогу в науке. И мы можем говорить лишь об эволюции провидческих идей мыслителя. Так, Р.М. Нуриев и Ю.В. Латов [5] сделали вывод о том, что с появлением квантитативной

(количественной) истории, появилась возможность исследовать развитие политических процессов, влияние климата на историю, анализировать исторические документы, долгосрочные мегатренды исторического роста. Основоположником этой версии клиометрики назван А.Л. Чижевский. Еще один вывод состоит в том, что время смещает акценты с теорий-монополистов на концептуальные подходы, к которым относятся работы по клиодинамике и социоестественной истории.

Клиометрия вошла в научный арсенал работами нобелевских лауреатов С. Кузнеца (за 1971 год), Д. Норта и Р. Фогеля (оба за 1993 год). Клио-динамика формируется в 1990-х годах [6] как междисциплинарную область исследований, объединяющая подходы исторической макросоциологии, теоретической истории, математического моделирования долговременных социальных процессов, построения и использования исторических баз данных, исследований социальной эволюции, исторической демографии.

Представители социоестественной истории заявляют о необходимости сделать историю наукой, а для этого, полагают они, следует обратиться к тем свидетельствам, которые объективны - поэтому аргументы истории эволюции биосферы, факты, объясняемые законами живой и неживой природы, становятся главными. Добиваясь объективности, историк должен искать и описывать каналы и механизмы непрямого влияния природы на общество, а в методологическом плане строить общую теорию влияния природного фактора [7]. На глубинные конструктивные связи клиодинамики и социоестественного подхода указывают совместные публикации ученых П. В.Турчина, С. А. Нефедова [8].

Современные публикации [9] о грядущей универсальной истории в связи с интеграцией народов в единое человечество и о грядущей мировой политике в связи с недопустимостью трагического произвола со стороны отдельных глав государств и созданием мирового правительства созвучны идеям Чижевского о возможности сознательной истории и работам представителей клиодинамики и социально-естественной истории.

Литература

1. Чижевский А.Л. Космический пульс жизни. Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия - М.: Мысль, 1995. 767 с.

2. Турчин П.В. Математическое моделирование исторических процессов. Клиодинамика // История и Математика: футурология и методология. - М., 2015. С. 106–117.
3. Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924. 72 с.
4. Коротаев А.В., Битюга С.Э., Малков С.Ю., Осипов Д.А. 2016. О солнечной активности как возможном факторе социально-политической дестабилизации // История и современность, № 2. С. 180–209.
5. Нуреев Р.М..Экономическая история России (опыт институ-ционального анализа) : учебное пособие / Р.М. Нуреев, Ю.В. Латов. — 2-е изд., перераб. — М. : КНОРУС, 2016. 268 с.
6. Турчин П.В. Математическое моделирование исторических процессов. Клиодинамика // История и Математика: футурология и методология. М., 2015. С. 106–117.
7. Гринин Л.Е. Перспективы СЕИ в интеграции с другими направлениями общественной науки // История и современность. 2016. № 2. С. 3-7.
8. Турчин П. В., Нефедов С. А.. Вековые циклы. Перевод с английского С. А. Нефедова. - Oxford and Princeton: Princeton University Press. 2009 // https://www.academia.edu/10033674/П._В._Турчин_С._А._Нефедов._Вековые_циклы.
9. Wendt A.E. Quantum Mind and Social Science. Unifying Physical and Social Ontology. Cambridge: Cambridge University Press. 2015. 366 p.

Земцов Б.Н.

СОВЕТСКИЕ ИНЖЕНЕРЫ И ВЛАСТЬ (1930-Е ГГ.)

Аннотация. В статье анализируются отношения между инженерами и советским партийно-государственным руководством. Рассматриваются разные периоды этих отношений. Автор полагает, что основная причина многих трагедий в среде советских инженеров была вызвана попыткой власти в короткий исторический срок создать современную экономику. В понимании власти эта великая задача перевешивала недемократические методы ее решения.

Ключевые слова: советские инженеры, технократизм, репрессии.

Zemtsov B.N.

SOVIET ENGINEERS AND POWER (1930-ies)

Abstract. The article analyzes the relationship between engineers and the Soviet party and state leadership. Different periods of these relations are considered. The author believes that the main reason for many tragedies among Soviet engineers was caused by the government's attempt to create a modern economy in a short historical period. In the understanding of power this great task outweighed the undemocratic methods of its solution.

Key words: Soviet engineers, technocratism, repressions.

Проблеме взаимоотношения технической интеллигенции и большевистской власти в 1917 – 1920-е гг., положению новой генерации специалистов в советском обществе – советским инженерам – в 1930-е гг. посвящено большое число исследований. Интерес к ней не ослабевает. Сегодня историки рассматривают общественно-политические настроения технических специалистов в период октябрьской революции [1], после революции [2], повседневную жизнь советских инженеров [3], исследуется зарубежная историография [4], персоналии [5]. И все-таки, ряд проблем из внимания историков ускользает. К ним, в первую очередь, относится анализ судеб советских инженеров как социального слоя с точки зрения задач, стоявших перед страной.

Взаимоотношения инженеров и большевистской власти, научно-техническая политика советского правительства в 1920-е гг. в историографии рассмотрены достаточно глубоко и принципиальных дополнений не требуют [6]. Разная трактовка событий начинается при анализе конца 1920-х – 1930-х гг.

На рубеже 1920–1930-х гг. против инженеров был проведен ряд сфабрикованных процессов. Первым из них оказалось «Дело об экономической контрреволюции в Донбассе». Вслед за призывом И.В. Сталина искать «шахтинцев» во всех отраслях промышленности в декабре 1928 г. последовали аресты новых групп инженеров.

Найти рациональное объяснение началу витка репрессий в отношении инженеров сложно, поскольку не существует каких-либо источников, объясняющих позицию высших партийно-государственных органов: с 1918 г. обсуждавшиеся на Политбюро ЦК РКП (б) вопросы, которые могли вызвать в обществе неоднозначную реакцию, не протоколировались. Тем более, в 1930-х гг. партийно-государственное руководство объясняло далеко не все свои действия.

Поэтому выводы историков относительно того или иного поворота в политике или решения партийно-государственных органов представляют собой научную гипотезу.

На наш взгляд, репрессии, которые обрушились на невиновных людей, имели политические причины и, в этом плане, были вполне логичны.

Во-первых, на действия «вредителей» можно было бы списать нарастание негативных явлений в народном хозяйстве [7, с. 170].

Во-вторых, 1928 – 1929 гг. – это было начало форсированной индустриализации. Сознающие ответственность за качественное выполнение своей работы, инженеры не могли не выступить против. По крайней мере, органы ОГПУ докладывали политическим структурам о резко возросших оппозиционных настроениях в инженерной среде. Как справедливо отмечает М.В. Зелев, требовалось искоренить вполне глубокий и вполне обоснованный скептицизм специалистов в отношении пятилетнего плана, заставить инженеров в большей степени считаться с интересами государства. «Поэтому главным императивом развернувшейся кампании стало решительное утверждение приоритета политических требований над профессиональными знаниями» [8, с. 72].

Между тем, осенью 1929 г. на Западе разразился тяжелейший экономический кризис. Казалось, что крах капиталистической системы близок. Это подталкивало И.В. Сталина и его единомышленников к попытке в короткий исторический срок завершить социалистические преобразования. К этому времени в СССР было воспитано первое поколение советских инженеров, готовых заменить старых специалистов, которые могли стать помехой осуществления форсированного промышленного развития.

Условием для фальсифицированных процессов стало сохранение власти в руках революционеров. Великие цели в их глазах были гораздо важнее методов достижения. Важное значение имело и то, что большевики создавали новое социалистическое общество не совсем по Марксу, но обосновать этого не могли. Поэтому решения трудных социально-политических и экономических задач партийно-государственное руководство в 1920 – 1930-е гг. добивалось не в ходе предварительных теоретических дискуссий, а путем очередного витка репрессий против гипотетически оппозиционных социальных групп.

После «шахтинского дела» ОГПУ «раскрыло» «мощную вредительскую организацию» – «Инженерный центр» или «Промышленную партию». Однако обвиняемые на публичных процессах 1928–1931 гг. представляли собой только верхушку

внушительной пирамиды из многих сотен арестованных в те годы по «вредительским» делам. Только в 1931 г. во внесудебном порядке на Особом совещании ОГПУ и его коллегии были рассмотрены дела в отношении почти 2,5 тыс. человек: профессоров, инженеров, экономистов, агрономов и служащих.

Кампания по борьбе с «вредительством» захлестнула и военную промышленность. 25 февраля 1930 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление «О ходе ликвидации вредительства на предприятиях военной промышленности». В результате в течение нескольких лет количество инженеров и техников в оборонном производстве сократилось до 6,2 тыс. человек при потребности более 10 тыс. инженеров и 16,5 тыс. техников.

Открытые процессы преследовали политические цели, но наносили экономический ущерб, и власть это осознавала. Поэтому в 1929 г. в Москве из числа осуждённых по делу Промпартии было создано первое «Особое техническое бюро» ОГПУ СССР. За ним последовали другие аналогичные структуры. В них попадали осуждённые специалисты, занимавшиеся совершенствованием и внедрением в производство новых образцов вооружения. В 1934 г. все ОКБ при ОГПУ СССР были расформированы, осуждённые специалисты освобождены.

В 1937–1938 гг. начался новый виток репрессий, что создало сложное положение в оборонных отраслях. Отказаться от репрессий партийно-государственное руководство сразу не могло, но и обескровить конструкторские бюро тоже. Выход был найден в создании в рамках НКВД конструкторских бюро, составленных из осужденных. Соответствующий приказ № 00641 был подписан наркомом внутренних дел СССР Н.И. Ежовым 29 сентября 1938 г.

Уже в сентябре в пороховой промышленности были созданы первые проектные организации. В течение 1939 г. сформированы КБ в области самолётостроения и двигателестроения, военного кораблестроения, артиллерийской техники и т.д.

Для координации их деятельности и эффективного использования труда осуждённых приказом наркома внутренних дел № 0021 от 10 января 1939 г. при НКВД СССР образовано ОТБ со штатом в 82 человека. Все созданные КБ переподчинялись ОТБ и входили в его состав на правах групп: в группе авиационной промышленности работали осуждённые авиаконструкторы Р.Л. Бартини, С.П. Королев, В.М. Мясищев, В.М. Петляков, Б.С. Стечкин, А.Н. Туполев, А.Д. Чаромский и другие; в группе военно-морского судостроения работали Е. П. Иконников, В.И. Кудряшов, М.Ю. Цирульников, Г.Г. Солодчиков,

С.И. Лукашов, С. И. Лодкин и другие; в группе пороха работа велась под руководством А.С. Бакаева, Н.И. Путимцева, Р. М. Фридлендера.

Внутри тюрем НКВД стремился создать все условия для максимально эффективной работы.

Определенные сложности в понимании процессов 1930-х гг. создает их анализ с позиций современности – прав и свобод человека. В конституции РФ 1993 г. они закреплены в качестве универсальных общечеловеческих ценностей. Однако история становления прав человека как политических и идеологических доктрин – это история Западной Европы. Русский либерализм возник не в результате развития социально-экономических процессов, а в результате рецепции. Тем более, не могли мыслить этими категориями члены советского партийно-государственного руководства, чья молодость прошла в дореволюционных тюрьмах и эмиграции.

Литература

1. Анисимов В.Д. Общественно-политические настроения технических специалистов в период октябрьской революции // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2014. № 10. С. 18-21.
2. Донин А.Н., Николаев А.Н. Судьба российской научно-технической интеллигенции после Октябрьской революции // Сб. Чичеринские чтения. «Революционный 1917 год»: поиск парадигм общественно-политического развития мира. Материалы Международной научной конференции. 2018. С. 77-85.
3. Алексеев В.В. Жизнь советского инженера: техническая характеристика // Идкар: методы историко-культурной реконструкции. 2011. 1 (11). С. 132 – 136; Колчанова Ю.С. Жизненный мир советских инженеров 1930-х гг. в зеркале архивно-следственных дел: источниковедческий анализ //Вестник архивиста. 2017. № 2. С. 115 – 127.
4. Зелёв М.В. Сталинские инженеры и хозяйственники в зарубежной историографии 1950–1980-х гг.: от первых подходов до ревизионистской концепции // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 638-647.
5. Шилов В. В. Страницы биографии инженера В.Ф. Чернова в эпоху тоталитаризма // Власть. 2017. Т. 25. № 2. С. 198-202;

Левин В.И. Михаил Львович Цейтлин и развитие кибернетики в СССР // Педагогика и просвещение. 2015. № 2. С. 140-149.
6. Земцов Б.Н. Советский технократизм: 1917–30-е годы XX в. // Гений В.Г. Шухова и современная эпоха / Материалы международного конгресса / Под ред. Н.Г. Багдасарьян, Е.А. Гаврилиной. – М.: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2015. – 320 с.
7. Исаев В.И. Эхо шахтинского процесса в Сибири: жизнь и смерть инженера Жаркова // ЭКО. 2009. № 9 (423). С. 170-182.
8. Зелёв М.В. Сталинские инженеры и хозяйственники в зарубежной историографии 1950–1980-х гг.: от первых подходов до ревизионистской концепции // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 638-647.

Зоткин А.А.

ГОСУДАРСТВО КАК РЕГУЛЯТОР СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ГРАЖДАН: «БОЛЬШОЙ БРАТ» ИЛИ «НОЧНОЙ СТОРОЖ?»

Аннотация. В статье рассмотрен спектр регулятивных функций государства по отношению к социальному поведению граждан. Теоретический конструкт Хабермаса о стремлении системы к поглощению жизненного мира трактуется как стремление власти (государства) к максимально возможному социальному контролю над обществом, установлению монополии в формировании и коррекции правил игры. Изменения технологического уклада и социально-экономических условий общественной жизни в условиях современности стимулируют изменение роли государства, его регулятивных возможностей и эффективных механизмов управления. Государство представлено как внешний регулятор по отношению к личности или социальным группам. Эффективность регулятивных функций государства зависит от степени управляемости обществом. Форма правления и политические механизмы регуляции, которые совпадают со степенью управляемости, будут приняты большинством общества как нормальные и приемлемые. В таких условиях конфликт между внешним регулятором (государством) и объектом управления (обществом) может быть нивелирован или снижен. Политические

элиты представлены как субъекты-медиаторы в управлении обществом, которые действуют в соответствии с логикой и требованиями системы. Они должны постоянно реагировать на внешние вызовы системе и внутренние ожидания общества. Рассмотрены варианты становления и функционирования политических систем, форм правления и характерных для них регулятивных возможностей в зависимости от типа развития общества. Кризис капитализма, который стремится к бесконечному повышению прибавочной стоимости, создает угрозы эффективности управления в странах с инновационным типом развития общества. Общества, для которых был характерен мобилизационный тип развития, имеют больше возможностей для сохранения устойчивости своих политических систем.
Ключевые слова: власть, политическая система, государство, управление, политическая элита, социальный контроль, регуляция поведения.

Zotkin A.A.

THE STATE AS A REGULATOR OF THE CITIZENS' SOCIAL BEHAVIOR: "BIG BROTHER" OR "NIGHT WATCHMAN?»

Abstract. The article considers the range of regulatory functions of the state in relation to the citizens' social behavior. The theoretical construct of Habermas about the desire of the system to absorb the life world is interpreted as the desire of the government (state) to the maximum possible social control over society, the establishment of a monopoly in the formation and correction of the rules of the game. Changes in the technological structure and socio-economic conditions of social life in modern conditions stimulate a change in the role of the state, its regulatory capabilities and effective governance mechanisms. The state is represented as an external regulator in relation to the individual or social groups. The effectiveness of the regulatory functions of the state depends on the degree of governance of society. The form of government and political regulation mechanisms, which coincide with the degree of controllability, will be accepted by the majority of society as normal and acceptable. Under such circumstances, the conflict between the external regulator (state) and the object of management (society) can be leveled or reduced. Political elites are represented as subjects-mediators in the management of society, which act in accordance with the logic and requirements of the system. They must

constantly respond to external challenges to the system and internal expectations of society. The variants of formation and functioning of political systems, forms of government and characteristic regulatory opportunities depending on the type of development of society are considered. The crisis of capitalism, which seeks to increase surplus value indefinitely, poses threats to the effectiveness of governance in countries with an innovative type of development of society. Societies that have been characterized by a mobilization type of development are better able to maintain the sustainability of their political systems.

Key words: power, political system, state, management, political elite, social control, regulation of behavior.

Государство является одним из главнейших регуляторов социального поведения. На протяжении человеческой истории власть была и остается тем системным элементом социальных отношений, который всегда пытается максимально глубоко проникнуть в жизнь и сознание каждого социального актора. Система государственной власти, создаваемая людьми для обеспечения общественного порядка и безопасности, чтобы, как писал Ф. Энгельс, разные составляющие общества не пожрали друг друга в бесплодной борьбе, способна стать гоббсовским Левиафаном. И здесь справедливым представляется высказывание Ю. Хабермаса о том, что система поглощает или колонизирует жизненный мир. Предпосылки для этого создает не только внутренняя логика развития мировой капиталистической системы, согласно которой «системно интегрированные сферы действия должны… функционировать даже ценой технизации жизненного мира» [1, с. 126]. Темпы «наступления» системы на жизненный мир также стимулируют характерные для нынешнего периода развития тенденции: 1) высокий уровень организационного дробления государства; 2) появление новых высокоэффективных (и при этом скрытых) механизмов управления обществом в целом и конкретными социальными единицами в частности; 3) «размывание» в научном дискурсе и широком информационном пространстве сущностного понимания власти, властвующих групп, а также роли государства в регуляции социальных отношений и социального поведения.

Целью данной статьи является рассмотрение в теоретической перспективе вариаций возможностей и форм социального контроля, устанавливаемых политической системой, регуляции государством социального поведения граждан в условиях современности.

В концентрированном виде форма регуляции государством социальной жизни и поведения акторов в ней выражается в следующем определении государственной власти. Государственная власть – это система иерархизированных и несимметричных социальных отношений, в которых один субъект подчиняет другого и изменяет его действия на основе имеющихся у него легитимных прав на применение санкций. Государственная власть закреплена в системе социальных институтов и статусных позиций (должностей), имеющих соответствующие полномочия. Государство осуществляет функции контроля и коррекции социальных отношений, которые входят в сферу его компетенции. В одних обществах в сферу компетенции государства могут входить весьма широкий круг социальных отношений, в нее могут даже входить сегменты приватной жизни. В других обществах сфера государственного регулирования более ограниченна. В них государству отводится роль «ночного сторожа», следящего за соблюдением уже установленных правил игры и вмешивающегося в те социальные отношения, что входят в сферу его полномочий, только при их нарушении. Однако во всех случаях государство всегда остается внешним регулятором по отношению к социальным акторам и социальным образованиям разного уровня и масштаба. Полного единения государства и общества никогда не было (да и вряд ли это возможно в принципе). Однако глубина влияния государства и правящей элиты на общество, сферы регуляции социального поведения и эффективность этой регуляционной политики может быть разной. Одним из важных показателей является отношение к закону как норме, регулирующей поведение. В одних обществах конкретный закон может быть кодифицированной нормой, «проросшей снизу», то есть из уже действующего правила социального поведения. В других обществах этот же закон может быть нормой, «спущенной сверху», по инициативе правящих элитных групп. В этом случае закон будет восприниматься как внешнее принуждающее предписание, противоречащее привычным правилам социального поведения. Такая норма будет или игнорироваться или выполняться только под угрозой применения санкций. Согласно теории институционализации П. Бергера и Т. Лукмана, такая норма внешней регуляции социального поведения («так это делается») потребует долговременного внедрения в повседневные практики, чтобы стать саморегулирующим правилом («мы так делаем») [2, с. 95 – 96].

Во многом регламентирующая активность государства зависит от специфики его отношений с обществом. Размышляя над идеями Ю.

Хабермаса, можем предположить, что система стремится к максимальному поглощению жизненного мира. Иными словами, государство по умолчанию стремится к максимальной регламентации жизнедеятельности общества и тотальной регуляции социального поведения его составляющих. Это закономерный результат не только логики развития самой системы власти, но и влияния субъективных факторов внутри нее. Правящие элиты, будучи идеальными потребителями власти, готовы взять ее ровно столько, сколько будет возможно в рамках данного общества, которое само позволит им это сделать [3, с. 87 – 88]. То есть масштаб и глубина регуляции социального поведения системой государственной власти и управления элитными группами обществом зависит от степени самоидентификации общества и его составляющих с государством, допущения и принятия им распространения власти государства на конкретные сферы своей жизнедеятельности, согласия с нормами, которые утверждаются и поддерживаются государством. Как верно заметил С. Хантингтон, ключевым показателем политического порядка в том или ином обществе является «не форма правления, а степень управляемости» [4, с. 21]. Полагаем, что именно исходя из имеющейся степени управляемости политическая система конкретного общества определяет и утверждает ту или иную форму правления, которая будет наиболее оптимальна для него. Форма правления и политические механизмы регуляции, наиболее совпадающие со степенью управляемости, будут приняты большинством общества как нормальные, приемлемые. Только при таких условиях возможно нивелирование или снижение конфликта между внешним регулятором (государством с определенной формой и механизмами правления) и объектом управления (обществом или отдельных его составляющих со своей степенью управляемости или, иными словами, готовности к принятию тех или иных регулятивных действий).

Также следует оговорить роль правящих элит в политической системе. Полагаем, что в конечном итоге элитные группы являются не инициирующим субъектом, а составляющей частью политической системы, ее проводником и/ или субъектом-исполнителем. Конечно, элиты как наиболее активные социальные группы перманентно пытаются изменить политическую систему под себя, будучи, как говорилось выше, идеальными потребителями власти. Давление элит на конфигурацию политической системы особенно усиливается в переходные периоды, когда социальные институты ослабевают. Именно в такие периоды элиты пытаются перехватить

главенствующую роль в установлении социальных норм и правил. Но в то же время они вынуждены постоянно реагировать на внешние вызовы системе и внутренние ожидания общества (или хотя бы его значительной части), под влиянием которых формируется, сохраняется или, наоборот, изменяется политическая система того или иного общества. От способности элит к реагированию, результатов этих реакций, умения комбинировать ответы на внешние вызовы и внутренние ожидания в нужной пропорции и, в конечном итоге, от их реализации в практических политических действиях напрямую зависит эффективность поддержания элитами степени управляемости в обществе. От чего, в свою очередь, зависит сохранение элитами своей власти и своего положения в социальной структуре. То есть, система управления и набор регулирующих механизмов зависят, в первую очередь, от сформированной исторически политической системы с ее набором норм, правил, отношений и восприятий, и, во вторых, - от элитных групп, их подчиненности системе или же, наоборот, от их попыток ее преобразовать.

Для большего понимания тезисов, изложенных выше, нам необходимо выйти за рамки современного дискурса, оперирующего, преимущественно, понятиями «демократия», «гражданское общество», «социальная активность». С нашей точки зрения, здесь целесообразна апелляция к политической культуре отношений между государством и обществом, которая сложилась исторически на конкретной территории и определенном экономическом базисе. Экономический базис и исторические условия развития государственности определяют, как справедливо отметила О. Гаман-Голутвина, основную конфигурацию типа развития общества [5, с. 33 - 36]. Исходя из этого тезиса, можем предположить, что тип развития общества влиял и влияет на формирование той или иной конфигурации политической культуры, на утверждение определенной роли государства в обществе, на процесс и результаты элитогенеза. Так, например, инновационный тип развития европейских государств способствовал установлению специфических форм отношений между государством и обществом. В странах, где превалировал мобилизационный тип развития (Россия, Китай и др.), устанавливались свои формы политической культуры взаимоотношений между государством и обществом. Логично, что в условиях доминации государства над обществом, его регулирующие функции и сферы их применения будут большими, чем в системах, где государство находится на службе у общества. Разумеется, чистых «оруэлловских» типов тотального регулирования государством всего

и вся в социальной и индивидуальной жизни людей никогда не существовало. Также как и марксистская идея об отмирании государства не была реализована на практике. Тем не менее, мы имеем примеры разного характера и разной степени регуляции социального поведения в Северной Корее и США, странах арабского Востока и Западной Европы.

К этому мы можем добавить два важных замечания. Во-первых, несмотря на различия исторических условий и результаты формирования политических систем, контроль над социальным поведением граждан и его регуляция являются неотъемлемой функцией каждого государства. Разница лишь в формах, степени и глубине регуляции. По наблюдению Дж. Кампфнера контроль над политическим поведением граждан осуществляется довольно интенсивно как в Китае, Сингапуре, России, Саудовской Аравии, Индии, так и в Великобритании, Италии, США [6]. Во всех перечисленных странах осуществляется довольно строгий контроль над политическими партиями, неправительственными организациями, работой СМИ, политическими акциями и публичными высказываниями. Система защищает себя от возможного ущерба, используя все возможные и приемлемые механизмы. В странах Запада контроль и управление имеют более тонкие формы коррекции культурно-информационного пространства на глобальном и региональном уровнях. Можем предположить, что такой механизм регуляции будет гораздо более эффективен, чем прямая директива или запрет. Автор трехмерной модели власти С. Льюкс считал контроль над убеждениями и ценностями самой коварной формой власти [7, с. 27, 45].

Во-вторых, в одной стране могут быть регионы с разными условиями формирования политической культуры. То есть, одно общество может состоять из групп с разными культурными традициями и производными от них формами отношений между государством и гражданами и их политического поведения. Причем культурные традиции способны оказывать на политическую систему влияние той или иной степени довольно продолжительный период времени (вплоть до столетий). Что подтвердили результаты исследований итальянского общества, проведенного Р. Патнэмом [8].

В странах, где исторически превалировал, согласно терминологии О. Гаман-Голутвиной, мобилизационный тип развития общества, свою эффективность сохранили источники легитимации государственной власти, основанные на долгосрочной традиции взаимоотношений государства и общества. Соответственно, в таких

странах не до конца исчерпанными остались традиционалистские механизмы государственного управления общественными процессами и регуляции государством социального поведения граждан. Сложнее ситуация в странах, где исторически превалировал инновационный тип развития общества. В развитых странах Запада, где традиционные источники легитимации власти уже исчерпаны и основанные на них механизмы управления уже малоэффективны, превентивное значение имеют ценности, с одной стороны, демократии и индивидуалистических свобод, а с другой – результативность капиталистического способа производства. Между экономическим базисом, стремящимся к бесконечному повышению производительности труда и прибавочной стоимости, и его политической надстройкой, созданной для защиты, по Хабермасу, целостности жизненного мира и его примата над интегрированными в системы сферами действия, наблюдается определенное противоречие. Фактически демократия и капитализм имеют смежные, но разнонаправленные векторы и, соответственно, результаты. Поэтому западный мир в современных условиях стоит перед дилеммой попеременного принесения в жертву какого-либо из этих сегментов ради сохранения жизнеспособности его визави. То есть, в одних условиях механизмы повышения экономической результативности могут сдерживаться ради сохранения политической стабильности, и наоборот – сфера политических свобод может сокращаться в условиях необходимости экономического роста. Ю. Хабермас высказал мысль о том, что в нынешних условиях сдерживание политической активности обеспечивается поддержанием форм «государства благоденствия», где сокращение свобод компенсируется повышением социальной защиты граждан и расширением их потребительских возможностей. Такая политика трансформирует роль гражданина, предлагая ему взамен удобную роль клиента, которая «делает приемлемым ставшее абстракцией, лишившееся смысла политическое участие» [1, с. 131], а также переводит классовые конфликты в латентное состояние. Идеи Хабермаса подтверждаются в результатах наблюдений Дж. Кампфнера, который привел многочисленные факты реализации в разных государствах с отличающимися культурными традициями и формами государственного устройства такой политики сдерживания политической активности граждан посредством механизмов повышения их благосостояния [6]. Механизм экономической компенсации, с нашей точки зрения, не может быть универсальным и долгосрочным. Во-первых, он использовался странами западного мира во второй половине XX века для нивелирования классовых

конфликтов в условиях сосуществования с социалистическими системами, которые предлагали иную модель. После распада СССР и вовлечения в систему мировой торговли Китая, где началось стремительное социальное расслоение, такая необходимость отпала. Во-вторых, эффективное использование этого механизма возможно лишь в условиях сохранения постоянной динамики экономического роста, с чем современная капиталистическая система испытывает серьезные проблемы (отсутствие новых источников доходов, кризисы перепроизводства, виртуализация капиталов и др.). И в таких условиях общества, для которых был характерен мобилизационный тип развития, имеют относительно б*о*льшие возможности для сохранения устойчивости своих политических систем.

Литература

1. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма / Ю. Хабермас // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1993. – Вып. 2. – С. 123 – 136.
2. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман – М.: "Медиум", 1995. – 324 с.
3. Зоткин А. А. «Львы» и «лисы» украинской политики / А.А. Зоткин. - К.: Институт социологии НАН Украины, 2010. - 341 с.
4. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон. — М.: Прогресс-Традиция, 2004. — 480 с.
5. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции / О.В. Гаман-Голутвина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 448 с.
6. Кампфнер Д. Свобода на продажу: как мы разбогатели — и лишились независимости / Д. Кампфнер. — М.: Астрель: CORPUS, 2012.
7. Льюкс, С. Власть: Радикальный взгляд / С. Льюкс. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — 240 с. — (Политическая теория).
8. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. – М.: Ad Marginem, 1996. – 287 с.

Иванков К.В.

ВЗГЛЯДЫ РОССИЙСКОЙ И УКРАИНСКОЙ ЭЛИТ НА ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ДВУМЯ СТРАНАМИ (1991 – 2005 гг.)

Аннотация. В работе рассмотрена проблема российско-украинских отношений. Дана оценка состоянию отношений между двумя государствами в период с 1991 по 2005 годы. Приведены доктринальные положения, а также позиции экспертов по данному вопросу.

Ключевые слова: российско-украинские отношения, элита, внешняя политика.

Ivankov K.V.

THE VIEWS OF THE RUSSIAN AND UKRAINIAN ELITES ON THE PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF RELATIONS BETWEEN THEIR COUNTRIES (1991 – 2005)

Abstract. In this study there is considered the problem of the Russian-Ukrainian relations. An assessment of the state of relations between the two states in the period from 1991 to 2005 is given. Also there are given doctrinal and expert positions on this issue.

Keywords: Russian-Ukrainian relations, elites, foreign policy

Российско-украинские отношения сегодня находятся в глубоком кризисе. Агрессивная риторика украинской стороны, а также ставшая в последние годы «традиционной» практика обвинять Россию во всех промахах украинского правительства лишь усугубляют сложившееся положение. В этом отношении исследование трансформации отношений между двумя соседними государствами, обладающими длительной общей историей, а также культурными и ментальными связями, представляется актуальным. Подобный анализ позволит определить, каким образом отношения между Россией и Украиной перешли в кризисную стадию, а также выявить, какие именно факторы обусловили такую трансформацию.

В этом контексте следует сфокусировать внимание на тех точках бифуркации, в которых отношения между двумя государствами изменяли свой вектор. Одной из таких точек стали события, известные в историографии как «Оранжевая революция».

Целью данной работы является определить, как изменились российско-украинские отношения в период с 1991 по 2005 годы, а также какую роль в данной трансформации сыграл политический кризис 2004-2005 годов на Украине.

В контексте рассматриваемой темы, прежде всего, следует обратить внимание на доктринальные основы, на которых зиждется внешняя политика двух государств. Украинскую внешнюю политику в рассматриваемый период определяли следующие документы: Конституция Украины, Концепция (основы государственной политики) национальной безопасности Украины (1997 г.), Закон Украины «Об основах национальной безопасности Украины» (2003 г.), Постановление Верховной Рады Украины «Об основных направлениях внешней политики Украины» (1993 г.).

Анализ доктринальных положений, определяющих внешнюю политику Украины в рассматриваемый период, позволяет утверждать, что после обретения независимости в 1991 году, Украина взяла курс на более тесную интеграцию с европейскими государствами, европейскую самоидентификацию, а также потенциальное участие в европейских интеграционных проектах. Ключевыми представляются положения, изложенные в Постановлении Верховной Рады Украины «Об основных направлениях внешней политики Украины». В тексте документа были зафиксированы приоритетные векторы развития страны и модели её взаимодействия с другими акторами на международной арене, среди которых особо выделялись СНГ, Европейский союз и США. В разделе под названием «Направления, приоритеты и функции внешней политики Украины» говорилось, что сотрудничество с европейскими государствами поспособствует демократизации Украины и создаст ей необходимые условия для вхождения в общеевропейское пространство. Более того, приоритетной целью провозглашалось членство Украины в Европейском союзе. Отношения с государствами Запада так оценивались в этом документе: «Западным государствам принадлежит ведущая роль в современной международной системе, в частности, во всемирном экономическом комплексе и в межгосударственных институциональных механизмах управления глобальными и региональными процессами. Исходя из этого, определяющей чертой внешней политики Украины относительно этих государств является установление с ними отношений политического и военного партнёрства, взаимовыгодного

экономического сотрудничества, широких культурных, научных, гуманитарных связей.

Развитие отношений с западноевропейскими государствами создаст условия для восстановления давних политических, экономических, культурных, духовных связей Украины с европейской цивилизацией, ускорения демократизации, проведения рыночных реформ и оздоровления национальной экономики. В то же время, такое сотрудничество станет основой для расширения участия Украины в европейских структурах и будущего интегрирования её хозяйства в общеевропейское и мировое экономическое пространство» [1].

Положения, изложенные в данном документе, подтверждают тезис о западном векторе интеграционной политики Украины. Кроме того, в рамках данного документа оговаривались и положения относительно российско-украинских отношений: «В связи с особенностями исторического развития и спецификой геополитического и геоэкономического положения Украины, доминантой двусторонних отношений с пограничными государствами являются российско-украинские отношения. Для Украины они являются отношениями особого партнёрства, поскольку от их характера в значительной мере будет зависеть судьба прогрессивного демократического развития, как Украины, так и Российской Федерации, стабильность в Европе и во всём мире. Противодействуя любым территориальным претензиям или попыткам вмешательства в свои внутренние дела, Украина будет предпринимать все меры для переведения отношений с Россией в русло настоящего добрососедства, взаимоуважения и партнёрства. Украина будет направлять свои внешнеполитические усилия на то, чтобы стать надёжным мостом между Россией и странами Центральной и Восточной Европы. В этом контексте чрезвычайно важное задание состоит в активизации деятельности, направленной на осознание обеими сторонами бесперспективности и пагубности курса на конфронтацию в украинско-российских отношениях» [1].

В контексте рассмотрения внешней политики Российской Федерации необходимо отметить, что её доктринальные основы в рассматриваемый период были определены, в числе прочего, в рамках следующих документов: Конституция Российской Федерации, Концепция внешней политики Российской Федерации, Концепция национальной безопасности Российской Федерации, Концепция государственной политики Российской Федерации в

области международного научно-технического сотрудничества, Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации.

Анализ указанных документов позволяет заключить, что Российская Федерация стремилась установить добрососедские отношения с постсоветскими государствами. В то же время, следует отметить, что разрыв в политических и экономических отношениях, последовавший за крушением Союза Советских Социалистических Республик, наиболее болезненно был воспринят именно в случае с Украиной. Более того, впоследствии отдельные российские политики высказывали критику в отношении политики Украины, а также подвергали критике положения об украинской независимости (В. Жириновский).

Если же попытаться охарактеризовать внешнюю политику России в отношении Украины в рассматриваемый период, то можно обнаружить, что Россия старалась оказывать воздействие на Украину и сохранять над ней косвенный контроль. Так, например, П. Пашковский, выделяя четыре модели интеграции Российской Федерации и новых независимых государств, характеризует взаимодействие РФ и Украины как модель стратегического контроля при сохранении государственного суверенитета [3, с. 44]. В рамках своей монографии он также указывает: «Необходимость оказания давления на Украину обусловлена стремлением РФ в перспективе укрепить свои позиции в регионе ННГ, создав здесь зону российского влияния, которая, возможно, примет форму нового интеграционного проекта» [4, с. 126]. В. Пастухов, характеризуя состояние российско-украинских отношений после «Оранжевой революции», также указывает на факт вмешательства российской стороны в политическую жизнь Украины в целях защиты своих геополитических и экономических интересов [2, с. 33].

Таким образом, мы можем наблюдать, что в рассматриваемый период российско-украинские отношения осложнялись, с одной стороны, стремлением Украины интегрироваться в европейские структуры, и, с другой стороны, попытками России сохранить связи и контроль над ближайшим соседом с целью обеспечения собственной безопасности, а также отстаивания национальных интересов.

Литература

1. Об основных направлениях внешней политики Украины: Постановление Верховной Рады от 02.07.1993

[Электронный ресурс] — Режим доступа: https://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=3360-12

2. Пастухов В. Б. Украина — не с Россией (Причины и последствия стратегических просчетов российской политики по отношению к Украине) [Электронный ресурс]. – Полис. Политические исследования. – 2005. - №1. – С. 25-36. DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2005.01.03

3. Пашковский П. И. Евразийская интеграция: Учебное пособие для обучающихся по магистерской программе «Политические институты, процессы и проблемы международных отношений» направления подготовки 41.04.04 Политология очной формы обучения [Текст] / П. И. Пашковский. – Саки: ИП Бровко А. А., 2017. – 80 с.

4. Пашковский П.И. Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991— 2011 гг.) / П.И.Пашковский. – Киев: Интерсервис, 2012. – 189 с.

Киуру К.В.

ФЕЙКОВЫЙ КОНТЕНТ В МЕДИА КАК ОБЪЕКТ КОММУНИКАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. Современная медиасреда характеризуется своими месседжами, построенными по традиционным ньюсмейкинговым (как в журналистике, так и в PR) моделям, и сторителлинговым, нарративным. Трендом для медиасреды стало использование различных фейков.

Ключевые слова: медиасреда, контент, месседж, фейк, онлайн-коммуникации.

Kiuru K.V

FAKE CONTENT IN MEDIA AS AN OBJECT OF COMMUNICATION STUDIES

Abstract. The contemporary mass media content is characterized with its messages, built according the traditional news-making (both in journalism and in PR) models, and story-telling, narrative ones. The trend for the mass media content is the use of various fakes.

Keywords: mass media space, content, message, fake, online-communication.

Любые изменения в медиасреде ведут к изменениям медиасистемы; последняя, в свою очередь, отражает иное качество коммуникаций (по характеру акторов, каналов, эффектов), что, несомненно, становится объектом внимания исследователей массовых коммуникаций. Здесь необходимо подчеркнуть, что речь идет о не традиционной системе массовой информации (если только не «расширительно» трактовать ее, исходя из современных реалий, существующих в медиапространстве), а именно о системе массовых коммуникаций, включающих и кинематограф, и художественную литературу, которые имеют возможность свободной трансляции по различным каналам, в том числе и по digital-каналам.

Новые медиа изменяют количество и качество коммуникаций между их акторами. Интенсификация информационных обменов оказывает активное влияние на те публичные медийные практики, которые обеспечивают восприятие и распределение информации, на характер социальных взаимоотношений и взаимодействий участников данных обменов. По мнению Д. Вольтона, «приход Интернета делает акцент на общности прогресса техники и прогресса коммуникации» [21].

Факты, представленные в современных исследованиях, показывают, что: 1) 62% взрослых в США получают новости в социальных сетях [8]; 2) наиболее популярные поддельные новости были более широко распространены на Facebook, чем самые популярные настоящие новости [15]; 3) многие люди, которые видят поддельные новости, говорят, что им верят [16]; и 4) наиболее обсуждаемые фальшивые новости были об избирательной кампании Дональда Трампа и его победе над Хиллари Клинтон [15].

Современная медиасреда характеризуется своими месседжами, построенными по традиционным ньюсмейкинговым (как в журналистике, так и в PR) моделям, и сторителлинговым, нарративным [1]. Трендом для медиасреды стало использование различных фейков.

Хотя для многих термин «фальшивые новости» может показаться совершенно новым, он давно используется в научных исследованиях. Ученые ранее применяли термин для изучения «сатирических новостных шоу» [13, 14], «пародийных новостных шоу» [6], «ложных новостных комедийных шоу» [10] или просто

«ложных новостных шоу» [12, 17]. Политическая сатира в телешоу формировала «поддельные новости» как жанр» [3].

Такие шоу обеспечивали большой охват реальных проблем и стали основным источником новостей для многих молодых зрителей [10]. Их новостные материалы назывались фальшивыми не за их содержание, а за пародирование сетевых новостей, использовавших сарказм и смех для обсуждения реальных общественных вопросов.

В последнее время термин «поддельные новости» приобрел новое значение. Оно относится к конкретным новостным сообщениям, которые выходят либо в СМИ (онлайн или офлайн), либо в социальных сетях и не имеют фактической основы, но представлены как факты, а не сатира. Это могут быть новости, редакционные статьи, расследования и другое, которые обманывают аудиторию намеренно [2, 14] и осознанно [9], с целью получения политической или денежной выгоды.

Поддельные новости часто распространяются теми, кто не знает, что эти факты неверны [9]. Поддельные новости начинаются, когда ложная информация распространяется несколько раз и заканчиваются, когда факты больше не передаются [7].

Facebook, на котором появилось много фальшивых новостей, предложил собственное определение поддельных новостей [18]. Facebook определил «фальшивые новости» как «дезинформацию» или «неточную и манипулирующую» информацию (контент), которая распространяется намеренно и может включать более тонкие методы подачи неточных цитат или фактов, или сознательного усиления предвзятой или вводящей в заблуждение информации. Facebook также провел четкое различие между поддельными новостями и дезинформацией, то есть непреднамеренным распространением неточной информации без злого умысла.

Поскольку изучение поддельного контента представляет собой новое исследовательское поле, к настоящему времени было опубликовано ограниченное количество научных исследований по этой проблеме.

В одном из самых ранних исследований поддельных новостей [11] было обнаружено, что в ситуации, когда люди неоднократно подвергались воздействию поддельных новостей, представленных как реальные, они часто приписывали эти факты другим, более надежным источникам. Был сделан вывод о том, что распространение поддельных новостей среди молодой аудитории может быть связано с низкой способностью студентов

верифицировать информацию, получаемую в Интернете, следовательно, должна вестись работа по повышению медиаграмотности [4, 19].

Результаты опроса о роли фальшивых новостей в президентских выборах 2016 года [2] показывают, что только 8% респондентов видят и верят поддельным новостям. Другое исследование показывает, что студенты колледжей США очень плохо подготовлены к дифференциации реальных и поддельных новостей [20]. Исследования [7] выявили три фактора, способствующие тому, чтобы аудитория верила поддельным новостям: сам сюжет, контекст и источник.

Таким образом, как показывает обзор работ, изучение фейкового контента в медиа стало трендовым направлениям в современных коммуникационных исследованиях.

Литература

1. Adam J.-M. Genre de récits. Narrativite et générativité des textes. Louvain-la-Neuve, Academia, 2011.

2. Alcott H., Gentzkow M. Social Media and Fake News in the 2016 Election. Retrieved from Stanford University. https://doi.org/10.3386/w23089.

3. Balmas M. When Fake News Becomes Real: Combined Exposure to Multiple News Sources and Political Attitudes of inefficacy, Alienation, and Cynicism. Communication Research, 2014. № 41(3). P. 430-454.

4. Craft S., Ashley S., Maksl A. Elements of News Literacy: A Focus Group Study of How Teenagers Define News and Why they Consume it. Electronic News. 2016. № 10 (3). P. 143-160.

5. Craig D. A. Wal-Mart Public Relations in the Blogosphere. Journal of Mass Media Ethics. 2007. № 22 (2).

6. Day A., Thompson E. Live From New York, It's the Fake News! Saturday Night Live and the (Non)Politics of Parody. Popular Communication. 2012. № 10. P. 170–182. https://doi.org/10.1080/15405702.2012.638582.

7. Giglietto F., Iannelli L., Rossi L., Valeriani A. Fakes, News and the Election: A New Taxonomy for the Study of Misleading Information within the Hybrid Media System. Retrieved February 9, 2017, from SSRN: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2906444.

8. Gottfried J., Shearer E. "News Use across Social Media Platforms 2016." Pew Research Center, May 26, 2016.

http://www.journalism.org/2016/05/26/news-use-acrosssocial-media-platforms-2016.

9. Klein D. O., Wueller J. R. Fake News: A Legal Perspective. Journal of Internet Law. 2017. № 20 (10). P. 6-13.

10. Pavlik J. V. Fake news: One Man's Experience on The Daily Show with Jon Stewart. Television Quarterly. 2005. № 36 (1). P. 44-50.

11. Polage D. C. Making up History: False Memories of Fake News Stories. Europe's Journal of Psychology. 2012. № 8(2). P. 245–250.

12. Rahman S., Marjan S. M. Talk Shows in Bangladeshi Satellite TV Channels: Audience Perceptions and Perspectives. Social Science Review. 2013. № 30(2). P. 147-164. https://doi.org/10.2139/ssrn.2634598.

13. Reilly I. Satirical Fake News and/as American Political Discourse. The Journal of American Culture. 2012. № 35(3). P. 258-275.

14. Rubin V. L., Chen Y., Conro N. J. (). Deception Detection for News: Three Types of Fakes. Paper Presented at Annual Meeting of the Association for Information Science and Technology, 2015. https://doi.org/10.1002/pra2.2015.145052010083.

15. Silverman C. “This Analysis Shows how Fake Election News Stories Outperformed Real News on Facebook.” BuzzFeed News 2016. № 16.

16. Silverman C., Singer-Vine J. “Most Americans Who See Fake News Believe It, New Survey Says.” BuzzFeed News, December 6, 2016.

17. Storksdieck M. Critical Information Literacy as Core Skill for Lifelong STEM Learning in the 21st Century: Reflections on the Desirability and Feasibility for Widespread Science Media Education. Cultural Studies of Science Education. 2016. № 11. P. 167-182.

18. Weedon J., Nuland W., Stamos A. Information Operations and Facebook. Retrieved from Facebook. https://fbnewsroomus.files.wordpress.com/2017/04/facebook-and-information-operations-v1.pdf.

19. Williams B. J. Educating the Public Through News Media (Master's Thesis). Retrieved from https://qspace.library.queensu.ca/handle/1974/14982.

20. Wineburg S., McGrew, S. Why Students Can't Google their Way to the Truth. Retrieved from Education Week: http://www.edweek.org/ew/articles/2016/11/02/why-students-cant-google-their-way-to.html.

21. Wolton D. La communication, les hommes et la politique. Paris: CNRS, 2015.

Ковальска-Стус Ханна

ТОЛКОВАНИЕ СЛОВ «СВОБОДА» И «ПРАВДА» КАК ОСНОВА РАСКОЛА РУССКОГО МИРА

Аннотация. Толкование слова «свобода» связано с моделью культурного развития. Чаще всего появляется в идеологии консервативного либерализма. В современной России она ссылается на православные ценности, однако выходит за рамки отечественной культуры. Свободу понимают, согласно протестантской традиции, как внешнюю свободу – права человека. Православная традиция провозглашает внутреннюю свободу – свободу духовную, что означает освобождение от внешних детерминант. Свобода является основой бытия, онтологической категорией. Она не зависит от моральной сферы, от выбора между добром и злом. Ценности незаменимы, если избраны при помощи так понимаемой свободы. Потому многократный выбор не необходим. Свобода не должна быть абсолютизирована, поскольку воля, оставаясь свободной по отношению к ценностям, подчиняется высшей категории, какой является правда.

Ключевые слова: свобода, правда, русская культура.

Kowalska-Stus Hanna

INTERPRETATION OF THE WORDS "FREEDOM" AND "TRUTH" AS A BASIS OF THE SPLIT OF THE RUSSIAN WORLD

Abstract. The way of defining freedom is connected with the cultural development model. The word freedom most often appears in ideology of conservative liberalism. In modern Russia, it refers to Orthodox values, but it goes beyond the framework of native tradition and culture. Protestant tradition defines freedom as external freedom – human rights. The Orthodox tradition proclaims internal freedom – spiritual freedom, which means freedom devoid of external determinants. Freedom is the foundation of existence which is an ontic category not dependent on the moral sphere or the choice between good and evil. The choice of values is irreplaceable if they were chosen with the help of freedom understood in such a way. Therefore, it is not necessary to make a multiple choice. At the same time, freedom cannot

be absolutized because the will remains free towards value since truth is the supreme category.

Keywords: freedom, truth, Russian culture.

Проблема свободы относится к проблеме выбора модели культурного развития. Сегодня она ставится наиболее ярко там, где корни культуры не питаются римским источником. Консервативный путь воспринимается там преимущественно как тот, который поможет сберечь фундаменты родной традиции, все то, что в ней является самым ценным, и одновременно позволит включиться вооруженными в процесс глобализации, которая понимается как явление, прежде всего, экономическое, но становится все более очевидным факт, что пользуется она иструментами культурного влияния.

Слово свобода чаще всего выступает в идеологии либерального консерватизма, потому в самом начале посвятим внимание этой перспективе понимания свободы. Т.н. консервативные либералы в современной Росии ссылаются на православные ценности, однако, как правило, выходят за рамки традиции родной конфесии и культуры. Причиной является факт, что либерально настроенное мировоззрение всегда стремилось к переоценке традиционных систем в свете действующих общественных свобод. В итоге идеология либералов ведет к разграничению религии Христа и религии Церкви, провозглашает свободу от норм церковного управления, что обозначает отрицание самой традиции.

Русские либералы создают новый тип религиозного сознания, в котором вера заменяется мировоззрением. Они провозглашают постулат модернизации России и одновременно выступают против византийской традиции православия. Сегодня либералы определяют свою программу термином – динамичный консерватизм [1].

Идеологи второго варианта политического прогнозирования, это борющиесяся, прежде всего, против американского глобализма, неоевразийцы. Эта борьба ведется с применением идеологических орудий постмодернизма. Современное евразийство является многоаспектным, ставящим перед собой различные задачи, движением междунароного масштаба. Его русским лидером является Александр Дугин – человек, отличающийся сильной индивидуальностью и интллектуальным потенциалом. Свобода в этом движении проявляется в отсутствии каких-либо ограничений в системе политическо прогнозирования. Все элементы политического пространства приемлемы, все варианты дозволены для создания

анти-Америки, также и православные. Церкви предназначена роль вспомогательного института.

Более интересным и совсем в Польше неизвестным современным русским консервативным, но не либеральным идеологом является Михаил Назаров. Его мысль вырастает с корней православной культуры, которая имеет однозначно эсхатологический характер. В связи с этим Россия и ее история понимается как пространство эсхатологического спасения. Свобода исполняет роль вех, направляющих соборную общественность к спасению.

Слово свобода на славянском языке звучало: *свобьство*. Греческому слову *элефтерия* ап. Павел придал более глубокое значение – духовной свободы во Христе. «Ибо написано: Авраам имел двух сынов, одного от рабы, а другого от свободной. Но который от рабы, тот рожден по плоти; а который от свободной, тот по обетованию. В этом есть иносказание. Это два завета: один от горы Синайской, рождающий в рабство, который есть Агарь, ибо Агарь означает гору Синай в Аравии и соответствует нынешнему Иерусалиму, потому что он с детьми своими в рабстве; а вышний Иерусалим свободен (eleutheros, гр. ελεύθερος): он - матерь всем нам» (Гал 4:22-6).

В высказываниях православных богословов на тему свободы мы встречаемся с двумя дефинициями понятия свобода: внешняя свобода – права человека, и внутренняя свобода – духовная, которая осуществляется в сотрудничестве с Духом Святым и ведет к преодолению эгоизма и страстей.

Свобода – это не обыкновенная возможность выбора между добром и злом, свободу рассматривают в метафизической перспективе. Отождествление с метафизической перспективой влечет за собой моральное поведение не наоборот. Свобода – это освобождение от внешних детерминант.

Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода (2 Кор. 3,17). И познаете истину, и истина сделает вас свободными (И 8, 32). Это чаще всего призываемые слова Нового Завета во время дискуссий на тему сути свободы.

Человек-ипостасис – личность, независимая от психологически-общественного контекста, созидает человека, царит над ним и может направить свою волю исключительно на обладание самим собой или вверить себя Богу и тогда приобрести вновь природу всечеловека, второго Адама. Это преодоление ситуации, когда, после первородного греха, ипостасии стали ограниченными индивидами.

На первый план выдвигается тезис, что человек является одновременно личностью и индивидом. Личность имеет эсхатологический сверхземной характер, индивид прикреплен к земле. Зло понимается в этом контексте как незнание собственного начала – генесис.

Свобода (Божия воля, энергии, логос) является условием бытия, онтологической категорией, не может притесняться моральной областью, выбором между добром и злом [10]. Руководство, направленное на ценности, должно быть беспременным, если были они избраны при помощи так понимаемой вольной воли, направленной на цель бытия. Одновременно не должно оно быть абсолютизировано, так-как воля остается свободной по отношению к ценностям. Воля не ограничена никак ценностями ею избранными. Критерием осуществления добра не является моральный выбор, только единство с Богом в любви. Протоиерей Василий Попов обращает внимание на факт, что в современном мире свобода имеет ограниченный смысл и относится к политически-общественной свободе [7]. О свободе в смысле аксиологического самооопределения личности по отношению к метафизике нет речи в свободном мире. Климент Александрийский в Педагоге напоминает, что мы не должны притворяться, что мы свободные, но по настоящему быть свободными [4]. Рабство в правде, это суть свободы не ограниченной выбором между добром и злом, но увереннной в правде о двух волях во Христе: Божией и человеческой.

На основании приведенного выше разграничения личности и индивида, были построены две категории ценностей: положительная, свобода личности, социальное равенство и эсхатологическая – преображение человека в перспективе прады.

Либеральная демократия опирается на суммарную волю индивидов, для которых государство является арбитром и сторожем имущества. Плюрализм и равенство предпочитаются истине. Причиной является злоупотребление свободой индивида, в отличие от марксизма, который стремился к преодолению свободного человека. Принцип отделения Церкви от государства считается превосходящим над выработанным в Византии, принципом симфонии церковно-государственной власти. В таких условиях исчезает подлинное знание о смысле истории, которого не учитывают стандарты современной политики.

Примером могут служить украинские события на Майдане. Им сопутствовали круглосуточные комментарии в СМИ и никто ни с

украинской, ни русской, ни польской стороны даже не намекнул на христианские ценности, хотя внутренние конфликты на Украине имеют также глубокие конфессиональные корни. Как оказалось, сейчас привели они к расколу, причиной которого было восприятие свободы в политическом ключе. Данная практика политической жизни в современном мире противоречит убеждению, что только всесторонний анализ всех уровней государственно-политической жизни, согласно координатам христианской историософии, дает возможность понимания происходящего. Для либерально-глобального мира характерно, что внутренняя и внешняя политика государств потеряли четкие границы и слились воедино. Т.н. демократический мир противостоит России не как политическому организму, а как местоблюстительнице других стандартов.

Следующей существенной проблемой, связанной с темой свободы, является роль литературы в русской культуре. В ней можно выделить два течения. Одно связано с западной демократией (как действующей альтернативой, как примером внешней свободы, жизненного уровня), второе с национальной исторической Россией. Этот первый тип стал более рапространенным, особенно среди гуманитарной интеллигенции, он основывался на желании большей личной свободы. Второй тип нуждался в возвышении личной свободы до уровня нации, на котором возможно совершенствование личности. Представителем этого типа является Солженицын, который в 1974 году опубликовал известный манифест «Жить не по лжи».

Спор между двумя позициями касается способа понимания человека и его свободы. С одной стороны, мы имеем дело с внешней, чисто юридической свободой, созданной человеком ради собстенного удовлетворения. С другой сторны, речь идет о свободе соборной личности к спасению.

Литература

1. Аверьянов В. О смысле неоконсерватизма // www.pravoslavie.ru/analit/rusideo/rusneoconservatism.htm.

2. Геронимус Александр прот. Знание в свете антропологии прп. Максима Исповедника, Православное учение о человеке. - Москва-Клин: Синодальная Богословская Комиссия, 2004. – С. 82 – 84.

3. Ефрем Сирин. О свободной воле человека // http://arminiantheology.wordpress.com/2010/08/26/osvch/

4. Климент Александрийский. Педагог // http://mystudies.narod.ru/library/c/clem_alex/tutor1.htm
5. Кьеза Д. Джульетто. Прощай, Россия! Пер. Э.Двин, А.Зафесова. – М., 1998. 260 с.
6. Назаров Н. Вождям Третьего Рима // http://www.rusidea.org/?a=410000.
7. Николаева О. Православие и свобода // http://lib.eparhiasaratov.ru/books/13n/nikolaeva/freedom/14.html.
8. Петрухин В. Политический исихазм и его традиции в социальной концепции Московского Патриархата. – Санкт-Петербург, 2009.
9. Попов Василий, протоиерей. Православие и свобода. – М., 1998 // http://www.wco.ru/biblio/books/popov1/main.htm?mos.
10. Шкуро С. Метафизика свободы // http://kds.eparhia.ru/publishing/sobesednik/perviy/articleseven.
11. Kowalska-Stus, H., Człowiek w kulturze prawosławnej. Ze szczególnym uwzględnieniem kultury rosyjskiej // Obraz człowieka w kulturach słowiańskich, red. H. Kowalska-Stus, Prace Komisji Kultury Słowian PAU, red serii L. Suchanek, T XIII, Kraków 2012: Wyd. PAU, S. 5-20.
12. Kowalska-Stus, H., Wolność w perspektywie prawosławnej // Oblicza wolności, red. R. Łętocha, Oświęcim 2010, Wyd. PWSZ Oświęcim. S. 75-81.
13. Kowalska-Stus H. Свобода и правда в отношениях Запад – Россия. На основе работы Михаила Назарова «Вождю Третьего Рима» // Wolność w kulturze rosyjskiej, red. H. Kowalska-Stus. A. Krzywdzińska, Wyd. UJ, Kraków 2015. S. 61-78.
14. Kowalska-Stus H. Различия между онтологическими основами польской и русской культур. Человек. Свобода. История. Государство. „Nowa Polityka Wschodnia” 2017. № 2 (13). S. 123-145.

Когут В.Г., Нурышев Г.Н.

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: СОВРЕМЕННЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

Аннотация. В работе дается характеристика евразийского пространства. Отмечается, что регионы евразийского пространства создают сетевую структуру. Указывется, что турбулентный характер процессов на евразийском пространстве в современных условиях породил ряд геополитических вызовов и угроз. Сегодня практически все евразийское пространство становится ареной геополитического противоборства, разновекторные интеграционные процессы в нем приняли характер жесткой интеграционной конкуренции.

Ключевые слова: евразийское пространство, геополитические вызовы и угрозы, геополитическое противоборство, интеграционная геополитическая конкуренция.

Kogut V.G., Nuryshev G.N.

EURASIAN SPACE: MODERN GEOPOLITICAL CHALLENGES AND THREATS

Abstract. This paper describes the Eurasian space. It is noted that the regions of the Eurasian space create a network structure. It is indicated that the turbulent nature of the processes in the Eurasian space in modern conditions gave rise to a number of geopolitical challenges and threats. Today, almost the entire Eurasian space is becoming the arena of geopolitical confrontation, different vector integration processes in it has the nature of fierce integration competition.

Keywords: Eurasian space, geopolitical challenges and threats, thalassocracy, geopolitical confrontation, integration geopolitical competition.

Понятие «Евразия» было введено в политический лексикон еще в конце XVIII века. Пространство Евразии как некая целостность представляет собой не только географический континент, но и совокупность исторических, экономических, религиозных, геополитических императивов, которые предопределяют общность исторических, геополитических и геоэкономических процессов, формирующих евразийскую мир-систему.

Следует отметить, что понятие евразийского пространства толкуется исследователями двояко. «В широком смысле — как громадное пространство евразийского континента от пролива Гибралтар до самых восточных и юго-восточных берегов Азии, омываемых Тихим океаном, конкурентным преимуществом которого является геополитическое месторасположение с наличием богатейших полезных ископаемых, уникальной среды обитания растительного и животного мира, водных, рекреационных и энергетических ресурсов и т.д. В узком смысле евразийское пространство нередко отождествляют с территорией Восточной Европы, Северной Азии, Российской Федерации и постсоветского пространства, объединенного в СНГ, которое выступает в роли региональной евразийской интеграционной организации»[5, с.26].

Не менее важным в теоретико-методологическом ключе является представление о том, что «евразийская пространственная организация полиморфна. Общая конструкция евразийского пространства — это каркас немногих мощных центров, связанных горизонтально или иерархически. Регионы евразийского пространства создают сетевую структуру: вступают в союзы, договорные отношения друг с другом и с иностранными государствами на разных уровнях, образуют коалиции и контркоалиции, различия которых оказываются довольно размытыми. Заметно сращивание периферийных территорий евразийского пространства с сопредельными государствами, которое, как правило, происходит вследствие влияния зарубежных геополитических центров. Функциональная фрагментация и дезинтеграция в евразийском пространстве сочетается с консолидацией, пространственной реинтеграцией, включением в регионы фрагментов тех или иных территорий уже в новых пространственных контекстах и рамках. Все эти геополитические процессы многоуровневы и полимасштабны за счет их многовариантной интерференции и взаимодействия»[5, с.26-27]. Необходимо заметить, что современное евразийское пространство не совпадает с постсоветским, оно значительно шире его и крайне неоднородно, что предопределяет разную геометрию сотрудничества: СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, ШОС[9, с.88].

Турбулентный характер процессов на евразийском пространстве в начале XXI века породил ряд геополитических вызовов и угроз. Актуальность этой исследуемой проблемы заключается в том, что в соответствии с первым законом геополитики евразийское пространство является геостратегически

важным пространством в борьбе талассократии за мировое господство. С геоцивилизационной точки зрения данное противоборство представляет собой борьбу за расширение западной геоцивилизации за счет Евразии.

В этом противоборстве немалая роль отводится НАТО как инструменту военной экспансии. Этот блок приступил после вовлечения в свою орбиту стран Восточной Европы к созданию военных баз в государствах Центральной Азии – Афганистане, Узбекистане, Киргизии, укреплению своих позиций в Грузии и на Украине. Здесь немаловажным является фактор энергетических ресурсов, так как 75% мировых запасов которых находятся именно в Евразии. В условиях быстрого ежегодного роста потребности в ресурсах в мире, этот фактор становится основополагающим[4, с. 9].

Для повышения эффективности действий НАТО в США постоянно работают над выработкой новых форм военной экспансии. В настоящее время многие высокопоставленные лица в США высказывают идею о возможности превентивного обезоруживающего удара по России. Кроме того начальник штаба ВВС США генерал Д. Голдфайн недавно сделал заявление о том, что в американском Министерстве обороны разрабатывают новую стратегию боевых действий в евразийском пространстве, предполагающую «скрытное вторжение». Он полагает, что эта стратегия представляет собой «фундаментальное изменение, как в культурном, так и в техническом плане», которое даст войскам США «асимметричные преимущества»[3]. В связи с этим Начальник Генштаба Вооружённых сил России В. Герасимов подчеркнул: «Пентагон приступил к разработке принципиально новой стратегии ведения военных действий, которую уже окрестили, как «Троянский конь». Суть её заключается в активном использовании протестного потенциала пятой колоны в интересах дестабилизации обстановки с одновременным нанесением ударов ВТО по наиболее важным объектам» [2].

В настоящее время практически все евразийское пространство становится ареной геополитического противоборства, разновекторные интеграционные процессы в нем приняли характер жесткой интеграционной конкуренции. В этой конкурентной борьбе Запад вовлек в орбиту антироссийских интеграционных стратегий страны Восточной Европы, Балтии, Грузию, Украину, Молдавию. Не случайно, в настоящее время продолжается геополитическая борьба вокруг интеграционных проектов с участием России. Талассократия стремится достичь своих целей в отношении евразийского

пространства посредством геополитических технологий «управляемого хаоса», «цветных революций», которые используют избирательные процессы, молодежный радикализм, прозападную ориентацию части политической элиты, недовольство народа органами власти. Такое отношение к власти вызвано неудовлетворенностью обостряющегося запроса народа на социальную справедливость, все более контрастируя с суровыми реалиями периферийного капитализма и неолиберального социально-экономического курса. Поэтому легитимность смены власти обеспечивается массированной политической, информационной поддержкой влиятельных международных политических и финансовых организаций.

В ходе интеграционной геополитической конкуренции талассократия провоцирует неконтролируемую миграцию в контексте реализации своих планов по изменению этносоциального состава евразийского пространства. При этом приезжающие, как правило, живут по своим традиционным этническим традициям, не стремятся к ассимиляции. Среди мигрантов высок процент выходцев из регионов с активными процессами исламизации политики и политизации ислама, которые не скрывают своих экстремистских намерений. Так, сегодня лидеры ИГИЛ уже открыто заявляют о своих планах экспансии в Центральную Азию и Кавказ [8, с.161-162].

При этом атлантические планы подразумевают их полную геополитическую переориентировку с России на США, что позволит обеспечить американский контроль над Средним Востоком и оказывать давление на КНР. Планы англо-американской геостратегии предусматривают перекройку государственных границ стран СНГ и создание новых военно-политических союзов антироссийской направленности. Чтобы заблокировать интеграционные процессы восточнославянских стран и не допустить возрождения территории «исторической России», усиливается геополитическое напряжение вокруг Союзного государства Беларуси и России, так как Республика Беларусь остается практически единственным союзником на западном направлении и не входит в антироссийские союзы.

Поэтому Запад не оставляет планов по дестабилизации геополитической обстановки в Республике Беларусь и смены в ней политической власти, а также обострения российско-белорусских отношений. При этом по линии ЕС прикладываются большие усилия, чтобы окончательно вывести Украину из сферы влияния

Москвы. В реализации антироссийских интеграционных планов большой интерес для атлантических геостратегов представляют Сибирь и Дальний Восток как «географический центр мира, меридиально-широтный перекресток, хранитель духовного стержня и самобытности народов Евразии, плюс «несметные» природные богатства и жизненная энергетика» [7].

В ходе конкурентной борьбы интеграционных проектов талассократия опирается на информационно-психологическое противоборство, идеологическую войну. В этой борьбе немалую роль играет группировки ИГ, интересы которой сегодня простираются и на евразийское пространство. Наиболее активно сторонники этой организации пытаются проникнуть в Центральную Азию и Россию, которые представляют большой геополитический интерес для стран Запада. Следует отметить, что интересы этой группировки поразительно коррелируются с геополитическими интересами ведущих стран Запада [6, с.107-108].

В целом можно отметить, что для успешного парирования нарастающих геополитических вызовов и угроз в евразийском пространстве необходимо добиться согласования комплекса алгоритмов разрешения спорных межцивилизационных, межстрановых отношений, а также выработки инструментов и формирования институтов гармонизации соразвития всех цивилизаций и стран Большой Евразии [1].

Литература

1.Большая Евразия —2030: аналитика развития, безопасности и сотрудничества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gea.owasia.org/большая-евразия/большая-евразия-2030-аналитика-развитие/ (дата обращения: 24.02.2019).

2. В Генштабе России рассказали о стратегии Пентагона «Троянский конь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://russian.rt.com/russia/news/607274-pentagon-strategiya-troyanskii-kon?utm_medium=referral&utm_source=lentainform&utm_campaign=russian.rt.com&utm_term=1259974&utm_content=1(дата обращения: 25.02.2019)

3.В США заявили о разработке «стратегии троянского коня» против России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://russian.rt.com/russia/news/604858-pentagon-troyanskii-kon-rossiya(дата обращения 24.02.2019).

4.Киселев С.Г. Евразийское пространство - арена глобального противостояния // Россия и евразийское пространство: векторы развития: коллективная монография.- М.:РАНХиГС, 2017. С. 5-14.

5.Когут В.Г. Теоретико-методологические основы геополитических исследований евразийского пространства (на примере Республики Беларусь): автореф. дис... канд. полит. наук - СПб., 2018. – 48 с.

6.Маевская Л.Б. Идеологические вызовы современному евразийскому пространству //Современные евразийские исследования. – Саратов, 2015. – №3. – С.105-112.

7.Небренчин С.М. Актуальные проблемы евразийской безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vpoanalytics.com(дата обращения 26.02.2019).

8.Небренчин С.М. Геополитическое противоборство в Евразии в XXI веке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2015. – № 737. – С.155-164.

9.Огнева В.В. Евразийское пространство: тенденции трансформации, потенциал расширения партнерства // Среднерусский вестник общественных наук. – М.,2018. – Т. 13. – № 4. – С. 86-99.

Колесникова Г.И.

КРИЗИС КАПИТАЛИЗМА: МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ВЕКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. Через анализ современной реальности сквозь призму социально-философских и экономических парадигм делается вывод о важности перехода в мировом масштабе к единым мировоззренческим установкам и внедрению безусловного базового дохода, но без перехода к единому мировому правительству и сохранением суверенитета государств. Более того, с ориентацией на сохранение остаточных свойств локальности. Данные меры позволят решить проблему кризисов, неравенства, голода и нищеты которые, по мнению многих экспертов, относятся к глобальным проблемам современности. Выводы автора основываются на трудах и идеях ведущих экономистов.

Ключевые слова: капитализм, социализм, коммунизм, кризис, будущее, человечество, мировоззрение, экономика, безусловный базовый доход.

Kolesnikova G.I.

THE CRISIS OF CAPITALISM: WORLDVIEW FOUNDATIONS AND VECTORS OF ECONOMIC DEVELOPMENT

Abstract. Through the analysis of modern reality across the prism of social-philosophical and economic paradigms there is made the conclusion about the importance transfer in the global scope to a single worldview and the introduction of unconditional basic income, but without transition to a uniform world government and with preserving the sovereignty of the states. Moreover, with a focus on preserving residual properties of locality. These measures will allow to neutralize crises, inequality, hunger and poverty which, according to many experts, are related to global challenges of our time. The author's conclusions are based on the leading economists' works and ideas.

Keywords: capitalism, socialism, communism, crisis, future, humanity, worldview, economy, unconditional basic income.

Одной из характерологических черт современной реальности является диффузность. И именно это провоцируя изменения в социально-экономической сфере общества, инициирует не просто обострение социальных проблем, но формирует их **многослойность**. Данное обстоятельство требует не только пересмотра экономических векторов развития, но и мировоззренческих оснований. Причём изменение второго (мировоззренческие установки) должно предшествовать первому (экономика).

Всё чаще исследователи в современном научном пространстве высказывают мыль о том, что современный мир характеризуется кризисом капитализма (Б. Рицци, Г. Дрейпер, П. Франи, Э. Мандель) или сравнивая капитализм и коммунизм делают вывод, что между ними нет такой уже большой разницы: «Дискуссия о превосходстве одной из двух единственно возможных (с точки зрения социал-демократов и либералов) моделей экономической политики стремительно теряет актуальность, начиная с 90-х годов 20-го века. И это не связано с «фиктивной» победой капиталистического мироустройства над коммунистическим, которая ассоциировалась с административно-командной моделью восточноевропейских стран и СССР, потерпевшей крах в конце 80-х годов 20-го века. Современные исследования показывают отсутствие фундаментальной разницы между ними, характеризуя капитализм и

коммунизм как явления одной природы, имеющие небольшие отличия в своей структуре. На наш взгляд, фундаментальной альтернативы между ними не имеется, разве что кроме критериев эффективности и наличия-отсутствия рыночных отношений» [1, 182].

Однако необходимо отметить, что те, кто отожествляют модели социализма и коммунизма, совершают большую ошибку, смешивая социализм в его извращенной чиновничьей форме советского предразвального периода с теорией Маркса о коммунизме как высшей стадии развития общества сочетающей в себе ориентацию на высшие ценности и благо каждой отдельной личности.

Вопрос о поиске **новых мировоззренческих оснований** для дальнейшего существования на мировом уровне поднимался исследователями начиная со второй половины XX столетия в контексте поиска решения глобальных проблем [2]. В частности предлагались следующие мировоззренческие парадигмы внедрение которых на мировом уровне, по мнению учёных должно привести к качественному изменению жизни на всей планете: новый гуманизм который базируется на улучшенных человеческих качествах всех жителей планеты [3]; увеличения производства, аккумуляции неэгоистической любви у каждого человека к людям и безграничное созидание направленное на усовершенствование мира и преумножение Истины, Красоты и Добра [4]; во взаимоотношениях межличностных следовать принципам терпимости, а общественные отношения выстраивать на основе договора, контракта, норм и правил без вмешательства в личную жизнь, но и личную жизнь отделять и хранить от социальной [5]; акцент при поиске мировоззренческих ориентиров развития человечества необходимо делать на вере людей в высшие ценности, поскольку общество без веры есть общество распада [6].

Как видно, общее во взглядах исследователей – ориентация на высшие ценности при переходе на качественно новый уровень развития.

Что касается поиска **экономических векторов развития**, то «…современный экономический мэйнстрим базируется на «трех китах» – индивидуализме, эгоизме и рационализме, … он придерживается в своей методологии формализма математических методов на зачастую лишенных здравого смысла допущениях» [7, 42].

Основными альтернативными экономическими теориями являются следующие:

1. модель свободной экономики С. Гезелля (1916) [8];
2. теория эквивалентной экономики А. Петерса [9];
3. теория «Parecon» редактора антиглобалистского портала «Zmag» М. Альберт [10].

Однако ещё со времен древнего мира существовали концепции стремившиеся соединить ориентацию на высшие ценности и экономическое процветание, не противопоставляя их, но гармонично соединяя. Более того, в них экономика мыслится не как цель, но как средство призванное обеспечить выполнение людьми своего истинного предназначения – достижение совершенства. Основные положения данных концепций представлены в таблице, в которой внимание сконцентрировано на утопистах и теории К.Маркса.

Таблица №1. *«Базовые идеи наилучшим образом устроенного общества»*

Автор	Устройство и цель общества	Кому принадлежит власть	Идеология	Труд	Частная собственность	Цель/смысл жизни
Томас Мор	Мудрый монарх Цель – благо	Интеллигенция	Запрещён только атеизм	6 часов обязателен	По потребностям без ограничения	Счастье и благо
Томмазо Кампанелла	Священники-маги Цель-благо	Учёные-маги Каста жрецов	Единая вера	4 часа Все участвуют в труде	Нет	Совершенство
Карл Маркс	Коммунизм Цель – равенство и справедливость	Система общественного самоуправления	Единая идеология	4 часа Все участвуют в труде	Нет «положительное упразднение ЧС»	Совершенство

Как видно из таблицы, общим основанием **наилучшего устройства общества** выступают следующие параметры:

- цель устройства общества – благо, процветание;
- выборные должности;
- власть принадлежит людям знания (учёные, жрецы-маги, интеллигенция);
- короткий рабочий день
- обязательность труда,
- отсутствие частной собственности,
- все ресурсы и доход от них принадлежит всем,

• цель человеческой жизни – благо, совершенство на что и тратится основное свободное время.

Закономерным образом, мировоззренческие установки, экономические векторы возможного развития соединились в концепции **безусловного базового дохода**, которую многие исследователи признают как оптимальную модель развития, реализация которой возможна уже сейчас [11].

При этом общим в большинстве определений безусловного базового дохода является то, что он должен выплачиваться всем гражданам, независимо от факта наличия работы и уровня текущих доходов, а его размер позволять вести достойную жизнь (комфортное жильё, качественное питание, получение образования, лечение, приобщение к культурной жизни через посещение музеев, театров, ресторанов). А его базисная идея заключается в отмене существующей системы социальных пособий, упразднении огромного бюрократического аппарата и, как следствие, экономии средств, которые тратятся на содержание чиновников занятых в сфере начисления социальных пособий, их распределении и контроле. Освобождение от постоянных забот о хлебе насущном позволит заниматься тем, что интересно, следовать за склонностями развивая способности. Неизбежно это приведёт к повышению эффективности. Естественно, что не все захотят при таких условиях трудиться. Но они не будут мешать тем, кто этого будет хотеть.

В данном контексте не важно к какой форме принадлежит тип правления в конкретной стране, если народ благоденствует, а страна процветает: «Базой для создания такого гуманного общества должно стать введение безусловного базового дохода, поскольку гуманизм, о котором много говорят политики, есть, прежде всего, предпочтение блага пользе. При этом безусловный базовый доход, позволяющий вести достойную жизнь в современном мире не является утопической идеей. В виде эксперимента он уже воплощался в США, Канаде, Нидерландах. И результаты были только положительные: снижение преступности, снижение расходов на здравоохранение, повышение творческой активности граждан. И здесь вполне уместно вспомнить: Келли полагал, что основная задача экономики создать благоприятные условия для самосовершенствования людей, а К.Маркс писал о том, что капитализм есть переходная фаза к высшей стадии развития общества, при достижении которой основным приоритетом становится развития личности. Как ни парадоксально, но эти положения согласуются и с современными задачами общества и с

воззрениями мудрецов античности, в частности, Платона, который считал, что смысл человеческой жизни не в спасении и существовании, а достижении совершенства и пребывания в нём» [12].

Литература

1. Ширяев В. Г. Функционирование альтернативных экономических моделей и их политическая перспективностьв ситуации посткапиталистического кризиса // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2013. №22 (165). [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-alternativnyh-ekonomicheskih-modeley-i-ih-politicheskaya-perspektivnostv-situatsii-postkapitalisticheskogo (Дата обращения: 25.02.2019).
2. Волкова Т.И. Философские основания глобальных проблем современного общества. Челябинск: Изд-во ЧелГМА, 2008.
3. Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985.
4. Сорокин П.А. Общество, культура и личность: Их структура и динамика. // Питирим Сорокин: Новые материалы Долгов А.Ю. Теория альтруизма Питирима Сорокина: глобальная перспектива к научной биографии: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 22–46.
5. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Москва: Академия, 1999.
6. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998.
7. Худокормов А.Г. Современная экономическая теория Запада (обзор основных тенденций) // Вопросы экономики. 2008. № 6. С. 41-43.
8. Gesell S. The Natural Economic Order. London. 2007. P. 75-76. Ibid. P. 121-122.
9. Peters A. Das Äquivalenzprinzip als Grundlage der Global Ökonomie. Vaduz. 1996. S. 76-78.
10. Albert M. Parecon: Life After Capitalism. London. 2004. P. 250.
11. Брегман Р. Утопия для реалистов: как построить идеальный мир. Издательство: Альпина Диджитал, 2016.
12. Колесникова Г.И. Международный (интернациональный) симпозиум по политическим и социальным

наукам 10-12 октября 2018 Ардаханский университет Гор.Ардахан, Турция [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.ardahan.edu.tr/ipsss/?id=23&baslik=yazim_kurallari Online – участие Выступление с докладом – online доклад на тему Безусловный базовый доход в контексте глобализации: правомерность и эффективность https://www.youtube.com/watch?v=sBqdu66AbIY http://www.kolesnikova.red/ Тезисы в сборнике Симпозиума (Дата обращения: 1.3.2019)

Коловский Д.И.

ДИСКУССИЯ О НАЦИОНАЛЬНОСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИИ СЫНА БОЖЬЕГО КАК ПОПЫТКА РАСКОЛА ВНУТРИХРИСТИАНСКОГО ОБЩЕСТВА И САКРАЛИЗАЦИИ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП

Аннотация. В своей работе автор поднимает вопрос о причинах возникшей дискуссии относительно национальности и вероисповедания Сына Божьего Иисуса Христа. Кроме того, одним из главнейших последствием подобных дискуссий, споров, и конфликтов можно считать последующую за ними подмену понятий. Учитывая то огромное количество информации, которым обладает человечество, а также возможности для ее перефразирования, фальсификации и представления под иными углами, ставя под сомнения, в том числе и религиозные столпы, велик риск разрушения культуры и проблемы социального характера. В статье рассмотрены несколько теорий, касающихся национальности и вероисповедания Иисуса Христа. Речь идет о языческой, славянской, казахской, украинской и еврейской теориях происхождения Христа. Автор анализирует тексты, считающиеся подтверждением той или иной теории. В своей работе автором также исследуются мотивы поддержания данной дискуссии, а также прогнозирование событий при утверждении какой-либо из исследуемых теорий взамен существующей ныне. Насколько сильно это отразится на культуре, социуме и религии, в том числе мировой, и какую цепную реакцию это может повлечь за собой?

Ключевые слова: Сын Божий, Иисус Христос, Евангелие, национальность и вероисповедание, откровение, Украина, Казахстан, сакрализация.

Kolovsky D.I.

DISCUSSION ABOUT THE NATIONALITY AND RELIGION OF THE SON OF GOD AS AN ATTEMPT TO DIVIDE WITHIN CHRISTIAN SOCIETY AND TO SACRALIZE CERTAIN ETHNIC GROUPS.

Abstract. In this work, the author raises the question of the reasons for the discussion about the nationality and religion of the Son of God Jesus Christ. In addition, one of the main consequences of such discussions, disputes, and conflicts can be considered the subsequent substitution of concepts. Given the huge amount of information with which humanity is endowed, as well as opportunities for paraphrasing, falsification and views from different angles, putting under doubt including religious pillars of the risk of cultural disintegration and social problems. The article deals with several theories concerning the nationality and religion of Jesus Christ. We are talking about pagan, Slavic, Kazakh, Ukrainian and Jewish theories of the origin of Christ. The author analyzes the texts, which are considered as confirmation of this or that theory. In his work, the author also explores the motives for maintaining this discussion, as well as the prediction of events in the approval of any of the studied theories instead of the existing one. How strongly will it affect the culture, society and religion, including the world one, and what chain reaction can this entail?

Keywords: Son of God, Jesus Christ, gospel, nationality and religion, revelation, Ukraine, Kazakhstan, sacralisation.

В основе всего всегда есть какие-либо незыблемые законы и не подлежащие сомнению и оспариванию факты. В физике это законы Ньютона и Эйнштейна, в химии – компоненты таблицы Менделеева, в христианстве – личность, национальность Иисуса Христа.

Однако наши современники, преследуя только им известные цели, стремятся разобщить народы, настроить их на вражду друг с другом. И если тема «переписывания истории» не нова и, к примеру, по уверению многих исследователей, Вторую Мировую Войну выиграли благодаря США и Англии, то подобные исследования в области религии тема несколько более новая.

Самый актуальный и серьезный спор, разгоревшийся на религиозной почве, но внутри одной религии – дисскусия о том, кем был по национальности и вере Иисус Христос. Спор настолько

серьезен, что в него включились нехристианские, по сути, страны, такие, как Казахстан. Причиной этой полемики следует считать процесс сакрализации того иного народа.

Эту дискуссию, как и ей подобные, можно и нужно отнести к расшатывающим незыблемое доселе внутрихристианское сообщество. Расколы и разногласия разрушают тот крепкий религиозный фундамент многообразия христианства, что ведет к ослаблению не только религиозных, но и политических отношений между государствами.

Кроме того, речь также идет о доминирующей стороне. Одной из причин разногласий Русской Православной Церкви и Украинской Православной Церкви можно считать данный спор. Эта ситуация наглядно демонстрирует, что между христианскими странами нет взаимодействия и доверия. Для разобщения и ослабления «христианского братства» в дискуссию необходимо вступить нехристианским странам. Они не будут иметь должного успеха, но покажут прецедент, а также отвлекут на себя силы и внимание спорщиков. А далее ситуация будет развиваться, как в известной истории про веник, которой сломать можно, только разделив его на прутики.

Достаточно вспомнить пропагандистский пример гитлеровской Германии, утверждавшей, что Иисус был арийцем.

На сегодняшний момент есть несколько теорий касательно того, кем по национальности и вероисповеданию был Иисус Христос.

Первоочередная, доминирующая и традиционная, она же официальная версия гласит, что Иисус был евреем и родился на территории современного Израиля.

Вторая теория гласит, что Христос был украинцем. Основоположник этой версии – исследователь Валерий Бебик. Он основывается на том, «что Иисус принадлежал к народу галилеян и его называли Иисус Галилеянин из Назарета. А вот сам народ галлов родился на территории современной Украины» [2].

Согласно третьей версии, которую в своей книге «Откровение» выдвинула Светлана Левашова, Иисус был славянином. Автор в своей книге пишет, что «Иисус же был сыном Белого Волхва и нашей ученицы, Ведуньи Марии. Они родили его, чтобы привести на Землю его удивительную Душу» [3, с. 286].

В 2005 году была опубликовано «Евангелие Мира Иисуса Христа от ученика Иоанна», суть текста которого сводилась к тому, что Христос был язычником или суфием.

Еще одна версия гласит о том, что Иисус был сыном римского легионера: «Иисус был внебрачным сыном от римского легионера Пантеры (Пантиры). Так, Ориген пишет (Origenus.Contra Celsum.I.28), что Цельс “выводит иудея, разговаривающего с самим Иисусом и уличающего Его в том, что Он выдумал свое рождение от девы, что [...], уличенная в прелюбодеянии, она (Мария. — Р.Х.) была выгнана своим мужем, плотником по ремеслу. Выброшенная мужем, она, бесчестно скитаясь, родила втайне Иисуса”. Далее следует: “Мать Иисуса выводится уличенной в прелюбодеянии и рождающей от некоего солдата по имени Пантера” (Origenus.Contra Celsum.I.32)» [4, с. 133]. Основателем этой теории считают Руслана Хазарзара. Этой же теории придерживается и астролог Герман Ломов.

Новейшая теория, создателем которой выступил казахстанский ученый-математик Кайрат Закирьянов, говорит о том, что Иисус Христос был казахом. Исследователь основывается изначально на статье «7 граней великой степи», написанной Нурсултаном Назарбаевым. Однако в дальнейшем он опирается уже на другие источники.

Таким образом, в ходе данного исследования будут разработаны все вышеуказанные теории, их происхождение, обоснованность, целесообразность.

В рамках данной исследовательской работы мы постараемся, также, выделить стимулы, мотивирующие авторов причислять Сына Божьего к своей национальности.

Религия во все времена была оружием. Крестовые походы подтверждают этот факт. Но если сегодня религиозный спор перерастет в спор физический, неизвестно, какие именно «аргументы» будут приведены противоборствующими сторонами «во имя Господа».

Как бы то ни было, современники совершенно забыли о том, что у Сына Божьего нет ни национальности, ни вероисповедания, что он – един для всех. Что же касается сакральности и причисления какого-либо конкретного этноса к «божественной расе», то следует вернуться к примеру возвышения расы арийской. Необходимо вновь укрепить внутрихристианскую общность и улучшить взаимоотношения.

Литература

1. Евангелие мира Иисуса Христа от ученика Иоанна. – М.: «Концептуал», 2011.

2.Украинский профессор Бебик: Мухаммед, Будда и Христос — украинцы // https://politus.ru/na-ukraine/604-ukrainskiy-professor-bebik-muhammed-budda-i-hristos-ukraincy.html
3. Левашова С. Откровение. М., 2009. 288 с.
4. Хазарзар Р. Иисус – сын Божий // http://khazarzar.skeptik.net/books/kh/bar_el.htm

Коробкина Е.Н.

«ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ХОРОТОП» И ЕГО САКРАЛИЗАЦИЯ В ГЕОПОЛИТИКЕ «НОВЫХ ИМПЕРИЙ» НА СТЫКЕ 20-21 ВЕКОВ

Аннотация. Автор рассматривает модель «цивилизационного хоротопа» как перекрестка цивилизационных вызовов соседних ойкумен по принципу «региональности». Анализируется специфика развития цивилизационного дискурса внутри региональных зон на примере пересмотра фундаментальных позиций в геополитике «нового османизма» в Турции в конце 20 века. Исследуется сакрализация пространства цивилизационного хоротопа путем создания новых мифов по «принципу почвы».

Ключевые слова: цивилизационный хоротоп, ойкумена, новый османизм, мифы новых империй.

Korobkina E. N.

«CIVILIZATIONAL CHOROTOP» AND ITS SACRALIZATION IN THE GEOPOLITICS OF THE «NEW EMPIRES» AT THE JUNCTION OF 20-21 CENTURIES

Abstract. The author considers the model of «the civilizational chorotop» as a crossroads of the civilizational challenges of the neighboring civilizations on the principle of «the regionality». Specifics of development of the civilizational discourse within of the regional zones is analyzed on the example of the revision of the fundamental position in the geopolitics of «the new Ottomanism» in Turkey in the end of 20th century. Sacralization of the space of the civilizational chorotop by the creation of new myths on «the principle of the soil» is considering.

Keywords: civilizational chorotop, oicumene, a new Ottomanism, myths of the new empires.

Двадцатый век очертил и сформировал новые границы культурно-цивилизационных пространств современного мира. С точки зрения метафизики глобализации А.Н. Чумакова локальные цивилизации как составные части мировой общественной системы получили определение «культурно-цивилизационных ойкумен» [4, с. 377].

Выделяя их, автор определяет ойкумену в данном контексте как самый крупный территориальный фрагмент поверхности Земли, включающий в себя, как правило, несколько регионов. Он акцентирует внимание на территориальных границах, в пределах которых при всем культурном разнообразии различных социальных образований проявляется их цивилизационное единство. С учетом сказанного, на взгляд Чумакова в современной мировой социо-системе достаточно четко просматриваются 18 культурно-цивилизационных ойкумен, в том числе восточноевропейская, российская, ближневосточная [5, с. 43].

После распада Советского Союза мировая система стала многоликой, стали появляться новые центры силы, возникать надрегиональные мини-империи нового типа – или ойкумены, которые стремятся распространить свое влияние на сопредельные земли. Они характеризуются стремлением создать новый центр силы путем качественной трансформации старой имперской модели.

Возьмем понятие «хоротоп» [3] из глоссария философии ландшафта, введенное автором в философский дискурс, и рассмотрим его с точки зрения геополитической парадигмы в цивилизационном дискурсе.

Фигура платоновской хоры как предел, как хоризмос, как интервал между идеальным и объективным, изменяет и разделяет противоположности, создает в продлении перекресток, обозначенный понятием «хоротоп», место пересечения как идеальных мест по ту сторону, мест сакральных; так и топосов объективной реальности, точкой перекрестья которых и является фигура «абсолютно иного» - хоры.

В своих пределах хоротоп становится пограничной зоной. В нем благодаря точке хоризмоса – или центру перехода противоположностей, можно наблюдать склонность пространства к «перемене мест».

Будучи пограничной зоной, расположенной на «стыке» принципиально отличающихся друг от друга систем, на пересечении вызовов соседних ойкумен, он становится центром

новой ойкумены с собственным формирующимся вызовом по принципу региональности. Такие зоны и рассматриваются как цивилизационные хоротопы.

Рассмотрим геополитический феномен «нового османизма» в Турции как развитие цивилизационного хоротопа путем трансформации «турецкой модели» из старого концепта Османской империи.

Благодаря «глобальной трансформации» кемалистской модели «национального государства» Турция вышла на мировую сцену. На стыке ойкумен - восточноевропейской и ближневосточной – произошла реорганизация «государства-нации» в пользу расширения цивилизационных пределов, националистическая Турция превратилась в полиэтническую и поликультурную державу с претензиями на ключевую роль в регионе Ближнего Востока.

Первый этап нео-османизма связан с именем президента Тургута Озала, реформаторская деятельность которого позволила исследователям говорить об отступлении Турции от кемалистской политики и расширении географии ее традиционной внешнеполитической активности.

В глобальном мире локальных цивилизаций национальное государство тяготеет стать главной действующей силой на Ближнем Востоке, создать культурно-цивилизационный хоротоп, в дальнейшем КЦП.

Главным признаком КЦП является его хорическая сакральность, или мифологизация по принципу «почвы».

На примере развития культурной парадигмы нового османизма в Турции мы отмечаем сакрализацию хоротопа новыми культурологическими и политическими мифами, а также созданием псевдоисторических мифов по принципу «почвы».

Интересен первый «цивилизационный проект» Тургута Озала. Речь идет об историко-философской книге Т. Озала «Турция в Европе и Европа в Турции», вышедшей в 1991 году на английском языке [1].

Книга – первая попытка, предпринятая Озалом, ввести концепцию первичной турецкой цивилизации, то есть принадлежности Турции к «анатолийской цивилизации» по принципу почвы и созданию мифа, согласно которому именно «анатолийская цивилизация» стала «матрицей» для развития европейской цивилизации. Миф четко выстраивается по принципу региональности. Озал четко очерчивает наследие турецкой цивилизации по принципу «почвы» созданием культурно-

цивилизационного мифа. Интересен перевод этой книги на турецкий язык под названием «История и наследие. Анатолия от времён античности до Республики, турецкая и исламская цивилизация» [2].

Создание подобных мифов можно наблюдать в наше время и в Украине, тяготеющей к региональному доминированию, сакрализирующей пространство западно-украинского регионального хоротопа подобной культурной экспансией, то есть созданием псевдоисторического мифа по принципу места. По мнению современного украинского историка В. Бебика этнически «великая украинская экспансия» зиждется на создании мифов о древней украинской цивилизации как колыбели человечества. Но опять-таки, мы видим, что сакральное место, центр КЦП, непосредственно, «колыбель цивилизации» относится автором к региону Западной Украины. Так создается ново-имперская модель Украины.

Определенные основы международных отношений, заложенные Тургутом Озалом в начале 90-х годов, создали в историческом продлении в 21 веке ряд феноменов. Такой «горячей точкой» в мягкой гуманитарной политике Турции и Украины стал Крым.

Весной 1991 года во время визита в Украину Тургутом Озалом была поднята проблема крымско-татарского народа. В мае 1992 года состоялся официальный визит в Турцию президента Украины Л. Кравчука и подписание Договора о дружбе и сотрудничестве между Украиной и Турецкой Республикой. Стратегия отношений, заложенная Тургутом Озалом, прошла через этап сближения после «оранжевой революции» 2003-2004 годов.

Но с течением времени в парадигме пантюркистской доктрины начала четко прослеживаться ново-османская цель Турции по отношению к Крыму как независимому крымско-татарскому государству, сателлиту Турции. Крым постепенно становился во внешней политике Турции перекрестьем пантюркистской и нео-османской доктрин.

После возвращения Крыма в состав России в 2014 году по результатам всекрымского референдума, Турция потеряла все свои имперские позиции – в очередной раз. Крым как микрокосмос, как КЦП, искусственным образом ориентированный в 1991 году на чуждую ойкумену, вписанный в чуждый русскому населению перекресток восточноевропейской и ближневосточной цивилизаций после 23 лет, как говорят крымчане, «вернулся домой в Россию», оставаясь при этом микрокосмосом и исторически сложившимся перекрестком множества культур.

В связи с этим хочется сказать несколько слов о странном феномене, сложившемся в Украине по крымскому вопросу. Мы видим, как Украина выстраивает виртуальную модель мифического Крыма как Крымско-татарской Республики со своим флагом, гербом и иной символикой. Отметим, что общие тенденции пантюркистского – а здесь и ново-османского мифотворчества, привели к столь странному парадоксу уже в 21 веке. Идея создания Турцией независимого крымско-татарского государства превратилась в искусственно созданную виртуальную модель Крымско-татарской Республики, существующей параллельно с реальной Республикой Крым. Мы видим, как миф начинает жить своей виртуальной жизнью в эпоху IT-технологий, и не только миф, таких же «аватаров» получили в Украине многие крымские образовательные учреждения и организации.

Таким образом, мы видим, что турецкая геостратегия внешней политики неоосманизма, реформированная из пантюркизма в конце 20 века, в 21 веке привела к неожиданным последствиям: ряду региональных казусов, подмене политической реальности виртуальной мифотворческой и созданию альтернативной действительности в рамках феномена КЦП на стыке ойкумен.

В целом же можно наблюдать, каким образом в постсоветском пространстве произошла реорганизация пространства на стыке культурно-цивилизационных систем, проследить, как создавались новые геополитические центры силы, имеющие тенденцию к развитию в мини-империи, в культурно-цивилизационные хоротопы по принципу «почвы», возводя этот принцип в абсолютную доминанту сакрализацией пространства при помощи новой мифологии.

Литература

1. Turgut Ozal. Turkey in Europe and Europe in Turkey. – Nicosia, 1991.

2. Turgut Ozal. Tarih ve Miras. Antik Çağdan Cumhuriyete Anadolu, Türk ve İslam Medeniyeti, Yakın Plan Yayınları, 2010.

3. Коробкина Е. Н. Феномен балканской хоры: коды матрицы и пограничные зоны хоротопа в свете категорий пространства Аристотеля // URL: http://aristotle.mya5.ru/materialy-dokladov/ (дата обращения: 7.02.2019).

4. Чумаков А. Н. Метафизика глобализации: культурно-цивилизационный контекст. – М.: Канон, 2006. – 496 с.

5. Чумаков А. Н. Культурно-цивилизационные разломы глобального мира // Век глобализации. 2015. №2. – С. 35–47.

Красовская Н.Р.

ПСИХОТЕХНОЛОГИИ ВЕРБОВКИ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСЦИЕНТАЛЬНОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Противостояние между государствами и иными геополитическими субъектами часто происходит в форме «борьбы за умы». Статья обращается к феномену вербовки как одной из форм конциентальной войны, во время которой происходит изменение сознания, подмена ценностей и разрушение идентичности. Вербовка рассматривается на примере писем джихадиста, направленных французской журналистке Анна Эрель. В качестве методологической основы анализа автор использует модель логических уровней Р. Дилтса и иерархию человеческих потребностей Маслоу. Анализ позволил выявить психотехнологии, используемые вербовщиками-джихадистами для воздействия на сознание человека. Результаты исследования и дальнейшее научное описание приемов психологического и социального воздействия террористических и экстремистских организаций на личность посредством использования социальных сетей может позволить эффективно выстроить систему мер по предотвращению вовлечения представителей молодого поколения в террористическую и экстремистскую деятельность.

Ключевые слова: вербовка, психотехнологии, информационные войны, консциентальная война, изменение поведения, джихадисты, терроризм, пирамида Р. Дилтса, пирамида Маслоу.

KRASOVSKAIA N.R.

RECRUITMENT PSYCHOTECHNOLOGY AS AN INSTRUMENT OF THE CONSCIENTAL WAR

Abstract. Confrontation between states and other geopolitical subjects often occurs in the form of a “struggle for minds”. The article examines the phenomenon of recruitment as a form of consciental war, during which there is a change in consciousness, substitution of values and destruction of identity. One of the goals of a consciental

confrontation is the destruction or distortion of the process of reflecting reality, the result of which is a change in the behavior of both a person, and large and small social groups. Recruitment is considered on the example of the jihadist's letters sent to the French journalist Anna Erelle. As a methodological basis for the analysis, the author uses the R. Dilts logical level model and Maslow's human needs hierarchy. The analysis revealed the psychotechnologies used by jihadist recruiters to influence human consciousness. Results of the study and further scientific description of the methods of psychological and social impact of terrorist and extremist organizations on the individual through the use of social networks can contribute to creating an effective system of measures to prevent the involvement of the younger generation into terrorist and extremist activities.

Keywords: information wars, human consciousness, consciental war, behavior change, jihadists, terrorism, social networks, propaganda, R. Dilts pyramid, Maslow pyramid.

На сегодняшний день противостояние между государствами и иными геополитическими субъектами происходит в основном не в виде открытых военных столкновений, а форме «борьбы за умы», иначе говоря, участники информационных войн сражаются за состояние и качество сознания людей. То есть сознание стало предметом направленного воздействия.

Г.Г. Почепцов предложил следующее определение информационной войны: «Информационная война – коммуникативная технология по воздействию на массовое сознание с кратковременными и долговременными целями. Целями воздействия является внесение изменений в когнитивную структуру, чтобы получить соответствующие изменения в поведенческой структуре» [4, с. 20].

В 90-х годах двадцатого столетия Ю.В.Громыко, исследующим феномен информационных войн, был предложен уточняющий термин «консциентальная война» (от латинского слова «сознание») [2, с. 7-8].

В.Макаров предлагает понимать сознание «как высший уровень духовной активности человека, заключающийся в отражении реальности в форме чувственных и мыслительных образов, предвосхищающих практические действия человека. При этом объективный мир отражается в виде представлений, мыслей, идей и других феноменов, образующих содержание сознания» [3]. Соответственно, разрушение или искажение процесса отражения

реальности, результатом чего является изменение поведения как человека, так и больших и малых социальных групп - одна из целей консциентального противоборства.

Одной из форм конциентальной войны, во время которой происходит изменение сознания, подмена ценностей и разрушение идентичности, является вербовка. С массовыми случаями вербовки мир столкнулся в связи с деятельностью ДАИШ или Исламского государства (ИГИЛ) (запрещено в России). Французская журналистка Анна Эрель под видом молодой девушки начала переписку с джихадистом, познакомившись с ним через социальные сети, стала его виртуальной женой и под влиянием качественно проведенной вербовки сделала попытку уехать в Сирию. Примерив на себя роль типичной жертвы исламской пропаганды, и чуть было не став таковой в реальности, журналистка написала книгу «Я была джихадисткой: Расследование в центре вербовочной сети ИГИЛ», в которой описан процесс вербовки, приведены тексты писем, которые писал ей джихадист [4, с. 20].

Приведем текст одного из последних писем боевика ИГИЛ: «Я люблю тебя так, как еще никого не любил. Я не могу смириться с мыслью, что ты далеко от меня, окруженная грехом и грешниками. Я защищу тебя. Я отгорожу тебя от всех демонов мира. Когда ты приедешь ко мне, ты придешь в восторг от этого рая. От страны, которую я и мои люди воссоздаем. Здесь люди любят и уважают друг друга. Мы одна большая семья, в которой тебе уже приготовлено достойное место. Тебя все с нетерпением ждут! Если бы ты знала, как женщины счастливы с нами. Прежде они были такими же как ты. Потерянными. Супруга одного из моих друзей подготовила к твоему приезду целую программу. Когда ты окончишь курсы стрельбы, она поведет тебя в прекрасный магазин, единственный в стране, где продают прекрасные ткани. Я оплачу все твои покупки. Ты вместе с новыми подружками создашь для себя собственный маленький мир. Как я хочу, чтобы ты поскорее приехала. Мелани, жена моя! Поторапливайся. Я жду! Я люблю тебя во имя и перед Аллахом. Ты моя жемчужина, а Исламское государство – твой дом. Вместе мы впишем имена в историю, построив по кирпичику лучший мир, куда кяфирам будет запрещен вход…» [5].

В качестве инструмента анализа вышеприведенного текста используем методику НЛП (нейро-лингвистического программирования) «Пирамида Р. Дилтса». Модель логических уровней («Пирамида Р.Дилтса») описывает структуру организации

живой системы, такой, как человек, группа или общество. Каждый уровень пирамиды взаимосвязан с другими. Степень влияния зависит от иерархии и расстояния между уровнями. Изменения на верхнем уровне будет неизбежно вызывать изменения на нижних уровнях, изменения же, происходящие на нижних уровнях, не обязательно вызывают изменения на верхних.

Логические уровни: (в порядке от низшего к высшему):

- окружение – уровень реакции
- поведение – уровень действия
- способности – уровень источников и направления
- убеждения и ценности – уровень дозволения и мотивации
- идентичность – какую социальную «роль» я играю, кто я?
- миссия - видение, смыслы, духовный уровень

В первой части письма настоящее Мелани описывается через негативные определения на нижних уровнях пирамиды Дилтса с позитивными действиями автора письма:

Окружение: Далеко от меня, окруженная грехом и грешниками

Поведение: Я защищу тебя, отгорожу от всех демонов

Способности: Были потерянными

Отсутствие высоких уровней пирамиды Дилтса в описании настоящего Мелани – это послание, что она живет, не опираясь на «высокие материи» - на убеждения, ценности, не ставя во главу угла реализацию собственной идентичности, а уж тем более не осознает свою миссию. Далее идет описание прекрасного будущего, с четким соблюдением технологии:

Окружение: Придешь в восторг от рая, достойное место, новые подружки

Поведение: Подготовила программу, поведет в магазин, оплачу покупки

Способности: Любят и уважают друг друга, счастливы с нами

Убеждения, ценности: Большая семья, собственный маленький мир, люблю во имя и перед Аллахом, Исламское государство – твой дом

Миссия: Впишем наши имена в историю, построив по кирпичику лучший мир

Несколько выделяется из общего текста фраза – когда ты окончишь курсы стрельбы. Одна-единственная фраза, показывающая «особенность» того мира, в который приглашают девушку. Но в общем потоке качественно выстроенного убеждающего текста она

выглядит не настолько страшно, чтобы «перевесить» и изменить общий настрой послания.

Таким образом, мы наблюдаем качественно проведенную психологическую работу со структурой реальности жертвы вербовки, в процессе которой происходит изменение ценностей и убеждений с последующей подстройкой реальности под эти изменения. То есть с новыми ценностями и убеждениями для девушки оставался лишь один вариант действий – ехать в ту среду, которая соответствует обретенным ценностям.

Также данный текст выстроен в полном соответствии с пирамидой Маслоу, обещая реализацию всех имеющихся у человека потребностей:

Рис.1. Пирамида Маслоу

1. **Физиологические потребности:** приготовлено место, оплачу все твои покупки
2. **Потребность в безопасности: Я** защищу тебя, отгорожу. Собственный маленький мир.
3. **Потребность в любви:** Мы одна большая семья. Здесь люди любят и уважают друг друга. Я люблю тебя.
4. **Потребность в признании:** Достойное место, с нетерпением ждут
5. **Потребность в самореализации:** Впишем наши имена в историю, построив лучший мир.

Удовлетворение потребностей всех уровней – мощная мотивация к действиям в данном направлении. Таким образом джихадист мотивирует жертву изо всех стремиться в среду, где есть возможность удовлетворения всех потребностей. В результате формируется такой вид направленности личности как стремление. Стремление возникает тогда, когда в структуру желания включается волевой компонент. И жертва начинает искать возможности реализации такой направленности.

Таким образом, мы видим качественно выстроенный манипулятивный текст, который втягивает респондента в очень привлекательное пространство, содержащий побудительные фразы, которые заставляют вербуемого действовать в соответствии с приказами вербовщика.

На наш взгляд, определение, какими психотехнологиями пользуются вербовщики, и научное описание приемов психологического и социального воздействия террористических и экстремистских организаций на личность посредством использования социальных сетей может позволить эффективно выстроить систему мер по предотвращению вовлечения представителей молодого поколения в террористическую и экстремистскую деятельность.

Литература

1. Громыко Ю. Консциентальное оружие - как оно действует //Российское аналитическое обозрение. - 1998. - №7. - С. 78 - 79.

2. Громыко Ю. «Оружие, поражающее сознание, - что это такое? // Кому будет принадлежать консциентальное оружие в XXI веке - М.: Россия 2010, 1997. – 256 с.

3. Макаров В. Консциентальная война: миф или реальность?// «Наука и военная безопасность». 2003. №2. С. 18-22.

4. Почепцов Г.Г. Информационные войны. – М., 2000. – 464 с.

5. Эрель А. Я была джихадисткой: Расследование в центре вербовочной сети ИГИЛ/ Пер. с фр. О.Е.Ивановой – М.: Кучкого поле, 2016. – 256 с.

Кугушева Т.В.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В СВЕТЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы обеспечения информацией в сфере медицинской грамотности у населения в свете проблем, вызванных последствиями экономических кризисов постиндустриального общества. Исследование направлено на выявление возможных перспектив управления системой

медицинской грамотности населения о ранней диагностике сахарного диабета 2 типа на региональном уровне. В статье выявлены основные проблемы управления медицинской грамотностью населения на территории Российской Федерации; описаны базовые инициативы в части оптимизации системы управления информационной грамотностью населения о ранней диагностике сахарного диабета 2 типа и его профилактики на уровне учреждений здравоохранения.

Ключевые слова: медицинская грамотность населения, оптимизация системы управления медицинской грамотностью населения

T.V. Kugusheva

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF MEDICAL LITERACY OF THE POPULATION IN THE LIGHT OF ECONOMIC CRISES OF POSTINDUSTRIAL SOCIETY

Abstract. The article deals with the problems of providing information in the field of medical literacy among the population in the light of the problems caused by the consequences of economic crises in a post-industrial society. The study aims at identifying possible prospects for managing the system of medical literacy of the population about early diagnosis of type 2 diabetes at the regional level.

The article identifies the main problems in the management of medical literacy of the population in the Russian Federation; describes the basic initiatives in terms of optimizing the information literacy management system of the population about early diagnosis of type 2 diabetes and its prevention at the level of health facilities.

Keywords: medical literacy of the population, optimization of the system of public health literacy management

В условиях роста значимости воспроизводства трудового потенциала любой современной организации посредством сохранения человеческого капитала на уровне региона и страны, является залогом процветания и благополучия любого государства. Инвестиции в состояние здоровья населения выступает одним из важнейших факторов обеспечения высокой доходности страны. Вместе с тем, говоря о специфики развития нашего государства, нельзя не отметить тот факт, что целое поколение соотечественников было воспитано в духе потребления

государственных услуг, и ответственность за состояние здоровья нации лежало исключительно на системе здравоохранения. Однако современные тенденции развития общества требуют обеспечение права выбора каждого гражданина в части принятия мер превентивного, предупредительного характера, направленных на поддержание собственного здоровья на должном уровне. Как стало видно из проведенного исследования, заболеваемость сахарным диабетом второго типа сродни эпидемии, что требует принятия соответствующих мер со стороны государства в том числе.

Вместе с тем, как показывают исследования [4], в настоящее время наблюдается достаточно низкий уровень медицинской грамотности населения, при чем подобная тенденция характерна как для развивающихся стран, так и для стран, относящихся к развитым. Так, исследования показали, что уровень медицинской грамотности населения, в таких станах, как США, Австралия, Англия и Канада находятся на уровне 20-50% [1]. Параллельно с этим, в Великобритании было выявлено, что у одного из пяти человек имеются определенные проблемы с навыками, которые могут привести к существенному улучшению здоровья. Подобная ситуация сопряжена с отсутствием или недостаточным пониманием простой информации в части поддержания здорового образа жизни, профилактики заболеваний или их ранней диагностики.

В чем-то схожая ситуация складывается и в странах Европы. Так, согласно результатам опроса «Европейское исследование грамотности населения в вопросах здоровья», которое было проведено по инициативе Европейской комиссии, разброс уровня медицинской грамотности населения весьма различен (см. рисунок 1).

На практике целый ряд заинтересованных сторон вовлечены в решение медицинской грамотности населения. К ним относят собственно населения того или иного государства; организации, которые действуют на местном уровне от имени тех или иных общин; группы риска низкой медицинской грамотности; лечебные и государственные учреждения, в том числе медицинские работники и работники государственного сектора; педагоги и специалисты по медицинскому и санитарному просвещению, в том числе специалисты по обучению взрослых и работники по распространению медицинской грамотности; научное сообщество, в том числе в лице исследователей в области медицинских новаций; деловое сообщество; религиозные организации; СМИ всех уровней, в том числе Интернет.

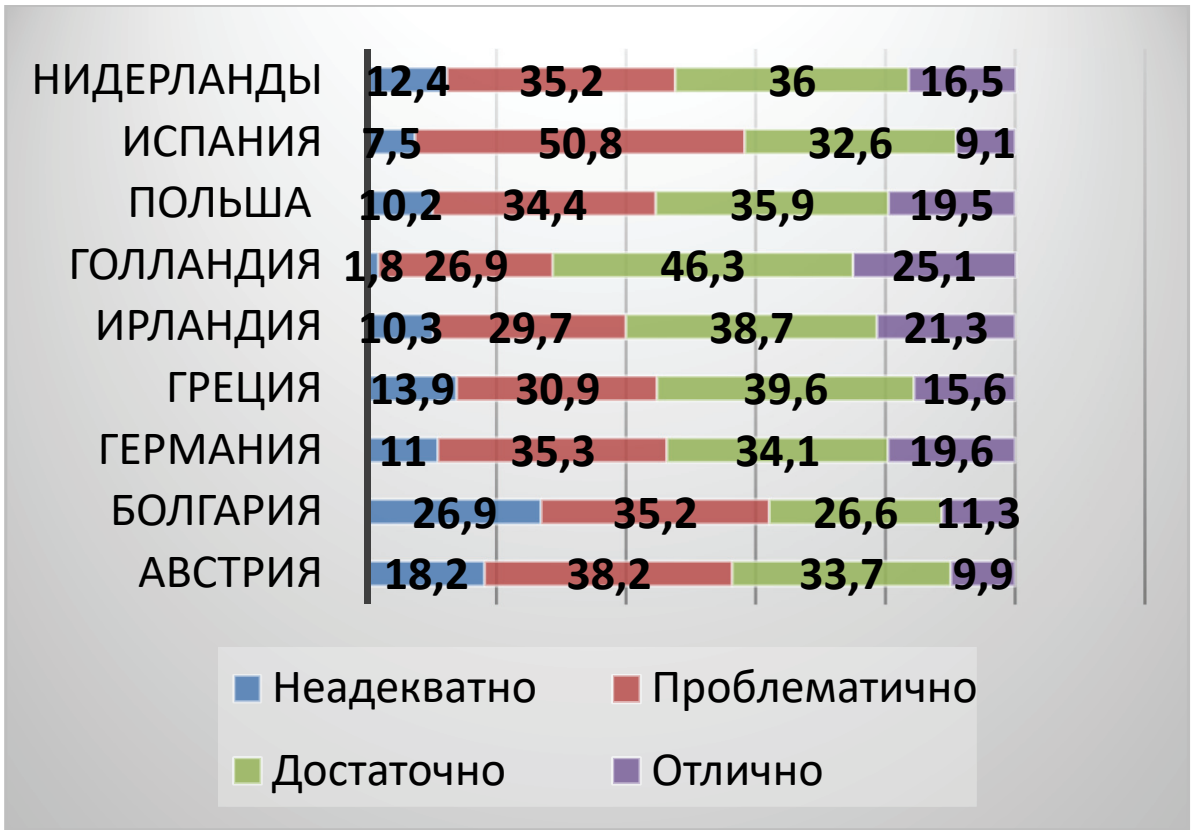


Рисунок 1. – Уровень медицинской грамотности в сравнении в восьми странах Европы [3]

Говоря же о медицинской грамотности населения Российской Федерации, то в 2014 году Лучкевичем В.С., Зелионко А.В. и Шакировым А.М. [2] было проведено исследование медицинской информированности, личного отношения к здоровому образу жизни и медико-профилактической активности городских и сельских жителей. Также была осуществлена сравнительная характеристика медицинской информированности, личного отношения к здоровому образу жизни и медико-профилактической активности городских и сельских жителей в процентном соотношении.

Взяв за основу методологию проведения исследования указанных авторов, мы провели аналогичной исследование на территории Ростовской области. В исследовании приняли участие 1123 жителя г. Ростов-на-Дону, 125 жителей г. Новочеркасска, 120 жителей г. Батайск, 115 жителей г. Таганрог, а также порядка 843 жителей различных сельских поселений, расположенных на территории Ростовской области. В обследовании приняли участие граждане старше 18 лет. У каждого опрашиваемого бралось согласие на участие в опросе медико-социологического характера.

Результаты проведенного опроса в обработанном виде представлены в таблице 1 и на рисунке 2.

Как видно из таблицы, в среднем, объем разнообразных знаний и приверженность регулярному медицинскому обследованию, здоровому образу жизни, соблюдению правил личной гигиены несколько ниже, чем у городских жителей в кластерах «высокий» и «средний», и, соответственно выше в кластере «низкий».

Для городских жителей характерным является достаточно низкий уровень знаний о методах и средствах первичной профилактики и первичной помощи. Возможно, это связано с большей доступностью различного рода лечебных учреждений, чем для сельских жителей. И соответственно у сельских жителей данный показатель существенно выше.

Таблица 1. – Общая характеристика медицинской грамотности и личного отношения к здоровому образу жизни и медико-профилактической активности городски и сельских жителей Ростовской области, %

Анализируемые параметры	**Высокий уровень**		**Средний уровень**		**Низкий уровень**	
	ГЖ [1]	**СЖ [2]**	**ГЖ**	**СЖ**	**ГЖ**	**СЖ**
1. Всесторонность знаний о состоянии собственного здоровья	22,43	19,8	54,07	46,8	23,5	33,4
2. Знания о методах и средствах первичной профилактики и первичной помощи	12,8	18,1	68,1	51,2	19,1	30,7
3. Знание правил личной гигиены	28,5	27,3	59,8	55,4	11,7	17,3
4. Приверженность к регулярному медицинскому обследованию	21,5	18,5	31,7	23,1	46,8	58,4
5. Приверженность к здоровому образу жизни	33,9	24,1	43,1	38,5	23	37,4
6. Соблюдение правил личной гигиены	51,2	50,8	35,8	34,5	13	14,7

[1] Городские жители

[2] Сельские жители

У городских жителей существенно выше приверженность к здоровому образу жизни. Скорее всего это связано с большей доступностью к различным средствам организации подобного образа жизни. Вместе с тем, приверженность к регулярному медицинскому осмотру низка в обеих подгруппах.

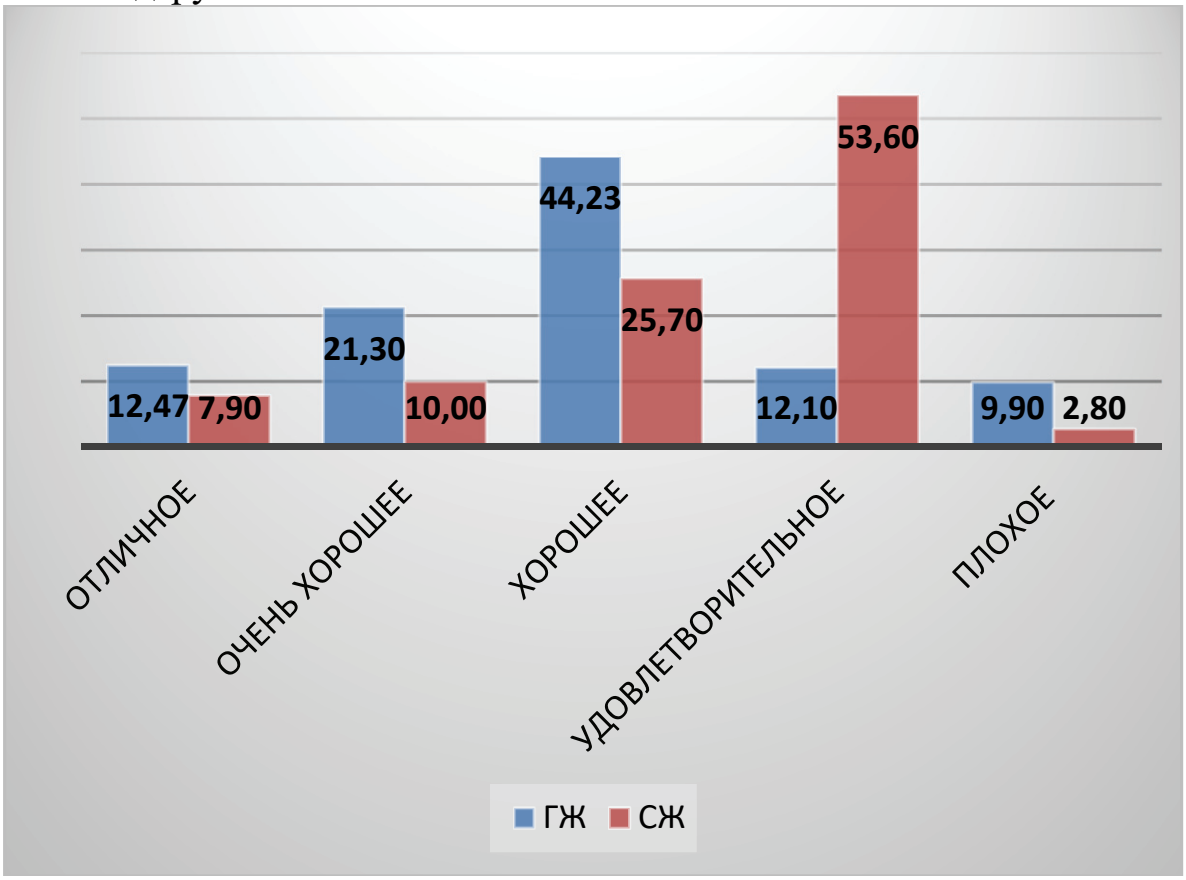


Рисунок 2. – Результаты субъективной оценки состояния собственного здоровья, % городские и сельские жители в сравнении

Субъективная оценка городскими жителями состояния собственного здоровья как «хорошее» и «очень хорошее» достаточно высока, в противовес сельским жителям. Печальным является факт достаточно большой доли наличия хронических заболеваний.

Необходимо так же отметить, что среди лиц с низким уровнем медицинской грамотности была обнаружена и более высока заболеваемость по сравнению с жителями, медицинская грамотность которых была существенно выше.

Также было выявлено, что лица с высоким уровнем медицинской грамотности обладают более благоприятными

характеристиками по всем видам жизнедеятельности и социально-гигиенического функционирования, чем менее информированные.

Дальнейший анализ показал, что первичные знания в области медицинской грамотности, как и навыки и умения в данном секторе, обеспечиваются семьей в лице родителей. В дальнейшем, учителями и преподавателями различного рода учебных заведения формируется блок базового уровня медицинской грамотности в форме соответствующий знаний, навыков и умений. Дополнительная же медицинская грамотность формируется при активной профессионально-трудовой деятельности.

Уровень медицинской грамотности населения напрямую сопряжен с такими факторами как пол, возраст и уровень образования. Это важно учитывать при построении соответствующей информационной системы медицинской грамотности населения путем разработки соответствующих образовательных программ медицинского профиля, формирующих знания в области первичной диагностики и профилактики заболеваемости.

Недостаточная медицинская грамотность является источником низкого уровня приверженности использования в повседневной жизни соответствующего комплекса мероприятий здоровье-сберегающего характера. Она инициирует риск ухудшения качества здоровья вне зависимости от ареала проживания.

Примером может служит формирование соответствующей системы медицинской грамотности населения о ранней диагностике сахарного диабета второго типа.

Актуализация данного вопроса связана с тем, что сахарный диабет носит как прогрессирующее в контексте развития общества заболевание, носящее в определенном смысле характер эпидемии, актуальность построения грамотной системы информированности населения о ранней его диагностики не вызывает сомнения. Однако построение такой системы требует соответствующего управления со стороны государства как макро агента. Но, на наш взгляд, заинтересованность может наблюдаться и со стороны иных социально-экономических систем, таких как крупные корпорации, различного рода организации. Связано это с тем, что сохранение и поддержание человеческого капитала способствует их собственной стабильности и процветанию.

Перспективными направлениями оптимизации системы управления информационной грамотностью населения служит оптимизация работы в той связи таких социально-экономических

систем, как образовательные учреждения, учреждения здравоохранения и средства массовой информации.

Литература

1. Зафирова В.Б., Койчуева С.М., Койчуев А.А., Репухова А.А., Доценко А.Н. Изучение медицинской грамотности пациентов в вопросах здоровья населения // Проблемы современной медицины: актуальные вопросы / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Красноярск, 2014. –202 с.

2. Лучкевич В.С., Зелионко А.В., Шакиров А.М. Формирование медицинской информированности и здороьвесберегающих комптетенций как основа оптимизации жизнедеятельности и качества жизни населения // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2014. - № 5. – Т. 16. – С. 896-901.

3. Попов Т., Гаров С. Исследование медицинской культуры населения Болгарии. Электронный ресурс «Репозиторий Полесского государственного университета». Режим доступа: https://rep.polessu.by/bitstream/123456789/12936/1/14.pdf. Дата обращения: 30.11.2018

4. Санитарная грамотность: убедительные факты. – Всемирная организация здравоохранения, 2014. – 102 с.

Кушнерева К.В.

ПРОБЛЕМА ПРАВДЫ И ЛЖИ В ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»*

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ, проект МК-2952.2018.6 «Писательская среда Русского Севера в контексте советской действительности середины – второй половины XX в.: проявления уровней общественного самосознания»

Аннотация. Рассматривается проблематика остродискуссионной повести «Привычное дело» писателя-деревенщика В.И. Белова. Исследуются вопросы цензуры, отзывы читателей и формирование общественного мнения касательно фигуры литератора и его творчества.

Ключевые слова: культура, художественная литература, писатель, деревенская проза, В.И. Белов.

Kushnereva K.V.

THE PROBLEM OF TRUTH AND LIES IN THE STORY «THE USUAL THING» BY V.I. BELOV

Abstract. The article deals with the problems of the sharp-discussion story «The usual thing» by the village writer V.I. Belov. Issues of censorship, readers' feedback and the formation of public opinion regarding the figure of the writer and his work are investigated.

Keywords: culture, imaginative literature, writer, village prose, V.I. Belov.

Василий Иванович Белов – известный русский писатель-вологжанин, основоположник направления в литературе под названием «деревенская проза».

Родился В. Белов 23 октября 1932 г. в деревне Тимониха Харовского района Вологодской области в семье крестьян [1, с. 13]. По совету и рекомендации своего друга и наставника А.Я. Яшина в период с 1959 по 1964 гг. получил высшее образование на базе Литературного института им. М. Горького, так же во время обучения был принят в Союз Писателей [2].

Одним из значительных событий, как в жизни Василия Ивановича, так и в литературе середины XX века, стала публикация повести «Привычное дело» в первом номере журнала «Север» в 1966 г. О значимости издания, свидетельствует тот факт, что повесть не только определила целое направление в российской литературе, но и изменила сложившийся к тому времени взгляд на деревню [3, с. 138].

Основной мотив прозы – современная сельская жизнь, история северной русской деревни, художественное исследование народного характера [7, с. 153]. По цензурным соображениям А. Твардовский побоялся печатать повесть в «Новом мире», в котором был опубликован целый ряд бескомпромиссных и бесстрашных изысканий о деревне [6, с. 406].

Заслуживает быть отмеченной роль главного редактора журнала «Север», благодаря которому повесть увидел мир. Глава издания понимал, что наступало время для формирования

«северного» корпуса авторов и своей читательской аудитории. Объединяющей идеей должно было стать отношение к традиционному русскому мироощущению, к культуре и ценностям народа, к самим корням России. Работа вологодского автора вызвала у Д. Гусарова радость и воодушевление. Это была правда о современной северной деревне, правда горькая, исполненная трагизма, но – та, которую ждали. Однако повесть была уязвима, степень ее «проходимости» через цензуру была низкой, и поэтому она требовала внешних «маскировочных» манипуляций и противоцензурных маневров [8, с. 114].

Прежде всего, одним из таких маневров являлся перенос действия повести из 1960-х гг. в 1950-е гг. Этот шаг был продиктован исторической обстановкой: в период «оттепели» разрешалось критиковать сталинский период. Была снята глава «Пошехонская доля» (облик пошехонцев перекликался с образом современных колхозников) и часть «Бабкины гости» (городской корреспондент после написания статьи о жизни бабки Евстольи попадает на Колыму), видоизменена глава «Детки» и т.д. Но и прикрытая повесть показывала неприглядное положение дел у крестьян в деревне. Поэтому ее завершили справкой в финале: «Конец первой части» [3, с. 139].

Данная повесть вызвала бурные обсуждения, как среди читателей, так и во властных кругах. «Какой язык!», – отозвался о повести главный редактор «Правды» М.В. Зимянин, и сразу же поставил статью о ней в номер. Оказанная произведению поддержка вызвала раздражение в Отделе культуры ЦК партии, но факт свершился, это признание многое значило как для «Привычного дела», так и для всей, как ее тогда называли, «деревенской» литературы [6, с. 407]. «Еще ни разу не видел я среди тех, кого люблю и чьему читательскому мнению доверяю, кто остался бы спокойным, дочитывая “Привычное дело”», – признавал русский писатель, публицист В.Н. Крупин [5, с. 120].

В. Белову приходило множество писем, содержащих факты подтверждения правды его слога, горькой истины, которая многие годы была прикрыта. Особенно интересны письма студентов, аспирантов, ученых которые с научной точки зрения занимались проблемами деревни. Они обращались к Василию Ивановичу за советом, за помощью и добрым словом. «А все очень просто: прочитал «Привычное дело» и «заболел» проблемами, поднятыми повестью», – утверждал аспирант второго курса МГПИ им. Ленина В. Емельянов [4, л. 2]. Проблемами российской деревни в

произведениях писателей 1960–1970 гг. занимался аспирант Адыгейского госуниверситета О. Селедцов. Он размышлял: «Я считаю, что Вы и Ваши единомышленники В. Распутин, Ф. Абрамов, В. Шукшин приоткрыли завесу тайны, которая по воле царствующего бесовства тщательно скрывалась и скрывается от народа» [4, л. 16].

Читательский интерес свидетельствует о факте привлечения внимания общественности к бытности деревни, населению «открылись глаза» на все проблемы, которые сознательно укрывались властью на протяжении нескольких десятилетий.

Но не все встретили повесть столь вдохновленно и восторженно, нашлись и те, кто своим отзывом уличил ее во лжи и стремлении показать только отрицательные стороны жизни деревни. Главный редактор «Севера» Д.Я. Гусаров сохранил отклик читателя А. Лазурина, обозначившего повесть как «черную птицу, «пьяную тираду». Он писал: «Пагубная сила повести заключается в том, что в ней много правды. Но какой правды – самой низкой, не дающей ничего не уму не сердцу. Надо же набраться натуры на протяжении повествования нашептывать беспросветную тоску и безысходность. А поклонникам литературы, что вы дали. Опустошить душу читателя, вселить в нее нытье, неуверенность, растравить ядом мнимой правды и все» [9, с. 183–184].

Отношение публичной власти к публикации В.И. Белова выразилось в резком отрицании и развитии идеологической кампании. Весной 1966 г. Центральным Комитетом КПСС был проведен семинар секретарей, ведавшими вопросами пропаганды. На мероприятии был заслушан доклад А.Н. Михайлова, раскритиковавшего «Привычное дело» за идейную порочность и антипартийность. Далее летом того же года на пленарном заседании членов и кандидатов в члены Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза Л. Колмовский, возглавлявший министерство культуры, высказал свое резкое мнение о «вредной» публикации [3, с. 140–142].

Но простых людей, читателей было не обмануть, повесть разлеталась по городам Советского Союза стремительно. С.В. Панкратов заведующий отделом прозы журнала «Север» сообщал в Вологду: «Повесть В. Белова единодушно оценена очень высоко. Пойдет в первом номере...», в Беломорск: «Интересная повесть идет в первом номере...», в Кандалакшу: «Отличную повесть собираемся печатать в первом номере нового года, отличную. Ждите...» [3, с. 139].

Подводя итог, стоит отметить, что «Привычное дело» по праву заняло, важное место в литературе прошлого столетия, даже спустя более полувека оно остается на слуху, произведению и его автору посвящено множество исследований в области литературы и истории. О признании повести, так же говорит, тот факт, что она была переведена на множество иностранных языков, английский, шведский, финский, французский и многие другие, что обуславливает популярность ее изучения не только в России, но и за рубежом.

Литература

1. Армеева, В.И. Писатели-вологжане: материалы о жизни и творчестве: методическое пособие / В.И. Армеева, И.А. Армеева, Т.Н. Малышева. 2-е изд., испр. и доп. – Вологда: Полиграф-Периодика, 2011. – 115 с.
2. Василий Иванович Белов // Вологодская областная универсальная научная библиотека (ВОУНБ): Выдающиеся люди Вологодского края. URL: https://www.booksite.ru/lichnosty/index.php?action=getwork&sub=about&pid=180 (Дата обращения: 22. 02. 2019).
3. Гнетнев, К. Дмитрий Гусаров. Раненый ангел / К. Гнетнев // Север. – 2012. – № 7–8. – С. 136–161.
4. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). – Ф. 5134. – Оп. 1. – Д. 381.
5. Крупин В.Н. Кольцо забот: [повесть, рассказы, очерки] / В. Крупин. – М.: Молодая гвардия, 1982. – 255 с.
6. Литературные традиции Русского Севера: Александр Яшин, Виктор Астафьев, Николай Рубцов, Василий Белов: исследования и материалы. Кн. 1. Писатель и его время / Под ред. С.А. Тихомирова. Вологда: Книжное наследие, 2008. 518 с.
7. Мухин, А.В. Обзор фонда писателя Василия Ивановича Белова / А.В. Мухин // Историческое краеведение и архивы: сб. ст. – Вологда, 2004. – Вып. 10. – С. 153–158.
8. Столетова А.С. Русская деревня в жизни и творчестве В.И. Белова в 1960-е гг. // Вопросы истории. 2018. № 12. С. 111–119.
9. Тимошкина О.С. «Василию Белову передайте...» // Север. – 2000. – №. 5–6. – С. 181–184.

Лазарева Е.И.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПРИРАЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Аннотация. Актуальность данного исследования определяется современными процессами кластерной модификации общества, в контексте которых инновации как глобальная основа конкурентоспособности требуют новых интеллектуальных прорывов, активизации процесса конвертации значимого потенциала качественных человеческих ресурсов в факторы устойчиво-инновационного развития экономики. Цель исследования – обоснование моделей человеческого капитала, обеспечивающих решение актуальной задачи – превращение человека в драйвер инновационных процессов на всех уровнях и во всех секторах социоэкономики. Результаты апробации авторских разработок могут послужить основой формирования действенного регулирующего механизма, обеспечивающего повышение эффективности процесса накопления и продуктивного применения человеческого капитала в системе стратегического менеджмента трендов устойчиво-инновационного развития экономики.

Ключевые слова: человеческий капитал, стратегическая модель, стратегическое управление.

Lazareva E.I.

STRATEGIC MODELS OF HUMAN CAPITAL INCREASING UNDER THE CONDITIONS OF GLOBAL CHALLENGES

Abstract. The relevance of this research is determined by modern processes of society cluster modification, in the context of which innovations as the global basis of competitiveness require new intellectual breakthroughs, activating the process of converting the significant potential of high-quality human resources into the factors of sustainable innovation economy. The aim of the study is to substantiate the human capital models, which provide a solution to the

urgent task – the person’s transformation into the driver of innovation processes at all levels and in all sectors of the socioeconomics. The results of the author's developments approbation can serve as the basis for the formation of an effective regulatory mechanism ensuring the efficiency increase of the human capital accumulation and productive use in the system of the strategic management of the trends of the sustainable innovative development of economy.

Keywords: human capital, strategic model, strategic management.

Растущее значение интеллектуального фактора в инновационной экономике инициировало перемещение человеческого капитала в центр стратегического регулирования процессов социально-экономического развития стран и регионов. Это способствовало постепенной имплантации параметров человеческого капитала (сначала – индивидуальных, исключительно экономических; впоследствии – и социальных, общественных) в сферу поисковых исследований ресурсных источников экономического роста [1].

Развитие цифровых сетей и кластеров, в которых эффективность возрастает по мере роста числа пользователей, в сочетании с институциональной средой способствовало появлению новых подходов к моделированию процессов наращивания человеческого потенциала высокого качества и технологий его конвертации в источники инновационного роста.

Кластерный характер многих таких подходов определяется необходимостью ориентации на международную конкурентоспособность, все возрастающую роль в достижении которой играет агломерационный фактор – фактор накопления человеческого и инновационного потенциала, достаточного для устойчиво-конкурентного развития кластерных структур современной экономики [2]. Данные модификации подходов к моделированию становятся все более приоритетными в условиях инновационно-цифровой трансформации общества и знаменуют, по нашему мнению, переход к новой методологии моделирования человеческого капитала как ключевого ресурса долговременной экономической динамики – методологии, учитывающей на паритетных началах нематериальные (социально-экологические) и материальные характеристики.

Предмодельный структурный анализ человеческого капитала привел к обоснованному выделению четырех его составляющих, активно влияющих на тренды устойчиво-инновационного развития экономических акторов: качества индивидуального человеческого капитала, уровня благосостояния, качества социальной и экологической сфер.

Эти результаты послужили основой для разработки кластерной модели диагностической комплексной оценки интегрированного человеческого потенциала и формирования на основе оценок инновационного эффекта стратегии его приращения в системе управления инновационно-устойчивым развитием экономики.

В качестве отличного от традиционно используемых инструментов достоинства кластерной модели выделим ее холистический характер, позволяющий аккумулировать информацию о параметрах динамических стратегий (как экономических, так и социально-экологических), нацеленных на приращение качественных человеческих ресурсов [3]. Данная черта, несомненно, влечет повышение точности и адекватности оценок используемых в государственной экономической политике механизмов управления процессом воспроизводства человеческого капитала.

Комплексная оценка стратегии приращения человеческого потенциала показала, что наиболее значимое воздействие на экономические траектории оказывает качество социальной среды, ключевым индикатором которого выступает степень социальной сегментации общества [4].

Основой ранжирования нацеленных на воспроизводство человеческого капитала стратегий государственной политики в сфере повышения качества социальной среды, а также уровня его конвертации в факторы инновационного роста явились результаты кластеризация регионов РФ по степени инновационной активности субъектов социально-экономического развития (табл. 1).

Как определяющий принцип реализации стратегии приращения человеческого потенциала может быть предложен модифицированный принцип Хартвика-Солоу, представляющий собой механизм организации / регулирования процесса накопления и перераспределения ренты на человеческий капитал в направлении

долгосрочного обеспечения качества социальных условий его воспроизводства.

Таблица 1. Ранжирование стратегий государственной политики в сфере повышения качества социальной среды и уровня его конвертации в факторы устойчиво-инновационного развития различных типов регионов РФ

Ранг / **Тип регионов**	**1**	**2**	**3**	**4**
А	Развитие социальной инфра-структуры	Повышение уровня/условий занятости	Развитие малого бизнеса, свобода предприни-мательства	Повышение доступа к науке и технологиям, развитие информацион-ной инфраструктуры
Б	Развитие малого бизнеса, свобода предпринима-тельства		Развитие социальной инфраструк туры	
В		Повышение доступа к науке и технологиям, развитие информационной инфраструктуры	Развитие социальной инфра-структуры	Повышение уровня/условий занятости
Г	Повышение доступа к науке и технологиям, развитие информацион-ной инфра-структуры	Развитие малого бизнеса, свобода предпринима-тельства		

Результаты исследования позволяют изменить взгляд на приоритеты стратегического менеджмента траекторий накопления и продуктивного применения человеческого капитала:

– опора на расширенную теорию человеческого капитала с включением в комплексную стратегию как чисто экономических, так и неэкономических, в том числе социальных стратегий развития;

– активное стимулирование долгосрочной занятости в различных формах, свободы информационного обмена, способствующее достижению стратегических императивов;

– развитие социальной инфраструктуры на фундаменте методологического принципа Хартвика-Солоу, нацеленное на

долгосрочное приращение качества социальных условий воспроизводства человеческого капитала.

Литература

1. Ling Y.H., Jaw B.S. Entrepreneurial Leadership, Human Capital Management, and global competitiveness // Journal of Chinese Human Resources Management. 2011. V. 2. С. 117-135.

2. Лазарева Е.И. Стратегия развития человеческого капитала в системе инновационно-региональных кластеров // Проблемы современной экономики. 2008. № 1. С. 200-204.

3. Лазарева Е.И. Кластерная политика и инструментарий воспроизводства человеческого потенциала в системе управления инновационно-устойчивым развитием экономики // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 234-237.

4. Anopchenko T., Lazareva E., Bagdasaryan I.S., Vasileva Z.A., Almabekova O.A. Human Resource Innovative Management Using the Tools of Econometrics // 2nd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts (SGEM 2015) 2015. С. 393-399.

Ловецкий Г.И., Косушкин В.Г., Самылов П.В.

УРОКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И НОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ ВСЕМИРНО – ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. В 1918 году Чижевский и Шпенглер предложили оригинальные концепции всемирно-исторического процесса. Немецкий мыслитель предупредил о трагических последствиях пути, по которому пошел мир и европейская цивилизация. Русский ученый соединил методы гуманитарного и естественнонаучного познания, заложив основы научного прогнозирования социальных процессов в их связи с динамикой земных и космических факторов. Интеллектуальный ответ обоих исследователей на уроки Первой мировой войны человечеству еще предстоит усвоить.

Ключевые слова: Чижевский, Шпенглер, всемирно-исторический процесс, историометрия.

Lovetsky G. I., Kosushkin V. G., Samylov P. V.

THE LESSONS OF THE FIRST WORLD WAR AND THE NEW CONCEPTS OF THE WORLD HISTORICAL PROCESS

Abstract. In 1918, Chizhevsky and Spengler proposed original concepts of the world historical process. The German thinker warned of the tragic consequences of the path taken by the world and European civilization. The Russian scientist combined the methods of humanitarian and natural science cognition, laying the foundations of scientific forecasting of social processes in their connection with the dynamics of terrestrial and cosmic factors. The intellectual response of both researchers to the lessons of the First World War has yet to be learned.

Keywords: Chizhevsky, Spengler, world-historical process, periodization

1914-1918 годы - один из самых драматичных периодов в истории человечества, поскольку оно не смогло извлечь должных выводов из Первой мировой войной, и вскоре последовала еще более разрушительная Вторая мировая война. Описывая события того времени, Г. Уэллс (1866-1946) писал о том, что в те годы почти никто не понимал, откуда взялись огромные проблемы, которые так внезапно и так трагически обрушились на мировую демократию.

Историческая наука кануна войны была погружена в методологический спор о принципах различения наук о духе и наук о природе, которые сформулировал В. Дильтей. Идею о том, что один и тот же предмет может изучаться разными науками, важно лишь какими методами при этом пользуются исследователи, предложил В. Виндельбанд, а его ученик, Г. Риккерт в книге «Границы естественно-научного образования понятий» (1896 г.) показал, что противоположность между номотетикой и идеографией может быть снята, поскольку и индивидуальное поведение (предмет идеографии), и обнаружение законов (номотетическое исследование) равным образом подчиняются ценностному долженствованию.

На этом спор о методе утратил свою остроту, и макропричиной интеллектуального бессилия новой эпохи Н.С. Розов называет Первую мировую войну [1].

Мы полагаем, что интеллектуальная мысль человечества не прекращала напряженной работы, и результатом ее нового подъема стали две концепции историко-культурного процесса, которые стали кардинальной развилкой в поиске механизмов, объясняющих его

закономерности, вследствие чего историческая наука впервые приобретала признаки научности.

В научной и культурной жизни Германии и России произошли два знаменательных события. Одно тут же привлекло внимание мировой общественности - в апреле 1918 года вышел в свет первый том «Закат Европы», автором которого был немецкий философ О. Шпенглер (1880-1936), где он в связи с крахом Германии в Первой мировой войне предрекал закат Западной Европы [2].

Второе событие было не менее значимым для понимания сути процессов, лежащих в основе периодизации всемирной истории. Молодой русский ученый А.Л. Чижевский (1897-1964), в будущем биофизик с мировым именем, в марте 1918 года защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора всеобщей истории по теме «Исследование периодичности всемирно-исторического процесса». Краткое изложение рукописи было издано лишь в 1924 году в городе Калуге, что ограничивало ее доступность специалистам [3].

Работы О. Шпенглера и А.Л. Чижевского 1918 года были выполнены независимо друг от друга, источником исследований был огромный массив европейской историко-культурной и научной мысли, который, как оказалось, содержал в себе основания для разнонаправленных выводов. Их общий интерес состоял в том, чтобы кошмар войны больше никогда не повторился. Произведения немецкого и русского мыслителей были первым глубоким интеллектуальным ответом на события, в которые были ввергнуты колоссальные массы и с которыми не смогли совладать политики, дипломаты и вожди масс.

Согласно взглядам О. Шпенглера, постичь сущность истории - означает выделить ту противоположность, которая составляет тайну всемирной истории вообще, и он находит ее в непримиримой противоположности самой истории и природы: фон и фигура у него отчетливо своеобразны и самостоятельны. Работы О. Шпенглера были подхвачены многочисленными последователями, усилиями которых были заложены основания культурологии, политологии, геополитики- все это хорошо известно. В оценке Л.Б. Алаева, классическиӣ цивилизационный подход (а теория локальноӣ цивилизации представляет собой совокупность концепций, раскрывающих сущность локальноӣ цивилизации на основе принципов цивилизационного подхода) базируется на идее, что нет человечества, нет и его истории. Надо расстаться с общемировой стадиальностью и поисками закономерностей. Трудность принятия

такого взгляда заключается в том, что надо доказывать, что месопотамская и древнеегипетская цивилизации не повлияли на античную, что последняя не повлияла на Западную Европу, что Античная цивилизация не повлияла на арабо-мусульманскую, а та, в свою очередь, на западноевропейскую [4].

Согласно концепции А.Л. Чижевского, имеет место единство природы и культуры (истории), и, следовательно, обусловленность исторических процессов физическими факторами. Однако работам русского ученого не повезло. Политическое пристрастие властей было вызвано подозрением, что автор вольно или невольно нивелирует роль партии и ее вождей в руководстве социальными процессами.

Научное содержание работы, непонятное и сегодня многим дипломированным в науке специалистам, вызывало полное отторжение и подозрительность в научной компетентности автора. Тем более, что ученый, который начинал свой путь в науке, как гуманитарий, а впоследствии был признан как один из лидеров биофизиков мира.

Первая волна внимания к работам ученого была вызвана достижениями практической космонавтики, одним из которых стал эмпирических факт обнаружения «солнечного ветра», о котором писал ученый, называя его посредником солнечно-земных связей; одновременно в науке возрос интерес к автоколебаниям, в объяснении природы которых вернулись к идеям ученого о влиянии космических флуктуаций и ритмов на глубинные процессы в неживой природе; в биофизике, медицине, эпидемиологии, климатологии также наблюдается запрос на объяснение многих феноменов причинами космофизического плана. В 1980-2010 годы работами С.Э. Шноля, В.П. Казначеева, Б.М. Владимирского, Н.А. Темурьянц, А.Л. Воейкова, Ю.И. Гурфинкеля, Э.Н. Чирковой и других исследователей были сделаны важные шаги по развитию идей ученого на основе достижений современной науки.

Можно усматривать некоторое сродство методологических основ историометрии с работами представителей клиометрии, клиодинамики, концепции социоестественной истории, школы «История и математика», исторической макросоциологии.

Работы О. Шпенглера и А.Л. Чижевского сохраняют актуальность, они позволяют объяснять многие противоречивые стороны событий всемирно-исторического процесса, а также предсказывать характер их проявления, выступая как взаимодополнительные инструменты в руках исследователей и

политиков. Этот интеллектуальный ответ на уроки Первой мировой войны человечеству еще предстоит усвоить.

Литература

1. Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга: I-я Гостиполитография, 1924.- 72 с.

2. Шпенглер Освальд. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. I. Гештальт и действительность. - М.: Мысль, 1993. - 663 с.

3. Розов Н.С. «Спор о методе», школа «Анналов» и перспективы социально-исторического познания // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 145-155.

4. Алаев Л. Б. Мировой исторический процесс: единство в многообразии // Многофакторный подход к изучению истории как проблема методологии: круглый стол в Московском государственном областном университете. - М.: Изд-во МГОУ, 2012. С. 14-34.

Магомедова М.З.

РОЛЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ КАРКАСА ЖИЗНЕННОГО МИРА

Аннотация. Роль религиозных ценностей в жизни отдельного человека и общества в целом могла меняться, но их присутствие проявлялось всегда. В статье анализируется значение общечеловеческих ценностей, заложенных в религии, для формирования мировоззренческого каркаса подрастающего поколения. Автор обращает внимание, что религиозное сознание современного человека отличается эклектичностью, прагматизмом и данью моде. Одним из результатов постиндустриальной эпохи является разрушение традиционной религиозности, которой были присущи целостность этнокультурного бытия и преемственная связь поколений. Утрата многих традиционных ценностей уже привела к «духовному нигилизму» части современной молодежи.

Ключевые слова: религия, вера, духовность, религиозные ценности, жизнь, повседневность, верующий человек.

Magomedova M.Z.

THE ROLE OF RELIGIOUS VALUES IN THE FORMATION OF THE FRAMEWORK OF THE LIFE WORLD

Abstract. The role of religious values in the life of an individual and society as a whole could change, but their presence always manifested itself. The article analyzes the significance of common human values inherent in religion for the formation of the younger generation's worldview. The author notes that the modern man's religious consciousness is eclectic, pragmatic and tributes to fashion. One of the results of the post-industrial era is the destruction of traditional religiosity, which was characterized by the integrity of ethno-cultural life and the successive connection of generations. The loss of many traditional values has already led to the "spiritual nihilism" of a part of modern youth.

Keywords: religion, faith, spirituality, religious values, life, everyday life, a believer.

Любая религия содержит в себе как собственно религиозные, так и общечеловеческие ценности. Это находит отражение в священных писаниях: чти отца и мать свою, не убий, не кради, не прелюбодействуй и т.п. Эти заповеди исходили из потребностей общества и вобрали в себя, прежде всего, прогрессивные традиции народа. Ценностями любого общества являются те предметы, явления общественной жизни, которые служат всестороннему развитию всех членов общества, воспитанию у них общечеловеческих идеалов, избавлению их от страданий, зла. Все это относится к материальной, социальной и духовной сферам жизни человека. Общечеловеческое, гуманистическое начало в религии необходимо для становления у подрастающего поколения того каркаса, на котором будет строится их личностное начало. Религия является частью нашего общего культурного наследия. Но содержание религии не сводится только к художественно-культурным ценностям, которые передавались из поколения в поколение и в определенной мере именно на этом основывалась система воспитания того или иного народа. Аккумулируя богатый нравственный опыт народа, осуществляя преемственность его духовной культуры, религиозные ценности являются важнейшими компонентами социально-психологической среды окружающей растущего человека.

В современном обществе появилась своеобразная «мода на религию». Сейчас большим спросом пользуется не религиозность с внутренним духовным стержнем, а религиозность «напоказ» для всеобщего обозрения. Люди обращаются к определенному вероисповеданию не потому что стали подлинно верующими, а потому, что это стало очень удобным источником норм жизни и общения. «Новая религиозность» образовалась на основе социокультурного контекста как результат желания упорядочить свою жизнь в соответствии с новыми веяниями информационного общества. В век высоких информационных технологий религиозное сознание человека становится эклектичным, представляет собой смешение религиозных представлений всех эпох и народов с новомодным увлечением магами, экстрасенсами.

Восстановление религиозности в России, «религиозный бум 90-х» после семидесяти лет атеистического прошлого, к сожалению, привел больше к росту внешних атрибутов религиозности: строительству и восстановлению храмов, пышному богослужению, появлению религиозных передач на телевидении и т.д. Однако, уровень духовности в плане моральных устоев и нравственного воспитания людей намного снизился, даже по сравнению с советским периодом нашей истории. В следствие чего, с начала 2000-х годов наблюдается некий отход людей от религии и деятельности различных религиозных организаций, объясняющийся определенным разочарованием и не оправданием надежд, которые возлагались на данный социальный институт. Многочисленные эмпирические исследования подтверждают, что «религиозность тех, кто считает себя верующим, часто носит ситуативный характер, в ней проявляется скорее не устойчивая мировоззренческая позиция, а умонастроение, отличающееся значительной подвижностью» [1, с. 328]. Общество потребления выдает соответствующий «продукт». Выросло поколение, пропитанное западными ценностями, деформировавшее сознание молодежи. Попрание базисных нравственных ценностей, наложенное на высокий уровень развития науки и техники, позволяет репрессивному обществу сформировать новый тип массового «одномерного человека», в котором критическое отношение к обществу атрофировалось [2, с. 20].

В жизненном каркасе современной молодежи религия перестала играть роль нравственного императива, формирующего картину мира, она превратилась в некую форму психотерапии. Как показывают масштабные исследования религиозной самоидентификации студентов, у молодежи отношение к религии

носит чисто прагматический характер, «для поколения молодых индивидуалистов и эгоистов на первый план вышла терапевтическая функция веры» [3, с. 82]. Аналогичные тенденции прослеживаются и у зарубежных исследователей. В частности, английский социолог С. Коллинз-Майо в статье «Молодежь и религия: международные перспективы» отмечает, что сегодня затруднена передача религиозных ценностей и традиций от старшего поколения младшему в связи с демократизацией общества, в сознании молодежи концепты веры и религиозной практики не связываются между собой [4, p. 90].

В глобализирующемся мире разрушается то, на чем основывалась традиционная религиозность – целостность этнокультурного бытия, психологическое единство больших человеческих коллективов, утрата традиционных способов передачи информации от старшего поколения младшему. Связь поколений в информационном обществе минимальна, так как связующими факторами теперь становятся сообщества сверстников или виртуальные сообщества. В постиндустриальную эпоху люди меньше руководствуются в жизни знаниями, больше информацией, мгновенно распространяющейся в социальном пространстве. Манипулирование сознанием человека, обезличивание людей, замена духовных ценностей культом потребительства стали главными характеристиками современной жизни. Увлечение социальными сетями, жизнь напоказ, виртуальная реальность – все это неотъемлемая часть жизни современной молодежи. Таким образом, современное информационное общество все больше закрепощает человека вместо того, чтобы делать его свободным. Чтобы человек не утратил способность самостоятельного мышления, он должен ошибаться, сомневаться, уметь выбирать главное из огромного вороха наваливающейся на него информации, отсеивать ненужное и иметь смелость пользоваться собственным умом.

Литература

1. Гараджа В.И. Социология религии. – М., 2007. – 348 с.
2. Маркузе Г. Одномерный человек. – М., 2003. – 331 с.
3. Широкалова Г.С., Шиманская О.К., Аникина А.В. Существуют ли гендерные особенности религиозности студенческой молодежи? // Социологические исследования. – 2016. – № 6. – С. 77-83.

4. Collins-Mayo S. Youth and religion. An international perspective // Theo-Web. Zeitschrift für Religionspädagogik. 2012. № 11. – P. 80-94.

Миркович Э.

БЛАГОЕ НЕШКОВИЧ – РУСОФИЛ И/ИЛИ СЕРБСКИЙ ПАТРИОТ

Аннотация. В данной статье анализируется отношение Благоя Нешковича к России и Советскому Союзу. В 1952 году он стал вице-президентом правительства Федеративной Народной Республики Югославии, но вскоре его обвинили в осуществлении оппортунистической политики, в пророссийских настроениях и сотрудничестве с Информбюро, вследствие того вынудили сложить полномочия на всех постах и исключили из Центрального комитета Югославии. Используя досье вместе с соответствующими архивными материалами и литературой в исследовании, мы показали, что обвинение, выдвинутое против Благоя Нешковича, являлось первым в серии организованных процессов против политических оппонентов.

Ключевые слова: Благое Нешкович, Коммунистическая партия Югославии, Россия, Советский Союз, Информбюро.

Mirkovic E.

BLAGOJE NESKOVIC A PRO-RUSSIAN POLITICIAN AND/OR A SERBIAN PATRIOT

Abstract. The paper analyzes Blagoje Neskovic's political relationship with Russia and the Soviet Union. In 1952 he became the Deputy Prime Minister of the Federal Republic of Yugoslavia, but soon he was accused of opportunistic policy implementation and cooperation with the Cominform, he was forced to resign all party positions and expelled from the Central Committee of Yugoslavia. Drawing on the available archive materials and historical records the research has shown that the accusation against Blagoje Neskovic was the first one in the series of the well designed and organized trials against political opponents.

Keywords: Blagoje Neskovic, the Communist Party of Yugoslavia, Russia, Soviet Union, Cominform.

Blagoje Neskovic was a famous person of the Serbian communist movement, faithful to the ideas of communism and socialism since school days [4, p. 14]. Officially, he became a member of the Communist Party of Yugoslavia in 1935. And soon after he left for Spain to fight in the Spanish Civil War as a volunteer [7, p. 7]. During this period he met many combatants from various nations. "He pointed out as a very important, meeting with a young medical student from the Soviet Union, Vladimir Kurt. Vladimir Kurt worked in an intelligence service of the International Brigades at that time, and he believed fanatically in the victory of communism, however, according to Blagoje Neskovic's words he was different from others because of "his realistic estimation on the state of things in the Soviet Union and Comintern" [7, p. 23].

During the Second World War Blagoje Neskovic was named the secretary of the Province Committee for Serbia and he stayed on that position until the end of the war. Until 1948 he was the secretary of the Central Committee and Prime Minister of the Socialist Republic of Serbia [5, p. 660]. In 1952 he became Deputy Prime Minister of the Federal Republic of Yugoslavia, but soon, under the accusation of opportunistic policy implementation, Russophilia and cooperation with the Cominform, he was forced to resign all Party positions and was expelled from the Central Committee of Yugoslavia [8, p 257]. The case against Blagoje Neskovic was officially set in motion at the Politburo meeting held right before the Sixth Congress of the Communist Party of Serbia on 29 September, 1952 [2, p. 2]. The commission revised the complete work of Blagoje Neskovic, accusing him of being the supporter of the Soviet Union and not the Communist Party of Yugoslavia.

Eleven executives gave their statements in front of the Commission regarding the case of Blagoje Neskovic. The Communist party had carefully selected most prominent members, people from the top of the Party, former close associates of Blagoje Neskovic, and with that, the process itself gain on the importance. Of all those who gave statements, only the statements by Vlado Popovic and Svetozar Vukmanovic Tempo pointed out the relationship between Blagoje Neskovic and the Soviet Union. Considering that accusation against Blagoje Neskovic started because of his cooperation with the Cominform, it is noticeable that in the statements given by the executives, least criticism had been pointed out on that account.

Vlado Popovic gave the shortest statement in front of the Commission, pointing out only one conversation with Blagoje Neskovic in the fall of 1950. when they talked about getting loans and help from abroad, and as he stated, Neskovic strongly opposed that, while: “Others attending maintained their said view, asking themselves later, when Neskovic was no longer present, how a member of the Politburo of our party, can support the view that can be identified with the policy of the Russian government, or to say, the view that is directly against interests of our government and building of the socialism.” [2].

Svetozar Vukmanovic Tempo gave his statement in front of the Commission on 17 October, 1952, in which he said how he “in conversation with Neskovic, pointed out, quite determent, how he would fight against the Red Army had it attack our country. Neskovic screamed at me, how can I say something like that, where will that opinion take me etc. ” [2].

Although Blagoje Neskovic firmly defended himself against these accusations, the executive Committee of the Central Committee of the League of Communists of Yugoslavia decided, at its meeting on 27 November, 1952 to exclude him from the League of Communists of Yugoslavia because of his pro-Cominform view [1, p. 24]. Blagoje Neskovic left politics but had a close watch on the state of things and commented in press, among other things, his relationship with the Soviet Union.

In the interview he gave to the magazine Duga, Blagoje Neskovic commented, answering the journalist`s question, his relationship with the Comintern, given that he was accused of collaboration with the Comintern during the war. Blagoje Neskovic strongly denied that, and we did not find proof that he was in the Comintern [6, p. 20].

Relationship with the USSR and J. Stalin in particular described with the impression he had when he first met him, when in the spring of 1946 he was visiting Moscow with the members of the top government authority. Alongside Josip Broz Tito and Blagoje Neskovic, in the delegation were also Boris Kidric, Vladimir Popovic, Aleksandar Rankovic and Koca Popovic [3, p. 228].

One time at a dinner during the visit, Joseph Stalin gave toast to the “Heroic Serbian people”. The host explained that he did that because the Serbs were “the only Slavic people who in the hardest days of the war against fascism stayed loyal to Russia while Croatian regiments fought alongside Germans at Stalingrad” [9, p. 33].

After that he gave the toast to Blagoje Neskovic, doing that like “a Serb with a Serb”, and not to his main guest. Josip Broz certainly could

not have been happy with this episode, because he was Croat by birth, and also because he was the president of the state [6, p. 20]. Blagoje Neskovic was a new face for Joseph Stalin, and being on such a high position in government, was probably the reason why he gave him more attention than to other guests.

For the analysis of the Blagoje Neskovic view towards Soviet Union, it is important also, the statement that he gave to his son Nebojsa Neskovic. "BN (Blagoje Neskovic – obj. E. M.) told me on more than one occasion that he believed that the West offered help to Yugoslavia mainly to harm Soviet Union, and that in a long term, weakening of the Soviet Union would have bad consequences for Serbia. He was certain that it will be way harder for Serbia to fight for its interests when the Soviet Union is weak." [2].

Blagoje Neskovic pointed out until his death, that he did not believe in full either to the Soviet Union or to Broz. Exploring the relation that Blagoje Neskovic had toward Serbian national question and solving the national question in Yugoslavia in general, we came to the conclusion that, according to his opinions, he was rather revolutionary for a communist of that time. Showing the national sentiment was held as a capital sin especially if the accusations in question are for "Serbian chauvinism". The fact is that, when he was to be excluded from the Party, he was also branded as someone intolerant towards Slovenians and Montenegrins, which was taken as a big sin because it was contrary to the politics of brotherhood and unity in which was expected that Serbia should voluntarily take most effort to keep that policy. In the indictment against Blagoje Neskovic was pointed out, among other things: "B. Neskovic strongly disagrees with the policy of our Party about the national question and continually points out that this policy is bad for Serbian people. He presented his Serbian chauvinism on multiple occasions, in various form, even in those, not just for communist, but for ordinary citizen, trivial things, such as, for example, inscriptions in Latin alphabet in Belgrade" [2].

Blagoje Neskovic was not a suitable person who would support national weakening of Serbia for the cause of strengthening Yugoslavia. His disagreements in national policy, dissatisfactions with the buyout policy, standing up for Serbian national interests, and also, bigger political influence and disobedience brought to split with Josip Broz, whose policy was completely different. Surely Josip Broz could not count on "disobedient" associate who would slow down materialization of his policy, so he decided to remove him from the politics. Conflict with the

Cominform served as a good excuse to expel disobedient members from the Communist party.

Literature

1. Historical Archive of Belgrade. Legacy Blagoje Neskovic and Branislava Brana Perovic. box 1. 24 p.
2. Private Archive Nebojsa Neskovic. Dossier Blagoje Neskovic, Correspondence Blagoje Neskovic and CC CPY.
3. Cosic Dobrica. Licna istorija jednog doba. Vreme iskusenja (1951-1968). Belgrade: Sluzbeni Glasnik, 2009. 288 p.
4. Glisic Venceslav. Dosije Blagoja Neskovica: prilozi za biografiju. Beograd: Sluzbeni Glasnik, 2011. 14 p.
5. Little Encyclopedia „Prosveta" // Oton Bihalji Merin. Belgrade: Prosveta, 1978, 660 p.
6. Protiv Raka i neka ubedjenja// Duga. 19. November 1983. 20 p.
7. Neskovic Blagoje. Spanija sa trideset godina udaljenosti // Spanija 1936-1939, Zbornik secanja jugoslovenskih dobrovoljaca u Spanskom ratu. Beograd: Vojnoizdavacki zavod, 1971. 7 p.
8. Mitrovic Momcilo. Dr Blagoje Neskovic – ibeovac // Tokovi istorije. 2006. № 1−2. 257 p.
9. Simic Pero. Tito i Srbi (1945–1972). Beograd: Laguna, 2018. 33 p.

Михайлович Милошевич С.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ МОСКОВСКОГО СТУДЕНТА И СЕРБСКОГО ПИСАТЕЛЯ ГРИГОРИЯ БОЖОВИЧА

Аннотация. В статье рассматривается деятельность несправедливо исключённого из литературной среды Григория Божовича, национального лидера косовского края. После многих десятилетий анафемы, которая была наложена на него и его литературное наследие, его фигура опять начинает привлекать внимание исследователей. Его называли косовским Андричем. Он происходит из знатного калашинского рода священников и князей. Образование получил в Московской Духовной Академии, занимался государственной деятельностью, журналистикой и политикой. В *Плевальском Гласнике* опубиковал несколько статей,

что послужило обвинением в коллаборационизме и сотрудничестве с итальянскими оккупантами. В 1945 году в Белграде он был расстрелян. В мае 2008 года Окружной Суд в Белграде реабилитировал литератора, национального активиста и журналиста, известного в период до Второй мировой войны. Поскольку, без сомнений, речь идет о важном национальном и политическом деятеле, данное исследование посвящено причинам политических репрессий Григория Божовича.

Ключевые слова: Григорий Божович, Косово и Метохия, обвинение, коллаборационизм, реабилитация.

Mihailovic Milosevic S.

POLITICAL PERSECUTION OF MOSCOW STUDENT AND SERBIAN WRITER GRIGORIJE BOZOVIC

Abstract. Unfairly sidelined on the political scene, writer Grigorije Bozovic, “the national leader of Kosovo region”, begins to occupy researchers’ attention anew almost half a century after anathema that was cast upon his figure and his literary work. “Andric of Kosovo”, as he was called, originates from a well-known priest and knez (knez or knyaz, a historical Slavic royal and noble title – tr.) family from Kolasin. He gained education in Moscow Theological Academy. After returning from the studies he performed at different important positions in the education, public service, journalism and politics. He was executed in Belgrade in 1945 for being a Chetnik (Serbian nationalist of anti-Axis movement – tr.) and collaboration with the Italian occupiers in Pljevlja, where he had published several articles in *Pljevaljski glasnik*, formally signed as the editor. The district court in Belgrade - department for rehabilitation has issued a court order by which “the request for rehabilitation of Grigorije Bozovic, a respectable literate, national worker and reporter for *Politika* before the Second World War is granted”. This publication examines further reasons for his political persecution, having in mind that he was undoubtedly an important national and cultural figure.

Keywords: Grigorije Bozovic, Kosovo and Metohija, accusation, collaborationism, rehabilitation.

“

Freedom is neither a philosophy nor an idea: it's a movement of consciousness that in certain moments urges us to say out two one-syllable words: Yes or No. In its instantaneous shortness, like the flash of a lightning, the contradictory sing of human nature is drawn" [4, p. 54]

Personal and professional biography of Grigorije Bozovic, the writer whose creation is situated on the transit from realism to modernist literature, has a character of the one of the most versatile and prominent individuals from the Serbian intellectual elite from the first half of the 20th century, the party often named "expendable generation" during the war decades, for many reasons [3, p. 9]. One could easily say that this important cultural worker was actually anathematized in the post-war and liquidator meaning. Military court judgment and ideological and political reasons kept convicted and executed Grigorije Bozovic, his name and his literary work out of reach and range of any researcher for four and a half decades.

This exquisite narrator and travel writer was born in Pridvorica, village in Ibarski Kolasin, in the year 1880, in occupied and enslaved Old Serbia. After elementary education, Bozovic graduated from Theological-Teacher Education School in Prizren, and acquired higher education in the literary division of Moscow Theological Academy. Bozic's student dossier was unfortunately lost, together with many others, in the year of the October Revolution. As a Moscow Theological Academy cadet from abroad, he received a scholarship from the Russian Orthodox Church Holy Synod. He graduated on the 4th of July, 1905.

Shortly after graduating he returned to Serbia. He was ready to return to Kosovo and Metohia, province governed by apostasy and violence back then, and he was also determined to begin his educational and pedagogic work in one of the Serbian high schools in Old Serbia, putting his personal security at risk (in the 1905 Turkish government requested Serbian government extradition of archpriest Vukajlo Bozovic for his work on preparing Serbian uprising in Ibarski Kolasin). Bozovic's request for work place assignment, written about a month after return from Russia, is a permanent deponent to his patriotism, as described by Milenko Jevtovic [3, p. 33].

He was a school teacher in Prizren and Bitolj from 1898 to 1913. He became a deputy of the National Assembly on behalf of Serbs for Bitolj. He served as a secretary and president of the Municipality of Prizren from 1913 to 1919, and, after that, he was an inspector in the Ministry of Social politics. He was people's deputy in the Constituent Assembly in 1920 and in National Assembly in 1925.

He started his literature work among pupils gathering "Rastko" in Prizren. His first works were published in *Carigradski glasnik* and *Golub*. He was an associate and editor in *Politika* [5]. Grigorije Bozovic was passionately fighting for the ideals of freedom, justice and equality, for liberation of southern parts from Turks, Siptars and Bulgarians. "It is rightfully said that his life was a part of the history of Ibarski Kolasin, Kosovo and Metohia, Vranje, Bitolj [1, p. 1535]. In many of his short novels and travel stories he predicted difficult days for the Serbs of the south, where he mentioned truly evidence of mortal acts ("a daughter killed in front of her father and mother, a fiancé slaughtered to death; a peasant boiled in caldron, killed priests eaten by wolves, destroyed families where only one had been left to tell about the tragedies").

Being short-sighted, he didn't participate in combats during the liberation wars (1912-1918), but he went to his native place where he was arrested and taken to the camp Nezider in Hungary. As soon as Bulgaria surrendered and Metohia was liberated in 1918, he joined his family in Prizren. Owing to political dividing, he was forced to leave the position of the president of the Municipality of Prizren to Pasic's Radical party. The president of the stronger Democratic party Ljuba Davidovic formed the new government in September 1919, and Grigorije Bozovic was appointed the district commander and sent to Podgorica. Later on, he became a clerk of the Ministry of Education. Shortly to say, Grigorije Bozovic was deeply offended by the Radical Party whereas he had a distinctive reputation in the Democratic Party even before World War I [2, p. 89].

In the newly founded Yugoslavia the first parliamentary elections were held in November 1920, and Grigorije Bozovic was the leader of the Democratic Party for electoral district of Zvecan-Raska. He was the deputy until the end of July 1923. Up to 1927, he was running three more times to enter the National Assembly, but finally elections in 1927 marked the end of his political and working career. His running for the deputy on the list of Self-democratic Party led to his retiring. With deep national feelings and eagerness, he participated in forming the constitutionally-lawful frame of Yugoslavia and took part in parliamentary debates to the very end of his deputy career. "Nationalism is faith for me", he sublimated his political view in an interview with literate B. Cosic, considering that "nationalism" means only patriotism and excludes every religious and national intolerance [p. 76].

Alongside with his responsible national work, Bozovic continued his writing and the period between the two wars was the most fruitful in his work. The start of the World War II found him as an associate worker in

Politika, where he strongly wrote against the supporting of the ruling regime towards fascist Triple pact. Therefore, he moved to Pljevlja, where he stayed for a long time, spending the last year before his death in solitude and almost illegal in Cetinje.

While he was living in Pljevlja, he was the editor of *Pljevaljski vesnik* where he wrote suggestions to the readers: "Do not fight against the occupants, but protect your lives". He also was strongly for the strengthening of harmony between Muslims and Serbs. Being a member of the Democratic Party, he didn't accompany communist revolutionists and their fight, but he was closer to the Chetnik politics of survival and waiting for the great forces to defeat Fascists tyranny. After that, with the saved forces, they would gain freedom and continue creating the country as a community of all Yugoslavia's peoples [2, p. 18].

While working for the Serb-Muslim National committee in Pljevlja, Grigorije Bozovic participated in meetings and technical works. He did never take part in any operative political program of the National committee. At the end of 1944. Bozovic was arrested by the partisans government, charged for not joining the revolution, betrayal and collaboration with the Italian army and killed in the night of 1-2 January, 1945. District court in Belgrade annulled this irregular sentence by his ideological political impostors in 2013. Although with a long delay, Grigorije Bozovic was given back all his dignity and rights.

Literature

1.Bozovic Marinko. Epilogue // Bozovic Grigorije. Putopisi. Belgrade: Zavod za udzbenike, 2016. 1535 p.

2.Jevric Milorad. The Literary Work of Grigorije Bozovic. // Thematic Collection Poetike Grigorija Bozovica. Kosovska Mitrovica: Faculty of Philosophy, University in Pristina, 2016. 18 p.

3.Jevtovic Milenko. Licnost i knjizevno delo Grigorija Bozovica. Zubin Potok – Pristina: Stari Kolasin, Novi svet, Institute for Serbian culture, 1996. 9 p.

4.Paz Octavio. La oltra voz. Novi Sad: Svetovi, 1991. 54 p.

5.Radisavljevic Zoran. Another life of Grigorije Bozovic. // Politika, 25. 10. 2016.

6.Cosic Branimir. Conversation with Grigorije Bozovic. // Rec i slika. Belgrade, 1927, No 3, 76 p.

Миятович Марина Д., Савич Биляна Р., Савич Елена Д.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ, США И ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ ОТНОСИТЕЛЬНО РЕШЕНИЯ СТАТУСА КОСОВО И МЕТОХИИ С 1999 ПО 2019 ГОД

Аннотация. В данной статье мы попытались определить потенциал Российской Федерации, Соединенных Штатов и Европейского Союза относительно решения вопроса о статусе Косово и Метохии, в период с 1999 по 2019 гг. Агрессия США и НАТО против Союзной Республики Югославии – Республики Сербии в 1999 году была самым вопиющим попранием Конвенции ООН, нарушением решений ОБСЕ с момента их принятия и до сегодняшнего дня, применения политики силы и двойных стандартов. Результатом и следствием является оккупация Косово и Метохии, отделение территории Косово и Метохии от Республики Сербии и провозглашение квази-государства Косово. Основной целью США, Евросоюза и НАТО является признание квази-государства Косово и противостояние Сербии, Российской Федерации и Китаю.

Ключевые слова: Республика Сербия, Косово и Метохия, Российская Федерация, США, Европейский Союз, Резолюция Совета Безопасности 1244 (1999).

Mijatović Marina D., Savić Biljana, Savić Jelena

RELATIONS BETWEEN RUSSIAN FEDERATION, US AND EUROPEAN UNION REGARDING THE SOLUTION OF THE STATUS OF KOSOVO AND METOHIJA FROM 1999 TO 2019

Abstract. With this original scientific work, we are dealing with the capacities of the Russian Federation, the United States and the European Union in resolving the status of Kosovo and Metohija starting from 1999 to 2019. The aggression of the United States, NATO against the Federal Republic of Yugoslavia, the Republic of Serbia in 1999, was the most wild violation of the UN Charter and the final OSCE document since their adoption to date and the application of force policies and double standards. The result and consequence are the occupation of Kosovo and Metohija and the deprivation of Kosovo and Metohija from the Republic of Serbia, the declaration of the false state of Kosovo. Primary goal of the

United States, the European Union, NATO is to recognize the false state of Kosovo, the confrontation of the Republic of Serbia with the Russian Federation and China.

Keywords: Republic of Serbia, Kosovo and Metohija, Russian Federation, USA, European Union, Resolution 1244 (1999).

Capacities for resolving the crisis in Kosovo and Metohija

Since 1998, the Russian Federation has been involved in the resolution of the crisis in Kosovo and Metohija, but did not have sufficient political and military capacities to influence the overall political, diplomatic and military goals of the West towards the FRY or the Republic of Serbia during 1998 and 1999. Russia was included as a member of the Contact Group, the UN Security Council and the OSCE. Together with the US and the EU, it provided assistance in mediating negotiations in Rambouillet and Paris. During March 1999, when the United States and other NATO allies carried out an aggression against the Federal Republic of Yugoslavia, the Republic of Serbia and Montenegro, in order to withdraw the Republic of Serbia from the army from Kosovo and Metohija, Russia's dissatisfaction with unilateral decision-making and political and military behavior of the West reached their peak. There have been strong protests in Russia and other countries. In April 1999, Russia's special envoy V. Chernomyrdina, EU High Representative for Kosovo and Metohija, then Finnish President Martti Ahtisaari, played a key role in the negotiations that led to the end of the conflict in Kosovo and Metohija on June 10, 1999. Soon, the UN Security Council adopted Resolution 1244 which introduced the international presence in Kosovo and Metohija (UN Mission in Kosovo-UNMIK) and established a general framework for resolving the political and legal status of Kosovo and Metohija.

Russia participated, albeit under special conditions, in NATO's KFOR operations (Stepanova 2000: 205). Although Russia supported Serbia (according to some perceptions), Russia withdrew its troops from the KFOR peacekeeping force in 2003 that it was not interested enough to resolve the status of Kosovo and Metohija, both in the interests of Serbia, as well as in Kosovo and Metohija (Fawn 2008: 280).

The EU and US public opinion was that the Kosovo crisis erupted over the attacks of the authoritarian regime of Serbia led by Slobodan Milosevic to the Albanian national minority, which makes an absolute majority in Kosovo. NATO's position was that "intervention" (prim.author: not aggression, as demonstrated by the hypocrisy of the United States and the Western states) carried out in the FRY was

necessary in order to prevent a massive violation of human rights over the Albanian population in Kosovo and Metohija and thereby avoided allegedly regional confrontation. Russia did not support this approach, because it was always against Kosovo's separatism and opposed the use of force by NATO.

Negotiations on the final status of Kosovo and Metohija

By mediating the UN in February 2006, negotiations between Belgrade and Pristina on the final status of Kosovo and Metohija were started, which were completed in March 2007 without compromise. At that time, the independence of Kosovo was spoken of, to which, in many statements, Russia decidably pointed out that the independence of Kosovo and Metohija is against the interests of the Republic of Serbia and that it is therefore unacceptable, and that if Kosovo receives international recognition, Russia will recognize the independence of other defacto states of Abkhazia, South Ossetia and Transnistria. At the end of 2007 additional negotiations between the two sides were organized with the mediation of the "troika" made by representatives of the EU, Russia and the US – also ended without agreement. On February 17, 2008, the Kosovo Assembly adopted a declaration that unilaterally declared Kosovo's independence. Russia called this act a violation of international law and a precedent that would generate a "storm of separatism" around the world, as was confirmed in many events from 2008 to 2019. An example is Catalonia in Spain and others.

Supporters of Kosovo's independence emphasized that this was a special case, and that Kosovo was not precedent for any other situation. However, Russia and many other multinational states that had problems with separatism in their territory did not accept this argument enough valid.

The United States and a number of EU member states have recognized Kosovo's independence. Some EU members refrained from recognizing an independent Kosovo, first of all bearing in mind the problems with national minorities in their territories. Greece opposed the recognition of Kosovo because it could represent a precedent for Cyprus, and independent Kosovo also did not accepted from Spain, Slovakia or Romania.

The European Union is interested in resolving the Kosovo crisis, as it would create the basis for the stabilization and security of the entire region, and it would be a positive example of a successful and effective foreign and security policy of the European Union.

After the unilateral declaration of the so-called "False Independent State of Kosovo" in the EU have agreed to deploy the EULEX mission

(EULEX) in the territory of Kosovo and Metohija. Russia reacted negatively to this EU initiative, insisting on the continuation of the UNMIK mission under the United Nations mandate.At the end of November 2008, Belgrade, the EU and the UN Security Council reached a deal to deploy the EULEX mission in Kosovo and Metohija, with respect to UNSCR 1244. After unilaterally proclaiming Kosovo's independence, the Republic of Serbia has asked the International Court of Justice to adopt a consultative conclusion on whether such a move by Pristina is in line with international law. In July 2010, the International Court of Justice concluded that the adoption of a declaration declaring independence does not violate the norms of international law and UNSC Resolution 1244. The opinion of the International Court of Justice did not change the attitude of Russia, while the EU welcomed this decision. Russia insisted that all steps towards resolving the issue of Kosovo and Metohija be implemented with respect to UN Security Council Resolution 1244. The US, Western European countries and the EU have advocated stabilizing the region by recognizing Kosovo's independence and by integrating all Balkan countries into the EU and NATO. Russia opposed such a solution.Most Russian political analysts rated the recognition of Kosovo independence as the "treacherous of the West" that freed Russia of all limitations when it comes to politics towards countries emerging on the so-called "post-Soviet space". Russia's support for Serbia's policy towards Kosovo is particularly significant for Belgrade, although according to some authors, Moscow's real potential is limited in this respect. In turn, Russia sees Serbia as a potential representative of its interests within the EU. Although Russia has accepted the EU and NATO enlargement to the Western Balkans, it still sees this region as a sphere of rivalry with the West, especially with the United States. For Russia, the Republic of Serbia is a key partner in the Balkans, which allows it to maintain political influence in this region dominated by the EU. Serbia's decision on military neutrality vis-à-vis the existing military alliances is facing Russia's maximum support, which explicitly opposes further NATO expansion.

Conclusion

Overall, Serbia's foreign political priorities are clearly defined, which foresee improvement of relations and comprehensive cooperation with the US, the EU and the Russian Federation. On the other hand, a change in the situation in the international community over the past years, which can be especially noticed in relation to the accentuated pressure of the US, EU, Germany, Great Britain, France and other countries during 2018 and 2019, that Serbia recognizes an independent Kosovo and

thereby violating Resolution 1244 of the UNSC and the Constitution of the Republic of Serbia, brings the Republic of Serbia into a situation that it must very precisely define its national and international goals and interests, and to define what to do next. The Republic of Serbia, if prioritizes the demands of the US and West European countries, will lose an irreversible part of its territory, which is contrary to Resolution 1244 of the SBOUN and the Constitution of the Republic of Serbia. If it directs its foreign policy priorities towards the Russian Federation, China, the Eurasian Union and adheres to its interests both in Resolution 1244 of the SBOUN and the Constitution of Serbia, it will surely preserve its statehood and national and national interests. This means that the policy of "two or more chairs" currently and in the long run "does not drink water". The Republic of Serbia in the coming period must give priority to either the US and the EU or the Russian Federation. This means giving priority to one or another partner, viz The Republic of Serbia must opt for the Russian Federation and China, which are the only guarantors of its territorial guarantor and sovereignty, as opposed to the false promises of the United States and Western countries.

Literature

1. Fawn R. The Kosovo – and Montenegro – effect // International Affairs. - 2008. № 84:2. P.26-34.

2. Stepanova E. Russia's Policy on the Kosovo Crisis: The Limits of "Cooperative Peacemaking" // Kosovo: Lessons Learned for International Cooperative Security. Ed. by Prof. Dr. Kurt R. Spillmann, Dr. Joachim Krause. – L.: Verlag Peter Lang, 2000. 244 p.

Мохов А.В., Сенюшкина Т.А.

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Аннотация. В статье обосновывается положение о том, что в процессе евразийской интеграции может быть задействован культурно-символический и мировоззренческий потенциал цивилизационной идентичности, которая выполняет функции социокультурной регуляции как средства преодоления местных «локализмов» этнорелигиозного характера.

Ключевые слова: Цивилизационная идентичность, евразийская идентичность, евразийская интеграция, российская цивилизация.

Mokhov A.V., Senyushkina T. A.

CIVILIZATIONAL IDENTITY AS THE FACTOR OF THE EURASIAN INTEGRATION

Abstract. The article justifies the thesis that in the process of the Eurasian integration, the cultural, symbolic and worldview potential of the civilizational identity can be used that performs the functions of socio-cultural regulation as a means of overcoming local «localisms» of the ethnoreligious nature.

Keywords: Civilizational identity, Eurasian identity, Eurasian integration, Russian civilization.

Формирование нового мирового порядка нацеливает на всестороннее теоретическое осмысление и практическое использование разнообразных ресурсов и механизмов евразийской интеграции, которую следует рассматривать как многоуровневое системное явление, включающее все сферы общественной жизни – экономику, политику, социальную сферу и культуру.

В качестве одной из составляющих мировоззренческого основания Евразийской интеграции можно рассматривать цивилизационную идентичность, которая является одним из структурирующих элементов общественной и социокультурной интеграции.

Целью данной статьи является обоснование тезиса о том, что в процессе реализации евразийского интеграционного проекта может

быть задействован культурно-символический и мировоззренческий потенциал цивилизационной идентичности.

В самом общем виде идентичность можно определить как форму самообнаружения многогранной сущности человека, способ выстраивания внутреннего мира в соответствии с определенными типами общности – религиозной, культурной, этнической, политической, гражданской и др. Идентичность помогает человеку ориентироваться в сложном мире этнических и культурных символов, имеющих своё преломление в пространстве политических смыслов и идей [9, с. 91].

Цивилизационная идентичность связана с наивысшим уровнем осознания человеком своей культурной принадлежности и конкретным политическим пространством и социальным временем, общественным устройством, духовными традициями и коллективной памятью.

Н.Я.Данилевский подчёркивал, что «Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, - когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию, или политическую систему государств» [1].

Согласно Дж. Тойнби, цивилизации – это общности, «более широкие, чем отдельная нация, но менее широкие, чем всё человечество» [10]. С. Хантингтон рассматривает цивилизацию «как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей» [11], также он подчеркивает, что «цивилизации определяются наличием общих черт объективного порядка, таких как язык, история, религия, обычаи, институты, а также субъективной самоидентификацией людей» [11, с. 34].

В современной российской академической литературе и научных дискуссиях используется несколько терминов: российская цивилизация, русская цивилизация, православная цивилизация, евразийская цивилизация. На наш взгляд, одной из важных теоретических задач является поиск оптимального термина, который бы мог способствовать не только объединению теоретических усилий учёных, занимающихся цивилизационной проблематикой, но и политическим задачам, стоящим перед Российским государством на современном этапе.

Особенность российской цивилизации заключается в том, что она сформировалась на большом континентальном пространстве, её вторая особенность – в полиэтничности населения (более 150

национальностей) и многоконфессиональности (более 60 вероисповеданий). При этом интегрирующим началом многонационального суперэтноса, сплотившего народы Восточной Европы и Северной Азии, стал русский народ. Большинство этносов, вовлечённые русским народом в единое культурное пространство, приобщённые к русской культуре, скреплённые русским языком как языком межнационального общения, выступили участниками единого культурного процесса и создателями общих ценностей в едином географическом, политическом и культурном пространстве. Эти народы также образовали широкую поликонфессиональную общность, отдельные составляющие которой веками сохраняли присущие им особенности. В ней представлены все три мировые религии, в т.ч. практически все христианские конфессии. При этом ключевую роль в формировании российской культуры и цивилизации сыграло православие [3, с. 13].

Особенность российской цивилизации находит особое преломление в цикличности культурных и политических влияний Востока и Запада. По мнению А.С. Панарина, в качестве страны, занимающей стратегическое положение между Востоком и Западом, Россия периодически сталкивается с необходимостью пересмотра своего цивилизационного статуса [7, с. 113]. «Русская экзистенция – это напряжённая межцивилизационная и межкультурная динамика, преобразованная во внутренний код культуры, готовый к периодической смене идентичности», - подчёркивал А.С.Панарин. – «Россия с самого начала формировалась как гетерогенное западно-восточное образование, сознательно решая проблему творческого синтеза различных цивилизационных начал. Российское общество вступало в фазу нестабильности не тогда, когда сталкивалось с внешним вызовом со стороны Запада или Востока, а когда этот внешний вызов интериоризировался, получая значение тотальной внутренней самокритики. Неустойчивость России как социокультурного типа связана, таким образом, не столько с промежуточным геополитическим положением как таковым, сколько с проблематичностью тех синтезов, которые российское общество создавало в разные моменты своей истории» [7, с. 113].

В контексте сказанного выше уместно обратить внимание на популярную в академической среде тему конфликта западных и восточных цивилизаций. По мнению А.С. Панарина, современное противоборство миров интерпретируется посредством разных понятий, в том числе «конфликта цивилизаций» (западной) с «восточным варварством», с «фундаментализмом и терроризмом»,

наконец, как борьба современного «открытого общества» с архаикой национал-патриотизма и изоляционизма [6, с. 238].

Сущность описанного выше конфликта А. Панарин видел в том, что в «недрах западной культуры издавна соперничают (зачастую причудливо переплетаясь) два принципа: расистский и мессианско-универсалистский. Первый ориентирует на последовательное противопоставление миру незападного большинства человечества, второй – на интеграцию последнего в обустраиваемую Западом «современность» [6, с. 239].

По мнению Панарина, драматической особенностью наступившей эпохи является «неожиданное доминирование первого, расистского принципа, потеснившего классический западный гуманизм. Возможно, в этом повинна холодная война. Восток, олицетворяемый грозным СССР, впервые стал внушать не столько снисходительное презрение, сколько смертельный страх» [6, с. 239].

А.С. Панарин подчёркивал, что «Требуется смена самой парадигмы отношений между Западом и Востоком, Севером и Югом, Морем и Континентом, «полюсами роста» и обездоленной периферией. Таким образом, вопрос о качественно ином будущем – это не очередная утопия, а жизненная необходимость, ибо в настоящем, как оно сегодня сложилось, нам, по всей видимости, не дано долго пребывать, даже если некоторых оно и устраивает» [4, с. 7].

Учитывая «восточный цикл» в современной мировой политике и экономике, а также задачи, связанные с преодолением искусственно созданной экономической и политической дезинтеграции постсоветского пространства, теоретическую рефлексию на тему цивилизационной идентичности целесообразно направить в сторону идейного, культурно-символического и социально-политического пространства Евразии.

Так как позиционирование России в евразийском проекте требует обеспечения условий для конструктивного взаимодействия её основных субъектов – локальных общностей разного уровня, «большая традиция» цивилизации предстаёт универсальной системой социокультурной регуляции как средства преодоления местных «локализмов» этнорелигиозного характера, а её выработка предполагает актуализацию духовного потенциала всех основных субъектов евразийского цивилизационного поля, прежде всего – православно-славянской и мусульманско-тюркской религиозно-культурных общностей [3, с. 14].

В связи с этим А.С. Панарин подчёркивал, что на собственно религиозной основе интеграция славянских и тюркских элементов Евразии практически недостижима. Единственно возможной и реальной альтернативой «суперэкуменизму» является выработка особых евразийских культурных универсалий, преобразующих энергию религиозных импульсов в специфической цивилизационной форме [5, с. 14]. На наш взгляд, именно в этом и заключается основная роль евразийской цивилизационной идентичности в диалоге России со странами – участницами евразийского интеграционного проекта.

Таким образом, Евразийский интеграционный проект следует рассматривать как многоуровневое системное явление, включающее все сферы общественной жизни – экономику, политику, социальную сферу и культуру.

Так как позиционирование России в евразийском проекте требует обеспечения условий для конструктивного взаимодействия её основных субъектов – локальных общностей с различными этноконфессиональными характеристиками, важное значение приобретает интеграция народов Евразии на основе преобразования энергии религиозных импульсов в специфической цивилизационной форме.

В процессе евразийской интеграции может быть задействован культурно-символический и мировоззренческий потенциал евразийской цивилизационной идентичности, которая выполняет функции социокультурной регуляции как средства преодоления местных «локализмов» этнорелигиозного характера.

Литература

1. Данилевский Н.Я.Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 816 с. // [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.vehi.net/danilevsky/rossiya/05.html
2. Когут В.Г., Нурышев Г.Н. Евразийское пространство: современные геополитические вызовы и угрозы // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2017. № 2-2 (18). С.14-20.
3. Логинов А.В. Россия и Евразия. Евразийский вектор: поиски российской цивилизационной идентичности в XX столетии. М. : Большая Российская Энциклопедия, 2013. 551 с.
4. Панарин А.С. Глобальное политическое пргнозирование. М.: Алгоритм, 2000. 348 с.

5. Панарин А.С. Евразийский проект в постиндустриальную эпоху // Евразийский проект модернизации России: «за» и «против». М.: Российская академия государственной службы при Президенте РФ, 1995. С.17-27.
6. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. – М.: Алгоритм, 2003. 560 с.
7. Россия: Опыт национально-государственной идеологии / В.В.Ильин, А.С.Панарин, А.В.Рябов; под ред. В.В.Ильина. М.: Изд-во МГУ, 1994. 231 с.
8. Сенюшкина Т.А. Через конструирование идентичности – к столкновению цивилизаций? // Христианство и ислам – диалог культур и цивилизаций: тезисы докладов междун. науч. конф., 16-20 мая 2011 г., Севастополь / [под ред. Ю. А. Бабинова]. – Севастополь: Рибэст, 2011. – С. 78 – 79.
9. Сенюшкина Т. А. Евразийская идентичность как фактор политического диалога // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2018 – Том 1(22). – № 2–2. – С. 91–95.
10. Тойнби А.Дж. Постижение истории. М.: Айрис-Пресс, 2010. 640 с. // [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://lib.ru/HISTORY/TOYNBEE/history.txt#Toynbee003.htm
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2007. 603 с.
12. Philosophy in a Time of Terror. Dialogues with Jürgen Habermas and Jacques Derrida by Giovanna Borradori [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.press.uchicago.edu/Misc/Chicago/066649.html.

Мумович Анна М.

РЕЦЕПЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗА ВРОНСКОГО В РОМАНЕ ПИСАТЕЛЯ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА» В СЕРБИИ

Аннотация. Целью доклада является исследование образа известного русского генерала Николая Николаевича Раевского и рецепция исследований о нем в Сербии.

Ключевые слова: Вронский, Раевский, Сербия, Россия, роман, рецепция исследования.

Mumovic Ana M.

RECEPTION OF THE STUDY ON VRONSKY'S IMAGE IN THE NOVEL «ANNA KARENINA» BY WRITER LEO NIKOLAEVICH TOLSTOY IN SERBIA

The paper aims at portraying the image of the famous Russian general Nikolay Nikolayevich Raevsky, as well as reception of the researches about him in Serbia.

Key words: Vronsky, Raevsky, Serbia, Russia, novel, reception of the study.

Генерал Раевский, который Льву Толстому служил прототипом и источником вдохновения для создания образа графа Вронского из романа *«Анна Каренина»*, являлся потомком знаменитой русской дворянской семьи и внуком генерала Раевского, который руководил русской армией в боях против Наполеона. Несколько раз он посещал Сербию – в 1867 году и в 1876 году – в качестве посланника русского императора Александра II. Раевский в 1867 году обходил пути, ведущие к Боснии, и свои наблюдения высылал правительству России и Сербским властям. В самом переводимом после Библии произведении, после того, как Анна Каренина покончила с собой, бросившись под поезд, граф Вронский добровольцем отправился сражаться в Сербию. Таким образом роман был завершен, а Николай Раевский погиб в битве с турками 20 августа 1876 года возле поселения Горни Адровац, недалеко от города Алексинац в Сербии. Для рецептивного исследования образа Вронского огромное значение имела междисциплинарная монография профессора доктора Будимира Поточанина "*Вронский в Сербии*" (миссия полковника Раевского в 1867 и 1876 годах), в которой представлены результаты исследования колоссального количества научных и архивных материалов из различных научных дисциплин, а также роман Добрило Ненадича "*Клинок графа Вронского"*. Представляя исторические факты о генерале Раевском, а также связывая историческую фигуру с героями романов Толстого и Ненадича, данный доклад в новом аспекте раскрывает отношения и связи двух братских народов.

Муравьева Н.Н.

ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ СИСТЕМАМИ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. В настоящее время инновации в сфере информационных и коммуникационных технологий предлагают альтернативные виртуальные способы предоставления высшего образования, которое в свою очередь, требует коренного пересмотра старых подходов и технологий управления образовательными системами.

Ключевые слова: образовательные системы, сетевое общество, цифровая образовательная среда, инновации

Muravieva N.N.

TECHNOLOGIES OF EDUCATIONAL SYSTEMS MANAGEMENT IN THE DIGITAL ECONOMY

Abstract. Currently, innovations in the field of information and communication technologies are offering alternative virtual ways of providing higher education, which, in turn, requires a radical revision of the old approaches and technologies for managing educational systems.

Keywords: educational systems, network society, digital educational environment, innovations

В настоящее время современные социальные отношения, трансформируются и человек становится не зависим от территориальных связей. Основанием для данных социальных изменений является развитие цифровых технологий, предоставляющих возможность реализовывать такие потребности, как образование, удаленная работа, коммуникации и многое другое. Интернет обеспечивает новый вид социального взаимодействия между людьми, позволяя почувствовать принадлежность к некой более общей группе, объединенной схожими интересами, с которой человеку не обязательно общаться в реальности. Таким образом, формируется новая социальная идентичность [3].

Выделим признаки сетевого общества. По мнению Л.А. Саенко, М.В. Егорова «сети являются очень старой формой социальной организации, но в цифровую эпоху они становятся информационными сетями, уси¬ленными информационными

технологиями. Сети имеют преимущество перед традиционными иерархически организованными морфологиче¬скими связями. Кроме того, они наиболее подвижные и адаптивные фор¬мы организации, способные развиваться вместе со своим окружением и эволюцией узлов, которые составляют сети» [5].

В связи с трансформацией общества, переходом от индустриального, постиндустриального к сетевому обществу, перед современными образовательными системами встает необходимость решения следующих задач, а именно: накопление знаний в области управления развитием образовательных систем; актуализация знаний, которые способствуют пониманию сущности и специфики управления инновационным развитием в сфере образования; ознакомление с инновационным отечественным и зарубежным опытом управления образовательными системами; формирование исследовательского подхода к анализу и совершенствованию деятельности образовательного учреждения; стимулирование активности по внедрению современных методов, инструментов управления развитием образовательных систем, разработки и реализации программ развития образовательного учреждения, инновационных программ и проектов.

Образовательные технологии становятся более персонифицированными и направленными на создание новых знаний. Студенты все больше вовлекаются в образовательный процесс, занимая в нем активную позицию в формировании знаний. Определяющим направлением развития цифровой образовательной среды становится создание интегрированной среды с высокой интеллектуальной составляющей. Именно синергия образовательных учреждений и профессиональных сообществ на базе современных информационных технологий, обеспечивает трансформацию учебной модели, которая позволит перейти от изучения ИКТ к изучению с помощью ИКТ. Профессиональные сообщества становятся тем информационным пространством, в котором работодатели могут выразить свои требования к содержанию обучения, а преподаватели учесть их в своих курсах. Таким образом, работодатели становятся участниками образовательного процесса и оказывают непосредственное влияние на формирование требуемых компетенций у учащихся. Важным достоинством общения специалистов в рамках профессиональных сообществ является возможность постоянного повышения своей квалификации, что в условиях стремительного устаревания знаний становится определяющим фактором модернизации. Активная

интеграция образования и бизнеса, осуществляемая в рамках веб-порталов профессиональных сообществ, позволяет с опережением реагировать на изменения, происходящие на рынке, и устанавливать непосредственные связи между организацией профессионального образования и потребностями рынка труда. Применение новейших информационных технологий и реализация инновационных идей позволят осуществлять построение гибких персонифицирующих образование технологий и изменить содержание педагогической работы преподавателей. Одновременно появляется возможность принципиального улучшения качества образования путем органичного встраивания в образовательные процессы системы мониторинга, анализа получаемых компетенций и коррекции алгоритма учебного процесса для достижения оптимальных результатов.

Таким образом, востребованные в цифровой экономике результаты деятельности образовательных учреждений выражаются в умении спланировать, организовать и осуществить управленческую деятельность по отдельным направлениям развития образовательных систем, провести оценку их реального состояния и тенденций развития с целью подготовки обоснованного управленческого решения.

Литература

1. Алиев А.Т. Цифровая экономика и образование //Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. 2017. № 2. С. 129-133.

2. Алиев А.Т., Урумова Ф.М., Дубинина Н.В. Роль образования в процессе становления информационного общества //Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. 2016.№ 1. С. 14-20.

3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

4. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриаль¬ная волна на Западе. Антология / Под редакцией В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 640 с.

5. Саенко Л.А., Егоров М.В., Сетевое общество в контексте современных социальных трансформаций [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/setevoe-obschestvo-v-kontekste-sovremennyh-sotsialnyh-transformatsiy

Парахина В.Ю.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ КРЫМА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В данной статье анализируется влияние деятельности национально-культурных объединений на формирование и развитие гражданского общества в Крыму. Рассматривается важность взаимодействия государства и гражданского общества как фактора межнациональной стабильности на полуострове.

Ключевые слова: Республика Крым, гражданское общество, национально-культурные объединения, межнациональное согласие, гражданская идентичность.

Parakhina V.Yu.

ACTIVITIES OF NATIONAL AND CULTURAL ASSOCIATIONS OF CRIMEA AS A FACTOR OF CIVIL SOCIETY DEVELOPMENT

Abstract. This article analyzes the impact of the activities of national-cultural associations on the formation and development of civil society in Crimea. The importance of interaction between the state and civil society as a factor of interethnic stability on the peninsula is considered.

Keywords: Republic of Crimea, civil society, national-cultural associations, interethnic harmony, civil identity.

В современных условиях гражданское общество является социальным, экономическим и культурным пространством, в котором реализуются как индивидуальные, так и коллективные интересы. Гражданское общество представляет собой совокупность межличностных отношений, а также семейных, общественных, экономических, культурных, религиозных и иных структур.

По мнению многих авторов, изучающих гражданское общество, в России гражданское общество начало свое существование еще с правления Ивана IV Грозного. Разумеется, речь не идет о современном «европейском образце», де-факто само по себе гражданское общество в России имеет собственную историю

развития, связанную с особенностями исторического прошлого нашей страны, культуры, менталитета, политических факторов и многого другого.

Следовательно, гражданское общество в России имеет собственные характеристики, и в некоторых регионах страны они отличаются. Так особенностью Крыма является высокая роль деятельности национально-культурных организаций в контексте развития гражданского общества, а также во взаимодействии государства с ним.

Данное обстоятельство связано с поликультурностью полуострова (в Крыму проживает 175 национальностей), спецификой территориального положения, его историческим прошлым и современной политической реальностью.

На сегодняшний день в силу ряда исторических и политических причин Республика Крым столкнулась с мерами внешних акторов, направленными на международную изоляцию населения полуострова. Данное обстоятельство связано с событиями 2014 года, когда крымчане изменили ход истории, проголосовав на референдуме (референдум, стоит заметить, на общемировом уровне является наиболее демократическим способом волеизъявления граждан) в пользу возвращения в состав Российской Федерации. Но, несмотря на международные правовые нормы, гарантирующие право на самоопределение, Республика Крым на международной арене до сих пор определяется регионом территориального спора.

Проблема изоляции привела к повышению уровня этнокультурной самоорганизации населения как реакции на внешние угрозы, а сама политика изоляционизма по отношению к Крыму способствовала росту уровня социокультурной активности, которая, в свою очередь, благоприятно повлияла на динамику развития гражданского общества на полуострове.

Это подтверждается данными официальной статистики. Так, по данным Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Крым, на конец 2014 г. в соответствии с Российским законодательством было зарегистрировано свыше 300 общественных организаций, а на декабрь 2018 года это число достигло – 1165 ед. [1]. На январь 2019 года зарегистрировано 95 национально-культурных автономий, из которых 14 регионального уровня, 166 благотворительных фондов [1] и 33 политические партии [5].

После событий 2014 года в целях предупреждения роста межэтнической напряженности национально-культурные

организации способствовали поддержанию межэтнического диалога в Крыму. В вопросе опыта регулирования межэтнических отношений диалог культур выступает фактором межнационального согласия, которому способствует государственная власть и непосредственно этническая самоорганизация [2].

Содействие этнокультурному и духовному развитию достигается путем поддержки институтов гражданского общества, основывается на соответствующих нормах Конституции Российской Федерации, федеральных законах, нормативных правовых актах, законах и иных нормативных правовых актах республиканского уровня. Также в Республике Крым функционируют Государственные программы, направленные на поддержание межнационального и межконфессионального согласия. Особенно отметим функционирующую начиная с 2018 года Государственную программу Республики Крым по укреплению единства российской нации и этнокультурного развития народов России «Республика Крым» - территория межнационального согласия» на 2018-2020 годы» [4].

Особую важность для Крыма имеет формирование гражданской идентичности. Опираясь на Стратегию национальной безопасности России, можно провести прямую связь между этнокультурным развитием народов Крыма и укреплением общероссийской гражданской идентичности [3].

В силу современных политических реалий на национально-культурные организации Крыма возложена огромная ответственность за настоящее и будущее полуострова, которое связано не только с развитием гражданского общества, но и с преодолением международной блокады Крыма при помощи народной дипломатии, проводимой национально-культурными организациями.

Литература

1. Информация о национально-культурных автономиях // Информационный портал Министерства юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://unro.minjust.ru/NKAs.aspx

2. Парахина В.Ю. Опыт регулирования межэтнических отношений в Республике Крым // История и современное развитие Причерноморья в контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей российской цивилизации: материалы

Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. А.В. Баранов, В.В. Касьянов. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. С.413-416.

3. Парахина В.Ю. Устойчивое этнокультурное развитие Крыма как фактор обеспечения национальной безопасности России // VII Столыпинские чтения «Технологии и практики урегулирования конфликтов в обществе: междисциплинарные исследования: материалы науч.-практ. конф. с международным участием / отв. ред. В.М. Юрченко. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. С. 367-371.

4. Сенюшкина Т., Степанов В., Старченко Р. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крыму. Экспертный доклад за первое полугодие 2018 года / ред. – Т. Сенюшкина, В. Степанов, Р. Старченко. – Москва-Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. 63 с.

5. Список региональных отделений политических партий, зарегистрированных на территории Республики Крым // Избирательная комиссия Республики Крым [Электронный ресурс]. URL: http://www.crimea.izbirkom.ru/news/24-10-2018/%D0%9F%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D0%B8.pdf

Омельчук Д.В.

МИКРОФИНАНСОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ – УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Аннотация. Деятельность различных микрофинансовых организаций в России способствует дальнейшему обнищанию значительной части населения, является показателем усиливающегося расслоения общества, что может иметь далеко идущие последствия. Меры по упорядочению деятельности МФО принимаются в правильном направлении, но они не искореняют причин, по которым все больше граждан страны вынуждены обращаться к их услугам.

Ключевые слова: микрофинансовые организации, бедность, десоциализация.

Omelchuk D.V.

MICROFINANCE ORGANIZATIONS - A THREAT TO THE NATIONAL SECURITY OF RUSSIA.

Abstract. The activity of various microfinance organizations in Russia contributes to the further impoverishment of a significant part of the population, is an indicator of the increasing stratification of society, which can have far-reaching consequences. Measures to streamline the activities of MFOs are taken in the right direction, but they do not eradicate the reasons why more and more citizens of the country are forced to use their services.

Keywords: microfinance organizations, poverty, de-socialization.

Заявленная тема к широко обсуждаемым в научном сообществе не относится. А зря. Она напрямую связана с проблемой бедности в стране, борьба с которой провозглашена приоритетным направлением государственной политики. Задача в два раза снизить уровень бедности в Российской Федерации прописана в Указе Президента «О национальных целях и стратегических задачах Российской Федерации на период до 2024 года». Эта же мысль прозвучала и в февральском (2019 г.) Послании Президента Федеральному собранию.

В тоже время в стране легально действуют многочисленные организации, которые действуют в прямо противоположном направлении – они способствуют росту бедности и даже обнищанию населения. Речь идет о так называемых микрофинансовых организациях (МФО). Под таковыми понимаются коммерческие структуры, выдающие гражданам краткосрочные кредиты, которые часто помогают «перехватить до зарплаты». Что это означает? Только то, что у заемщика нет никаких резервов, он живет «с колес». Малейшие непредвиденные расходы сразу становятся причиной непреодолимых трудностей. К числу потенциальных клиентов МФО относятся не только пенсионеры, инвалиды, но и люди работающие, нередко имеющие высокий уровень образования, в частности в бюджетной сфере. Их число растет год от года примерно на 25 – 30% [1]. Микрокредитование стало высокодоходным бизнесом – до 40 – 60% [1]. Пункты выдачи денег растут, как грибы после дождя. Только в центральной части Симферополя автором было насчитано более 80 вывесок и реклам подобных учреждений. И это при том, что во всему Крыму по

данным на лето 2018 г. было зарегистрировано всего 18 таких организаций [4, с. 5]. Процентные ставки в МФО могут достигать 500%. Это грабеж. Но спрос есть и он растет. Рекламой быстрых денег города заполнены как никакой другой. Она везде: в газетах, на рекламных щитах, на столбах, на деревьях. Ею обклеены остановки общественного транспорта, шустрые мальчики и девочки раздают визитки.

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) провел исследование среди 3 тысяч респондентов об их отношении к так называемым «займам до зарплаты». Оказалось, что едва ли не половина опрошенных, а учитывая репрезентативность исследования, можно утверждать, что это данные близкие к половине населения страны, считают эту услугу нужной. Исследование не выясняло, кто из этой группы пользовался услугами экспресс-займов, но 47 % тех, кто когда-либо пользовался этой услугой, указали, что это точно помогло им в решении проблемы. Пресса, которая в последнее время «увидела» в экспресс-займах проблему, приводит примеры помощи гражданам со стороны этих организаций. Например, у одной учительницы украли кошелек с зарплатой, и чтобы дотянуть до следующей, она обратилась за помощью в МФО [4, с. 5]. Это и есть бедность, и таких в России более 22 млн. человек [3, с. 89]. Из них 12 млн. работающих. Данных по Крыму нет, но судя по количеству предложений одолжить деньги, без работы различные МФО на полуострове без работы не остаются.

Конечно, бедность имеет географические, возрастные, национальные особенности, но факт, что она очень велика по масштабу. Растянувшаяся во времени, она называется хронической бедностью. Это явление наша наука не очень любит замечать и тем более анализировать. Уж больно неприятные выводы могут последовать. А ведь на постсоветском пространстве в таком состоянии прошла активная жизнь (если такую можно считать активной) уже целого поколения – 25–30 лет. В таких условиях жизнь человека сводится к борьбе за выживание. Доходов хватает только на самое минимально необходимое. Удовлетворение социальных потребностей исключается практически полностью. Опасность ситуации, считает Т.Карадже, заключается в том, что хроническая бедность консервируется и передается следующему поколению. Состояние психологической подавленности, безысходности связано с утратой надежды на изменение ситуации и прекращением попыток что-либо изменить [3, с. 90].

В тоже время общество потребления стимулирует все новые и новые приобретения для поддержания общепринятых стандартов. Возникает непреодолимая пропасть между желаниями, особенно у молодых людей, и невозможностью их реализации. Это становится причиной разочарований, потери трудовых стимулов, недовольству всем окружающим. Разрушается социальная интеграция – те внешне невидимые нити, которые связывают индивидуумы в сообщество.

Принято считать, что она предполагает такой уровень доходов, которого хватает для приобретения товаров и услуг первой необходимости: питание, оплату жилья и других базовых бытовых услуг, а так же возможность откладывать ежемесячно определенную сумму денег. В России более половины населения не имеют вообще никаких сбережений. Эти люди и являются, прежде всего, клиентами различных кредитных учреждений. Пользование такими услугами ведет к дальнейшему обнищанию. Человек, не умеющий (не могущий) хотя бы понемногу скопить какие-то сбережения, берущий кредит, возвращает сумму значительно превышающую первоначально полученную. Получается невеселая картина: добровольно накопить не можем, а принудительно отдать в полтора раза больше - с готовностью. Но от безисходности многие на это идут. Иные не особо задумываются об условиях. Неспособность критически воспринимать предлагаемые услуги – тоже показатель хронической бедности. За экономической бедностью следует политическая: нежелание и даже неспособность части граждан участвовать в политической жизни общества – им не до этого. Основная задача – индивидуальное выживание. Негативные тенденции дальнейшего расслоения продолжаются: количество долларовых миллионеров в России растет по-прежнему, а с другой стороны, увеличивается объем предоставленных микрокредитов. МФО превратились в большую государственную проблему. Единственный путь ее решения – это преодоление бедности в стране.

Задача уменьшить бедность в два раза поставлена в указе Президента «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Одним из направлений становится борьба с чрезмерными аппетитами МФО. Принятые в январе 2019 года ряд законодательных актов, ограничивающих произвол МФО, – шаг, безусловно, в правильном направлении. Есть опасение, что многие после этого уйдут в тень, но главное в другом. Принимаемые меры – это лечение симптомов

болезни, но не причин. Если спрос на микрокредиты, даже кабальные, будет сохраняться, предприимчивые дельцы найдут способ обойти запреты. Вопрос преодоления бедности, по большому счету, упирается в способ решения: рыба или удочка. Судя по нынешней ситуации, рыба преобладает. Но одним повышением МРОТ проблему не решить. Для начала надо определить и честно назвать причину сложившегося положения.

На Западе бедные – это безработные, лица с низким уровнем образования. В России наоборот. Видимо, необходима совершенно иная экономическая политика, которая стимулировала бы формирование среднего класса, давала бы шанс социального лифта вверх не только участникам конкурса «Лидеры России», но и всем желающим просто трудиться добросовестно и эффективно. Чтобы бедными оставались только те, кто действительно не может – этим социальная помощь как раз необходима и те, кто работать интенсивно не желает. Когда людям видна будет реальная перспектива, количество бедных, с каждым годом может становиться все меньше. Правда же заключается в том, что это перспектива в основном для будущих поколений. Нынешнее поколение хронически бедных, выросшее в годы дикого капитализма и патернализма, имеющего на Руси многовековую историю, лишь в очень небольшом количестве готово будет засучить рукава и выкладываться на работе. Они и далее будут полагаться на очередное повышение МРОТ. Это крайне неприятный вывод, но с этим надо считаться. Тем более, не тянуть с началом переустройства жизни. Тогда и клиентов МФО станет в разы меньше, а кредиты будут брать на производственные цели, а не на то, как дожить до очередной получки.

Литература

1. Богданова Т. Займы мини – долги макси. Почему государство начало борьбу с микрофинансовыми организациями // АиФ. – 2018. - №15.
2. ВЦИОМ оценил займы россиян до зарплаты – новости Mail.Ru. Режим доступа: htts://news,mail,ru/economics/33269272/
3. Карадже Т.В. Формирование субкультуры бедности в России: миф или реальность // Вестник РУДН. – 2018. - № 1. - С. 89 – 95.

4. «По-человечески не советую»: Вся правда о микрофинансовых организациях // Удача. – 2018. - № 20.

Пашковский П.И.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ РОССИИ

Аннотация. В статье рассмотрены особенности российской внешнеполитической традиции. Приведены подходы исследователей.

Ключевые слова: внешнеполитическая традиция, Россия, основные характеристики, интеграция, дезинтеграция.

Pashkovsky P.I.

THE MAIN CHARACTERISTICS OF THE FOREIGN POLICY TRADITION OF RUSSIA

Abstract. The article considers some features of Russian foreign policy tradition. The approaches of specialists have been offered.

Keywords: foreign policy tradition, Russia, main characteristics, integration, disintegration.

В современных обстоятельствах увеличения международной напряженности, обострения конфликта России с Западом и последствий антироссийских санкций, особое значение приобретают исследования перспектив и возможностей развития нашего государства. Изучение исторических особенностей государственной внешней политики позволяет вывести определённые закономерности, периодически повторяющиеся и обусловливающие специфику международных отношений в конкретных регионах [6; 7], что способствует объективной оценке современного состояния и разработке функциональных прогнозов.

В разной степени ценными представляются попытки осмысления исторических основ и специфики российской внешней политики, предпринятые американскими, европейскими и отечественными учёными. При этом исследователи из США и Великобритании, рассматривая генезис и особенности внешнеполитических подходов России с позиций национальных

интересов своих государств, пытались, в первую очередь, выделить и проанализировать традиционные характеристики, трактовавшиеся либо как «слабые места» геополитического конкурента, которые можно использовать против него, либо в контексте «российской угрозы» Западу, порождающей необходимость адекватного ответа. В то же время, среди российских специалистов преобладали стремления исследовать исторический опыт внешней политики Отечества с целью выработки рекомендаций для усиления его международных позиций, что не всегда оканчивалось успехом, учитывая множественность точек зрения, неоднородность выводов и прогнозов. Следует отметить, что, как в отечественной, так и в зарубежной историографии изучение особенностей внешнеполитической традиции России, её императивов и детерминант, имело преимущественно ситуативный характер, кроме того, часто искажаясь в результате политико-идеологической ангажированности.

Осуществление ретроспективного анализа позволяет выделить наиболее часто проявляющиеся черты российской внешнеполитической традиции.

1. Наличие характеристик сухопутной державы и империи, территориальные размеры которой значительно превосходили любую из европейских стран [1-4; 8; 10].
2. Противоборство «западников» с приверженцами консервативно-патриотической традиции в российском внешнеполитическом дискурсе [2; 11; 12].
3. Внешняя политика России, как правило, носила реактивный (ситуативный) характер [14].
4. Отмечается относительно поздний её выход на сцену европейской политики (после того, как Великобритания и Франция прошли этап консолидации) [4].
5. Интеграционные императивы, обусловливающие стремление к расширению и «освоению» евразийского пространства [3; 5].
6. Периоды интеграции (присоединения земель к имперскому центру) чередовались с дезинтеграцией (потери ранее приобретённых земель) [6: 9].
7. Циклы интеграции и дезинтеграции в различных соотношениях взаимодействовали с модернизацией государства и общества [7].
8. Внешняя экспансия сочеталась с недостатком властной отчётности во внутриполитическом устройстве [11].

9. Особенности интеграционной политики были предопределены экстремальными климатическими условиями, значительной пространственной протяжённостью при низком уровне развития коммуникации, наличием «социальных пороков» (военный абсолютизм, фактор бюрократии, институт крепостничества и т. д.) [13].

10. Находясь на пересечении европейской, азиатской и мусульманской культурных сфер, Россия «вбирала» в себя население, принадлежавшее к каждой из них, не являясь национальным государством в европейском смысле [4].

11. Присоединение земель происходило с помощью методов культурного воздействия и ставки на местные элиты [7].

12. Для их последующего слияния с имперским центром применялись способы военно-политического, идеологического, демографического или социально-экономического воздействия [5; 6; 11].

13. Интеграционная политика осуществлялась как в условиях полупериферийного положения государства в западноцентричной мировой капиталистической системе, так и в рамках автаркического союза [7].

14. В стадии дезинтеграции Россия находилась в положении полупериферии, а социальные организмы, образовавшиеся в результате распада империи, – периферии [5].

15. Следуя историческому опыту, присоединение Крыма к России (1783–1918, 1920–1941, 1944–1991 гг.) способствовало укреплению её геополитических позиций в Черноморском регионе, интенсификации интеграционной активности и увеличению имперской территории. Периоды потери полуострова (1918–1920, 1941–1944, 1991–2014 гг.) были связаны с дезинтеграцией и ослаблением государства, а его возвращение в состав России открывало новый этап её интеграционной активности и государственного могущества [6], что позволяет, проводя исторические параллели, говорить о возможности повторения подобной ситуации после 2014 г. в новых условиях и, вероятно, с несколько иными последствиями.

Представленный перечень характеристик российской внешнеполитической традиции является далеко не полным. Он требует расширения и комплексного исследования на основе глубинного анализа исторического опыта. В свою очередь, каждый из приведённых тезисов заслуживает отдельного изучения в целях доказательства частоты и специфики его проявления, а также

соотношения с другими особенностями, учитывая влияние внутренних и внешних факторов.

Литература

1. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. Пер. с фр. – М.: Весь мир, 2008. – 552 с.
2. Дугин А. Эволюция национальной идеи Руси (России) на разных исторических этапах. – URL: http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=818.
3. Каплан Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного; Пер. с. англ. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016. – 384 с.
4. Киссинджер Г. Дипломатия; Пер. с англ. – М.: Ладомир, 1997. – 848 с.
5. Пашковский П. И. Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991 – 2011 гг.). – Киев: Интерсервис, 2012. – 189 с.
6. Пашковский П. И. К проблеме соотношения фактов присоединения Крыма к России и периодов российской интеграционной активности // Известия Саратовского университета. – Новая серия. – Серия: Социология. Политология. – 2018. – Т. 18. – Вып. 3. – С. 318–322.
7. Пашковский П. И. Россия на международной арене: взгляд в будущее // 1917–2017: Россия в поисках будущего: Монография / Науч. ред. И. И. Кальной. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 73-92.
8. Переслегин С. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2007. – 619 с.
9. Уткин А. И. Мир после сентября 2001 года. – М.: Издатель А. В. Соловьёв, 2002. – 254 с.
10. Юрченко С.В. Основные тенденции развития системы международных отношений и проблема актуализации общественного воздействия на внешнюю политику государств // Чорноморська безпека. – 2008. - № 4 (10). – С. 3-5.
11. Cohen A. Domestic Factors Driving Russia's Foreign Policy. – URL: http://www.heritage.org/Research/Reports/2007/11/Domestic-Factors-Driving-Russias-Foreign-Policy.

12. Craig Nation R., McFaul M. The United States and Russia into the 21st Century. – Pennsylvania: Strategic Studies Institute, 1997. – 79 p.
13. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. – New York: Random House, 1987. – 677 p.
14. Sokov N. Russian Policy Towards the Baltics: What the West Can Expect and What It Could Do / With Additional Commentary by E.Wayne Merry. – Washington D. C.: The Atlantic Council of the United States, 1999. – 43 p.

Попова О.В.

ПРИОРИТЕТНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье представлены результаты межрегионального эмпирического исследования, проведенного коллективом ученых под руководством автора данной публикации. Одна из задач исследования заключалась в анализе взаимосвязи используемых молодежью источников политической информации и конкретных форм потенциальных и актуальных политических практик.

Ключевые слова: российская молодежь, средства массовой коммуникации, средства массовой информации, политическая информация, политическое поведение, эмпирическое исследование.

Popova O.V.

PRIORITY SOURCES OF POLITICAL INFORMATION AND POLITICAL PRACTICES OF RUSSIAN YOUTH

Abstract. The article presents the results of interregional empirical research conducted by a team of scientists led by the author of this publication. One of the objectives of the study was to analyze the relationship between the sources of political information used by young people and specific forms of potential and actual political practices.

Keywords: Russian youth, mass media, political information, political behavior, empirical research.

Чем-то вполне очевидным и не нуждающимся в подтверждении с начала 1950-х годов в политической науке является тезис о влиянии средств массовой коммуникации на политическое поведение граждан [4, 5]. Однако есть серия вопросов, которые нуждаются в уточнении в связи с появлением новых каналов коммуникации [2, 3] и изменением аудитории различных СМИ онлайн и офлайн, политической социализацией новых поколений [1]. Какие из каналов получения политической информации для молодежи в настоящее время являются приоритетными, какие утратили свое значение? Существует ли связь между приоритетными СМИ и СМК и конкретными формами политического поведения? На какие каналы получения информации о политике политтехнологам следует обратить особое внимание с тем, чтобы более-менее эффективно пытаться корректировать политическую активность молодежи?

В данном докладе представлены результаты исследования, проведенного в рамках реализации начале осени 2018 г. Доклад подготовлен в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-011-01184 «Потенциал молодежного политического лидерства в ходе политической социализации и циркуляции элит в российских регионах в 2010-е годы (на примере Юго-Западной Сибири и Северо-Запада РФ)». Параметры выборки: объем — 1014 респондентов в возрасте от 14 до 30 лет, проживающих в Алтайском крае, Ленинградской области, Новосибирске и Санкт-Петербурге. Выборка квотная с контролем следующих параметров: пол, возраст, уровень образования, район проживания. Метод сбора информации — личное стандартизованное интервью. Исследовательская группа: руководитель проекта — О. В. Попова (СПбГУ), С. Ю. Асеев (АлтГУ), Т. А. Асеева (АлтГУ), О. В. Лагутин (СПбГУ), Е. О. Негров (СПбГУ), Я. Ю. Шашкова (АлтГУ).

Вопреки расхожим представлениям исследование показало, что только 2,3% молодежи политическими событиями не интересуются настолько, что прямо заявили об отсутствии каких-либо источников для получения информации о происходящих политических событиях (таблица 1). Понятно, что во многих случаях речь идет о не целенаправленном поиске политической информации через определенный канал, а об осознании того факта, что при использовании того или иного канала средств массовой коммуникации эти сведения человек получает.

Таблица 1. Источники получения информации о политических событиях (%)

Информационные интернет-ресурсы, новостные ленты, видео и т.д.	70,3
Социальные сети, мессенджеры	68,3
Центральное телевидение	42,0
Друзья, знакомые	41,4
Родственники	27,0
Региональное / местное телевидение	17,2
Радио	10,6
Научная литература	8,4
Региональные и местные газеты	4,9
Центральные газеты	4,4
Партийная литература, агитационные материалы	3,1
Не пользуюсь ни одним источником информации	2,3

Безусловными лидерами получения сведений о политических событиях у молодежи являются информационные интернет-ресурсы, новостные ленты, видео и т.д. (70,3%); почти такое же число молодежи — более 2/3 — 68,3% опрошенных используют социальные сети и мессенджеры. Во вторую по популярности группу новостных источников о политике вошли федеральные ТВ-каналы (42%) и межличностная коммуникация с друзьями и знакомыми (41,4%). В третью группу вошли такие каналы политических новостей, как общение с родственниками (27%), региональное или местное телевидение (17,2%), радио (10,6%), научная литература (8,4%). Наконец, к источникам-аутсайдерам сведений о политики у молодежи относятся такие каналы новостной информации, как региональные и местные газеты (4,9%), центральные газеты (4,4%), партийная литература, агитационные материалы (3,1%).

С целью выявления высокой степени совместного использования различных каналов информации о политических событий был проведен факторный анализ. В таблице 2 представлена матрица, полученная методом главных компонент с использованием ортогонального вращения.

Таблица 2. Сгруппированные источники политической информации (результаты факторного анализа)

Переменные	Компонент		
	1	2	3
Партийная литература, агитационные материалах	0,672		
Региональные и местные газеты	0,670	0,325	
Центральные газеты	0,664		
Научная литература	0,504		0,345
Центральное телевидение		0,751	
Региональное / местное телевидение		0,665	
Радио		0,445	
Информационные Интернет-ресурсы, новостные ленты, видео и т.д.		–0,373	0,355
Друзья, знакомые			0,773
Родственники			0,700
Социальные сети, мессенджеры			0,509

В результате выполнения факторного анализа с включением всех используемых молодежью источников информации о политике были сформированы три фактора. Фактор 1 — «Печатная продукция» — объединил партийную литературу, агитационные материалы, региональные и местные газеты, центральные газеты, научную литературу. Фактор 2 — «Традиционные каналы теле- и радио-информации» — фиксирует размежевание традиционных непечатных СМИ и информационных интернет-ресурсов. Фактор 3 — «Личностный круг общения онлайн» — включает коммуникацию в социальных сетях не только друзей и знакомых, но и родственников.

Почти 17% молодежи вообще не может ничего сказать о своей готовности к каким-либо политическим действиям (таблица 3). Около 59% молодежи готовы обращаться в государственные органы. Во вторую группу потенциала политических действий относятся: обращение в общественные организации (30,4%), участие в выборах (23,5%), участие в забастовках, митингах, демонстрациях (23,4%), обсуждение в социальных сетях, репосты политической информации (22,5%). В третью по распространенности потенциальных политических действий молодежи группу относятся участие в работе

общественных организаций (15,0%), участие в несанкционированных акциях протеста (12,3%), участие в работе политических партий (11,2%), оказание материальной поддержки политиков, их проектов (5,7%).

В действительности почти треть молодежи (29,2%) не принимает участия вообще ни в каких формах политической деятельности. Наиболее активно молодежь участвует в выборах (35,9%). Каждый пятый обращался в государственные органы (20,2%), каждый шестой — обсуждал политические события в социальных сетях, делал репосты политической информации (15,7%). От 7% до 10% участвовали в забастовках, митингах, демонстрациях (9,4%) и в работе общественных организаций (8,3%), Обращались в общественные организации (7,1%). Около 5% участвовали в работе политических партий (4,6%) и в несанкционированных акциях протеста (4,4%). Менее 2% молодежи имеют опыт оказания материальной поддержки политиков, их проектов (1,9%).

Таблица 3. Потенциал и реальный опыт участия молодежи в различных формах политической деятельности (%)

	Готовность к определенным политическим действиям	Наличие опыта определенных политических действий	Индекс реализованности потенциальной политической активности
обращение в государственные органы	58,8	20,2	0,34
обращение в общественные организации	30,4	7,1	0,23
участие в выборах	23,5	35,9	1,53
участие в забастовках, митингах, демонстрациях	23,4	9,4	0,4
обсуждение в социальных сетях, репосты политической информации	22,5	15,7	0,7
участие в работе общественных организаций	15,0	8,3	0,55
участие в несанкционированных акциях протеста	12,3	4,4	0,36
участие в работе политических партий	11,2	4,6	0,41
оказание материальной поддержки политиков, их проектов	5,7	1,9	0,33
затрудняются ответить о возможных действиях	16,9	29,2	1,73

Таблица 4 показывает, что на уровне предрасположенности к конкретным формам политических действий молодежи, о чем свидетельствуют статистически значимые стандартизованные остатки, существует определенная связь этого показателя и используемых источников политической информации. Так, например, просмотр телеканалов центрального телевидения связан с готовностью обращения в органы власти, телеканалов регионального и местного телевидения — с готовностью обращения в органы власти и участия в выборах. Чтение центральных газет связано с готовностью обращения в общественные организации, участия в выборах, в работе партий и общественных организаций, а также участия в несанкционированных протестных акциях; чтение региональных и местных газет — с связано с готовностью обращения в общественные организации, участия в выборах, в работе партий и общественных организаций, а также оказания материальной помощи политикам в их проектах. Чтение научных источников, партийной литературы и агитационных материалов сопряжено с готовностью ко всем видам политической активности за исключением обращения в органы власти.

Коммуникация молодежи на политические темы с родственниками, друзьями и знакомыми связана с декларируемой готовностью ко всем формам политической активности за исключением участия в санкционированных и несанкционированных акциях протеста. Использование различных форма коммуникации онлайн и источников информации из интернета связано с предрасположенностью молодежи к обсуждению политической информации во всемирной паутине и с готовностью участвовать в санкционированных и несанкционированных акциях протеста.

Однако на уровне связи источников политических сведений и реального опыта участия молодежи в политической жизни результаты анализа оказались несколько иными (таблица 5). Коммуникация с родственниками у молодежи с конкретными политическими практиками не связана; общение с друзьями на политические темы связано с обращением в органы власти и работой в партиях и общественных организациях.

Таблица 4. Готовность к определенным политическим действиям молодежи, использующей определенные источники политической информации (статистически значимые стандартизованные остатки)

	обращаться в государственные органы	обращаться в общественные организации	участвовать в забастовках, митингах, демонстрациях	участвовать в выборах	участвовать в работе политических партий	участвовать в работе общественных организаций	участвовать в несанкционированных акциях протеста	оказать материальную поддержку политикам, их проектам	вести обсуждение в социальных сетях, делать репосты политической информации	затрудняюсь ответить о возможных действиях
Центральное телевидение	+2,1	–	–2,4	–	–	–	–1,7	–	–	–1,6
Региональное / местное телевидение	+2,7	–	–	+1,7	–	–	–	–	–	–2,5
Центральные газеты	–	+2,3	–	+2,9	+2,2	+2,4	+1,9	–	–	–
Региональные и местные газеты	–	+1,7	–	+3,0	+2,3	+1,6	–	+2,4	–	–
Радио	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–1,7
Партийная литература, агитационные материалы	–	+2,1	+2,1	+2,9	+6,7	+3,9	+3,2	+3,2	+2,0	–1,8
Научная литература	–	+2,0	+3,6	+1,8	+3,1	+2,9	+3,3	+3,2	+2,0	–2,5
Друзья, знакомые	+2,0	+1,8	–	+3,2	+2,2	+2,9	–	+2,4	+3,4	–
Родственники	+2,1	+2,2	–	+2,1	+2,0	–	–	+1,9	+3,1	–
Социальные сети, мессенджеры	–	–	+2,0	–	–	–	+1,8	–	+1,8	–
Информационные Интернет-ресурсы, новостные ленты, видео и т.д.	–	–	+1,8	–	–	+1,8	+1,7	–	+2,3	–1,6
Не пользуюсь ни одним источником информации	–1,8	–	–1,9	–1,9	–	–	–	–	–	+4,1

Таблица 5. Опыт политических действий молодежи, использующей определенные источники политической информации (статистически значимые стандартизованные остатки)

	обращался в государственные органы	обращался в общественные организации	участвовал в забастовках, митингах, демонстрациях	участвовал в выборах	участвовал в работе политических партий	участвовал в работе общественных организаций	участвовал в несанкционированных акциях протеста	оказывал материальную поддержку политикам, их проектам	обсуждал в социальных сетях, делал репосты политической	затрудняюсь ответить на вопрос о действиях
Центральное телевидение	–	–	–1,9	+3,2	–	–	–	–2,1	–2,1	–
Региональное / местное телевидение	+2,3	+2,7	–	+2,1	–	+2,0	–	–	–	–
Центральные газеты	+1,6	+2,7	+1,8	+2,7	+3,4	+2,7	–	–	–	–2,2
Региональные и местные газеты	+2,5	+4,0	–	+3,1	+1,8	+2,9	–	–	–	–2,8
Радио	–	–	–	+2,4	+2,7	+1,7	–	–	–	–
Партийная литература, агитационные материалы	–	+3,9	+5,3	–	+5,5	+6,5	+3,9	+3,2	–	–2,3
Научная литература	+1,9	+2,8	+3,2	–	+5,6	+6,0	+4,2	+4,3	+2,1	–
Друзья, знакомые	+1,6	–	–	–	+1,9	+1,9	–	–	+3,0	–
Родственники	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Социальные сети, мессенджеры	–	–	–	–	–	+1,7	–	–	–	–
Информационные Интернет-ресурсы, новостные ленты, видео и т.д.	–	–	+1,6	–	+1,7	–	–	–	+2,6	–
Не пользуюсь ни одним источником информации	–	–	–	–1,8	–	–	–	–	–	–

Молодежь, предпочитающая получение политических сведений по федеральным каналам телевидения, склонна участвовать только в выборах. Репертуар политических тактик молодежи, которая смотрит региональное и местное телевидение, несколько более широкий: она не только участвует в голосовании, но и обращается в государственные органы и в общественные организации, работает в последних. Коммуникация в социальных сетях и мессенджерах связана с опытом работы молодежи в общественных организациях, прослушивание радио — с участием в выборах и работой в партиях и общественных организациях, получение информации из онлайн-СМИ — с опытом работы в партиях и участием в санкционированных протестных акциях. Молодежь, читающая центральные газеты, обращается в государственные органы власти и в общественные организации, участвует в выборах, санкционированных протестных акциях, в работе политических партий и общественных организаций; для молодежи, обращающейся к региональным и местным газетам, характерны такие же политические действия за исключением участия в забастовках и демонстрациях. Читающая научную литературу молодежь демонстрирует предельно разнообразный опыт политических действий за исключением участия в выборах; читающие партийную литературу и агитационные материалы не склонны участвовать в выборах, обращаться в органы государственной власти и обсуждать политические события в социальных сетях.

Литература

1. Богатырева О. В., Гречкина Е. Н. Манипулирование политическим сознанием молодежи средствами массовой коммуникации // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 12. С. 92–96.

2. Воинов Д. Сотовый телефон как средство политического влияния // Мобильный системы. 2006. № 1. С. 36–38.

3. Лисова С. Ю. Политическая эффективность СМИ // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 13 (108), вып.19. С. 185–193.

4. Маркарян В. Р. Влияние средств массовой коммуникации на электоральное поведение граждан в современной России: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2006. 24 с.

5. Некрасов С. Ф. Политическая результативность деятельности печатных СМИ. Новосибирск: Изд-во Сиб. акад. гос. службы, 2013. 192 с.

Прядко А.О.

РОЛЬ МОЛОДЕЖНЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ ПО ВЫБОРАМ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 2018 Г.

Аннотация. В статье подчеркивается значимость некоммерческих организаций в процессе формирования активной гражданской позиции у молодежи в Республике Крым путем создания возможностей для непосредственного участия в политической жизни региона и государства в целом. Это явление рассматривается на примере функционала крымских молодежных НКО в период избирательной кампании по выборам Президента РФ, состоявшейся в 2018 году. Статья содержит информацию о форматах работы, направленных на вовлечение молодежи в избирательный процесс, повышение уровня электоральной и гражданской активности в регионе.

Ключевые слова: «третий сектор», молодежные некоммерческие организации, гражданское общество, электоральная активность, выборы Президента РФ, молодежь, гражданская активность.

Pryadko A. O.

THE ROLE OF YOUTH NON-PROFIT ORGANIZATIONS OF THE REPUBLIC OF CRIMEA IN THE ELECTION CAMPAIGN FOR THE ELECTION OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN 2018

Abstract. The article emphasizes the importance of non-profit organizations in the process of formation of an active civic position among young people in the Republic of Crimea by creating opportunities for direct participation in the political life of the region and the state as a whole. This phenomenon is considered on the example of the functional of the Crimean youth NGOs during the election campaign for the election of the President of the Russian Federation, held in 2018. The article

contains information on work formats aimed at involving young people in the electoral process, increasing the level of electoral and civic activity in the region.

Keywords: «third sector», youth non-profit organizations, civil society, electoral activity, election of the President of the Russian Federation, youth, civic activity.

Согласно Конституции Российской Федерации, закрепляющей базовые права граждан, в том числе политические, жители страны имеют право на участие в деятельности некоммерческих организаций, добровольное объединение в союзы для защиты своих интересов [1]. Участие граждан в политической жизни России, в том числе выражение своего мнения по актуальным, наиболее волнующим вопросам, реализация собственных проектов и предложение инициатив по оптимизации и развитию той или иной сферы, возможно через деятельность в организациях «третьего», некоммерческого сектора. Под термином «некоммерческая организация», согласно Федеральному закону РФ N 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» принято понимать организацию, не имеющую извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющую полученную прибыль между участниками [2].

По данным Министерства юстиции РФ, на 6 марта 2019 г. в Республике Крым официально зарегистрировано 3134 некоммерческих организации [3]. Определенный сегмент организаций в данном реестре занимают НКО, основным контингентом которых выступает молодежь. Молодежные некоммерческие организации, на мой взгляд, играют важную роль в становлении гражданского общества в стране, вовлекая молодежь в общественно полезную работу, способствуя образованию сообщества людей с активной гражданской позицией, чертами характера социально активных граждан.

Одним из направлений работы молодежных НКО является общественно-политическая деятельность, в рамках которой молодые люди объединяются, взаимодействуя с органами государственной власти и местного самоуправления для решения актуальных политических, социально-экономических вопросов, внедрения прогрессивных для региона и страны инициатив, выражения своего мнения по особо острым событиям и проблемам, волнующим людей. Активисты таких организаций зачастую принимают участие и в избирательных кампаниях разного уровня.

Постепенно включаясь в подобную работу, активисты крымских молодежных общественных организаций в 2016 году, в рамках выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 7 созыва, участвовали в проведении агитационной кампании, в том числе, оказывая помощь в организации уличных мероприятий для кандидатов-одномандатников, распространении агитационно-пропагандистского материала, следили за ходом голосования в качестве общественных наблюдателей и выполняли многие другие задачи.

Объемный и ответственный фронт работы молодым общественникам был поручен в рамках избирательной кампании по выборам Президента РФ в 2018 году. Активисты крымских молодежных НКО, уже имеющие за плечами опыт участия в проведении выборов федерального уровня, смогли достойно включиться в процесс решения задач, связанных с выборами лидера государства. Так, в январе 2018 года активисты Всероссийской общественной организации «Молодая Гвардия Единой России», Всероссийского общественного движения «Волонтеры Победы» и других НКО, осуществляющих свою деятельность на территории Республики Крым, приняли участие в сборе подписей в поддержку самовыдвижения одного из кандидатов – действующего Президента России Владимира Путина. В течение нескольких недель волонтеры собирали подписи в торговых центрах и других местах массового скопления людей.

В ходе всей избирательной кампании активисты указанных выше объединений принимали участие в реализации ряда федеральных и региональных мероприятий. С целью консолидации усилий и повышения уровня эффективности работы в рамках избирательной кампании 2018 года, а также для повышения электоральной активности молодежи лидерами девяти республиканских молодежных некоммерческих организаций в марте был подписан «Меморандум лидеров молодёжных и студенческих организаций Республики Крым». В числе поддержавших инициативу заключить подобное соглашение находились региональные отделения «Молодой Гвардии Единой России», «Молодежки ОНФ», «Российского союза молодёжи», «Российских студенческих отрядов», «Волонтеров Победы», «Волонтеров медиков», а также «Студенческая палата КФУ», «Волонтеры КФУ» и организация, сформировавшаяся в период выборов - «Студенческий штаб сторонников Путина».

Стоит отметить, что в период избирательной кампании всего на полуострове было сформировано два новых движения: Студенческий и волонтерский штабы сторонников Владимира Путина, основной целью которых стало создание единого пространства для людей, поддерживающих кандидатуру действующего Президента. Об этом заявили в ходе открытия Студенческого штаба, состоявшемся 20 декабря 2017 года. В частности, на мероприятии отметили, что Студенческий штаб Путина призван стать площадкой, где студенты могут обмениваться своими мыслями и идеями.

В рамках избирательной кампании активистами штабов было организовано много публичных акций и мероприятий. Благодаря их созданию образовалось единое пространство для всех сторонников Владимира Путина, вне зависимости от партийных и иных предпочтений. Отличительной чертой работы штабов стал объединяющее направление работы, а не агитационное [4].

Таким образом, в ходе выборов Президента РФ молодые общественники смогли проявить свои способности, приобрести новые навыки работы, а также пройти «базовый курс обучения» по участию в проведении избирательной кампании федерального уровня. На мой взгляд, участие в молодежи в деятельности некоммерческих организаций является «введением» во взрослую жизнь с полноценной профессиональной деятельностью, плацдармом для дальнейшего развития, ведь организуя небольшие мероприятия, участвуя в реализации региональных и федеральных общественных проектов, агитируя своих ровесников проявить гражданскую активность в том или ином формате, молодой человек не только постепенно определяется с дальнейшим вектором развития в карьерном плане, овладевает навыками soft-skills, но и занимает почетное место в зарождающемся и развивающемся российском гражданском обществе, привлекая при этом в ряды общественников своих друзей, коллег по учебе или работе.

Литература

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) [Электронный ресурс]. "Гарант-Интернет".

– Режим доступа: http://www.constitution.ru, свободный (дата обращения: 06.03.2019)

2. Федеральный закон от 12 января 1996 г. N 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» с учетом всех изменений и дополнений до 29 июля 2018 г. [Электронный ресурс]. КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/, свободный (дата обращения: 06.03.2019)

3. О деятельности некоммерческих организаций [Электронный ресурс]. Информационный портал Министерства юстиции Российской Федерации. – Режим доступа: http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx, свободный (дата обращения: 06.03.2019)

4. В Симферополе открылся студенческий штаб сторонников Путина [Электронный ресурс]. 3652.ru Сайт города Симферополя. – Режим доступа: https://www.3652.ru/news/1901104/v-simferopole-otkrylsa-studenceskij-stab-storonnikov-putina, свободный (дата обращения: 08.03.2019)

Прядко И.А.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Каждый водоем - это сложная живая система, где обитают растения, специфические организмы, в том числе и микроорганизмы, которые постоянно размножаются и отмирают. Если в водоем попадают бактерии или химические примеси, то в условиях девственной природы процесс самоочищения протекает быстро и вода восстанавливает свою первозданную чистоту. Остро ставится проблема пресной воды на планете, так как потребление пресной воды возрастает из года в год, кроме того, она должна быть полноценной, а в природе начались серьезные сбои. В современных условиях научно-технической революции, когда человек все активнее вмешивается в природные процессы, защита окружающей среды является одной из самых острых и актуальных проблем. Она носит глобальный характер. Ее решение требует усилий всех людей, населяющих нашу планету.

Ключевые слова: водные ресурсы, экологическая реабилитация, антропогенная нагрузка, заиление, зарастание, подземные воды.

Pryadko I.A.

ECOLOGICAL REHABILITATION OF WATER RESOURCES IN ROSTOV REGION

Abstract. Each body of water is a complex living system, inhabited by plants, specific organisms, including microorganisms that constantly multiply and die. If bacteria or chemical impurities get into the water body, then in the conditions of the virgin nature the process of self-purification proceeds quickly and the water restores its pristine purity. The problem of fresh water on the planet is acute, since the consumption of fresh water increases from year to year, in addition, it must be full, and in nature serious failures have begun. In modern conditions of scientific and technical revolution, when people are increasingly interfering in natural processes, environmental protection is one of the most pressing and urgent problems. It is global in nature. Its solution requires the efforts of all the people living on our planet.

Keywords: water resources, environmental rehabilitation, anthropogenic load, siltation, overgrowth, groundwater.

Российская Федерация входит в группу стран мира, наиболее обеспеченных водными ресурсами. Водные ресурсы России представлены хорошо развитой речной сетью и системой озёр, относящихся к бассейнам Атлантического, Северного Ледовитого и Тихого океанов, а также к бессточным бассейнам (Каспий, озёра Убсу-Нур, Чаны, Кулундинское, Сарталан и другие). Водные ресурсы России сосредоточены в реках и озёрах, болотах, ледниках и снежниках, а также в подземных водах (включая льды зоны многолетней мерзлоты).

Общий объём статических водных ресурсов России оценивается приблизительно в 88,9 тыс. км3 пресной воды, из них значительная часть сосредоточена в подземных водах, озёрах и ледниках. Динамические запасы водных ресурсов России составляют 4 258,6 км3 в год, что делает Россию второй страной в мире по валовому объёму водных ресурсов после Бразилии. При этом целый ряд регионов испытывает дефицит в воде, что связано, главным образом, с неравномерным распределением водных ресурсов по территории страны – на наиболее освоенные районы Европейской части России, где сосредоточено более 80% населения, приходится не более 10–15% водных ресурсов.

Речная сеть России – одна из самых развитых в мире: на территории государства насчитывается около 2,7 млн рек и ручьев, среди которых и Ростовская область [1].

Ростовская область– субъект Федерации на юге Европейской части России. Область расположена на юге Восточно-Европейской равнины и, частично, в Предкавказье, в бассейне Нижнего Дона, на юго-западе омывается Таганрогским заливом Азовского моря. Рельеф области, в основном, равнинный. Территория области пересечена долинами рек, оврагами и балками.

Все водные объекты Ростовской области относятся к водосбору Азовского моря, из них большая часть – к бассейну реки Дон. Речная сеть представлена 4551 рекой общей протяжённостью 24 289 км (густота речной сети 0,24 км/км2), большая часть которых представлена малыми реками и ручьями, временными водотоками, пересыхающими в летний период. Реки Ростовской области, начинающиеся на возвышенностях, имеют узкие долины с активно изрезанными оврагами и балками склонами, поймы неширокие, расширяющиеся при выходе на равнину. Для рек области характерно смешанное питание с преобладанием снегового (70–80%). Реки Ростовской области относятся к восточно-европейскому типу водного режима с высоким весенним половодьем, низкой летне-осенней меженью, прерываемой дождевыми паводками в октябре-ноябре, зимней меженью. Реки замерзают в конце ноября – декабре, вскрываются с середины февраля. Многие средние и малые реки области зарегулированы многочисленными плотинами и превращены в каскады водохранилищ и прудов, что оказало сильное влияние на их водный режим. Крупнейшими реками Ростовской области являются Дон с его притоками первого и второго порядка: Северским Донцом, Манычом, Калитвой, Салом и Егорлыком, а также реки, впадающие в Таганрогский залив Азовского моря – Ея, Миус и другие. В дельте Дона и Таганрогском заливе Азовского моря расположен один из крупнейших каналов Азово-Черноморского бассейна – Азово-Донской морской судоходный канал. Среди регионов федерального округа Ростовская область занимает третье место по протяжённости речной сети после Волгоградской области и Краснодарского края.

Вода - важное условие жизни на нашей планете, распределитель солнечной энергии на Земле, главнейший творец климата, аккумулятор тепла, гигантский движитель. Но вместе с тем вода и необходимый компонент всех технологических процессов в промышленном и сельскохозяйственном производстве Одним из

факторов риска для здоровья является питьевая вода, подаваемая населению. Необходимо отслеживать качество воды из разводящей сети в целом по области по санитарно-химическим и по микробиологическим показателям. Сейчас качество питьевой воды во многих регионах области не соответствует нормам. В централизованных системах водоснабжения Ростовской области было зафиксировано несоответствие нормативам по санитарно-химическим показателям в 32% взятых проб, по микробиологическим показателям – в 2,8% проб. В нецентрализованных системах водоснабжения не соответствовало нормативом качество в 54,9% проб по санитарно-химическим показателям и в 21,3% проб по микробиологическим показателям

В рамках реализации государственной водной политики в 2012 г. принята Федеральная целевая программа «Развитие водохозяйственного комплекса Российской Федерации в 2012–2020 годах» , Федеральная целевая программа «Развитие мелиорации земель сельскохозяйственного назначения России на 2014–2020 годы», целевые программы регионов, в том числе региональная программы «Экологическое оздоровление бассейна реки Темерник».

Ростовская область входит в число немногих регионов, где уделяется пристальное внимание проблемам развития водохозяйственного комплекса. Проблема охраны водных ресурсов от загрязнения и нерационального использования решается путем осуществления целого комплекса водоохранных мероприятий. Снижение биогенного воздействия на водные объекты - одно из основных направлений. Сюда входит строительство и реконструкция очистных сооружений канализации на территории Ростовской области, прокладка коллекторов. Эти работы проводятся уже не первый год и их реализация позволит значительно улучшить состояние всей акватории р.Дон. Ведётся реконструкция и строительство очистных сооружений канализации в Семикаракорске, Цимлянске, Каменск-Шахтинский, Донецке. Очистные сооружения осуществляют сброс сточных вод непосредственно в Дон или Северский Донец, являющиеся основными водными артериями, поэтому именно они были выбраны в качестве первоочередных объектов.

Большое внимание администрация области уделяет решению проблемы подтопления территорий, восстановления и оздоровления водных ресурсов бассейнов малых рек, берегоукрепительным мероприятиям. В рамках выполнения первоочередных противопаводковых мероприятий профинансированы работы по

расчистке заторов на малых реках, ремонту плотин, дамб, ГТС, берегоукрепительные работы на территории 23 муниципальных образований.

Для восстановления и оздоровления водных ресурсов бассейнов малых рек области за счет средств областного бюджета ведутся работы в Азовском районе по расчистке рек Кагальник, Мокрая Чумбурка, в Матвеево-Курганском районе - Мокрый Еланчик. Производится уборка большей части крупногабаритного мусора из русловой и прибрежной части бассейна р. Темерник, обеспечвается её санитарная проточность. Параллельно с расчисткой р. Темерник проводится ряд мероприятий по ликвидации несанкционированных сбросов. Река Темерник, вторая по значимости в регионе, находится в тяжелом экологическом состоянии. По оценкам экспертов, воду можно считать экстремально грязной. В нынешнем виде река может стать причиной экологической катастрофы. После обращения регионального руководства к Министру природных ресурсов и экологии Российской Федерации С. Е. Донскому решение этой задачи по итогам конкурсного отбора проектов было включено в Федеральную целевую программу «Вода России».

Река Темерник, исток которой расположен на территории Аксайского и Мясниковских районов – малая равнинная река, протекающая по территории Ростовской области и являющаяся правым притоком реки Дон. Длина реки – 35,5 км, из них 18 км приходится на территорию г. Ростова-на-Дону. Река Темерник является естественным приемником поверхностного стока с городской территории, включая и неочищенный ливневый сток. Средний уклон реки 2,3 %, средняя ширина русла – 10 м, глубина – 0,3-1,2 м. Площадь всего водосборного бассейна реки Темерник составляет 293 км2, в том числе 177 км2 в сельской местности (Аксайский и Мясниковский районы).

Русло реки подвержено значительной антропогенной нагрузке, в результате этого заилено многолетними донными отложениями, заросло тростником, рогозом, кустарником, замусорено твердыми коммунальными отходами, крупногабаритными предметами. Территория, прилегающая к реке, на многих участках заболочена.

Основной причиной заиления, зарастания русла является существующий застрой водосбросного бассейна. Это отражается на гидрологических параметрах стоков воды в реке Темерник, а также приводит к росту объемов поступления загрязняющих веществ, включая неочищенные ливневые и другие стоки, промышленных и коммунальных отходов.

Сброс сточных вод в водные объекты области – 1234,13 млн м3, из них 80,71% – условно-чистые и нормативно-очищенные сточные воды и 19,29% – загрязнённые и недостаточно-очищенные. В области формируется 18,62% всего объёма загрязнённых и недостаточно-очищенных сточных вод Южного федерального округа и 1,65% – России. Ростовская область занимает второе место среди регионов федерального округа по объёму загрязнённых и недостаточно-очищенных сточных вод после Краснодарского края. При этом Ростовская область занимает второе место среди регионов федерального округа по доле условно-чистых и нормативно-очищенных сточных вод в общем объёме водоотведения после Республики Адыгеи.

В Ростовской области утверждена региональная программа «Экологическое оздоровление бассейна реки Темерник» [4].

Цель и задачи Региональной Программы:

- оздоровление водного бассейна реки Темерник;
- обеспечение восстановления и экологической реабилитации водного объекта, утратившего способность к самоочищению;
- проведение государственного мониторинга бассейна водного объекта;
- организация системы экологического мониторинга на всем протяжении бассейна реки Темерник;
- повышение эксплуатационной надежности гидротехнических сооружений путем их приведения к безопасному техническому состоянию;
- обеспечение соблюдения установленного режима водоохранной зоны реки Темерник (выявление и ликвидация свалочных очагов, несанкционированных выпусков сточных вод).

Городские водоемы г. Ростова-на-Дону нуждаются в грамотном обслуживании, иначе они очень быстро утратят свою функциональность и привлекательность. Постоянное техногенное воздействие приводит к формированию мощного сильно загрязненного илового осадка, который служит источником вторичного загрязнения.

Русло реки Темерник подвержено значительной антропогенной нагрузке, в результате чего замусорено твердыми коммунальными отходами, крупногабаритными предметами, что отражается на гидрологических параметрах стоков воды в реке, а также приводит к росту объемов поступления загрязняющих веществ. Проведение работ по расчистке русла реки позволяет улучшить санитарно-

техническое, экологическое и рекреационное состояние водного объекта.

Специальные комплексы мероприятий по благоустройству и реабилитации рек, ручьев, прудов позволяют вернуть таким объектам состояние экологического равновесия. Министерство строительства, архитектуры и территориального развития Ростовской области; министерство жилищно-коммунального хозяйства Ростовской области; государственное автономное учреждение Ростовской области «Региональный научно-исследовательский и проектный институт градостроительства; администрации города Ростова-на-Дону, Аксайского и Мясниковского района, располагают должными мощностями, богатым опытом и подготовленными сотрудниками для выполнения таких работ. Экологическая реабилитация всевозможных водоемов положительно действует на весь прилегающий район, на фауну и флору как самого водного объекта, так и близлежащих территорий.

Процесс экологической реабилитации состоит из множества этапов:

1. Проектно-изыскательские работы для определения оптимального пути восстановления и очистки водоема.
2. Очищение ложа водного объекта от скопившихся загрязненных отложений.
3. Разработка и осуществление проекта гидроизоляции прудов, работы по дно укреплению.
4. Аккумуляция и очистка ливневых и дренажных вод, подпитывающих объект.
5. Рекультивация водосборных территорий.
6. Создание проекта берегоукрепления, разработка противоэрозионных и противооползневых мероприятий.
7. Благоустройство, экологическая реабилитация пойменных территорий.
8. Высадка водной растительности, заселение водоема гидробионтами.
9. Озеленение и благоустройство рекреационных и прибрежных зон.

Очевидно, что первым шагом к восстановлению природного равновесия является проект экологической реабилитации, учитывающий, что каждый водоем является сложным организмом – функционирующим по природным законам, но находящимся в городских условиях с неизбежным воздействием постоянных негативных экологических процессов. Инженерно-геологические и

инженерно-экологические изыскания являются обязательным условием подготовки к экологической реабилитации водного объекта.

Таким образом, применение биологической реабилитации бассейна реки Темерник, утратившего способность к самоочищению методом реконструкции очистных сооружений канализации г. Аксая в п. Ковалевка; обустройство выпусков из системы ливневой канализации очистными сооружениями посредством проведения строительно-монтажных работ позволяет очистить стоки и прекратить загрязнения водного объекта; организация системы экологического мониторинга на всем протяжении бассейна реки Темерник в купе с другими технологиями позволит улучшить экологическое состояние реки Темерник и прилегающей селитебной зоны, что самым положительным образом скажется на жизни и деятельности населения.

Система экологического мониторинга позволяет в режиме реального времени вести наблюдения за гидро и метео параметрами реки Темерник, оценивать и прогнозировать развитие гидрологической обстановки.

На постоянной основе проводятся рейдовые мероприятия, в рамках которых выявляются несанкционированные сбросы сточных вод в реку Темерник, а также свалочные очаги в прибрежной зоне водного объекта. Ведется работа по привлечению к административной ответственности за нарушение водного законодательства. Так, в рамках рейдовых мероприятий по обследованию прибрежной полосы и акватории реки Темерник в 2018 году выявлено 29 выпусков сточных вод (25 - в водный объект, 4 - в водоохранную зону). В настоящее время ликвидировано 9 выпусков. По итогам рейдовых мероприятий, проведенных с начала 2018 года специалистами управления государственного экологического надзора, в прибрежной защитной полосе р. Темерник зафиксировано 55 свалочных очагов, навалов мусора (г. Ростова-на-Дону – 49, Аксайский район – 1, Мясниковский район – 5), из которых ликвидировано 46 (1 - в Аксайском районе, 5 - в Мясниковском районе, 40 - в г. Ростове-на-Дону).

Инициативной группой в 2018 году организованы и проведены субботники по очистке береговой полосы и водной глади реки Темерник в районе моста в створе ул. Шеболдаева, парка им. Октября г. Ростова-на-Дону, медицинского центра «Семья», Ростовского-на-Дону зоопарка. Выполнены работы по уборке бытового мусора, сушняка и поваленных деревьев. В мероприятиях

приняли участие не только сотрудники Минприроды и ЖКХ области, но и представители органов власти Ростовской области, комитета по охране окружающей среды города, Общероссийского народного фронта, общественных экологических организаций «Порядок», «Экоправо», «Ростов–Город Будущего», студенты ДГТУ и ЮФУ, волонтеры. В истекшем году проведены весенний и осенний Дни древонасаждений [4].

Говоря об экологических проблемах Ростовской области, нельзя не упомянуть подземные воды, которые служат важнейшим источником водоснабжения, поэтому охрана их от истощения и загрязнения является актуальной проблемой. Система государственного мониторинга подземных вод позволяет осуществлять слежение за процессами, возникающими в подземных водах под влиянием как природных, так и антропогенных воздействий. Проводятся меры по восстановлению естественного режима подземных вод на участках, где последний, нарушен водоотбором, орошением, шахтным водоотливом и другими источниками техногенного воздействия. Прежде всего, это связано с затоплением подземных горных выработок, подтоплением земной поверхности шахтными водами, вытеснением из техногенных пустот на поверхность вредных и опасных рудничных газов, возгоранием породных отвалов, образованием провалов земной поверхности и др.

Самым масштабным техногенным процессом, связанным с закрытием угольных шахт, является выход высокоминерализованной шахтной воды на поверхность. Величина загрязнения поверхностной гидросферы обусловлена объемами изливающихся шахтных вод, их минерализацией и особенностями загрязняемого объекта. Кроме того, загрязнению подвержены подземные воды, входящие в контакт с водами техногенными. Масштабы и экологические последствия этих процессов имеют особую значимость, так как площади их влияния находятся в хозяйственном использовании, а реки и грунтовые воды являются источниками питьевого водопотребления населения региона.

Защита малых рек — одна из важнейших проблем в общей системе природоохранного комплекса [5].

Опасность неконтролируемого изменения окружающей среды и вследствие этого угроза существованию на Земле живых организмов, в т. ч. человека, требуют решительных практических мер по защите и охране природы, правового регулирования использования природных ресурсов. Необходимо применять серьезные меры улучшения качества окружающей среды:

технологические (разработка новых технологий; очистные сооружения; замена топлива; электрификация производства, быта, транспорта), архитектурно-планировочные мероприятия (зонирование территории населенного пункта; озеленение населенных мест; организация санитарно-защитных зон), правовые (создание законодательных актов по поддержанию качества окружающей среды. Кроме этого, за последнее столетие человечество разработало ряд оригинальных способов борьбы с экологическими проблемами. К числу таких способов можно отнести возникновение и деятельность разного рода “зеленых” движений и организаций. Кроме “Green Peace'a”, отличающегося размахом своей деятельности, существуют аналогичные организации, непосредственно проводящие природоохранные акции. Также есть другой тип экологических организаций: структуры, которые стимулируют и спонсируют природоохранную деятельность (Фонд дикой природы).

Кроме разного рода объединений в сфере решения экологических проблем, существует целый ряд государственных или общественных природоохранных инициатив: природоохранное законодательство в России и других странах мира, различные международные соглашения или система “Красных книг”. В числе важнейших путей решения экологических проблем большинство исследователей также выделяет внедрение экологически чистых, мало- и безотходных технологий, строительство очистных сооружений, рациональное размещение производства и использование природных ресурсов.

Люди сегодняшнего дня должны себе ясно представлять, что они оставят в наследство своим потомкам. Ученые должны взять на себя нелегкую обязанность: изучить вредоносность всего, что было сделано их собратьями. Каждое новое вещество должно быть проверено так, чтобы теперешние трагедии не повторились. Здоровые и сильные духом люди третьего тысячелетия должны жить в прекрасной и мирной среде. Если ученые возьмут на себя жесткий контроль выброса в окружающую среду опасных для наследственности веществ, то безудержная экспансия последних лет будет приостановлена. Если на смену химическим методам борьбы с вредителями и болезнями придут биологические, то от этого выиграют все поколения в будущем. Точная и правдивая информация может создать общественное мнение, настроить людей на то, чтобы, распростившись с некоторыми, часто кажущимися

удобствами, заполучить в свои руки главное - уверенность в безопасности будущей жизни.

Необходимость изучения совершенно новой окружающей среды требует создания принципиально новых подходов. Существование и прогресс человечества в третьем тысячелетии возможно лишь при условии устойчивого экологического развития. Концепция устойчивого развития нужна как система приоритетов в решении экологических проблем, как «инструкция», принятая международным сообществом для ответа на вопрос о том, что следует, а чего не следует делать для длительного благополучного существования и развития человечества. Оптимизация взаимодействия человеческого общества с природой путем международных усилий и вкладом каждого человека - вот главная стратегия и залог решения глобальных проблем биосферы и устойчивого экологического развития.

В Ростовской области существует множество экологических проблем, и рассмотрены наиболее актуальные. Чтобы улучшить экологию региона, необходимы изменения в экономике, уменьшение количества транспортных средств, использование безопасных технологий, а ещё нужно проводить природоохранные действия.

Литература

1.Научно-популярная энциклопедия «Вода России» // http://water-rf.ru

2.Водная стратегии Российской Федерации до 2020 г. // http://water-rf.ru

3.Федеральная целевая программа «Развитие мелиорации земель сельскохозяйственного назначения России на 2014–2020 годы» // http://static.government.ru/media/files/41d49957ae2064e53ee1.pdf

4.Вдоль Темерника в Ростове благоустроят «первую милю»» // http://rostovnadonu.bezformata.com/listnews/temernika-v-rostove-blagoustroyat-pervuyu/72741331/

5.Природные ресурсы Ростовской области. – Ростов-на-Дону. Комитет по охране окружающей среды и природных ресурсов Администрации Ростовской области., 2018. – 198 с.

Ремарчук В.Н.

УПРАВЛЕНИЕ СМЫСЛАМИ КАК ИНСТРУМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ: ТЕХНОЛОГИИ, ВЕРОЯТНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация. В тезисах анализируется роль, влияние смыслов на государство, через информационно-коммуникативную сферу общества и последствия такого влияния. Формулируются рекомендации по противостоянию войне смыслов в современных условиях.

Ключевые слова: глобализация, аналитическая информация, социальные коммуникации, смыслы, управление смыслами, информационно-коммуникативная сфера, информационная война, когнитивная война.

V.N. Remarchuk

MANAGEMENT OF SENSES AS A TOOL OF CURRENT POLICY: TECHNOLOGIES AND PROBABLE CONSEQUENCES

Abstract. The article analyses the role and the effects of political senses on the state through the information and communication sphere of the society and the probable consequences of such an effect. Special attention is paid to the consequences of a similar effect. The recommendations to resist the war of senses under present-day conditions are proposed.

Keywords: globalization, analytical information, social communications, senses, management of senses, information and communication sphere, information war, cognitive warfare.

В основе всех перемен, которые несут информационно-коммуникативные технологии, лежат смыслы, сформулированные новые идеи, либо трансформированные, измененные старые, традиционные смыслы. Именно эти компоненты (смыслы, идеи), в условиях информационного общества, сделали своим инструментарием политика, экономика, бизнес, в том числе и военная сфера. Хорошо известный принцип, «идеи правят миром», не потерял своей актуальности, но лишь с одной оговоркой, миром правят люди, которые умело, используют идеи, для решения поставленных проблем. Люди на протяжении своего существования вырабатывают

идеи, которые влияют на судьбы мира. Как не вспомнить классиков: «Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма [1]», который и сегодня продолжает будоражить умы человечества.

Современное ускорение воплощения идей и смыслов происходит благодаря бурному развитию социальных технологий [2], или как их еще называют «высоких гуманитарных технологий». Влияние таких технологий на общество велико. Не случайно аналитики, эксперты все громче говорят о том, что «Главными технологиями сверхдержавы XXI в. будут технологии стратегического и исторического прогноза, проектирования будущего, высокие гуманитарные технологии, методы сборки и разборки исторических субъектов» [3].

В ходе развития пятого и шестого технологических укладов были созданы и получили глобальное развитие организационные, информационные и когнитивные технологии, позволяющие формировать в заданном формате цели, ценности, мотивации поведения, как больших социальных групп, так и отдельных личностей в интересах заказчика и вне контроля со стороны суверенного государства [4].

Хорошо известно, что информация может нести в себе как созидательную, так и разрушительную силу, но гораздо в более сильной и активной степени, чем это было ранее. Чем вызваны последствия, и тот эффект, к которому может привести коммуникация негативного, антигосударственного характера? Ответ кроется в объяснении сути информации. С одной стороны, есть привычное нам понимание информации, как передаваемые сведения. Но есть и другой подход. Информация - это то, что лежит в основе любой социальной структуры, ее ядро, придающее субъектность социуму.

Смыслы и идеи теснейшим образом вплетены в политическую, экономическую, духовную, социальную структуру государства, их размывание, подмена наносит государству и обществу непоправимый вред. «Незаметно и неуклонно искусно созданные смысловые конструкты манипулятивной направленности, с их неопределенно-расплывчатыми представлениями о том, что такое демократия, толерантность, семья, уважение к родителям, смысл жизни, права человека, честь, представление о счастье, отношение к традициям и т.д., атакуют принципиально важные гуманитарные и морально-нравственные опоры и вехи в сознании людей и в общественном мнении, те опоры и вехи, к которым человечество шло веками и тысячелетиями» [5]. Когда Советскому Союзу поменяли базовую информацию, насытили ее иными смыслами в период перестройки, он перестал быть Советским Союзом.

Таким образом, изменив базовую информацию, нарушив, подменив смыслы, меняется вся структура, на которой она базировалась, поскольку именно на уровне смыслов, а не на уровне информации происходят глубинные процессы интерпретаций событий и явлений.

Управление смыслами в политике осуществляется в интересах переосмысления устоявшихся или новых фактов в пользу интерпретатора. В настоящее время практический выход такое управление находит в виде холодной войны, перестройки, «цветных революций». Характерными чертами управления смыслами являются:

- реинтерпретация событий, фактов, в интересах субъекта (интерпретатора), а не беспристрастное информирование;
- охват широких масс населения имеющего доступ к разнообразным средствам коммуникации, в первую очередь телевидение и интернет;
- упор не на событие, факт, а на его переосмысление в угоду субъекту-интерпретатору;
- целевая установка субъекта-интерпретатора – формирование у населения (объекта воздействия) собственного «тезауруса» требуемых интерпретаций и отторжение неправильных интерпретаций с точки зрения субъекта.

Данные характеристики позволяют констатировать, что смысловое управление:

а) стремится к изменению модели мира субъекта воздействия;

б) работает абсолютно со всем населением;

в) рассчитано на долговременный период, поскольку обладает эффектом накопления смыслов и «отложенным» проявлением;

г) смысловое управление, в силу положения в), должно носить активный, отстоянный характер, в противном случае цели можно не достичь.

Если исходить из того, что концепция (упрощенно) – это определенный способ понимания, система взглядов на что-либо, то центральное звено в смысловом управлении занимает «концептуальный перевод». Он нацелен на всестороннее изменение базовых взглядов на жизненно важные, сферы жизни и деятельности общества, его культуру, моральные, православные ценности, исторические оценки и т.д. Именно по этой причине основными проводниками данного вида управления выступают представители СМИ и иных средств коммуникации. Достаточно вспомнить период перестройки, когда «герои» переходили в список «врагов», и наоборот, активно велась «работа» по сносу памятников вчерашних

кумиров, переименовывались улицы и города. Самым ярким примером изменения государства с помощью управления смыслов, путем их подмены, является Украина. Таким образом, смысловое управление в политике однозначно направлено на дестабилизацию пространства - цели (экономического, политического, социального). Это нужно, чтобы ввести в результате другую стабильную ситуацию, которая более удовлетворяет того, кто ведет эту операцию. Когда, в процессе массированного воздействия население получает такую смысловую «инъекцию», оно в суете текущих забот не может само цензурировать смысловые потоки, относя тот или иной факт к разряду правды или лжи. Люди попросту начинают рассматривать факты или событий с позиции соответствия или несоответствия обещанной картине мира, к примеру, перестройке.

По нашему мнению, чтобы противостоять смыслам, разрушающим государственность, прежде всего, необходимо знать суть данного явления, понимать механизм его формирования, воздействия на общество, владеть инструментами выработки иммунитета у общества по отношению к «новым» деструктивным смыслам.

Смысловое противоборство - это интеллектуальное противостояние противоположных государств (техническое противодействие оставляем за пределами нашего рассмотрения), и чем выше интеллект населения той или иной страны, темы выше вероятность противостояния деструктивным смыслам.

Как это не покажется парадоксальным, смысловое столкновение - это и столкновение различных систем образования и воспитания, образов и идеалов государств. Чем больше в том или ином государстве разрыв между реальным благосостоянием, реальными успехами государства, и виртуальными, в которых нередко пребывают политические элиты, тем более эффективно «размножаются» в этом обществе новые смысли о лучшей жизни. Только единое смысловое пространство и коммуникация, ориентированная на диалог с взаимопониманием, могут обеспечить конструктивные действия и взаимодействия между властью и социумом.

Литература

1. Маркс К., Энгельс. Ф. Манифест коммунистической партии. Избранные произведения. В 3-х т. Т.1. – М.: Политиздат, 1985. С. 106-138.

2. Социальные технологии (высокие социально-гуманитарные технологии) мы можем определить как комплекс взаимосвязанных по целям задачам сил и средств (психологических, информационных, идеологических, информационных и т.д.), направленных на достижение поставленной цели, вне зависимости от интересов и задач общества и населения субъекта воздействия.

3. Малинецкий Г.Г. Новая реальность и будущее глазами синергетика // http://www.intelros.ru/pdf/ps/02/9.pdf

4. Овчинский В.С., Сундиев И.Ю. Организационное оружие: функциональный генезис и система технологий XXI века. Доклад Изборскому клубу // http://www.dynacon.ru/content/articles/1466/.

5. Адамьянц Т. З. Социальные смыслы глобальных процессов и перемен: механизмы и катализаторы [монография] [Электронный ресурс] / Т. З. Адамьянц; Институт социологии РАН. М.: Институт социологии РАН, 2017.

Романович Н.А.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК СПОСОБ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРАВДЫ

Аннотация. В статье приводятся результаты социологических исследований, проведенных синхронно в России и в Украине с 2008 по 2018 гг. Выявляются отношения украинцев к России, которые претерпевали существенные изменения на протяжении последнего десятилетия. В то же время известны отношения россиян к Украине. Результаты показывают, что украинцы относились к России лучше, чем россияне к Украине на протяжении всего периода изучения общественного мнения. Рассматриваются две гипотезы по поводу причин такой ситуации: специфика отношения постсоветских людей к Украине и пропаганда в центральных СМИ. Делается вывод о разграничении отношения населения к правительству иной страны и к рядовым гражданам.

Ключевые слова: Россия, Украина, отношение населения, социологические опросы, негативная информация.

Romanovich N.A.

SOCIOLOGICAL RESEARCHES AS A WAY OF DETECTING THE TRUTH

Abstract. In article contains the results of sociological surveys conducted simultaneously in Russia and in Ukraine from 2008 to 2018. There are identified the Ukrainians' attitude to Russia, which has been undergoing the significant changes for the recent decade. At the same time, the Russians' attitude to Ukraine is known. The results show that the Ukrainians treated Russia better than the Russians treated Ukraine during the whole period of studying the public opinion. Two hypotheses about the causes of this situation are considered: the specifics of the post-Soviet people's attitude to Ukraine and propaganda on the central mass media. The conclusion is made about the differentiation of the population's attitude to the government of another country and to ordinary citizens.

Keywords: Russia, Ukraine, population attitudes, sociologic polls, negative information.

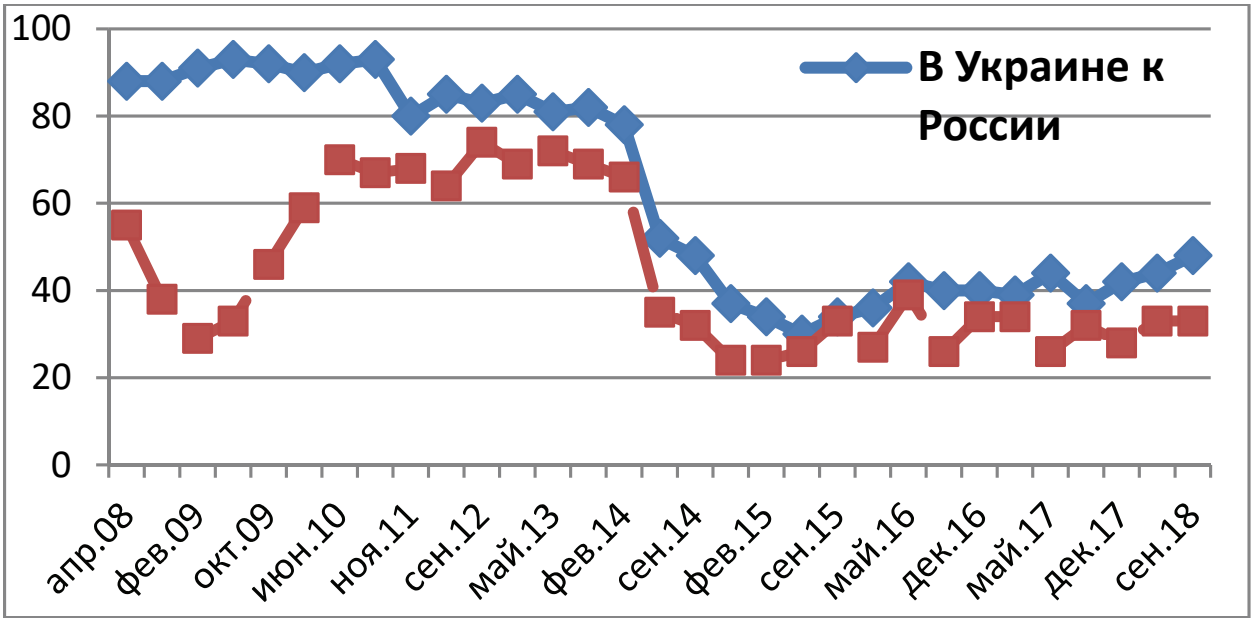
В настоящее время человек испытывает определенные трудности, в том, чтобы отличить правду от лжи в той информации, которая касается освещения событий в Украине, если они освещаются российской стороной, также как информации о событиях в России, если она преподносится украинской стороной. Одним из способов преодоления этих трудностей являются социологические исследования, которые показывают реальные взаимоотношения населения этих стран.

В Санкт-Петербурге 19 февраля 2019 года в Социологическом Институте РАН состоялась Всероссийская научная конференция Социологические чтения памяти Л.Е.Кесельмана «Человек и общество в период трансформаций». Генеральный директор Киевского международного института социологии профессор Владимир Паниотто принял заочное участие в этой конференции, прислав свой доклад: «Неразделенная любовь: отношение населения Украины к России и населения России к Украине (2008-2018)» [1]. В нем говорится, что Киевский международный институт социологии (КМИС) и Левада-центр в 2008 году договорились о проведении в двух странах (Украине и России) полностью идентичных и синхронизированных опросов, в результате чего примерно каждые три месяца КМИС вводит в свой омнибус вопросы об отношении

украинцев к России, а Левада-центр - об отношении россиян к Украине. В общей сложности в каждой стране было проведено более 30 опросов, около 2000 украинцев и около 1600 россиян были опрошены в каждой волне (в ходе проекта всего было опрошено около 60 тысяч украинцев и около 50 тысяч россиян). Данные репрезентативны для населения каждой из стран в возрасте 18 лет и старше. В Украине после 2014 года опросы проводились лишь на территории, подконтрольной правительству Украины.

Отталкиваясь от результатов опросов, Владимир Паниотто называет отношение украинцев к России с 2008 года до мая 2014 года «безответной любовью» (см. график 1). Он указывает, что в этот период от 80% до 90% украинцев относились к России положительно, а доля россиян, отдавших предпочтение Украине, колебалась от 30% до 70%. Отношение россиян к Украине значительно ухудшилось после русско-грузинской войны в августе 2008 года; к январю 2009 года только 29% россиян положительно относились к Украине (62% были отрицательны, 10% затруднились ответить). В то же время 90% украинцев продолжали относиться к России положительно.

График 1. Динамика положительного отношения населения Украины к России и населе-ния России к Украине (% тех, кто относится к другой стране хорошо и очень хорошо)



В. Паниотто высказывает гипотезы, с чем может быть связана эта разница в отношениях. С его точки зрения, позитивное отношение украинцев к России до 2013 можно объяснить

естественным отношением к братскому народу, который в историческом жизненном опыте большинства украинцев все еще был народом той же страны. В этот период 15-20% населения Украины хотело объединения с Россией в одно государство, а остальные поддерживали независимость Украины, но 70% хотело специальных отношений с Россией без виз и таможен. В 2008 разные политические силы в Украине заняли разную позицию по отношению к российско-грузинской войне; СМИ, принадлежащие разным олигархам, давали различную оценку происходящим событиям, поэтому населения Украины в целом не стало менять свое положительное отношение к России.

Что касается отношения россиян к украинцам, то после консультации с российскими социологами, Владимир Паниотто формулирует их следующим образом: «В отличие от украинцев для россиян в силу различных причин ценность представляет принадлежность к Великой стране, Украина должна быть частью этой страны, процесс распада СССР и образования независимых государств не рассматривается, в частности, как создание независимых государств – Украины и России – а как отделение Украины от России. Раз украинцы отделились от России, то они в сознании большинства россиян в какой-то мере «предатели», поэтому отношение к ним с 1991 года хуже, чем отношение украинцев к россиянам». Вот такая неожиданная интерпретация. Считают ли в действительности россияне украинцев «предателями»? Этот вопрос уместнее адресовать к россиянам. По результатам многолетних опросов Института общественного мнения «Квалитас», население никогда не выказывало негативного отношения к украинцам и считала Украину скорее своей вотчиной, «почти Россией». Так, например, в 2004 году большинство опрошенных (54%) считали, что Россия должна оказывать влияние на ход выборов в Украине [2, с. 19]. И даже в апреле 2014 года большинство населения (67%) по-прежнему считало Украину братским, дружественным государством [3, с. 9]

В качестве второй причины «неразделенной любви» Владимир Паниотто называет целенаправленную работу средств массовой информации, прежде всего, телевидения, которое для россиян (так же, как и для украинцев) является основным источником информации. Поскольку оппозиционные телевизионные каналы почти отсутствуют в ежедневном телесмотрении подавляющего большинства россиян, то люди смотрят другие каналы, которые по геополитическим вопросам ориентируются на мнение центра. А

центральные российские каналы, по мнению Паниотто, несут негативную информацию об украинских событиях.

В действительности ли российские СМИ необъективны по отношению к Украине? Каково мнение российских жителей на этот счет? Институт общественного мнения «Квалитас» обратился к воронежцам в мае 2018 года с вопросом: ***«Как Вы считаете, насколько объективно освещают события в Украине, в Крыму федеральные российские СМИ?»*** [4, с. 8]. Оказалось, что число граждан, доверяющих объективности российских федеральных СМИ в освещении украинских событий, снизилось с 74% до 51% (с сентября 2014 года по май 2018 года). Количество горожан, сомневающихся в достоверности информации, напротив, выросло за годы измерений с 20% до 36%. Однако по-прежнему большинство населения верит в объективность российских СМИ.

Крах позитивного отношения украинцев к России, согласно проведенным исследованиям, начался после аннексии Крыма и продолжился после начала войны на Донбассе, к марту 2015 года только 30% украинцев имели позитивное отношение к России. Однако после окончания активных военных действий позитивное отношение украинцев к России постепенно восстанавливалось, и к сентябрю 2018 года 48% украинцев положительно относились к России. В то же время отношение россиян к Украине после аннексии Крыма также ухудшилось (минимум составлял 24%). Однако даже после окончания активных боевых действий отношение россиян к Украине существенно не улучшилось. Возможно, это тоже объясняется целенаправленной работой СМИ, прежде всего, телевидения, по мнению Паниотто. **Таким образом, в течение всего периода наблюдения украинцы относились к России лучше, чем русские к Украине.**

В некоторых опросах украинские социологи, кроме вопроса об отношении к России в целом, задавали вопрос об отношении отдельно к руководству России и к населению России [5]. Так, в последнем таком исследовании, которое было проведено в мае 2016, к России положительно относились 42% украинцев, к россиянам положительно относилось 67% украинцев, к руководству России - 8% (преимущественно за счет Востока и Донбасса). Таким образом, **положительное отношение украинцев к России в основном связано с положительным отношением к россиянам (так же и положительное отношение россиян к Украине связано с положительным отношением к украинцам).**

Выводы.

1. На фоне вялотекущей гражданской войны на Украине, из-за которой Россия терпит много обвинений, довольно странно узнать, что украинцы относятся к России в целом хорошо, по крайней мере, лучше, чем россияне к украинцам. Именно об этом свидетельствуют результаты синхронных опросов, проведенных в двух странах. Владимир Паниотто образно называет отношение украинцев к России «неразделенной любовью».

2. Причины «неразделенности» в любви социолог выдвигает две: особое отношение россиян к Украине как к «предательнице» и негативное влияние российских СМИ. Можно выдвинуть контргипотезы на основании социологических опросов: россияне до 2014 года вовсе не считали украинцев «предателями», а напротив, считали Украину «почти Россией», не принимая всерьез государственную границу между ними. А те пертурбации во власти, которые происходила в Украине, россияне воспринимали как временное сумасшествие всей страны и жалели рядовых украинцев.

3. Большинство населения считает, что украинские события объективно освещаются в российских СМИ, хотя за последние годы число сторонников этого мнения существенно снизилось. Но воронежцами информация воспринимается не только через СМИ, но и через общение с многочисленными беженцами с Украины, которые наводнили Воронеж. Не трудно догадаться, что эта информация носит негативный характер.

4. Можно подтвердить, что положительное отношение россиян к Украине связано с положительным отношением к украинцам, поскольку украинцы «свой» народ для россиян. Скорее всего, отрицательное отношение к Украине, которое демонстрировали российские соцопросы, связано именно с негативным отношением к украинскому правительству и тем событиям, которые происходили в братском государстве.

Литература

1. Паниотто В.И. Неразделенная любовь: отношение населения Украины к России и населения России к Украине (2008-2018). *Электронный ресурс.* URL:http://www.analitik.org.ua/otnoshenie-naselenija-ukrainy-k-rossii-i-naselenija-rossii-k-ukraine-fevral-2018 (дата обращения 9.03.2019).

2. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу / под ред. Н.А.Романович. Воронеж: ИОМ «Квалитас», 2004. № 12.
3. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу / под ред. Н.А.Романович. Воронеж: ИОМ «Квалитас», 2014. № 04.
4. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу / под ред. Н.А.Романович. Воронеж: ИОМ «Квалитас», 2018. № 05.
5. Паниотто В.И. Пресс- релиз. Як змінювалося ставлення населення України до Росії та населення Росії до України з квітня 2008 до травня 2016. URL: http://kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=632&page=1 (дата обращения 10.03.2019).

Росенко М.И.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. На основе анализа миграционных процессов в условиях современных глобализационных и геополитических сдвигов пересмотрены некоторые положения концепции о приоритетности религиозно-политических мотивов при миграции. Рассмотрены причины, обуславливающие миграционные процессы в современном мире, выделены основные факторы миграции, представляющие вызовы и угрозы для национальной безопасности.

Ключевые слова: миграционные процессы, трудовая миграция, государственная политика, национальная безопасность, политические конфликты.

Rosenko M. I.

MIGRATION PROCESSES IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY

Abstract. Based on the analysis of migration processes under the conditions of modern globalization and geopolitical shifts, some provisions of the concept of priority of religious and political motives in migration are revised. The causes of migration processes in the modern

world are considered, the main factors of migration that pose challenges and threats to national security are identified.

Keywords: migration processes, labor migration, state policy, national security, political conflicts.

Проблема миграции является одной из актуальных проблем мировой цивилизации. Каждое государство в тот или иной мере сталкивается с ней либо в качестве страны-донора, либо страны-реципиента.

Социальной движущей силой миграции является борьба личности за собственное самоутверждение в жизни, что гарантируется, защищается и охраняется международным правом. Принципы, обеспечивающие права и свободы мигрантов, определены во Всеобщей декларации прав человека [1], Международном пакте о гражданских и политических правах [2], Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации [3], Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах. [4], Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) [5] и др.

Факторы, под влиянием которых формируются и которыми обусловлены направления и масштабы миграционных процессов, могут носить комплексный характер, быть взаимозависимы и происходить под воздействием экономических, социальных, демографических, политических, военных, этнических, образовательных, экологических и других процессов. Выделить отдельные компоненты миграционного процесса, без влияния взаимообусловленных факторов не представляется возможным, чем актуализирована тема исследования причин возникновения и закономерностей развития миграционных процессов в современном мире. Несмотря на общие глобализационные тренды и геополитические и региональные проблемы, с которыми сталкивается большинство современных государств, каждое из них стремится выстраивать самостоятельную политику в отношении миграционных процессов, и которая максимально будет отвечать ее национальным интересам.

Реализуя право и возможность выбирать для себя место проживания и труда, то есть удовлетворить свои разнообразные потребности материального, профессионально-квалификационного и духовного характера, каждый гражданин принимает решение с учетом как субъективных так и обьективных причин. Иногда такое решение принимается в связи с наличием причин (политических

конфликтов, военных действий), независящим от человека. Первым и наиболее распространенным аспектом миграционных процессов является трудовая миграция. Эта проблема может быть рассмотрена в двух аспектах.

Главной составляющей трудовой миграций в современном мире является переселение вследствие экономических факторов, прежде всего временных перемещений с целью получения больших заработков. В таких миграциях решающую роль играет соотношение качества жизни в странах или регионах происхождения (проживания) и странах (регионах) направления.

Этому способствует промышленная революция и связанная с ней цифровизация экономики, развитие транснациональных корпораций, размещения значительной части производств в других странах (регионах), упрощение (отмена) процедур пересечения границ.

Другая важная проблема связана с демографическими процессами – стремительным процессом старения населения и отсутствием источников восполнения рабочей силы экономически развитых стран. На мировом рынке труда существует устойчивый спрос на нелегальную рабочую силу как самую дешевую и бесправную. Как правило, определенный сегмент рынка неквалифицированного труда (наиболее дискриминирован, неформальный, теневой) закреплен за мигрантами, в том числе нелегальными. Посредством притока такой рабочей силы заполняется горизонтальная, самая низовая структура на рынке труда.

Присоединение к международной миграции населения стран Восточной Европы и СНГ привело к ряду случаев, когда на нелегальную миграцию и нелегальное трудоустройство в другой стране отправляются лица, которые имеют высокий, но не востребованный в своем государстве уровень квалификации.

Дестабилизируя национальный рынок труда, нелегальные мигранты наносят финансовый ущерб государству-реципиенту. Массовые нарушения прав мигрантов, неприятие их представителями титульных наций, создают очаги напряженности в местах их концентрации, что негативно влияет на криминогенную обстановку в стране. Проблемы нелегальной миграции содержит такой криминогенный фактор как организация привлечение мигрантов для перемещения контрабандных товаров и торговли людьми, что представляет собой угрозу национальной безопасности. Он предполагает создание организованных преступных сообществ с

интернациональными связями, так как требуется создание системы переправки людей, обеспечения охраной, транспортом, подложными документами и используется международными организованными преступными группами как «инструмент» для увеличения масштабов и географии деятельности.

Еще одной из причин миграции является избегание из зон различных конфликтов, в стране постоянного проживания. По содержанию конфликты могут иметь территориальный или политический характер.

Политические причины вызывают миграции, возникающие в результате изменения политических режимов. Лицо, принадлежащее к оппозиционному лагерю, может быть физически или морально уничтожено. Поэтому политический мигрант может рассчитывать на свое возвращение на родину лишь тогда, когда преобразования, происходящие в государстве, снимут реальные угрозы его физическому существованию и создадут условия для реэмиграции. Международная защита политических мигрантов начинается с обеспечения государствами разрешения на въезд на свою территорию лиц, которые испытывают дискриминационные притеснения или преследования.

Еще одной причиной возникновения миграционных процессов являются вооруженные конфликты, которые порождают массовую нелегальную миграцию. Бархатные революции: Грузия – 2003; Украина – 2004; 2014; «Арабская весна» 2011 г., когда в результате массовых беспорядков были свергнуты правящие режимы в Тунисе, Египте, Ливии, Йемене, бомбардировки Югославии, Ливии, Сирии, способствовали массовому появлению беженцев, в том числе в Европу. Убегая от насилия в Ливии, Египте и Тунисе, тысячи жителей этих стран пересекают Средиземное море в поисках безопасного убежища. Протесты в арабском мире имеют негативные последствия как для экономики региона донора, так для региона реципиента. Приют большого количества беженцев потребует дополнительных затрат и как следствие наблюдается проблемы миграционной политики Европейского Союза, несогласие или ее неприятие большинством европейских государств.

Что касается форм интеграции переселенцев из других стран в принимающую страну, то в современных условиях все реже встречается ассимиляция [9]. Ассимиляция, как интеграционный процесс подразумевает постепенную адаптацию мигрантов к обычаям, ценностям, жизненным стилям и языку принимающей страны, как добровольно, так и вынужденной - под давлением

государственной миграционной политики. Этнополитические конфликты, вызванные формированием крупных иммигрантских общин, культурно чужеродных титульной нации [10] привели к необходимости признания коллективных прав, предоставляемых какой-либо определенной этнической группе, основные из которых: право на использование родного языка, сохранение культурных обычаев и на свободу вероисповедания [11].

Концепция мультикультурализма, предполагающая отход от восприятия мигрантов как временной рабочей силы, привела к появлению новой государственной миграционной политики, в основу которой заложены принципы недопущения любых форм дискриминации по национальному или расовому признакам, принципы сохранения расовой и этнической идентичности.

Несмотря на такие законодательно закрепленные принципы в законодательствах многих государств, упрощенные процедуры получения мигрантами гражданства страны пребывания, большинство из них не может и не хочет стать частью общества страны, которую выбрали в качестве нового места проживания [13].

Иммигрантские общины и коренные жители и в повседневной жизни не соприкасаются и ничего не знают друг о друге. Отсутствие коммуникаций даже на бытовом уровне порождает у них взаимный страх. Кроме того, дополнительным фактором в создании напряженности играет участие некоторых иммигрантов в экстремистских группах. Усиливающийся раскол в обществе трудно преодолим. Несмотря на попытки со стороны общин, со стороны политических партий и общественных организаций, наладить диалог между общинами практически не удается. Этому способствуют и массовые беспорядки: погромы, поджоги машин, столкновения иммигрантов с полицией, преступления против местных жителей, зачинщиками которых в ряде городов Англии, Германии, Франции были мигранты.

Существует опасность, что критическая масса недовольства может привести к инцидентам, дестабилизирующим гражданское общество. Как указывается в исследовании «точка кипения близка, и котел этнических и конфессиональных противоречий в Европе может взорваться в любую минуту, причем с непредсказуемыми последствиями» [8].

Нестабильность может создать благоприятные условия для формирования террористических группировок, которые используют эмигрантов с целями противоположными целям государственной политики.

В последние десятилетия активно стала использоваться древняя как мир концепция «пятой колонны», под которой понимаются политические лидеры или политические группы организованные вокруг религиозной или другой идеи, использующие специальные методы противодействия, целью которых является захват государственной власти или ее существенное ослабление, свержение законного правительства.

На рубеже XX и XXI веков произошла существенная трансформация приоритетов в миграционной политике, коренным образом изменились подходы и методы решения миграционных проблем. Однако, к этому времени заложены лишь базовые основы правового регулирования миграционных процессов, отвечающих требованиям современной социальной практики. Вместе с тем внимание государства к миграционным процессам сегодня является необходимым условием, с одной стороны, укрепления демократии и соблюдения прав человека, интеграции, а с другой стороны – укрепление безопасности страны.

Литература

1.Всеобщая декларация прав человека. [Электронный ресурс] - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 03.03.2019).

2.Международный пакт о гражданских и политических правах. [Электронный ресурс] - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ (дата обращения: 03.03.2019).

3.Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации. [Электронный ресурс] - URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml (дата обращения: 03.03.2019).

4.Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах. [Электронный ресурс] - URL: https://undocs.org/ru/A/RES/71/1 (дата обращения: 03.03.2019).

5.Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Электронный ресурс] - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения: 03.03.2019).

6.Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.) [Электронный ресурс] - URL:

http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/#ixzz3c1VDTHOl (дата обращения: 03.03.2019).

7.Егоров И. Скрытая угроза. В России предотвращено 16 терактов. URL: https://rg.ru/2017/04/11/reg-szfo/v-rossii-predotvrashcheno-16-teraktov.html

8.Миронцева А.В., Макунина И.В. Коррекция миграционной политики России на основе европейского опыта // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. - 2017. - Т. 13, № 9. - С. 1623 - 1640. https://doi.Org/10.24891/ni.13.9.1623.

9.Низамова Л.Р. Меньшинства, ассимиляция и мультикультурализм: опыт России и США // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. № 4. С. 222-233.

10.Романенко С.А. Межэтнические противоречия, региональное самосознание и политические союзы в южной части средней Европы в конце 19 - начале 20 веков // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2012. № 7. С. 39-49.

11.Савина П.Г., Антонио Н.Г.А. Мультикультурализм и миграционная политика: материалы XV научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Диалог цивилизаций: Восток - Запад». М.: Изд-во РУДН, 2015. С. 386-389.

12.Силантьева В. А., Регулирование миграционных процессов как основа национальной безопасности России. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 3. Часть 1. с. 22-27.

13.Сударкина Х.В. Критика и кризис мультикультурализма (философско-культурологические аспекты) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 3. С. 48-51.

Сенюшкин Е.А.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ТЕОРИИ Н.Я.ДАНИЛЕВСКОГО

Аннотация. В статье обосновывается положение о том, что являющаяся ключевым моментом в цивилизационной теории Н.Я.Данилевского идея культурно-исторических типов может использоваться при анализе геополитических рисков в системе цивилизационных факторов, имеющих экономический, политический, культурный и религиозный характер.

Ключевые слова: геополитические риски, цивилизационная теория, Н.Данилевский, цивилизационные факторы.

Senyushkin E.A.

GEOPOLITICAL RISKS IN TERMS OF N.I.DANILEVSKY'S CIVILIZATIONAL THEORY

Abstract. The article substantiates the thesis that N. Danilevsky's idea of cultural and historical types which is a key point in his civilizational theory can be used in the analysis of geopolitical risks in the system of civilizational factors having economic, political, cultural and religious character.

Keywords: geopolitical risks, civilizational theory, N.Danilevsky, civilizational factors.

Актуальность темы. В условиях обострения противоречий в современной мировой политической системе особое значение приобретают исследования, посвящённые анализу геополитических рисков, возникающих в системе взаимоотношений между крупными социально-культурными образованиями, строящимися на основе цивилизационной идентичности. Своевременность осмысления цивилизационной проблематики в контексте анализа рисков в системе международных отношений подтверждается выступлением Президента России В.В.Путина на открытии XXII Всемирного русского народного собора, который состоялся 1 ноября 2018 г. В своём выступлении В.В.Путин напомнил слова выдающегося русского мыслителя XIX века Николая Данилевского: «…ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтобы она представляла

высшую точку развития…». Развивая эту идею, В.В.Путин отметил, что «Сегодня понимание такой сложности развития цивилизаций служит фундаментальной основой для многополярного мира, для отстаивания принципов международного права» [2].

Цивилизационный подход к истории впервые наиболее полно был рассмотрен в теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. В дальнейшем идеи Данилевского получили развитие в работах О.Шпенглера, А.Тойнби, П.Сорокина, Н.Элиаса, Л.Февра, Ф.Броделя, Л.Гумилева.

Цель данного доклада – в обосновании положения о том, что геополитические риски можно изучать на основе применения цивилизационной теории Н.Я.Данилевского.

Анализ геополитических рисков предполагает учёт разнообразных факторов, как внутренних, так и внешних. Как отмечает И.Б.Эжиев, «такими факторами можно считать особенности политической ситуации в регионе, глобальные политические процессы, международную экономическую конъюнктуру, культурные, информационные и другие тенденции. Геополитические риски связаны с особенностями современных политических процессов, исторических традиций, географических, природно-климатических и иных условий, в которых они развиваются» [5, с. 50].

Опираясь на цивилизационную теорию Н.Я.Данилевского, геополитические риски целесообразно рассматривать в контексте цивилизационных вызовов. При этом следует согласиться с О.А.Митрошенковым в том, что «Ситуация в сфере взаимодействия цивилизаций выглядит структурно сложной и противоречивой» [3, с. 28].

К сожалению, цивилизационная теория Н.Я. Данилевского, изложенная им в работе «Россия и Европа» (1871 г.) не была по достоинству оценена ни его современниками в России, ни советскими исследователями. Напротив, в Европе книга Н. Я. Данилевского неоднократно переиздавалась, была переведена на ряд европейских языков. В 1964 г. Международное общество сравнительного изучения цивилизаций отметило выдающийся вклад Данилевского в разработку проблемы пространственно-временной локализации культуры [1].

В зарубежных исследованиях вклад Н.Данилевского в обоснование цивилизационной теории был всесторонне изучен благодаря В.Зеньковскому и П.Сорокину, а также современным исследователям, таким как М.Мастер, Г.Мюллер, С.Бажов и др.

Обзор современной российской литературы, посвящённой разнообразным аспектам творчества Данилевского, подтверждает актуальность не только его цивилизационных, но и геополитических идей, несмотря на то, что мнения и оценки авторов могут быть диаметрально противоположными.

Активно проявляется интерес к творчеству Н.Я.Данилевского в Крыму, где ученый провел последнюю треть своей жизни и был похоронен в ноябре 1885 года. Здесь же он писал свою известную книгу «Россия и Европа». При советской власти имя Данилевского было предано забвению. Его могилу залили бетоном и превратили в спортивную площадку. И только в мае 1995 г. на могиле был поставлен крест, а через два года установлен камень с надписью: «На сём месте 22 мая 1997 года в день памяти Перенесения мощей Святителя и Чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бари – заложен сей камень в фундамент будущей часовни и в знак увековечивания памяти великого славянского философа и учёного Николая Яковлевича Данилевского» [4].

Острые дискуссии в современных академических кругах вызывает совпадение концепции цивилизаций у Данилевского и Шпенглера. Как известно, Шпенглер имел в своей личной библиотеке книгу «Россия и Европа», и испытал значительное влияние русского ученого. Тем не менее, в «Закате Европы» он ни разу не сослался на Данилевского. И лишь благодаря В.Зеньковскому и П.Сорокину Данилевский стал восприниматься на Западе как первооткрыватель цивилизационного подхода и нового направления в социологии, предвосхитившего идеи О.Шпенглера, А.Тойнби и В.Шубарта.

Так как ключевым моментом цивилизационной теории Н.Я.Данилевского выступает идея культурно-исторических типов, использование этой теории позволяет рассматривать геополитические риски в системе цивилизационных факторов, которые имеют экономический, политический, культурный и религиозный характер.

Подводя итог сказанному, сформулируем *основные выводы:*

1.Согласно Н.Я.Данилевскому, культурно-исторические типы формируются на основе религиозных, культурных, политических, общественно-экономических факторов, а различия между культурно-историческими типами обусловлены особенностями условий развития и духовной жизни народов.

3. На основе изучения истории цивилизаций Данилевский сформулировал основные законы исторического развития,

объясняющие культурную целостность цивилизаций (языковая близость, политическая независимость, непередаваемость начал цивилизации от одного культурно-исторического типа к другому, разнообразие этнографических элементов).

4. Так как ключевым моментом цивилизационной теории Н.Я.Данилевского выступает идея культурно-исторических типов, использование этой теории позволяет рассматривать геополитические риски в системе цивилизационных факторов, которые имеют экономический, политический, культурный и религиозный характер.

5. В качестве перспективных направлений для дальнейших исследований заявленной темы можно указать на целесообразность как теоретических, так и прикладных исследований геополитических рисков в цивилизационном контексте.

Литература

1. Байбаков В.Ю., Пахомова А.Н., Крыгина Н.М. Россия в аспекте цивилизационной теории Н.Я.Данилевского // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 5.; URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7021.
2. Выступление Президента России В.В.Путина на открытии XXII Всемирного русского народного собора // http://www.patriarchia.ru/db/text/5295161.html
3. Митрошенков О.А. Цивилизационные вызовы и управленческие ответы в начале XXI века // Социология власти. 2011. № 5. С.21-32.
4. Русский гений: Н.Я.Данилевский // http://www.kryminfo.net/russkij-genij-danilevskij/
5. Эжиев И.Б. Геополитический риск: предмет, объект, классификация, анализ, прогнозирование // Власть. 2011.№ 1. С. 50-53.

Сенюшкина М.А.

КУЛЬТУРА И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические основы культуры, выражающие способы формирования политического пространства человеческого общества и отражающиеся в материальных и духовных интересах человека в современном мире. Уделяется особое внимание критериям оценки воздействия культуры на формирование политического статуса человека.

Ключевые слова: культура как свойство проявления сущности человека, политическое пространство как сфера проявления культуры, духовные потребности, материальные интересы, политический статус.

Senyushkina M.A.

CULTURE AND ITS ROLE IN SHAPING THE POLITICAL SPACE AND SOCIAL TIME IN THE MODERN WORLD

Abstract. The article deals with the theoretical foundations of culture, expressing the ways of formation of the political space of human society and reflected in the person’s material and spiritual interests in the modern world. Special attention is paid to the criteria of assessing the impact of culture on the formation of political status.

Keywords: culture as a property of human essence manifestation, political space as a sphere of culture manifestation, spiritual needs, material interests, political status.

Времена меняются, и мы меняемся с ними.

В современных условиях развития общества особое внимание ученых и политиков уделяется вопросам развития культуры как фактора интеллектуального роста человеческого потенциала регионов и отдельных государственных формирований.

Однако нужно отметить, что в современной интерпретации культуры имеют место многосторонние подходы к раскрытию сущности этого феномена. В связи с этим возникает необходимость в научном обосновании теории и практики развития культуры в

современном мире, и изучение ее роли в формировании политического пространства и социального времени.

В энциклопедических изданиях культура рассматривается как «совокупность материальных и духовных ценностей, созданных и развитых человечеством в ходе его истории» [1]. В словаре иностранных слов термин культура рассматривается с 3-х позиций. При этом первая позиция определяет понятие культуры как совокупность достижений человечества во всех областях жизни материальных и духовных; 2) общая характеристика развития определенных исторических эпох, народов, наций, стран; 3) уровень, степень развития в каком-либо виде деятельности; степень образованности, просвещенности» [2, с. 121].

Исходя из рассмотренных выше интерпретаций понятия культуры автором поставлены задачи по исследованию теории культуры в современном мире, с учётом формирования социального и политического пространства и влияния культуры на сферу формирования человеческого интеллекта в обеспечении собственного жизненного пространства.

В процессе исследования заявленной темы использованы методы научного анализа: абстрагирование, теория относительности в оценке влияния культуры на формирование политического и социального пространства в современных условиях. В исследовании изложена авторская точка зрения, которая может быть использована в дальнейших научных дискуссиях.

Проведенные исследования показали, что культура рассматривается как сфера деятельности в проявлении творческих способностей человека в различных формах жизнедеятельности общества. Поэтому продуктом жизнедеятельности является отражение достижений человека, отдельных наций, национальностей, а в историческом отражении - отдельных эпох, территорий и государств.

В этой связи нужно отметить, что продуктом культуры являются результаты творческой деятельности под влиянием определенных ценностей, формирующихся в условиях человеческого взаимодействия на различных уровнях социального и политического пространства. Так, в отражении национальной культуры отдельных народов и наций они проявляются в виде традиций, обычаев и других способов проявления национальных отношений и правил поведения человека в жизнеобеспечении общества. Это касается обычных условий жизнеобеспечения человеческого потенциала.

В современных условиях уделяется большое внимание общественной культуре наций в отдельных регионах России. Трансляция по телевидению и освещение в других средствах массовой информации позволяет рядовому человеку иметь представление о формах проявления национальной культуры народов и наций России. При этом проявляется особая роль гражданской идентичности.

Проведение фестивалей и других форм активизации национальных культур позволяет расширять кругозор в процессе познания культуры народов в проявлении творческих способностей в форме исполнительского мастерства, талантливости отдельных творческих лиц и коллективов: хорового сольного и других форм песенного мастерства. В этой связи культура проявляется как национальная и при этом выражает определенные формы гражданской идентичности.

Иными словами, в этих свойствах проявляется содержание культуры и ее политическое воздействие на массовое сознание. Наряду с содержанием культуры проявляются и формы культуры, которая выражается как материальная и духовная. Продуктом материальной культуры является конкретный продукт творческой деятельности, а именно - формы застывшего труда: предметы скульптуры, архитектуры, украшений, изобразительного искусства, литературных изданий и других форм материальной культуры. Они, как правило, являются отражением эпох и народов, стран и территорий, представляют материальные ценности и формируют нравственный облик человека при ознакомлении с историческими ценностями и создают эстетический эффект формирования личности.

Духовная культура проявляется в форме идеологии и религии. Идеология выражает коллективное массовое сознание человеческого сообщества. Она (идеология) зависит от формы проявления политического устройства государства. Идеология является формой проявления культуры в интересах формирования общественного сознания, в зависимости от уровня развития производительных сил и производственных отношений, сложившихся на определенном историческом этапе развития наций, территорий и государств.

Так, в условиях строительства социализма в СССР идеология была направлена на обеспечение экономии общественного труда, и культура служила этим интересам путем проявления творческих способностей коллективов художественной самодеятельности, материальные затраты на развитие которых осуществлялись за счет

финансовых ресурсов трудовых коллективов, посредством формирования государственных источников финансирования.

С изменением развития формирования производительных сил, основанных на частной форме собственности на средства производства, изменились условия проявления культуры в сфере общественной жизни. На смену идеологии пришла религия, как форма проявления сущности человека в общении с Богом. Взамен домов культуры и центров художественной самодеятельности во всех населенных пунктах стали создаваться духовные центры - церкви, мечети и другие культовые сооружения, в зависимости от формы религиозных верований.

Проведенный анализ показал, что культура это есть свойство проявления человека в удовлетворении материальных и духовных потребностей в интересах интеллектуального роста. (М.С.)

Выводы:

1. Культура является индикатором социального пространства в сфере проявления социальных интересов в части формирования производительных сил общества, а именно производства средств производства и предметов потребления. Формы проявления культуры зависят от действия политического и социального пространства, классовой структуры общества, а именно, владельцев собственности на средства производства и рабочей силы.
2. Культура выражает свойства проявления сущности человека в удовлетворении материальных и духовных потребностей в интересах интеллектуального роста и отражает уровень образованности, физической зрелости. По форме культура проявляется как материальная и духовная, при этом обе формы культуры отражают особенности исторических ценностей и эпох.
3. Материальная культура концентрируется в предметах различных эпох, путем создания музеев и иных хранилищ исторических ценностей, отражающих содержание культуры эпох, национальных и политических особенностей народов и наций. Культура проявляется как материальная в форме отражения эстетических свойств в создании объектов производительных сил в форме архитектуры, применения изобразительного искусства: скульптуры, живописи и других форм художественного и изобразительного отражения продуктов труда: зданий, сооружений, парков, скверов и мест массового отдыха человеческого сообщества.
4. Культура как индикатор формирования социального пространства проявляется в формировании таких показателей:

образованности населения, наличия объектов социальной культуры по факту использования соответствующих объектов культуры: театров, концертных площадок, музеев и других объектов, способствующих повышению уровня нравственности человека, и, в первую очередь, современной молодежи в интересах формирования семьи и совершенствования взаимоотношения поколений в коллективной среде.

5. Политические свойства культуры определяются особенностями политической системы, выражающей интересы общества на определенной ступени развития государства, в зависимости от целей политического устройства. Политическое пространство определяется сферой действия политических решений, принятых органами власти, общественных движений и партий.

6. Общее понятие культуры может определяться через свойства развития конкретных объектов природы и общества. К ним относятся – культура труда, власти, технологий производства и т.д.

Литература

1. Малая советская энциклопедия. Т. 5. М.: Государственное научное издательство «Большая советская энциклопедия» // http://publ.lib.ru/ARCHIVES/S/Sovetskaya_Enciklopediya/_Sovetskaya_Enciklopediya.html.

2. Новый иллюстрированный словарь иностранных слов с приложениями. Под редакцией В.Бугромеева. – М.: Деконт+, 1998. – 304 с.

Сенюшкина Т.А.

ТРАДИЦИОННЫЙ ПРАЗДНИК В КУЛЬТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И СОЦИАЛЬНОМ ВРЕМЕНИ: КРЫМСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Аннотация. Традиционный праздник как социально-культурный феномен является своеобразным индикатором состояния форм социальной самоорганизации, способных обеспечить преемственность коллективных ценностей и представлений, отражающихся в культурно-символическом пространстве и социальном времени. Крым как полиэтничный и поликонфессиональный регион характеризуется многосоставной

структурой традиционных праздников, основу которых составляют религиозные праздники. Традиционными для Крыма становятся новые политические праздники, которые связаны с воссоединением Крыма с Россией. Исследование религиозных и политических праздников в общем культурно-символическом пространстве и социальном времени Крыма позволяет на исследовательском уровне выявить механизмы идентификационных практик, как устоявшихся, так и вновь образующихся.

Ключевые слова: традиционный праздник, коллективные ценности, Крым, идентификационные практики, культурно-символическое пространство, социальное время.

Senyushkina T.A.

TRADITIONAL HOLIDAY IN THE CULTURAL AND SYMBOLIC SPACE AND SOCIAL TIME: THE CRIMEAN DIMENSION

Abstract. Traditional holiday as a socio-cultural phenomenon is a kind of indicator of the state of forms of social self-organization that can ensure the continuity of collective values and ideas reflected in the cultural and symbolic space and social time. Crimea as a multi-ethnic and multi-confessional region is characterized by a multi-component structure of traditional holidays, which are based on religious holidays. New political holidays, which are connected with the reunification of Crimea with Russia, are becoming traditional for Crimea. The study of religious and political holidays in the general cultural and symbolic space and social time of the Crimea allows to reveal the mechanisms of identification practices, both established and newly formed, at the research level.

Key words: traditional holiday, collective values, Crimea, identification practices, cultural and symbolic space, social time.

Статья выполнена в рамках поддержанного Минобрнауки России проекта № 28.12882.2018/12.3 «Мониторинг этноконфессиональной ситуации в полиэтничных регионах Российской Федерации на основе модели Распределённого научного центра межнациональных и религиозных проблем, анализ конфликтного и интеграционного потенциала межэтнических и миграционных отношений в Южном федеральном округе (Республика Крым и город федерального значения Севастополь».

В условиях виртуализации повседневности современного человека происходит кардинальная трансформация коллективных форм организации жизненного пространства. В этой связи такой социально-культурный феномен как праздник становится своеобразным индикатором состояния форм социальной самоорганизации, способных обеспечить преемственность коллективных ценностей и представлений, отражающихся в культурно-символическом пространстве и социальном времени.

Праздник как символический продукт культуры, посредством которого выстраивается символическая картина мира, исследован в трудах зарубежных авторов, таких как А. ван Геннеп, Э. Дюркгейм, Э. Тайлор, В. Тернер, Дж. Фрейзер. В числе российских исследователей отметим вклад в разработку этой темы А. Байбурина, В. Ереминой, И. Суханова, В. Топорова, Д. Угриновича и др.

Целью данной статьи является исследование феномена традиционного праздника в культурно-символическом пространстве Крыма.

Начнём с этимологии термина «праздник». Как отмечает Вереитинова Т.Ю. «в славянской группе языков, слово праздник обозначается по-разному и имеет в одном случае корень «праз» (в устаревшем варианте «празъ») а в другом – корень «свят». В русском языке – «праздник», в сербском – «празник», в украинском – «свято», в белорусском – «свята». В белорусском и украинском языках обозначение слова праздник – «свято» и «свята» неотделимы от священного, сакрального, а в более позднем варианте от религиозного смысла» [1, с. 151]. По всей вероятности, погружение в этимологическую историю слова «праздник» неизбежно приведёт нас к церковно-славянской модели словообразования, сущность которой проявляется в повседневной цельности религиозного мировоззрения. Продвигаясь далее в этом направлении, наша теоретическая рефлексия окажется перед неизбежным раздвоением осмысления феномена праздника с точки зрения двух несовпадающих проекций: религиозной и секулярной.

Как известно, Крым – многонациональный регион. Здесь проживают представители более 150 национальностей. В религиозном смысле палитра Крыма также разнообразна. Среди наиболее многочисленных конфессий, представленных в Крыму, особо следует отметить православие, ислам, армянскую апостольскую церковь и иудаизм.

С 2014 г., после того, как Крым вернулся в состав России, главные религиозные праздники не только празднуются на высоком уровне, но и официально объявляются выходными днями для всех крымчан вне зависимости от национальной и религиозной принадлежности.

Глава Республики Крым Сергей Аксенов подписал указ об объявлении нерабочих дней, связанных с отмечаемыми на полуострове религиозными праздниками. Документ опубликован на официальном сайте Совета министров РК. В соответствии с частью седьмой статьи 4 Федерального закона от 26 сентября 1997 года №125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», статьѐй 2 Закона Республики Крым от 29 декабря 2014 года №55-ЗРК/2014 «О праздниках и памятных датах в Республике Крым» были объявлены нерабочими праздничными днями главные православные и мусульманские праздники: Светлое Христово Воскресение, День Святой Троицы, Ораза-байрам, Курбан-байрам.

Кроме религиозных праздников, в культурно-символическом пространстве традиционных праздников в Крыму, начиная с 2014 года важное значение стали играть новые политические праздники и памятные даты, которые связаны с воссоединением Крыма с Россией. В этой связи Государственный совет Крыма 27 февраля 2015 года внес изменения в закон «О праздниках и памятных датах Республики Крым», установив, что 18 марта становится официальным праздником, выходным днем и ежегодно будет отмечаться как День воссоединения Крыма с Россией.

Согласно изменениям в указанном законе, 16 марта - день проведения референдума о будущем Крыма – был исключен из числа праздников и объявлен памятной датой. Также памятными датами в республике объявлены: 8 апреля - День начала Крымской наступательной операции 1944 года по освобождению Крыма от фашистских захватчиков; 19 апреля - День издания манифеста Екатерины II о вхождении Крыма в состав России; 18 мая - День памяти жертв депортации; 9 сентября - День памяти воинов, павших в Крымской войне 1853 - 1856 годов; 11 декабря - День памяти крымчаков и евреев Крыма - жертв нацизма.

Ко Дню народного единства в Крыму традиционно проходит Республиканский фестиваль «Соцветие культур Крыма». Это мероприятие за годы проведения стало брендом Крыма, символом его многонациональности. Так, в заключительном гала-концерте 3 ноября 2018 года приняли участие около 40 творческих коллективов и солистов, а всего в отборочных региональных

конкурсах — более 120. Для зрителей были исполнены армянские, белорусские, болгарские, греческие, грузинские, еврейские, караимские, корейские, крымскотатарские, немецкие, русские, узбекские, украинские, эстонские песни и танцы, композиции других народов. Гостей мероприятия также порадовали выставка декоративно-прикладного искусства, дегустация национальных блюд и напитков, мастер-классы, которые подготовили национально-культурные автономии Крыма.

Крымско-татарские традиционные праздники

Традиционным и объединяющим для всех крымчан стал национальный крымско-татарский праздник *Хыдырлез* - древний тюркский праздник земледелия, посвященный завершению весенних полевых работ и отгону скота на летние пастбища. Праздник традиционно отмечают танцами, песнями, народными гуляниями, играми, соревнованиями по национальной борьбе куреш.

В честь традиционного праздника земледелия Хыдырлез в Бахчисарае 5 мая 2018 г. прошли массовые гуляния, в которых приняли участие более 55 тысяч крымчан – представителей разных национальностей.

В день осеннего солнечного равноденствия в Крыму отмечают крымско-татарский праздник *Дервиза.* Этот праздник знаменует начало осени и уборки урожая. В переводе с крымско-татарского языка «Дервиза» значит – «вхожу в новый мир». Обычно перед праздником проводят генеральную уборку дома и двора. Хозяйки готовят национальные праздничные блюда (хлебцы, кобете и др). Девушки рассеивают золу на поле, в саду, в огороде и виноградниках. Мальчики во время этого очищают хлева и окуривают их дымом. Праздник сопровождается национальной борьбой – куреш, танцами, песнями, чтением стихов. Завершает праздник танец хоран.

«Дервиза» запомнился крымчанам ещё и тем, что в этот день в пгт Гвардейское Симферопольского района ежгодно проходит районный фестиваль крымско-татарской культуры и творчества. Участники мероприятия знакомятся с традициями праздника Дервиза, посещают выставки, где представлены предметы материальной и духовной культуры крымских татар, слушают песни на крымскотатарском языке, знакомятся с народными танцами и играют в национальные игры. Для маленьких гостей праздника работают аттракционы, аниматоры, а также предлагаются сладкие угощения. Тем временем взрослые имеют возможность посетить сельскохозяйственную ярмарку и ознакомиться с работами

декоративно-прикладного искусства мастеров Регионального творческого объединения «Орьнек».

Традиционно ближе к полудню прямо под открытым небом готовится плов для всех гостей мероприятия. На главной сцене фестиваля проходит праздничный концерт с участием лучших творческих коллективов Симферопольского района, а также артистов Крымско-татарского государственного академического музыкально-драматического театра и фольклорного ансамбля «Къырым». В рамках праздничной программы проводится конкурс изобразительного искусства «Алтын кузь» («Золотая осень»). В течение дня на площадке мероприятия проходит турнир по национальной борьбе Куреш. Кульминацией праздника является массовый танец «Хоран» в исполнении всех участников мероприятия.

Армянские традиционные праздники

В июле на территории армянского монастыря Сурб Хач, который находится в живописных окрестностях города Старый Крым, отмечают традиционный армянский праздник *Вардавар.* Монастырь Сурб Хач является одним из главных духовных центров армян Крыма. Сурб Хач (в переводе с армянского языка – «Святой Крест») интересен своей древней историей (монастырь основан более шести с половиной веков назад – в 1358 году). Это единственный действующий армянский монастырь на территории Крыма.

Вардавар регулярно празднуется в Крыму как организованный церковный и народно-фольклорный праздник с 1994 года. Прежде всего, Вардавар - это христианский праздник (Преображение Господне), но по своим народным традициям, которые уходят своими корнями в дохристианский период, он напоминает праздник Ивана Купалы. Празднование Вардавара состоит из нескольких частей. Сначала - Божественная литургия в храме на территории монастыря, затем благотворительный обед для всех желающих, концерт с участием музыкантов, а также выступление хореографического ансамбля «Арарат», в исполнении которого можно увидеть грузинские и армянские танцы. Во время концерта исполняется игра на дудуке – традиционном армянском музыкальном инструменте. Одной из особенностей Вардавара является то, что в этот день принято поливать друг друга водой (считается, что изначально праздник был связан с культом богини Астхик, которая одновременно является богиней любви и воды). В организации праздника традиционно принимают участие армянские

национально-культурные автономии регионального и местного уровня.

Античное культурное наследие в системе традиционных праздников Крыма

С 8 по 13 июня 2018 года в Керчи состоялся Международный фестиваль античного искусства «Боспорские агоны». Участники фестиваля прибыли в Крым из различных регионов России, Греции, Казахстана, Германии, Беларуси, Израиля. Площадкой фестиваля стал Восточно-крымский историко-культурный музей-заповедник. Традиционно фестиваль состоял из нескольких тематических страниц: театральной, литературной, музыкальной, музейной и киностраницы. В дни фестиваля также прошли творческие встречи с режиссерами кинофильмов, актерами театра и кино. В историко-археологическом музее и картинной галерее открылись новые выставки, для учащихся музыкальных школ Керчи участники фестиваля провели мастер-классы, на музыкальных площадках города выступили уникальные оркестры из Екатеринбурга.

Сотрудники ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» организовали исторический квэст на улицах города. Участники фотопленэра все дни фестиваля имели возможность запечатлевать на своих фотографиях самые яркие события и эмоции участников и гостей торжества и в день закрытия фестиваля пригласили керчан оценить их мастерство на специальной фотовыставке. За годы существования фестиваля «Боспорские агоны» его настоящей визитной карточкой стали Торжественные церемонии открытия и закрытия фестиваля. Юбилейный фестиваль 2018 года не стал исключением - масштабные тематические постановки порадовали и вдохновили многочисленных гостей и друзей фестиваля.

Подводя итог сказанному, отметим, что исследование рассмотренных выше традиционных праздников в общем культурно-символическом пространстве и социальном времени Крыма позволяет на исследовательском уровне выявить механизмы идентификационных практик, как устоявшихся, так и вновь образующихся.

Выводы.

Традиционный праздник как социально-культурный феномен является своеобразным индикатором состояния форм социальной самоорганизации, способных обеспечить преемственность коллективных ценностей и представлений, отражающихся в культурно-символическом пространстве и социальном времени.

Крым как полиэтничный и поликонфессиональный регион характеризуется многосоставной структурой традиционных праздников, основу которых составляют религиозные праздники. Наряду с этим, традиционными для Крыма становятся новые политические праздники, которые связаны с воссоединением Крыма с Россией.

Исследование религиозных и политических праздников в общем культурно-символическом пространстве и социальном времени Крыма позволяет на исследовательском уровне выявить механизмы идентификационных практик, как устоявшихся, так и вновь образующихся.

Литература

1. Вереитинова Т.Ю. Праздник как феномен и концепт антропологии культуры // Наука. Искусство. Культура. 2015. Вып. 4(8). С. 150-167.
2. Орлов О.Л. Праздничная культура России / О.Л. Орлов; М-во культуры Рос. Федерации. С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств. - СПб. : КультИнформПресс, 2001. 159 с.
3. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крыму. Экспертный доклад за первое полугодие 2018 года / ред. Сенюшкина Т.А., Степанов В.В., Старченко Р.А. – Москва-Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018 с. 63 с.

Сидоренко В.А., Омельчук Д.В.

К ВОПРОСУ О ПЛАНАХ СОЗДАНИЯ ЕВРЕЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В КРЫМУ

Аннотация. В статье рассматривается процесс еврейской колонизации Крыма и возможности создания на его территории еврейской республики в годы второй мировой войны. Приводятся аргументы сторонников и противников такого решения. Судьба Крыма решалась на самом высоком уровне и без какого-либо участия самих крымчан.

Ключевые слова: еврейские поселения, Агро-Джойнт, антисемитизм.

Sidorenko V.A., Omelchuk D.V.

ON THE ISSUE OF PLANS TO CREATE THE JEWISH REPUBLIC IN CRIMEA

Abstract. The article discusses the process of Jewish colonization of the Crimea and the possibility of creating the Jewish republic on its territory during the Second World War. Arguments of supporters and opponents of such a decision are presented. The fate of Crimea was defined at the highest level and without any participation of the Crimeans themselves.

Keywords: Jewish settlements, Agro-Joint, anti-Semitism.

1944 год стал поворотным в истории Крыма по количеству событий, изменивших его судьбу. Во-первых, это освобождение от нацистской оккупации. Во-вторых, радикальные перемены в составе населения, вызванные, прежде всего, депортацией крымскотатарского народа, а также армян, греков, болгар. На самом высоком властном уровне решался вопрос о путях дальнейшего развития полуострова. Быть ему и далее республикой, если да, то какой, или стать обычной областью в составе РСФСР. Итог известен: в 1945 году Крымская АССР была преобразована в область. Но существовал и иной вариант - создание на территории полуострова еврейской республики.

Определённые основания для этого были. В первой половине двадцатого века на международном уровне рассматривался вопрос о создании еврейского государства. Место окончательно ещё не было определено. Рассматривался вариант и на территории СССР. В 20-е годы властями поддерживалась еврейская колонизация Крыма. Не исключался вариант государственности, хотя бы на уровне автономии.

В 1924 г. советское правительство заключило договор с организацией Агро-Джойнт (American Jewish Joint Agricultural Corporation), созданной по постановлению американской еврейской организации Джойнт. По договору Агро-Джойнт проводил расселение еврейских семей на свободные земли в Крым. За 14 лет деятельности (1924-1938 гг.) Эта организация вложила в переселение евреев примерно 15 000 000 долларов. Для правительства СССР это было очень большой суммой [2]. Переселению оказывало сопротивление татарское руководство Крымской АССР. Агро-Джойнт пытался уладить конфликт и

выделял средства и на татар. Так, в 1926 г. около 25% бюджета Агро-Джойнта в Крыму было выделено на помощь татарскому населению [2]. Однако какой была ответная реакция и была ли она вообще, сведений найти не удалось.

В 1937 г. в 85 еврейских колхозах было 4502 хозяйства, население 16 тысяч человек. Колхозам было выделено 158000 га, том числе 107000 га пахотной земли [3].

По состоянию на 01.01.1930 г. евреи в Крыму были четвёртой по численности группой, составлявшей более 10% населения [1, с. 278-279].

На территории Крымской АССР были созданы три еврейских национальных района, но дальше дело не пошло. Еврейская республика в Крыму не была создана. Напротив, начался процесс постепенного свёртывания проекта, что привело к упадку еврейских поселений.

Среди причин можно выделить следующие:

1. Евреи не были аграрным народом. Многие предпочитали переселиться в города, индустриализация способствовала этому. Вновь образованные колхозы были слабыми в материальном и организационном отношении, снизилась мотивация к напряжённому труду. До 1939 г. около 50% евреев, работавших в сельском хозяйстве, покинули село.

2. «Биробиджанский проект».

«Биробиджанский проект» появился в 1928 г. и власти приступили к его реализации. Кремль, под лозунгом недопущения обострений межнациональных конфликтов в Крыму, предлагал евреям переселиться в противоположную часть страны, отделенную десятью тысячами километров. Постепенное свёртывание «Крымского проекта» началось в 1927 г., несмотря на то, что на этот год приходится наибольшее количество переселенцев в Крым. Власти действовали осторожно, чтобы не потерять финансовую помощь Агро-Джойнта. В последующие годы роль Крыма продолжала падать. Почти все средства, направленные на организацию еврейских земледельческих поселений в Крыму, отсылались в Биробиджан. Это не в последнюю очередь явилось причиной многих возникших проблем у переселенцев на полуострове.

3. Сокращение финансирования из-за границы.

В 1929 г. разразился мировой экономический кризис. Финансирование зарубежными еврейскими благотворительными

организациями, в т.ч. и Агро-Джойнтом резко снизилось. Это привело к падению интереса к проекту у советских властей.

4. Борьба с национализмом и репрессии.

В СССР на смену политике «коренизации» пришла жёсткая «борьба с национализмом», являющаяся её полной противоположностью. Отношение к иностранцам и контактам за границей резко изменилось. Первыми на себе это ощутили советские немцы после прихода в Германии к власти нацистов. В полной мере это коснулось сотрудников Агро-Джойнта. Практически всё его руководящее ядро и его отделений в Крыму было репрессировано по обвинению в национализме и шпионской деятельности. Преследованию подверглись и рядовые сотрудники-инженеры, агрономы, врачи. Были ликвидированы ОЗЕТ и КомЗЕТ, а большинство их сотрудников репрессированы.

Казалось, тема закрыта навсегда, но к ней вернулись. В 1942-1945 годах «еврейский вопрос» обсуждался союзниками по антигитлеровской коалиции. Он вошёл в повестку дня как внешней, так и внутренней политики страны. В Кремле, как утверждает П. Судоплатов, рассчитывали получить значительные средства на восстановление народного хозяйства под видом помощи еврейскому населению СССР [5, с. 460].

Как и в 20-е годы интересовала не столько судьба народа, сколько решение общегосударственных задач, речь шла о больших деньгах. По утверждению того же источника со ссылкой на президента американской торговой палаты Э. Джонстона, последний в июне 1944 г. обещал Сталину до 10 млрд. долларов [5, с. 468-469]. По тем временам это колоссальная сумма, для сравнения план Маршалла по восстановлению Европы предусматривал 21 млрд. долларов. Ради этого Сталин был готов даже скрыть своё раздражение требованиями советских евреев по улучшению условий их проживания после возвращения из эвакуации. По предложению В. Молотова руководство ЕАК подготовило письмо Сталину с предложением создать в Крыму еврейскую республику. В пользу такого решения, казалось, была и демографическая ситуация в Крыму - летом 1944 г. там оставалась всего треть довоенного населения - 376 тыс. чел (в разных источниках приводятся и другие цифры, но все они близки к указанной).

Евреев, правда, были всего единицы - они практически полностью были уничтожены в период оккупации. Решение вопроса о создании еврейской республики было отложено до конца войны, но больше к нему не возвращались. Тому было несколько причин.

На западе определились с местом создания еврейского государства и оно было не на территории СССР. На обещанную финансовую помощь рассчитывать уже не приходилось. Поэтому интерес к теме сразу угас. В целом международная обстановка изменилась, подули ветры холодной войны и восстанавливать страну надо было только собственными силами. К тому же пассивно ждать денег и переселенцев в Крыму не могли - имеющегося населения не хватало для жизнеобеспечения полуострова. Поэтому ещё до окончательного решения вопроса о еврейской республике руководство страны приняло решение о заселении Крыма переселенцами из других районов страны. 12 августа 1944 года ГКО СССР принял постановление «О переселении колхозников в районы Крыма» [4, с.87], положив начало длительному периоду трудовой миграции на полуостров.

Следовательно, решения высших органов власти Советского государства, принятые в 1944 году, имели в отношении Крыма судьбоносное значение. Оно было бы таким в любом случае, как при принятии первого варианта - создания еврейской республики, так и во втором.

Трудно судить, насколько реалистичным был первый вариант, но на определённых этапах он серьёзно рассматривался в высших эшелонах власти. Крым должен был стать совершенно иным, не таким как до войны, и он действительно таким стал. Его новые жители, приехавшие сюда из самых разных регионов страны, привнесли свою культуру, производственные навыки. Произошло взаимообогащение культур, местной и прибывшей. Радикально изменилась топонимика, языковая среда, духовная сфера, а со временем и внешний облик Крыма. Всё это породило ещё большую специфику региона, его непохожесть на иные территории страны, что стало фактором его долговременного значения, сохраняющегося и поныне.

Литература

1.Крымская АССР (1921-1925). Сост. Горбунов Ю. И. – Симферополь,1990.

2.Марчуков А. Еврейское крестьянство: миф или реальность? Еврейская сельскохозяйственная колонизация. Проблемы межнациональных отношений в УССР в 1920-е годы. // Россия XXI. 2002. № 4. [Электронный ресурс]: http://www. Russia-21/ru//XX1/RUS_21/ARXIV/2002/marchukov_2002_4htm)

3.Пащеня В. Переселенческая политика в Крымской АССР в 1920-1930-х гг. Опыт проведения, проблематика, пути решения // Культура народов Причерноморья. 2005. № 65.

4.Сеитова Э. Переселенческий билет: Трудовая миграция в Крым (1944-1976) / Под ред. А. А. Непомнящего. – Симферополь, 2013.

5.Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930-1950 годы. – М., 2001.

Силаева З.В.

«ФАКТОР ИДЕНТИЧНОСТИ» В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ

Аннотация. Статья посвящена изучению этнополитических конфликтов в мире, связанных с динамикой идентичности и кризисом национальных государств. Автор приходит к выводу, что этнополитические конфликты – это последствия политической трансформации и неотъемлемая часть национального самоопределения.

Ключевые слова: идентичность, этнополитический конфликт, этнос, самоопределение, идеология.

Silayeva Z.V.

“IDENTITY FACTOR” IN MODERN ETHNO-POLITICAL CONFLICTS

Abstract. The article is devoted to the study of ethno-political conflicts in the world related to the dynamics of identity and the crisis of national states. The author concludes that ethno-political conflicts are the political consequences of political transformation and an integral part of national self-determination.

Keywords: identity, ethno-political conflict, ethnos, self-determination, ideology.

Демонтаж колониальной системы, распад Советского Союза, Югославии и коллапс, возникший в результате трансформации политического пространства, практически по всему миру привел к обострению этнополитических конфликтов и активизации «фактора

идентичности», включающего в себя сложившиеся в обществе социокультурные связи, нормативные установки, образ мышления, психологию и т.д. Политическая трансформация, происходящая в условиях центростремительных и центробежных процессов, лишь способствовала обострению вопросов, связанных с самоопределением и обретением или сохранением собственной государственности.

Значимость фактора идентичности в тот период может быть обусловлена несколькими причинами. Во-первых, искажением национального самосознания, связанного с идеологическим разочарованием и потерей веры в единую политическую мощь, а как следствие, поиском новых ценностных ориентаций или возвратом к истокам. Во-вторых, с необходимостью выработки новой модели общественного развития, а зачастую и построением новой национальной идентичности, связанной с новым историческим этапом развития. В-третьих, необходимостью переосмысления полиэтничности и поликонфессиональности вновь образуемых государственно-территориальных образований. В итоге политическая трансформация привела к формированию гипертрофии идентичности как одного из способов преодоления ощущения своей неполноценности отдельными этносами и народами и, как следствие, не только к стремлению занятия своего места в иерархии этносов, но и к обретению своего политического статуса.

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена сохранением и преумножением этнополитических конфликтов и тем, что с тех пор эти противоречия лишь усиливаются, и не дают шанса для выработки новых жизнеспособных соглашений, которые могли бы предотвратить внутреннюю фрагментацию «проблемных» территорий и снизить угрозы как национальной, так и международной безопасности.

Это в очередной раз доказывает, что этнополитические конфликты относятся к трудноуправляемым разновидностям общественных столкновений. Сегодня в разных уголках мира мы можем наблюдать их последствия: открытое насилие, человеческие жертвы, неконтролируемые потоки беженцев, разрушения социально-экономической и политической инфраструктуры.

Это способствует появлению новых политико-территориальных образований, уже находящихся в политическом пространстве и пытающихся найти свое «государство - «патрон»», поддерживающий их экономически, даже не осознавая зависимости, в которую они попадают и последствия, к которым это может

привести. Как правило, это раскол общества и формирование непримиримых враждебных лагерей на своей территории, для которых характерны постоянные насильственные действия друг против друга и борьба до победного конца по стратегии «выигрыш-проигрыш», что нередко выгодно третьей стороне.

Подобные конфликты уже сложно связать со сложносоставными обществами, которые, по мнению многих ученых, предрасположены к насильственным конфликтам [1, p. 71]. Более того, в этих условиях их сложно рассматривать и как стадию в развитии процесса самоопределения отдельных народов или стадию этнополитического развития. Так как это уже не эволюция и не ступенчатое развитие, а целенаправленный сконструированный и управляемый процесс.

Этнокультурная и конфессиональная идентичности не являются сами по себе источником, первопричиной противоречий и конфликтов, однако формируют среду, в которой эти конфликты разворачиваются. В то же время политические ошибки, непродуманная демаркация границ, неконтролируемые миграционные потоки приводят к взаимодействию идентичностей, которые могут обострять отношения между различными этническими и религиозными общинами, а социальные травмы прошлого активизировать ненависть и вражду.

В то же время сдерживающая подобные противостояния национальная идентичность в условиях глобализации и миграционных потоков размывается, теряя свою привлекательность в качестве объекта идентификации. Как отмечает В.В. Лапкин, «национальные ценности девальвируются, что способствует резкому усилению значимости (возрождению) этнической, религиозно-конфессиональной, цивилизационной и других, прежде «вторичных», дополнительных идеалтипических идентификационных моделей» [2, с. 21].

Однако возрождение этнической и религиозно-конфессиональной идентичности приводит к изменению и политической повестки дня. Модернизационная парадигма исследования воздействия религиозного фактора на политику утрачивает свое значение. Религиозная проблематика активизируется в политическом дискурсе. Религиозный авторитет и мобилизационная функция религии начинают использоваться в отдельных политических стратегиях и закладываются в основу новых идентификационных процессов.

Негативной особенностью современности и эскалации этнополитических и религиозных конфликтов становится политизация религии и этничности. «Что еще недавно не находилось вне сферы влияния политики, сегодня в эту сферу попадает» [3, с. 95]. Национальные и религиозные идеи, заложенные в лозунги, становятся инструментами «большой политической игры» и сознательно используются практически всеми ее участниками. Смешение духовного и светского в политическом пространстве приводит к проявлениям симпатии одной из сторон, что ведет к формированию обостренного чувства обособленности и противостоянию членов одних этнических и конфессиональных сообществ по отношению к другим. Это стало нередко использоваться как основание в сценариях государственных переворотов и дестабилизации ситуации в отдельных государствах или целых регионах мира (Африканский континент, постсоветское пространство, Юго-Восточная Европа и т.д.).

Сегодня у нас есть большой эмпирический противоречивый материал, требующий осмысления, анализа и более глубокой рефлексии не только на уровне науки, но и политики. Возникшие противоречия и их трансформация являются элементом историко-культурной эволюции сформировавшихся в 90-е гг. обществ, поэтому сейчас важно понять как фактор идентичности может быть успешно инкорпорирован в них, что особенно важно для обеспечения социально-политической стабильности как в отдельных регионах, так и в мире в целом, т.к. наблюдаются попытки проигрывания уже отработанных сценариев на новых территориях.

Литература

1. Coser L.A. The Functions of Social Conflict /L.A. Coser. – N.Y.: The Free Press, 1964. – 188 p.

2. Лапкин В.В. Политические изменения в глобальном мире и динамика идентичности // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – Т.2. – 471 с.

3. Бек У. «Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. – М: Прогресс-Традиция, 2001.

Слинько А.А., Слинько О.Л.

ЕВРАЗИЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ (РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ)

Аннотация. Сложившаяся на европейском пространстве тенденция к появлению и установлению различных форм нелиберальной демократии не является рядовым преходящим феноменом, а стала устойчивой формой противодействия неэффективной неолиберальной глобализации. Так, в Европе возник мощный пласт как системных, так и внесистемных политических сил, выступающих против бюрократической евроинтеграции и демонтажа среднего класса. Политическая ситуация в Великобритании, Италии и Франции свидетельствует об утрате Германией политической инициативы в Евросоюзе и в начале кризиса паневропейского мейнстрима.

Ключевые слова: евразийское пространство, кризис глобализации, альтернативная политика, нелиберальная демократия, антиглобалистский эксперимент.

Slinko A. A., Slinko O.L.

EURASIAN DIMENSION OF THE WORLD POLITICS (REGIONAL POLITICAL TRENDS OF GLOBAL TRANSFORMATION)

Abstract. The trend towards the emergence and establishment of various forms of illiberal democracy in the European space is not a common coming phenomenon, but has become a stable form of resistance to ineffective neoliberal globalization.

Thus, in Europe, a powerful blast of both systemic and non-systemic political forces has emerged, opposing bureaucratic European integration and dismantling of the middle class. The political situation in the UK, Italy and France indicates the loss of Germany’s political initiative in the European Union and the beginning of the pan-European mainstream crisis.

Keywords: Eurasian space, globalization crisis, alternative politics, illiberal democracy, anti-globalization experiment.

Кризис неолиберальной глобализации вызвал появление новых политических феноменов в самых различных регионах мира. Возникающие новые политические явления вызывают часто скептическое отношение у западных политологов. Так, В. Меркель и А. Круассан отмечают, что современные процессы демократизации являются «не триумфом политического либерализма», а историей успеха «дефектного» варианта «нелиберальной» демократии [1].

Другие представители современной политической науки подчеркивают, что режимный транзит необязательно означает переход к демократии, т.е. «это не единый эволюционный процесс, а набор альтернативных путей, не всегда прямых и гладких» [2].

Кризис западных моделей политической трансформации нашел свое отражение в трудах многих политологов. Так, современный неолиберализм стремится реализовать интересы влиятельных спонсоров, игнорируя запросы страны. Главным же вызовом для западных политических групп является их способность к антидемократическому поведению и латентному осуществлению дедемократизации в условиях процессов бюрократизации и олигархизации [3].

С другой стороны, на первый план все больше выступают внесистемные «сетевые» партии, которые часто колеблются между демократическими практиками и радикальным вызовом основам демократии [4].

Даже сторонник идеи неизбежного либерального транзита Т.Карозерс отмечал, что многие страны так и не пришли к полноценной демократии, а остались в «серой зоне» [5].

Следует предположить, что в Европе усилилась тенденция формирования нелиберальной демократической системы. В западной политической науке политические системы Южной Кореи, Тайваня и Японии относились к нелиберальному варианту демократии, но никто не подвергал сомнению легитимность и жизнеспособность этих режимов, которые доказали свою экономическую эффективность.

В Европе сомнения в эффективности либерального мейнстрима породили феномен альтернативной политики системного и внесистемного характера. Наиболее системными силами оказались итальянские противники евроинтеграции, объединившиеся в правительстве Д.Конти. В определенном смысле стратегию и практику «альтернатива у власти» осуществляет правительство Португалии.

Внесистемный радикальный протест развивается в рамках движения «желтых жилетов» во Франции.

Грандиозный антиглобалистский эксперимент имеет место в рамках кризиса политической системы, охватившего США и Великобританию. Согласно теории Н.Хомского, в США завершается кризис американской мечты – распад медийного рая для среднего класса и обрушение амбиций империалистической политики [6].

В США население осознало неэффективность финансовой олигархии. Даже Дж. Стиглиц подчеркивал, что механизм экономической системы работает на обогащение богатых, даже если для этого нужно отобрать еще больше у бедных [7].

В Европе и США тенденция формирования нелиберальной демократии альтернативного типа находит свое отражение в движениях, которые требуют ограничить «свободу» транснациональных корпораций и евробюрократии, и парадокс состоит в том, что неолиберальная политика спровоцировала системный кризис процессами дедемократизации и олигархизации. Альтернативные, внесистемные и нелиберальные силы требуют разворота государственной политики на «социальные рельсы» для реализации разных форм антиглобалистской программы от радикальных до весьма умеренных.

После 2014 года, когда были зафиксированы заметные успехи китайской экономики, повлиявшие на глобальное изменение политических сил, был отмечен кризис традиционных политических систем во многих регионах мира.

Так, в Европе был зафиксирован поворот от паневропейского мейнстрима в самом Евросоюзе. Это, во-первых, феномен Brexit-а, повлекший за собой серьезный раскол в руководящих элитах как в консервативной, так и в лейбористской партиях. Во-вторых, серьезным событием стало формирование коалиционного правительства Д.Конти в Италии, состоящего из главных противников Европейского Союза, то есть сил, идеологически противостоящих концепции единой Европы. В-третьих, в Португалии институциализировалась власть левых сил, ориентирующихся на некую модель социализма при опоре на сотрудничество с Китаем. Характерно, что португальский опыт системно замалчивается в Германии и Франции, а сам феномен замалчивания был раскрыт лидером испанской партии Podemos, П. Иглесиасом [8]. В-четвертых, во Франции на улице вышло движение «желтых жилетов» по лозунгами отставки президента Э.Макрона. В

итоге, в повестке дня региональной трансформации в ЕС оказалась проблема «Германия и Евросоюз».

Доминирование Германии в Евросоюзе поставлено под сомнение по двум противоположным причинам. Во-первых, существенно ослаблены экономические позиции США во всем мире, но при этом страна сохраняет роль военного покровителя Запада. Сильная Германия в этой ситуации может составить гипотетическую конкуренцию, и ее «идеологическая оккупация» с точки зрения американских экспансионистов должны быть усилена. Эта позиция США ослабляет главных политических партнеров Америки в Германии: ХДС и СДПГ – символов глобального либерализма. В конечном счете, в программе оппозиционной АдГ появился пункт о выходе из Евросоюза. С другой стороны, восточно-европейские страны и кризисные государства южной Европы тяготятся германским доминированием. В частности, Греция официально поставила вопрос о выплате Германией репараций по итогам Второй мировой войны, а Польша фактически занимает похожую позицию, блокируя деятельность проевропейских сил внутри страны [9].

Характерно, что модели неолиберальной диктатуры, антисистемной анархии, крайнего правого популистского национализма сошлись в политической ситуации на Украине, где происходит попытка выстроить новый способ глобальной проамериканской экспансии.

Литература

1. Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис. Политические исследования. 2002. №1. С.6-17; №2. С.20-30

2. Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы. размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций // Полис. Политические исследования. 2004. №2. С.13

3. Лоусон К. Новый подход к сравнительному исследованию политических партий // Политическая наука. 2010. №4.

4. Игнаци П. Партии и демократия в постиндустриальную эру // Политическая наука. - 2010. - №4. С.49-76; Сморгунов Л.В. Сетевые политические партии // Полис. Политические исследования. 2014. №4. С.21-37.

5. Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // Политические науки. 2003. №2. С.61-62.

6. Хомский Н. Системы власти. - М.: Колибри, 2014; Хомский Н. Как устроен мир. - М.: АСТ, 2014; Chomsky N. Requiem for the American Dream N.Y. Seven Stories Press, 2017.

7. Сергеев В.М. // Политика мейнстрима и ее альтернатива в современном западном мире: на пути от мирового экономического кризиса к невозможной политике // В.М. Сергеев, А.А. Казанцев, К.Е. Петров // Полис. 2017. №3. С.8-29.

8. El plural 15.07.2017 // www. elplural.com; Diario Publico 18.11.2016 // www.publico.es; La Razon 13.06.2017 // www.larazon.es

9. Слинько А.А. Политические аспекты глобального кризиса: проблемы и противоречия // А.А. Слинько / Дискурс, политика, управление: Материалы IX Конвента РАМИ. 2016. С. 105-116.

Slovic S.

BASIC FEATURES OF POSTMODERN THEORY

Abstract. Post-modernism as the orientation in social sciences opposes modernism and its credulity in reason and empiria. Reason and empiria are a solid basis for knowledge acquisition. Credulity in reason means having the agreement of all rational individuals, which post-modernists oppose and do not believe in such agreement. Post-modernists do not believe in general truth existence due to the impact of subjective facts such as faith, gender, culture, and personal attitudes. There is no objective reality as well. The main precursors of postmodernism are Rousseau, Kant and Nietzsche. Its main representatives are Foucault, Derrida, Baudrillard and Lyotard. Its main critic is Habermas.

Keywords: postmodernism, modernism, deconstruction, linguistic games, knowledge, power, critics.

Слович С.

СУЩЕСТВЕННЫЕ ЧЕРТЫ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ТЕОРИИ

Аннотация. Постмодернизм, как одно из современных направлений в социологической теории, противостоит модернизму и его вере в разум и эмпиризм, создающих прочную основу для

приобретения знаний. Вера в суверенный разум подразумевает единосущность всех рациональных личностей. Постмодернисты выступают против этого сознания, не веруя в существование такого единомыслия. Постмодернисты отрицают существование общей истины, на которую влияют такие субъективные факторы, как религия, пол, культура, личные убеждения и отсутствие объективной реальности. Предшественниками постмодернизма являются Руссо, Кант и Ницше. К его виднейшим представителям можно отнести Фуко, Дерриду, Бодрийяра и Лиотара, а главным критиком направления является Хабермас.

Ключевые слова: постмодернизм, модернизм, деконструкция, языковые игры, знание, власть, критика.

Now, we are found in postmodern era. It is about the era which is released from the oppressive structures of the past, but expectation in the future is uncertain. The avant-garde of postmodernism is Foucault, Derrida, Lyotard and others. The basic characteristic of postmodernism is non-credulity in reason, truth and knowledge [5, p. 2]. Postmodernists consider the mentioned categories as contradictory ones so that they do the deconstruction of reason, truth, knowledge and the reality itself, since they believe in reason, truth and reality Western civilization has reached its peak. It opposes the relationship between power and reason, the strong ones against the weaker ones. It may be concluded that the essence between power and knowledge is the cause of social changes in which social groups being the object of oppression came to the fore. In addition, postmodernists reject the idea of the individual as an autonomous rational being. The society is not the mechanical group of individuals, but they are social constructions. Human individual is the product of culture. There is no independent and autonomous approach to reality – it is seen through the prism of culture. This is the reason why postmodernists do not believe in the possibility of the reach of objective truth and knowledge. Instead of objective truth, we have 'meta narratives'. Local narratives are valid only for this kind of community [9, str. 42]. They have no value beyond it. Simply said, postmodernism marks the end of individual view on the world. Local gets preponderance over global one.

Postmodernists argue that it is very difficult to speak about some kind of morale law due to the fact that all laws including the morale one are derived from the social context in order to serve some social interests. If we take as the example the concept of justice, we may conclude that this concept serves some interests depending on determined intellectual or social context. Norms are narrowly connected with semiotics, experience and social interests [3, p. 11].

Postmodernism is very present in social sciences. It is the intellectual orientation derived from modernism during the 1960s of the previous century. Its main feature is the rejection of epistemological and intellectual conventions, making disorder in all versions of the truth and elimination of the role of knowledge as it used to have [8, p. 3]. Progress, democracy, freedom and equity of the citizens in front of the law serve as a pure veil for the hide of the brutality of the Western civilization. On the other hand, the initial appearance of postmodernism may be found in Nietzsche's philosophy. He criticized modern culture, which begins, by the way, with Socrates. Its main shortcoming is that it favourizes mediocrity. Modern culture became more rational and spread through Christianity, and finally became secularized by modern philosophy, science and the appearance of mass-media [1, p. 39].

The appearance of postmodernism in social sciences is qualified more than paradigm, since it is about a radical, new, and different cultural movement which is concretized in the reconstruction of comprehensions and explanations of the world around us. It is established beyond modern paradigm and does not judge on modernism by its criteria, but it deconstructs the mentioned. Its objective is to set free the human kind of ignorance and irrationality. Some attribute it the subjugation, oppression, and repression at maximum [8, p. 6.] Postmodernism appears as the challenge to modern orientations such as Marxism, Stalinism, liberal democracy feminism, and religions such as Christianity and Islam. Postmodernism rejects modern science considering it as logo-centric and transcendental 'meta narratives' giving to the foreseen questions predefined answers. We should be aware of the absence of certainty and should learn to live without explanation by accepting new philosophical relativism [2, p. 3-4]. On the other hand, postmodernists do not do a complete breakout with modern orientation. They attribute it a new relevance by including of emotions, intuition, speculation, personal experience, customs, violence, metaphysics, tradition, logic etc. The main thing consists of the fact that the traditional one gets new meaning. The truth of modern is replaced by the dynamic one prone to the change restrained by the space, time and perspective. Furthermore, postmodernists try to eliminate the gap which exists between natural and social sciences by which they approach behaviourism and get multidisciplinary character. Image and phenomenon have preponderance over technical-practical. From epistemological point of view, postmodernists deny the fact that reason can be the way of objective knowledge of reality acquisition. Human nature is a collective phenomenon for postmodernists. Individuals direct their identity within socio-linguistic group they are belonging to such as sex, race, and

ethnicity. Since the role of reason is marginalized, the eventual conflicts within groups are resolved by force.

As regards the discourses, postmodernists reject conventional, academic styles; they prefer provocative form of speech as vital and intriguing element of some genre. They also focus on alternative discourses and meanings more than on objectives, behaviour and attitudes. Their challenge is the one taken at random, neglected, irrational, meaningless, subjugated, marginalized, discarded, eccentric, indestructible. The most picturesque explanation of postmodernism was done by Ihab Hassan, as per whom 'postmodernism made the transition from clumsy neologism to the abandoned cliché without elevating to the level of conceptual' [6, p. 119-131]. Postmodernism will have been staying at the level of equivocal and polarized for a considerable amount of time. The reason of such state lies in the division between the signifier and the signified by which unequivocal definitions are prevented. The postmodern authors are not able to carry out the definition of the term. On the other hand, this is completely understandable since if the term is subject to definition, we are not going to talk about postmodernism. Among the significant definitions of postmodernism the Grentz's one is. He says that 'postmodernism confirms that whatever accepted as the truth and the way we predict it depending on the community we belong to.... there is not absolute truth but it relates to the community we are living and working in' [7, p. 8].

Due to the above mentioned, postmodernism is not an original orientation but the transformation and transcendatation of structuralism, romantism, feminism, nihilism, populism, existentialism, hermeneutics, Marxism, critical theory and anarchism. The meaning we attribute to social relationships is not objective reality but social construction. Personal meaning gets preponderance over logo centric interpretations.

Finally, postmodernism offers pessimistic perspective under the influence of Heidegger's and Nietzsche's philosophy. The absence of subjects and the end of author, abolition of democratic representation lead to the uncertainty, hopelessness and alienation, or what Derrida calls 'joyful confirmation' [4, p. 292].

Literature

1. Antonio Dž. R. Skiciranje postmodernističke društvene teorije // Prevod, *Filozofija i društvo XIII* // Univerzitet Kanzasa SAD, 1998. S. 35-100.

2. Bauman Z. Legislators and Interpreters: Modernity //Post-modernity and Intellectuals, Ithaca. N.Y.: Cornell University Press, 1987.
3. Cahoone L. From Modernism to Postmodernism: An Anthology // Paperback, 2004. 640 p.
4. Derrida J. Writing and Difference // London: Routhledge and Keyan Paul, 1978. 362 p.
5. Hicks S. Explaining Postmodernism – Scepticism and Socialism from Rousseau to Foucault // New Berlin/Milwaukee: Scholargy Publishing, 2004. 230 p.
6. Hassan I. The Culture of Postmodernism - Theory, Culture and Society // *SAGE* Journals, Vol. 2 (3), 1/1985, Research article. P. 119-131.
7. Grenz S, A Primer on Postmodernism // Michigan: William B. Erdsmans Publishing Company, 1996. 199 p.
8. Rosenau P. M. Postmodernism and Social Sciences Insights, Inroads, and Intrusions // Priceton: Priceton University Press, 1992. 229 p.
9. Словић С. Постмодернизам у друштвеним наукама и међународним односима, Приштина/Лепосавић: Институт за српску културу, 2018.123 с.

Столетова А.С.

ПРАВДА И ЛОЖЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА: ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА А.Я. ЯШИНА)*

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ, проект МК-2952.2018.6 «Писательская среда Русского Севера в контексте советской действительности середины – второй половины XX в.: проявления уровней общественного самосознания»

Аннотация. Исследуется идеологическая основа произведений и трансформация взглядов писателя А.Я. Яшина в контексте советской действительности середины – второй половины XX в. Анализ изменения ценностных ориентиров автора проводится через рассмотрение таких произведений как поэма «Алена Фомина», рассказ «Рычаги» и повесть «Вологодская свадьба».

Ключевые слова: культура, художественная литература, писатель, деревенская проза, социалистический реализм, А.Я. Яшин.

A.S. Stoletova

THE TRUTH AND LIES OF THE SOCIALIST REALISM: WORKS OF VILLAGE PROSE OF THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY (USING AS THE EXAMPLE A.YA. YASHIN'S CREATIVE WORK).

Abstract. There are analyzed the ideological basis of the works by the writer A.Ya. Yashin and the transformation of his views in the context of the Soviet reality of the middle – second half of the XX century. Analysis of the author's value changes is carried out through the consideration of such works as the poem «Alyona Fomina», the short story «Levers» and the story «Vologda Wedding».

Keywords: culture, fiction, writer, village prose, socialist realism A.Ya. Yashin.

Александр Яковлевич Яшин (1913–1968) – известный русский поэт, прозаик, писатель-деревенщик. Проблематика произведений А. Яшина обуславливала необходимость непосредственных наблюдений за жизнью села [12]. Так, в 1946 г. он побывал на Алтае, затем на Кубани, на Севере и т.д. В данное время была опубликована поэма «Алена Фомина», удостоенная в 1950 г. Сталинской премии [7, л. 20]. Являясь высшей точкой официального взлета поэта А. Яшина, произведение о нелегкой судьбе председателя колхоза, связанной с подъемом разрушенного хозяйства после войны, было встречено триумфально [9].

Однако нужно отметить, что содержание произведения позволяет сделать вывод о его неоднозначности, т.к. герои преднамеренно представлены исключительно с положительной стороны, порой чрезмерно идеализированно. Вслед за К.Я. Ваншенкиным необходимо подчеркнуть, что не все творчество Александра Яшина художественно равноценно, но нельзя не уважать его за то, что он сам повернул свою литературную судьбу [1]. Поэма «Алена Фомина» – своеобразный переломный момент, после которого писатель погружается в процесс постоянной самоуглубленной работы. О курировании жизни деревни А. Яшин рассказывал в автобиографии: «В 1951 г., после укрупнения колхозов, я снова побывал на своей родине и почувствовал, что

опять отстал от своей деревни, опять мало знаю о ней. А ведь чтобы писать, надо заглядывать и в завтрашний день» [7, л. 21–22].

Побывав на «великих стройках коммунизма», А. Яшин напечатал цикл стихов о тружениках данных строительных проектов, который вошел в книгу «Советский человек» (1952 г.) [7, л. 20–21]. Важным считалось находиться у самих истоков крестьянской реальности, следить за ее изменениями, наблюдать за трансформацией жизненного уклада, заниматься общественной и трудовой деятельностью. Весной 1954 г., когда был взят курс на поднятие целинных земель, Александр Яшин уехал на Алтай и пробыл там до осени [11].

С течением времени взгляды и чувства поэта несколько преломляются. 21 декабря 1954 г. на заседании II Всесоюзного съезда советских писателей Александр Яковлевич произнес совсем не то, что ожидала власть от областного литератора [2]. Он уделил в своей речи внимание теневым сторонам творчества советских поэтов. «Нередко мы встречаем в произведениях приукрашивание действительности, это обедняет изображаемый духовный мир советского человека», – высказывался литератор. Обвиняя писателей, и себя в том числе, во лжи, А. Яшин произнес: «Мы не пишем правду о жизни народа». Как показал В. Томилов, это была не только критика социалистического реализма, но и переход к критическому реализму. Позиция автора была связана с тем, что, получив государственную награду и приехав в родную деревню Блудново, деятель культуры был потрясен царившей нищетой и беспросветностью жизни. После сказанного приглашений на писательские съезды А.Я. Яшин больше не получал [10].

Переломными для писателя являлись 1950-е гг. Духовные и нравственные поиски А. Яшина так или иначе приходили в противоречие с господствовавшими тогда принципами социалистического реализма. Уже в 1947 г. был рассыпан набор лирического сборника «Живая вода». Писателю поставили в вину, что он подрывал «устои социалистического мировоззрения». Тем не менее заметными событиями отечественной поэзии стали сборники «Свежий хлеб» (1957 г.), «Совесть» (1961 г.), «День творения» (1968 г.) [8].

С середины XX в. А.Я. Яшин начинает обращаться к прозе и тематике, связанной с критикой существующей власти, раскрывающей многие больные стороны действительности. Общественные трансформации побудили автора к обличению партийно-бюрократического уклада жизни, что отразилось в

рассказе «Рычаги» (1956 г.). В. Солоухин справедливо отмечал, что «Рычаги» стали первой ласточкой «нового» А. Яшина [9]. Писатель впервые дискутировал с цензурой.

С конца 1950-х гг. творчество А.Я. Яшина подвергалось критике со стороны власти и писательского сообщества. Доносчики указывали на антинародные произведения А. Яшина и на обязанность «оберегать партийность литературы, ее святая святых – метод социалистического реализма» [6]. Складывающаяся литературная репутация не подавила требовательность автора к себе. Однако в данном контексте следует упомянуть, что написанная в 1957 г. злободневная повесть «В гостях у сына», отражающая болезни общественной морали, была опубликована только в 1987 г. [3].

Первая половина 1960-х гг. – период зрелого, социально наполненного творчества А. Яшина. В 1962 г. появились повесть «Сирота», в 1965 – лирический рассказ-эссе «Угощаю рябиной». В последнем произведении А. Яшин писал: «Трудно моим землякам – и мне трудно. Хорошо у них идут дела – и мне легко живется и пишется» [13]. Как заключал Н.М. Любимов, в «Сироте» был выведен тип «прохиндея» – тип нового, советского кулака послевоенной формации [4, с. 106]. В декабре 1962 г. в «Новом мире» была опубликована повесть А. Яшина «Вологодская свадьба». Произведение вызвало «камнепад» разгромных статей и конференций, наступила полоса вынужденного молчания.

Из сказанного становится очевидным, что 1950-е гг. для писателя – это время установления связи с народной жизнью, наблюдений и трудовой деятельности. Вторая половина 1950-х – 1960-е гг. вывели А. Яшина к новому этапу в творчестве, связанному с публикацией сенсационных произведений. Литературная дорога Александра Яковлевича Яшина была непростой: от лакировочных произведений до честной прозы и полемической публицистики.

Стержневой темой в наследии зрелого А. Яшина стал суд над самим собой и главный нравственный вывод: «Сам за все отвечать хочу» [5].Отметим, что А. Яшин написал значительное число стихотворений «в стол». Социальные, гражданские, философские стихи по условиям утвержденного цензурного режима напечатаны быть не могли [14]. Проза литератора была наполнена болью за людей и глубокой заинтересованностью в развитии северного села. Он печалился о том, что деревни умирают, разрушаются основные принципы деревенской жизни, ее многовековый уклад и традиции. Тем не менее в творчестве А. Яшина были светлые ноты, надежда и вера в свой народ, свою землю.

Литература

1. Ваншенкин, К.Я. Писательский клуб [Электронный ресурс] / К.Я. Ваншенкин. – URL: https://www.libfox.ru/411190-konstantin-van shenkin-pisatelskiy-klub.html (дата обращения: 28. 11. 2018).

2. Второй Всесоюзный съезд советских писателей // Советская культура. – 1954. – 23 декабря.

3. Дьяковский, Л. Поэзия всегда жива: о некоторых изданиях А. Яшина / Л. Дьяковский // Красный Север. – 1988. – 21 ноября. – С. 4.

4. Любимов, Н.М. Неувядаемый цвет. Книга воспоминаний: в 3 т. / Н.М. Любимов. – Москва: ФТМ, 2004. – Т. 2. – 509 с.

5. Мокин, Г. Книга о поэте-земляке / Г. Мокин // Авангард. – 1975. – 25 ноября.

6. Понедельник, В. Писатели обсуждают итоги пленума / В. Понедельник // Литературная газета. – 1957. – 11 июня.

7. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 613. – Оп. 7. – Д. 436.

8. Сазонов, Г. Его дали и зори: на Вологодчине отмечают 90 лет со дня рождения Александра Яшина / Г. Сазонов // Труд. – 2003. – 28 марта. – № 56. – С. 5.

9. Солоухин, В. Дорога к правде / В. Солоухин // Авангард. – 2003. – 27 марта. – С. 3.

10. Томилов, В. Правды он выдал слово критически: [о произведениях А. Яшина «Рычаги» и «Вологодская свадьба»; о реакции на них партийного руководства и критике писателя] / В. Томилов // Авангард. – 2005. – 7 июля. – С. 4–5.

11. Яшин, А.Я. Алтайская весна: из неопубликованного / А.Я. Яшин; подг. текста и публ. З.К. Яшиной // Вологодский комсомолец. – 1977. – 10 июля.

12. Яшина, Н. «Но на поле боя должен, должен ты побыть хоть раз» / Н. Яшина // Правда. – 1988. – 8 апреля. – С. 4.

13. Яшина, Н. Воин Александр / Н. Яшина // Литературная газета. – 2005. – 22–28 июня. – С. 6.

14. Яшина, Н.А. «Из распутья, из бездорожья...»: к 90-летию со дня рождения писателя А.Я. Яшина / Н.А. Яшина // Литературная газета. – 2003. – 10–16 сентября. – С. 14.

Съедин Н.А.

ПОЛИТИКА ПОСТПРАВДЫ В ПЕРИОД РАСПАДА СССР: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

Аннотация. В статье рассмотрено широко используемое в современном политологическом дискурсе понятие «постправда». Раскрыты основные черты подобных подходов изложения информации. На примере некоторых публикаций конца 80-х – начала 90-х годов сделан вывод, что аналогичные подходы достаточно отчетливо просматривались и в этот период. Показана роль политики постправды в формировании общественного мнения во время распада Советского Союза.

Ключевые слова: информация, информационные войны, история, СССР, партия, межнациональные отношения.

Syedin N.A.

THE POST-TRUTH POLICY DURING THE COLLAPSE OF THE SOVIET UNION: THE VIEW FROM THE XXI CENTURY

Abstract. The article discusses the concept of “post-truth” widely used in modern political science discourse. The main features of such approaches are presented. Using as the example some publications of the end of 80ies – the beginning of the 90ies it was concluded that similar approaches were clearly viewed during this period. The role of post-administration policy in shaping public opinion during the collapse of the Soviet Union is shown.

Keywords: information, information wars, history, USSR, party, interethnic relations.

Термин «постправда» сравнительно недавно вошел в политологический лексикон. Считается, что он возник в 2010 г. благодаря блогеру Д. Робертсу, который использовал его в своей колонке для интернет-издания «Grist». Но уже в 2016 году по версии оксфордского словаря постправда стала словом года. Чаще всего это понятие трактуется как гибридная правда. Использующие этот подход носители информации, как правило, обращаются к чувствам, эмоциям потребителей этой информации. Благодаря постоянному повторению одних и тех же аргументов, преподносимых разными источниками, замалчиванию фактов,

противоречащих точке зрения заказчиков, информация, несмотря на ее недостоверный характер, начинает восприниматься обществом как истинная. Тем самым, общественное мнение подготавливается к очередным информационным вбросам, соответствующим формируемой политическими акторами концепции. Таким образом, главными чертами постправды, как своеобразного феномена, является эмоциональность, многократность повторения, диверсификация источников, мультипликативный эффект. К этому следует добавить, что достоверные факты в этом случае нередко преподносятся в отрыве от общего контекста, а частные моменты представляются как закономерности, исходя из которых делаются обобщающие выводы о том или ином явлении.

Несмотря на то, что в подобном оформлении политика постправды получила широкое распространение в 21 веке, добиваясь порой феноменальных результатов, когда в заблуждение вводились не просто отдельные группы людей, а мировое сообщество или по крайней мере значительная его часть. Однако, и в прошлом эти же подходы использовались достаточно широко. Вполне отчетливо они просматриваются в информационных войнах периода распада СССР. В этом убеждаешься, перечитывая книги и публикации того времени.

Именно эти подходы, сознательно или подсознательно используемые как отечественными, так и зарубежными политиками, публицистами, журналистами, дали бурные всходы на советском политическом пространстве перестроечного периода в условиях широко пропагандируемой политики гласности. Информация, которая обрушилась в этот период на советских людей, имела отчасти достоверный характер. Но то, как зачастую она преподносилась, позволяет подвести ее под определение постправды, с ее избирательностью, оторванностью от общего контекста событий, многократной повторяемостью, эмоциональной окрашенностью. Характерной чертой подобной политики является выбор болевых точек общественной жизни, наиболее чувствительно воспринимаемых людьми. Для советского общества конца 80-х таковыми, безусловно, стали проблемы на потребительском рынке, отставание в уровне жизни, развитии технического прогресса от западных стран, межнациональные отношения, нарушение политических прав, несоблюдение одного из главных принципов социализма - принципа социальной справедливости, как в прошлом, так и в настоящем. Это стало едва ли не главным лейтмотивом в

информационном пространстве того времени. В число основных объектов, на которые была нацелена политика постправды, как представляется, не случайно попали правящая коммунистическая партия, история СССР и, собственно, сама организация власти в Советском Союзе.

Попытаемся на примерах нескольких публикаций показать, в чем, собственно, заключалась политика постправды, и какие последствия это имело для судьбы Союза. Скажем, партия. Конец 80-х годов знаменовался шквалом атак на единственную политическую партию страны, определенную конституцией в качестве руководящей и направляющей силы. В прессе, вне и внутри партии шли ожесточенные дискуссии, как по внутрипартийным вопросам, так и относительно ее роли в обществе. Правда заключалась в том, что коммунистическая партия представляла собой жестко организованную, чрезвычайно централизованную, обладающую мощным бюрократическим аппаратом систему, контролирующую, прежде всего, через своих членов все сферы общественной жизни. Эта организация мало соответствовала образцам западных партий в их современном представлении. Однако, нужно иметь в виду, что партия и не претендовала на роль таковой. Она изначально создавалась как партия нового типа и была частью государственного механизма, выполнявшая управленческие функции, прежде всего, стратегического планирования и контроля. Под эти функции была сформирована ее структура, обеспеченная высокопрофессиональными кадрами. В определенной мере это была реализация модели веберовской идеальной бюрократии, со всеми ее достоинствами и недостатками. Одновременно она выступала в качестве системообразующего элемента всего государственного механизма Советского Союза, изъятие которого во многом предопределило судьбу СССР. Требовала ли эта система модернизации? Безусловно. Но для этого должна была быть создана эффективная система управления по всей вертикали власти, четко определены новые функции, подобраны соответствующие кадры. Устранение же партии в 80-е годы происходило на фоне бесконечных и до конца непродуманных экспериментов в сфере управления, зачастую принимавших форму обычных кабинетных перестановок, политических интриг, преследующих цель устранения конкурентов. Сама же партия подвергалась бесчисленным нападкам, базирующимся нередко на тех же подходах политики постправды, при которых партийные кадры представлялись исключительно в негативном плане. Большое

влияние на формирование соответствующего общественного мнения оказала ставшая широко известной в то время работа Михаила Восленского «Номенклатура». Бессмысленно спорить по поводу отдельных фактов, приведенных в книге человеком, знающим систему изнутри, вхожим в эту самую номенклатуру, работавшим в советских зарубежных и научных учреждениях (в т.ч. Академии Наук СССР), а в 70-е годы оставшимся на Западе и возглавившим Исследовательский институт по изучению советской современности в Бонне. Но, показательно, что в своем стремлении представить партийный и советский аппарат чиновников как господствующий класс, класс собственников, приводятся драматические факты взрыва плотины Днепрогэса и других промышленных предприятий во время Отечественной войны, что, по мнению автора, мог позволить себе только собственник (читай номенклатура) [1, с. 179]. Не будем оспаривать этическую сторону данной интерпретации истории войны. Нельзя не видеть, что, в контексте реальных трагических событий Великой Отечественной войны, это было ничем иным, как вынужденным управленческим решением, принимаемым высшим политическим руководством страны и исполненным соответствующими органами. Попытка привести этот факт, как подтверждение тезиса о всевластии номенклатуры, еще раз подчеркивает, встраивание реальных событий в заданную концепцию. В нее без труда затем уже другими авторами в другой исторической обстановке, вкладываются различные факты, которые преподносятся для формирования из партийного аппарата образа главного врага. Скажем, широкую огласку на Украине получил факт, когда в попавшей в ДТП машине секретаря райкома было обнаружено несколько килограммов дефицитной тогда колбасы. Это происшествие немедленно было передано огласке, растиражировано центральными и местными газетами и послужило началом широко известной на Украине акции протеста, проходившей под лозунгом «Хто з'їв моє м'ясо?» Риторический вопрос не требовал ответа. Само собой разумеется, что в этом повинны коммунисты, олицетворявшие к тому же «руку Москвы».

Примеры использования реальных сложных, болезненных страниц истории в качестве аргументов, подтверждающих те или иные умозаключения авторов, как иллюстрацию политики постправды, можно найти в сборнике «Если по совести», содержащим статьи широко известных в те годы публицистов Н. Шмелева, А. Нуйкина. В. Семошина, А. Стреляного, А.Гельмана и других. Собственно, само название сборника вполне соответствует

признакам постправды – это «правда по совести», «честная правда». И действительно в сборнике приводятся, как правило, реальные факты. Скажем, один из авторов Ю. Черниченко, справедливо и эмоционально рассказывает о периоде коллективизации на Кубани и, в частности, в его родной станице Пашковской. Параллельно он анализирует проблему закупок зерна в СССР в США. И здесь в объяснение причин нехватки зерна он делает умозаключение: «Закупки на Миссисипи вершит тот, кто в 30-х реквизировал зерно в Пашковском, а в 80-е годы выбивает фураж в Белоруссии. Во всяком случае – по генотипу тот» [2, с. 359]. Кто этот злодей, как и в случае с мясом на Украине, ответа не требует. Все очевидно. Ведь «по совести» факты имели место. А то, что их разделяет полстолетия, за которые сменилось несколько поколений, а сельское хозяйство на Кубани стало совершенно иным, не столь важно. Это и есть жанр постправды.

В этом же ключе нередко освещались межнациональные отношения, положение союзных республик. Конец 80-х ознаменовался ростом национального самосознания. По мере ослабления влияния партии и в целом союзного центра, в национальных республиках последовательно утверждалась идея об их самодостаточности и несправедливом перераспределении созданного продукта. В каждой из республик приводились цифры, свидетельствующие о высокой доле национального производства в тех или иных секторах экономики. Как правило, это были реальные цифры. Скажем, украинские политики нередко ссылались на тот факт, что на долю Украины в 1990-1991гг. приходилось 4% мировой добычи каменного угля, 10% железных руд, 24,5% марганцевых руд, 9,5% мирового производства сахара, 20% выплавки чугуна, 7% - стали, 2,3% производства электроэнергии. Особенно подчеркивалось, что население Украины составляло менее 1% населения мира. Однако тот факт, что этот потенциал был обеспечен, ориентирован и функционировал как составная часть единого общесоюзного комплекса и разрыв связей с ним обернется огромными потерями для Украины, скромно умалчивалось, что порождало и неоправданные иллюзии, и необоснованные обиды, в немалой мере формировавшие общественное мнение. Безусловно, не это стало главной причиной распада СССР. Но то, что это создавало определенный фон, идеологически обосновывало действия тех сил, которые были заинтересованы в распаде Союза, представляется бесспорным. При этом автор вовсе не пытается обвинить всех, кто говорил о недостатках политической системы, проблемах в

экономической и духовной сферах, болезненных страницах истории, в стремлении к развалу Союза. Как указано в том же сборнике «Если по совести»… все его авторы – «активные сторонники перестройки», но объективно и по совести их публикации нередко способствовали не только духовному обновлению, но и набирающим силу дезинтеграционным процессам в СССР. Объективно следует признать и то, что и официальная власть нередко использовала политику постправды. Это касалось не только того, как преподносилось официальной советской пропагандой все события за рубежом, но и то, как освещались внутренние процессы, замалчивались набиравшие силу негативные тенденции, характеризовались отдельные личности. Относительно внутренней политики власть столь же вольно обращалась с фактами, не реагировала на назревающие конфликты, усматривая в этом не проблемы системы и управления, а лишь ошибки и просчеты отдельных лиц. Зачастую из конъюнктурных, идеологических соображений не раскрывалась вся опасность нарастающего в стране экстремизма, радикального национализма. Даже тогда, когда конфликты стали очевидны и охватили значительную часть территории страны, в идеологической сфере действовали все теми же штампами, используя привычные клише. Характерна в этом смысле вышедшая в 90-м году книга «В поисках правды. Ответы на актуальные вопросы», в которой и подбор вопросов и содержание ответов свидетельствовали о выборочном характере, нежелании или боязни власти правдиво говорить обо всех проблемах, волнующих людей [3].

Среди ученых и политиков сегодня не существует единой точки зрения относительно причин крушения крупнейшего геополитического образования 20 века - Союза Советских Социалистических Республик. Разброс мнений имеет весьма широкий спектр – от конспирологических теорий заговора до утверждения об исторической предопределенности разрушения этого якобы искусственного образования. Автор статьи исходит из того, что причиной распада стало наложение ряда внешних и внутренних факторов как объективного, так и субъективного характера, несших в себе заряды разной разрушительной силы. Все вместе они произвели кумулятивный эффект. К числу таких факторов, несомненно, следует отнести феномен, которому посвящена статья, получивший сегодняшнее название политики постправды. Она во многом способствовало тому, что развал страны, с которой были связаны судьбы миллионов граждан, стал

будничным фактом, запечатленным в памяти того поколения лишь медленно спускающимся с башен Кремля советским флагом. И это, пожалуй, главное, что иллюстрирует силу и роль политики постправды в тех событиях.

Литература

1. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс советского Союза. – М.: «Советская Россия», 1991. – 624с.
2. Если по совести. Сборник статей. – М.: Художественная литература, 1988. – 398с.
3. В поисках правды. Ответы на актуальные вопросы. Ред.- сост. С.В.Захаров, – М.: Политиздат, – 1990. – 301с.

Трухан А.В.

РУССКОЕ ИДЕОКРАТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ В ЛОВУШКЕ ПОСТСОВЕТСКОГО МЕЖВРЕМЕНЬЯ

Аннотация. В статье рассматривается проблема преодоления кризиса постсоветской идентичности как задача выхода России из постсоветского межвременья. Проводится обоснование цивилизационной специфики России с помощью введения понятия русского идеократического сознания и определяется путь выхода из межвременья через установление господства в общественном сознании власти единого общественного идеала. Таковым идеалом, способным восстановить историческую субъектность России в современности является древнерусский общественный идеал.

Ключевые слова: кризис постсоветской идентичности, постсоветское межвременье, русское идеократическое сознание, общественный идеал, древнерусский общественный идеал.

Trukhan A.V.

RUSSIAN IDEOCRATIC CONSCIOUSNESS IN THE TRAP OF THE POST-SOVIET INTERTEMPORAL PERIOD

Abstract. The article deals with the problem of overcoming the crisis of the post-Soviet identity as the task of Russia's exit from the post-Soviet intertemporal period. The justification of the civilizational specifics of Russia is carried out by introducing the concept of the

Russian ideocratic consciousness and there is determined the way out of the intertemporal period through the establishment of dominance in the public consciousness of the power of a single social ideal. Such an ideal capable of restoring Russia's historical subjectivity in modern times is the ancient Russian social ideal.

Keywords: the crisis of the post-Soviet identity, the post-Soviet intertemporal period, the Russian ideocratic consciousness, the social ideal, the ancient Russian social ideal.

Современность в России позиционирует себя как межвременье – попадание в ситуацию временной неопределенности, когда прошлое уже завершилось, а будущее еще не началось. Поэтому проблема овладения современностью может быть поставлена и решена как задача преодоления постсоветского межвременья.

Можно выделить два альтернативных значения термина «межвременье», которые употребляются в отечественной философской литературе для характеристики специфики постсоветского состояния России. Во-первых, - это «застревание России в СССР» – в своем историческом прошлом. В этом случае выход из межвременья видится в освобождении из-под власти прошлого через радикальный разрыв с советским периодом, окончательным уничтожением советского прошлого в исторической субъектности России. Эта точка зрения является общей, как для либерального, так и для православного дискурсов. Во-вторых, - межвременье понимается как результат цивилизационного слома России через лишение ее своего исторического будущего. В рамках этого значения можно объединить концепты А.С. Панарина («убийство исторического времени» [4, с. 401]), С.Г. Кара-Мурзы («демонтаж народа» [1, с. 5]), С.Е. Кургиняна («продажа первородства» [2, т. 1, с. 160]) и др. Общим основанием для них выступает отрицание настоящего как мнимой реальности, которую требуется преодолеть. Выход из межвременья видится в преодоление настоящего как наваждения ложного состояния сознания. Само же это наваждение понимается как результат предательства элит, манипуляции сознанием и предательства народом своих идеалов.

Общим в обоих подходах является понимание межвременья как состояния некоторой ослепленности общественного сознания, которое не позволяет увидеть будущее России. Для первого подхода – будущее содержится в настоящем. Чтобы разглядеть его, надо освободиться от ностальгии по прошлому и принять настоящее как

современность. Для второго – будущее сокрыто иллюзией настоящего. Чтобы увидеть свое будущее, надо освободиться от власти настоящего через обращение к прошлому. Ловушка межвременья, в нашем понимании, состоит в том, что обе точки зрения имеют равную доказательную силу. Отсюда – возникновение патовой ситуации в преодолении кризиса постсоветской идентичности. Межвременье – это и есть попадание в ситуацию, когда ни один из борцов не может взять верх над другим в силу отсутствия явного превосходства.

Выход из межвременья возможен только при достижении победы одного из противников над другими. При этом важно понимать, что эта борьба идет между идеологиями за овладение общественным сознанием через установление власти собственного общественного идеала. Это значит, что противостояние идет в идеократическом пространстве русской общественной мысли за установление господства одного общественного идеала. Известный советский философ Д.В. Пивоваров в последней своей книге «Философия религии» (2018) определяет «постсоветское межвременье» как период, в который ведут яростную борьбу разные религии и идеологии «за право стать фундаментом тотальной культуры России» [5, с. 319]. Ключевое понятие здесь – «тотальность». Понятое как «целостность» и примененное в качестве определения специфики исторической субъектности России, оно выводит нас на понимание России как цивилизации идеократического типа. Из определения Д.В. Пивоварова следует, что идеологическая борьба в постсоветском межвременье идет не за право каждой идеологии занять свое место, а за тотальное господство одной идеологии в общественном сознании России.

Задача выхода России из постсоветского межвременья решается на пути установления идеологического монизма в общественном сознании. Таков социальный запрос, который определяется идеократической спецификой общественной природы России. Предлагаемая нами разработка концепта русского идеократического сознания является определенным ответом на этот социальный запрос.

Понятие «идеократия» определяется нами как тип социальной общности, в основании единства которого лежит тотальное подчинение власти общественного идеала. Вера в универсальный общественный идеал, определяющий высшие смыслы и цели общественного единства, является необходимой составляющей существования идеократического общества. Эффективное

функционирование социокультурных механизмом воспроизводства общественного идеала в идеократическом сознании является необходимым условием воспроизводства идеократического общества в истории. Соответственно, разрушение веры в общественный идеал и демонтаж механизмов воспроизводства общественного идеала приводит к утрате общественного единства и выпадению идеократического субъекта из истории. Данное явление может быть квалифицировано как «кризис идеократического сознания».

Определяя Россию как цивилизацию идеократического типа, мы полагаем, что ее специфика может быть задана с помощью понятия «русское идеократическое сознание». Соответственно, специфика самого сознания будет определяться особенностями общественного идеала и способом его функционирования в идеократическом сознании. Характерной особенностью проявления русского идеократического сознания в истории России XX века является событие двойного слома русской государственности в 1917 и 1991 гг. Типология этого слома точно схвачена в афоризме В.В. Розанова: «Русь слиняла в два дня. Самое большее – в три». Эти слова В.В. Розанова сказанные о Русской революции 1917 года, часто цитируют при характеристике событий 1991 года, что само по себе говорит о точном попадании Розановым в какой-то невидимый центр проблемы, нащупывание им ключевой болевой точки нашей государственности. Если раскрыть содержание этого афоризма, то оно окажется очень точной иллюстрацией идеократического характера пережитых нами в XX столетии социальных катастроф.

«Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частностей. /…/ Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска. Что же осталось-то? Странным образом – буквально ничего» [6, с. 5]. «Переход в социализм и, значит, в полный атеизм, - пишет дальше В.В. Розанов, - совершился у мужиков, у солдат до того легко, точно «в баню сходили и окатились новой водой». Это – совершенно точно, это действительность, а не дикий кошмар» [6, с. 7]. Столь же стремительным оказался переход от социализма к капитализму. Пролетарская солидарность и классовое сознание оказались мифом. На защиту завоеваний социализма советский рабочий не поднялся. Свою общественную собственность отдал без боя в частные руки. Советский Союз пал точно также как пало Русское царство – их некому было защищать.

И еще одно сходство двух событий находим у Розанова. «Самое разительное и показующее все дело, всю суть его, самую сутеньку –

заключается в том, что «ничего в сущности не произошло». «Но все – рассыпалось» /…/ Задуло свечку. Да это и не Бог, а … шла пьяная баба, спотыкнулась и растянулась» [6, с. 9].

Все это есть не что иное, как описание кризиса русского идеократического сознания лишенного веры в общественный идеал. Ничего не случилось. Просто, ушла вера – и не стало государства. Следовательно, поиск выхода из постсоветского кризиса следует искать в общественном идеале, способном соединить прошлое, настоящее и будущее России. Именно в соединении прошлого советского и прошлого досоветского находится ключ от двери выхода из постсоветского межвременья.

На идеократическую природу постсоветского межвременья указывает Д.В. Пивоваров: «В современной России вместе с крушением единой атеистической картины мира и коммунистической тоталитарной идеологии многие граждане с горечью ощущают утрату целостного смысла не только окружающего мира, но и самих себя. Их самопонимание и миропредставление становится все более фрагментарным и эклектичным, и россияне с удивлением замечают, что вообще перестают улавливать общий смысл собственного существования» [5, с. 318]. Характерный признак идеократического сознания является именно тотальность власти общественного идеала. «Ныне советская культура десакрализована и разрушена, и марксистская идеология превратилась в колосса на глиняных ногах, но какая-то другая определенная культура с новыми привлекательными и объединяющими базовыми идеалали в России пока не утвердилась)» [5, с. 319]. В этом собственно и состоит идеократическая природа кризиса постсоветской идентичности. В этом – суть постсоветского межвременья.

В начале статьи мы уже указали, что главное сражение идет в борьбе за будущее России между двумя альтернативными взглядами на современность: первый – определяет будущее исходя из понимания современности как подлинной реальности; второй – полагает современность мнимой реальностью, требующя ее преодоления через обращение к прошлому. Исходя из наших определений идеократической природы кризиса постсоветской идентичности, следует, что предлагаемое нами решение относится ко второму типу понимания современности. Задача преодоления межвременья состоит в создании идеологии идеократического типа, способной преодолеть раскол в русском идеократическом сознании.

Эту альтернативу прекрасно понимает А.В. Павлов, написавший замечательную книгу «Философия современности и межвременье» (2017). Автор определяет межвременье как межцивилизационную эпоху – как «состояние общества и людей между двумя цивилизациями, одна из которых уже фактически завершилась и медленно угасает в памяти и привычках, а другая еще не родилась и только угадывается в надеждах на лучшую жизнь» [3, с. 5]. Говоря об оптимистических выходах из межвременья, он выделяет два способа: естественный и искусственный.

«Естественный способ предполагает раскрепощение индивидуальной субъективности и институциональную реформу рыночного и демократического типа. Искусственный же требует рационального определения национального идеала, конструирования утопической цели, формирования под нее программы и мобилизации населения на ее выполнение» [3, с. 60]. Автор проводит обоснование необходимости осуществления выхода из межвременья по естественному пути и подвергает критике искусственный путь, которому собственно соответствует наше понимание идеократической природы России.

Возможна ли выработка такого общественного идеала, который бы примирил не только советское прошлое России с досоветским, но и с рыночно-демократическим настоящим? Мы полагаем, что только восстановление в общественном сознании власти древнерусского идеала святости и восстановление идеократической структуры организации общественной жизни, соответствующей этому идеалу, способно удовлетворить данным требованиям. Впервые этот идеал был сформулирован иноком Филофеем в концепте «Москва – Третий Рим». Задача постсоветской общественной мысли состоит в теоретическом решении проблемы подчинения современности власти этого древнерусского идеала.

В событии падении советского государства надо увидеть завершение большого исторического этапа выстраивания русской идентичности в европейской парадигме мысли. Этот период, начатый императором Петром Великим, завершен. Разрушение советского государства надо понимать как свидетельство исторической несостоятельности пересадки европейского идеала на русскую почву. Двойной слом русской государственности в XX веке говорит нам об одном – не в освобождении личности через преобразование внешних форм общественной жизни, а в преображении внутреннего человека по идеалам православия состоит цивилизационная идентичность России. Выход России из

постсоветского межвременья лежит на пути восстановления допетровской идентичности – осознания себя русскими людьми носителями и защитниками православного идеала Святой Руси и гражданами Третьего Рима.

Литература

1. Кара-Мурза С.Г. Демонтаж народа. - М.: Алгоритм, 2007.
2. Кургинян С.Е. Исав и Иаков. Судьба развития в России и мире: в 2-х томах – М.: МОФ ЭТЦ, 2009.
3. Павлов А.В. Философия современности и межвременья. Тюмень: ИД «Титул», 2017.
4. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002.
5. Пивоваров Д. Философия религии. Праксеология религии. Учебное пособие для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2018.
6. Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. – М.: «Центр прикладных исследований», 1990.

Ускова О.С.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ КРЫМСКОЙ ЭЛИТЫ 90-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Аннотация. Автор статьи рассматривает формирование политической элиты Крыма после распада СССР, а также изменение ее политической ориентации в течение 90-х годов XX в.

Ключевые слова: распад СССР, политическая элита, Верховный совет Республики Крым, автономия, формирование демократической оппозиции, политическая переориентация.

Uskova O.S.

THE CRIMEAN ELITE'S POLITICAL ORIENTATION OF THE 90ies OF THE XX CENTURY

Abstract. The author of the article considers forming the political elite of Crimea after the collapse of USSR and changing its political orientation during the 90ies of the 20th century.

Keywords: the collapse of the USSR, the political elite, the Supreme Council of the Republic of Crimea, autonomy, the formation of a democratic opposition, political reorientation.

Кардинальные политические изменения, происходящие в краткие сроки, не проходят бесследно. В любом случае приходится сталкиваться с последствиями, даже если преобразования незначительны. Что уж говорить о таком событии как распад СССР.

8 декабря 1991 года высшие должностные лица и главы Республики Беларусь, Российской Федерации (РСФСР) и Украины подписали «Соглашения о создании Содружества Независимых Государств». В соглашении констатировалось прекращение существования Союза ССР как «субъекта международного права и геополитической реальности» и заявлялось о создании Содружества Независимых Государств. На момент распада СССР Крым находился в составе Украины на основании Указа от 26 апреля 1954 г. «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР» [5].

Появившимся на международной политической арене 15 государствам предстояло определить свое новое общественное устройство, экономические и политические приоритеты и вектор государственного развития в целом, однако все оказалось гораздо сложнее, чем предполагалось.

Процесс дезинтеграции во всех сферах жизнедеятельности народа привел в упадок экономическую сферу, сократив вдвое ВВП, отчего неизбежными стали межнациональные конфликты и локальные войны. Разрушение идеологических установок, закладываемых десятилетиями, стало причиной духовного кризиса населения. Ни внешняя, ни внутренняя политика не были четко определены. Все вышеперечисленные характеристики свойственны обществу переходного периода.

Уровень социально-экономического развития государства является зеркальным отражением реализуемой политики правящего слоя. Причина большинства недугов общества ─ упущения и недочеты со стороны власти. На этот счёт нельзя не согласиться с К.А. Скальковским, который утверждал, что государство должно как заботиться о своих полномочных представителях, так и предъявлять к ним самые высокие требования, так как речь идет о доверии народа к власти, о ее легитимности, в которой заключена главная ее сила [6].

Данное событие предполагало получение полуостровом нового политического статуса не только формально, но и реальную возможность быть участником и субъектом Союзного договора. В обращении Крымского областного Совета народных депутатов к Верховному Совету УССР было сказано, что данное волеизъявление народа ― толчок к духовному возрождению, консолидации населения, успешному строительству правового и экономически процветающего государства [3].

20 ноября 1990 года Крымским областным советом народных депутатов 21 созыва было принято решение провести референдум, целью которого являлось воссоздание Крымской Автономной Советской Социалистической Республики как субъекта Союза ССР и участника Союзного договора. За воссоздание Крымской АССР проголосовало 93,26 процента от числа принявших участие в голосовании [2].

Таким образом, законодательный орган полуострова посредством волеизъявления народа решил обрести самостоятельность и проводить собственную политику, обособленную от УССР. Есть все основания рассматривать решение о проведении референдума как шаг по выходу из УССР, но поскольку новый Союзный договор не был подписан, то фактически эта часть не была исполнена, и Крым остался в Украине до распада СССР.

12 февраля 1991 г. ВС УССР принял Закон Украинской ССР "О восстановлении Крымской Автономной Советской Социалистической Республики", но уже в составе Украинской ССР.

22 марта 1991 года, после воссоздания Крымской АССР по результатам референдума, Крымский областной Совет народных депутатов был преобразован в Верховный Совет Крымской АССР согласно вышеуказанному закону.

Параллельно с оставшейся на местах частью постсоветской элиты положила начало формированию новой политической силы - демократическая оппозиция в форме политических партий и общественных движений. Примером служит Республиканская партия Крыма, преобразовавшаяся из Республиканского движения Крыма в 1992 г. РПК в дальнейшем стала частью блока «России», который занял 57,4% депутатских мандатов на выборах 1994 г. [4].

На протяжении первого пятилетия политическая элита Крыма не оставляла идею превратить полуостров в полноценного политического актора, выстраивающего отношения с Украиной и Россией на равных условиях. В этом смысле 6 мая 1992 года на

сессии Верховного Совета РК была принята Конституция Республики Крым — основной закон, который регламентирует следующее: Республика Крым является правовым, демократическим государством. Республика Крым входит в государство Украина и определяет с ней свои отношения на основе договора и соглашений. Официальным языком и языком делопроизводства является русский язык. Данный акт был пресечен законом Верховной Рады Украины «Об отмене Конституции и некоторых законов Автономной Республики Крым» от 17 марта 1995 года [1].

Значительным шагом, наряду с выборами парламента 1994 г., было избрание президента Республики Крым в январе того же года. Из баллотировавшихся шести депутатов победу одержал Юрий Мешков. Лидер демократической оппозиции, заручившись мощной поддержкой в качестве парламентского большинства начал интенсивно планировать политику сближения с Россией: введения рубля в оборот на территории Крыма, заключения с Россией военно-политического союза, переход на московское время, вплоть до выдачи жителям полуострова российского гражданства. Однако, в силу активного противодействия как со стороны украинских властей, так и со стороны внутрикрымской оппозиции, реализован был только переход на московское время.

К выборам 1998 г. на территории полуострова успели обосноваться отделения украинских партий, которые были представлены в Верховном Совете АРК в следующих пропорциях: КПУ ─ 34 мандата, что составило 34%, «Союз» ─ 6%, Аграрная партия ─ 4%, СПУ ─ 1%, . Наибольшее количество мандатов досталось беспартийным кандидатам ─ 48 из 100 возможных

Итак, можно проследить изменение политической ориентации элиты Крыма в лице законодательного органа. С распадом СССР парламент республики не оставлял идею сотрудничества с Россией и разрабатывал законодательную базу, всячески способствующую этому союзу. Обострение пришлось на период 1994-1995 гг. с приходом к власти членов блока «Россия». Центральная власть в Киеве решительно пресекла подобную перспективу крымской политической элиты посредством Закона Украины «Об Автономной Республике Крым», автоматически упразднив пост президента и сведя на нет все пророссийские настроения. Оставалось только адаптироваться в украинском политическом пространстве. Результат «адаптации» представлен выборами в Верховный Совет АРК 1998 г. Мечта о переходе в Россию была отложена на неопределённое время.

Литература

1. Кодексы, законы Украины, постановления [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://moepravo.ligazakon.ua/law/
2. Носкова И. Как в Крыму 25 лет назад проходил первый советский референдум. // Московский комсомолец [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://crimea.mk.ru/articles/2016/01/20/kak-v-krymu-25-let-nazad-prokhodil-pervyy-sovetskiy-referendum.html
3. Обращение пятой сессии Крымского областного Совета народных депутатов к Верховному Совету Украинской Советской Социалистической Республики 25 января 1991 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sevkrimrus.narod.ru/ZAKON/1991-2.htm
4. Официальный сайт Государственного Совета Республики Крым. http://crimea.gov.ru
5. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. / под ред. к. ю. н. Мандельштам Ю. И. — Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1956.
6. Скальковский К. А. Современная Россия. Очерки нашей государственной и общественной жизни. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1889г. – 503 с.

Филин Н.А.

ИНДОКТРИНАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ИРАНЕ

Аннотация. Современный политический режим в Исламской Республике Иран уделяет огромное значение индоктринации населения, ставя перед собою цель обеспечить таким образом легитимизацию правящего строя. С этой целью используется множество государственных институтов и учреждений. Идеология режима основана на неразрывной связи религии и политики, на необходимости учить людей подчиняться нормам ислама, чтобы они достигли счастья. Население убеждают не только в правильности и даже совершенстве существующей в стране формы правления, лучше которой, по мнению властей, не существует в мире, но и в

необходимости строго соблюдать исламские заповеди в повседневной жизни для достижения благополучия в этом и в загробном мире.

Ключевые слова: Иран, индоктринация, религия, население, государственная власть

Filin N.A.

INDOCTRINATION OF THE POPULATION IN MODERN IRAN

Abstract. The modern political regime in the Islamic Republic of Iran attaches great importance to the indoctrination of the population, setting the goal of ensuring the legitimization of the ruling system. For this purpose, a considerable number of state institutions and organizations are used. The ideology of the regime is based on the inextricable connection of religion and politics, on the need to teach people to obey the norms of Islam, so that they can achieve happiness. The population is convinced not only of the correctness and even perfection of the existing form of government in the country, which, according to the authorities, is the best in the world, but also of the need to observe the Islamic precepts in everyday life in order to achieve well-being in this world and the afterlife.

Keywords: Iran, indoctrination, religion, population, governmental authority

В современном Иране особенно широко развит культ имама Хомейни: его портреты, наряду с портретами действующего рахбара, можно найти в каждом государственном учреждении, а также в большинстве частных заведений, включая кафе и магазины. Его религиозно-политическое завещание считается очень важным документом. В нем Хомейни обосновывал важность религиозной и политической индоктринации и пропаганды и призывал иранцев тщательно соблюдать исламские заповеди для укрепления режима и собственного благополучия. Например, он говорил: «Я… призываю вас не отступать, даже на самую малость, от традиционного исламского права и богословия, являющегося выразителем учения о пророческой миссии и имамате, а также законов развития народов. Призываю не отступать как от первичных (усул) так и от вторичных (фуру) его предписаний и заповедей, каждая из которой является частью ислама… И знайте, что даже малейшее отклонение есть

начало упадка религии, исламских норм и крушение правления божественной справедливости. И никогда не пренебрегайте пятничными намазами и собраниями, являющимися политическими молитвами, ибо эти пятничные намазы – одна из важнейших милостей Божьих, ниспосланных Исламской Республике Иран… Сегодня на иранский народ, а также на всех мусульман возложена обязанность сделать все необходимое для сохранения этого дара Господнего – Исламской Республики, которая была официально провозглашена в Иране и в такое короткое время дала огромные результаты. Народ должен бороться за ее упрочение и развитие, устранять все препятствия и трудности на ее пути» [2, с. 306].

Ознакомление иранца с политической системой страны и с тем, как ему следует себя вести с точки зрения религии, начинается уже со школы. Учителя объясняют школьникам, что они должны любить Хомейни, слушаться властей, хорошо выполнять свои религиозные обязанности и верить в истинность шиитской веры. В школах осуждается образ жизни жителей Запада как декадентский и развратный. Все ученик должны посещать уроки религии, где им разъясняются исламские заповеди и религиозные обязанности. В средних и старших классах школьники в обязательном порядке также учат классический арабский язык, чтобы уметь читать и понимать Коран в оригинале.

Уже в первые годы после Исламской революции были сделаны радикальные изменения в иранской системе образования, которая до этого ориентировалась на западные образцы. Из школ были удалены учителя, не одобрявшие революцию, и оставлены только лояльные режиму. Новые учителя проходят тщательную процедуру отбора еще при поступлении в педагогические вузы, где огромная роль отводится исламскому образованию и религиозным практикам. Ношение платка для девушек стало обязательным, и вводилось жесткое разделение полов. В школах были введены коллективные молитвы и празднование важных религиозных и политических дат. Весьма важные преобразования коснулись и университетов: в конце 1980 г. они были на время закрыты с целью изменения их программы в соответствии с исламскими ценностями. В 1987 г. Меджлис принял закон, согласно которому основная цель школьного образования заключалась в воспитании благочестивого мусульманина, который бы служил исламскому обществу. Принятый на Западе принцип разделения науки и религии был полностью отброшен: тексты всех учебников были изменены с целью их соответствия шиизму и политическому исламу, и даже в «светских»

предметах (история, персидский и арабский язык, обществознание…) появилось множество разделов и тем, посвященных религии (биография религиозных авторитетов, история религии и т.д.). С учетом всего этого, в настоящее время, в целом, 24% времени в начальной школе и 26% в средней уделяется религиозному образованию. Все важные общественно-политические и даже бытовые темы рассматриваются исключительно с точки зрения шиизма. Так, если речь идет о женщине, то она в учебниках изображается как матерь и хранительница домашнего очага, а работающим женщинам почти не уделяется внимание. Что касается религиозных меньшинств, то в учебниках признаются только официально разрешенные меньшинства (а, например, бахаизм осуждается как «секта»), и говорится, что атеизм – что-то невозможное или даже ненормальное [9, с. 7–13].

В учебнике под названием «Вера и жизнь» для учащихся 11-х классов один раздел посвящен теме исламского правления. В нем говорится, что имамы, правившие исламской общиной, не могли помочь советами всем верующим и поэтому назначали своих представителей, знающих каноны ислама, в те или иные области для помощи и консультации верующих. Пророк ислама также подчеркивал важность обращения к знающим духовным наставникам. В настоящее время такие специалисты по применению исламских заповедей к современной жизни называются марджа-ат таклид, и к ним должны обращаться верующие для решения своих серьезных проблем и вопросов. Поскольку в совершенствовании нуждается не только каждый человек в отдельности, но и общество в целом, то для этого необходим правитель, который бы двигал весь народ в сторону все лучшего и лучшего исполнения исламских заповедей и обеспечивал бы справедливость. Ранее эту роль брали на себя основатель ислама и имамы, а после сокрытия последнего имама (согласно воле этого имама) это должен быть самый сведущий богослов (вали-йе факих), который должен обладать весьма выдающимися характеристиками, позволяющими ему править справедливо и мудро. В учебнике подчеркивается, что первого вали-йе факих, имама Хомейни, народ избрал сам массовым участием в протестах, а также голосованием за Исламскую республику, а второго такого правителя – аятоллу Хаменеи – косвенно избрал через выборщиков – членов Совета экспертов. Утверждается, что народ должен способствовать укреплению власти вали-йе факих путем борьбы с собственными грехами и недостатками, путем получения знаний о действиях врагов ислама и

Ирана, путем активного участия в общественной деятельности на благо страны [1, с. 142–148].

Основной военно-политической организацией, на которую возложена задача сохранения режима и защита его от внутренних и внешних угроз, является Корпус стражей исламской революции (КСИР), который представляет собой не только военную, но и идеологическую, а также политическую организацию. Власть считает крайне важным обеспечить высокий уровень религиозной мотивированности в КСИР. Религиозно-идеологической работой руководит представитель Верховного Лидера. За религиозным воспитанием членов КСИР следят войсковые муллы, обучая военнослужащих исламской нравственности, пониманию Корана и религиозно-политическим вопросам. В подростковом возрасте иранцев призывают вступить в добровольческую организацию, стоящую на страже режима – «Басидж», или резервный орган Вооруженных Сил, где молодежь получает военную подготовку. На эту организацию возложена также задача расширять религиозную пропаганду среди населения страны. Структура «Басидж» следующая: она состоит из военной части и идеологической части, которой руководит управление пропагандой, возглавляемое представителем Верховного Лидера, и в которую входят органы религиозно-идеологического воздействия и воспитания личного состава. У всех подразделений и частей Басиджа имеются свои духовные наставники, отвечающие за соблюдение исламских заповедей. Первичная подготовка членов Басиджа осуществляется в свободное время по их месту жительства, а руководят ей сотрудники КСИР или бывшие военные. В задачи Басидж входит обеспечение безопасности внутри страны, подготовка резерва для вооруженных сил, организация и проведений демонстраций в мусульманские праздники и другие важные дни, а также проведение агитационной работы по привлечению в организацию новых членов. Силы Басидж активно используются режимом для разгона оппозиционных демонстраций [4, с. 247–254].

Всего в Басидж в 2010 г. состояло 12,6 млн. человек, причем в последние годы ее активность охватывает и младших школьников. Бригадный генерал Мохаммед-Салех Джокар, возглавляющий Школьное отделение Басиджа (где состоит 4,6 млн. школьников и школьниц), заявил, что в первой половине 2010 г. было основано 6 тыс. «центров сопротивления» Басидж в начальных школах, чтобы подготовить младших школьников к полноценному участию в Басидж, когда они поступят в среднюю школу и им исполнится 12.

По его словам, это необходимо, чтобы укоренить в восприимчивых детских душах идеи революции и Басиджа. Власти резко усилили и идеологическую работу среди младших школьников, выразив намерение послать туда 4 тыс. экспертов по политическому образованию, чтобы дети успешнее сопротивлялись навязываемым с Запада ценностям и отстаивали идеалы революции [7].

Все иранцы тем или иным образом подвергаются воздействию государственной пропаганды через государственное телевидение и радио. Что касается телевидения, то программа передач выстроена таким образом, что значительный процент в ней составляют передачи о религии и политике. В программу передач входят толкование Корана и хадисов, объяснение речей Хаменеи, выступления богословов, трансляция намазов и обсуждение связи исламских заповедей с повседневной жизнью, передачи по случаю дней рождения имамов, проблемы стран и регионов, сталкивающихся с войнами, жизнь мусульман в других регионах мира.

Очень важным сегментом индоктринации населения является уличная агитация. Так, в каждом городе можно видеть очень большое количество плакатов, где приведены изречения Хомейни и Хаменеи, а иногда - основателя ислама Мухаммеда и шиитских имамов, портреты и цитаты «шахидов» - мучеников, павших в боях при защите Отечества или от рук террористов (культ мученичества и почитание имама-мученика Хусейна глубоко укоренены в иранской традиции), разъяснения тех или иных религиозных положений, утверждения о пользе благотворительности и вреде стяжательства, напоминания о необходимости соблюдать те или иные заповеди. Больше всего плакатов посвящено необходимости соблюдать хиджаб женщинам. Тех, кто пренебрегает этим правилом, предупреждают об опасности попасть в ад (впрочем, за соблюдением исламской нормы одежды тщательно следит полиция нравов). В ходе предвыборной агитации кандидаты очень часто прибегают к религиозной риторике, обосновывая свои политические позиции ссылками на Коран, хадисы или цитаты из произведений Хомейни.

Кинематограф как массовое искусство тоже в значительной мере поставлен на службу государству. В шахское время киноискусство находилось под большим влиянием США и почти не затрагивало темы религии, а фильмы снимались в основном о бытовых проблемах. Сразу после революции, в 1980-е гг., кино было поставлено на службу государству, все иностранные фильмы

подверглись цензуре на предмет соответствия заповедям (например, запрещалось показывать поцелуи влюбленных), и в стране стали сниматься фильме о построении исламского общества, порочности шахского режима и доблести иранцев в войне с Ираком. В то же время резко снизилось качество кинопродукции. В конце 1980-х гг. министр культуры М. Хатами заявил, что кинематографу следует отойти от навязывания людям идеологии и сделать акцент на ненавязчивом образовании и развлечении. В результате давление на кино было ослаблено. В 1990-е гг. кино становится намного более разнообразным, и в нем помимо национальных особенностей (живописность, метафоричность, элемент нравоучения) начинают учитываться тенденции мирового кинематографа и начинают отражаться проблемы, волнующие иранское общество. Появилось множество качественных фильмов талантливых режиссеров, посвященных бытовой тематике, положению женщин и общечеловеческим темам и высоко оцененных и в самом Иране, и на Западе, хотя прославление ислама и исламского режима все еще остается весьма важным его направлением [5, с. 12–21].

В стране существует строгая цензура книг и фильмов, особенно поступающих из-за рубежа, чтобы в них не обнаружилось того, что нарушает заповеди. Книгопечатание в Иране, подобно другим исламским странам, ориентировано во многом на выпуск книг религиозного содержания.

Огромная роль в религиозной индоктринации иранцев режим отводит изучению Корана. Так, с 1979 г. в Иране издано 200 миллионов экземпляров священной книги мусульман. Иран стал единственной страной, чья Конституция базируется на положениях Корана, чьи законы проверяются на предмет соответствия Корану и чей верховный правитель обязан хорошо разбираться в его толковании. Было создано кораническое радио и телевидение и более 400 сайтов, посвященных Корану, а в центрах провинций и крупных городах были открыты Дар-уль-Куран – «Дома Корана», где людей обучают его чтению и пониманию. Были изданы наиболее объемные комментарии к Корану. Был открыт Университет Корана и факультеты по изучению Корана во многих университетах. Десятки тысяч людей после революции стали хафизами – знающими наизусть Коран. Гостелерадио Ирана выпустило чрезвычайно популярный в исламском мире сериал, основанный на коранических сюжетах [3]. В стране регулярно проходят соревнования по чтению Корана. Заслуживают внимания слова заместителя губернатора Южного Хорасана сейида Моджтаба Аляви-Мокаддама на одном из

таких конкурсов: «…Сегодня, благодаря режиму Исламской республики, умение народа, и пожилых, и молодых, и малолетних детей, читать и рецитировать Коран, учить его наизусть и действовать в соответствии с ним, выросло многократно… Чем больше мы сможем, правильно понимая Коран, в соответствии с ним поступать в своей жизни, в сфере морали, поведения, действий и наших обязанностей, чем больше мы сольемся с Кораном, тем успешнее будет наша жизнь… Всевышний Господь ниспослал Коран, чтобы мы получили правильные понятия о поведении и нравственности и применяли его в своей жизни… Основная проблема западных обществ и стран, лишенных этого дара Божьего, в том, что они не могут успешно управлять своими странами, несмотря на то, что у них есть разные науки и богатство… Коран – основной фактор успеха, слова Корана в себе содержат покой, рассказывают о науке и технологии. Если к ним прислушаться, то мы добьемся успеха во всех сферах… Те, кто серьезно занимается исследованиями, найдут в словах божественного откровения все источники наук. Коран – это не обычная книга, прочитав которую один раз, мы получим руководство. Коран – как вода, в которой мы нуждаемся каждый день…» [6].

Весьма значительную роль режим отводит контрпропаганде, направленной на борьбу с западным влиянием и западными идеями. Режим, включая Верховного Лидера аятоллу Хаменеи, постоянно разъясняет народу цели Запада, США и Израиля, говорит об их исключительной враждебности по отношению к народу Ирана и строю Исламской республики. В телепередачах постоянно осуждается западный образ жизни. Однако, несмотря на колоссальные усилия по дискредитации западного общества, все же среди молодого поколения популярность западного стиля жизни достаточно высока, а авторитет режима, основанного на религии, постепенно падает [4, с. 258–262].

Однако, в целом, за простым народом следят далеко не так пристально, как за теми, кто поступает на государственную службу. К этой категории иранских граждан внимание государства гораздо более серьезное. Прежде всего, им надлежит сдавать специальный экзамен на знание основ ислама и политического устройства Исламской республики. В 1995 г. был принят закон, регулирующий процесс подобного рода отбора (гозинеш). Люди должны продемонстрировать свою лояльность к исламу, исламской республике и принципу велаят-э факих. Им необходимо верить в ислам или официально признанные религии, вести праведный образ

жизни и не поддерживать запрещенные оппозиционные организации. Причем данному отбору подвергаются все, желающие работать в любой организации или фирме, которая полностью или частично находится на государственном финансировании [8, с. 16–17]. Также для определения уровня политической активности проверяется наличие печатей в паспорте, которые ставятся при каждом голосовании.

Литература

1. Дин-о зендеги [Вера и жизнь]. Пайе-йе яздахом-е доуре-йе доввом-е мотавассете [Одиннадцатый класс, старшая средняя школа]. Тегеран: Организация исследования и планирования образования, 2017. – 184 с.
2. Имам Хомейни. Путь к свободе: Речи и завещание. М. : Палея, 1999. – 420 с.
3. ИСНА=Информационное агентство иранских студентов. Даставардха-йе энкелаб-е эслами дар хоузе-йе Коран (Достижения Исламской революции в области Корана) // ИСНА [Электронный ресурс]. 22.01.2019. Режим доступа: https://www.isna.ir/news/97110100028/
4. Калюжный Н. Е. Политико-идеологическая и религиозная индоктринация гражданского населения и военнослужащих Ирана // Ближний Восток и современность. Сб. ст. Вып. 24 / Отв. ред. А. О. Филоник. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. – С. 245–263.
5. Лоскутова Н. Г. Кино Ирана: ведущие тенденции 1950-х – 2000-х годов. Автореферат… кандидата искусствоведения. М.: Всерос. гос. ин-т кинематографии им. С. А. Герасимова, 2006. – 29 с.
6. Тасним (новостное агентство). Амузеш-о парвареш биштар бе моузу-йе Коран бепардазад (Пусть [министерство] образования уделит большее внимание Корану) // Тасним [Электронный ресурс]. 19.07.2018. – Режим доступа: https://www.tasnimnews.com/fa/news/1397/04/28/1780067/
7. Aryan H. How Schoolchildren Are Brainwashed In Iran // Radio Free Europe. Radio Liberty [Электронный ресурс]. 27.05.2010. – Режим доступа: https://www.rferl.org/a/Commentary_How_Schoolchildren_Are_Brainwashed_In_Iran/2054304.html

8. Harper E., Bevilacqua C., Tatulashvili N. Analysis of Labour Rights and Employment: Iran's International Human Rights Obligations. June 2014 [Электронный ресурс]. 27.05.2010. – Режим доступа: https://www1.essex.ac.uk/hri/documents/analysis-labour-rights-employment.pdf. – 22 pp.
9. Paivandi S. The meaning of the Islamization of the school in Iran // In: M. Ahmed. Education in West Asia. London: Bloomsbury, 2012. – P. 79–10

Хриенко Т.В.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ КРЫМСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ 1991-2014 гг.

Аннотация. В статье представлены результаты социологических исследований международных приоритетов молодежи Крыма за период с 1991 по 2014 годы. Объектом исследования явилась молодежь Крыма в возрасте от 18 до 30 лет, постоянно проживающая на полуострове. Предметом – мировоззренческие приоритеты крымской молодежи в отношении таких международных институтов, как НАТО, Евросоюз и Таможенный Союз.

Ключевые слова: молодежь, политика, мониторинг, регион, мировоззрение, НАТО, Евросоюз, Таможенный Союз.

Khrienko T.V.

INTERNATIONAL PRIORITIES OF CRIMEAN YOUTH IN HISTORICAL RETROSPECT OF 1991-2014

Abstract. The article presents the results of sociological research of international priorities of youth of Crimea for the period from 1991 to 2014. The object of the study was the youth of Crimea aged from 18 to 30 years, permanently residing on the Peninsula. The subject is the ideological priorities of the Crimean youth in relation to such international institutions as NATO, the European Union and the Customs Union.

Keywords: youth, policy, monitoring, the political process, region, ideology, NATO, the European Union and the Customs Union.

В последнее время среди отечественных и зарубежных специалистов, исследующих социально-экономические и политические проблемы, особо проявляется интерес к изучению юнологических проблем, в том числе международных приоритетов молодежи [1; 2; 3; 4; 5; 6]. В специфике Крыма это имеет исключительно важное значение, поскольку определяет соответствующую идентификацию молодежи в современных, необычайно сложных международных отношениях.

Начиная с 1991 года, нами проводится длительный мониторинг по вопросам экономической, политической и гуманитарной жизнедеятельности молодых крымчан. Ежегодно по репрезентативной выборке опрашивалось не менее 1,5 тысяч респондентов в возрасте от 18 до 30 лет, проживающих во всех городах и районах Крыма. Основные результаты исследований представлены в ряде монографий, научных статей и массмедиа [7; 8; 9].

В представляемой работе впервые в обобщенном виде публикуются данные, отражающие отношение молодежи Крыма к таким важнейшим институтам общественно-политических отношений современности как НАТО, Евросоюз и Таможенный Союз.

Вопросы, связанные с развитием военно-политического блока НАТО активно стали обсуждаться на Украине и в Крыму начиная с 1995 года. Именно в это время украинские власти официально определили курс на расширение партнерских отношений с этим военно-политическим блоком. С другой стороны, Североатлантический блок также объявил о начале реализации своей политики «расширения на восток». В данной связи нами и изучалось состояние общественного мнения молодежи Крыма по данному вопросу.

В целом исследования показали, что молодые крымчане в большинстве своем особо критически относились к НАТО как военно-политическому блоку. Особенно такая критичность проявилась в период агрессии НАТО против Югославии. На стороне НАТО в оценках косовского конфликта выступила лишь часть (около 40%) крымскотатарской молодежи и представителей украинских националистов. На фоне учений Североатлантического блока в Крыму, расширения военно-политического сотрудничества Украины со странами Запада формировалось соответствующее общественное мнение, которое в существенной степени влияло на отношение к политике Украины, направленной на расширение сотрудничества с

НАТО. Это в существенной степени отражает информация, представленная в таблице №1.

Распределение ответов на вопрос:

«Поддерживаете ли Вы политику Украины, направленную на расширение сотрудничества страны с блоком НАТО?»

(Данные приводятся в % к общему количеству опрошенных, в среднем по периодам, указанным в таблице)

Таблица № 1.

Позиции	**Степень поддержки, в %, по годам мониторинга**						
	1994 – 1996	*1997– 1999*	*2000– 2002*	*2003– 2005*	*2006– 2008*	*2009– 2011*	*2012– 2014*
Да, поддерживали	23,3	15,8	12,1	11,0	11,5	10,0	9,0
Нет, не поддерживали	54,6	63,5	67,4	73,5	76,0	75,5	80,0
Затруднялись с ответом	20,0	15,6	15,6	10,5	6,0	6,5	7,0
Другое	2,1	5,1	4,9	5,0	6,5	8,0	4,0
Итого	100	100	100	100	100	100	100

Как свидетельствуют данные, представленные в таблице №1, критические настроения в отношении сотрудничества Украины с блоком НАТО у молодых людей имели тенденцию к росту. Респонденты в гг. Севастополе, Симферополе и Керчи были более радикальны в определении отрицательных оценок, чем их сверстники по Крыму в целом. Поддерживала расширение сотрудничества с НАТО лишь незначительная часть респондентов.

Известно, что стремление руководителей украинского государства к расширению сотрудничества с зарубежными организациями и интегрироваться в них было необычайно большим. Это относится, прежде всего, к так называемой политике «европейского выбора», расширение связей с Евросоюзом, ВТО и другими международными организациями. С другой стороны, многие страны Запада пытались строить свои отношения с Украиной так, что

иногда их деятельность можно было расценивать как вмешательство во внутреннюю и внешнюю политику Украины.

В украинских массмедиа постоянно обсуждался вопрос: какой путь дальнейшего развития Украины наиболее целесообразен – прозападный или свой собственный? Это не могло не волновать общественное мнение населения в целом и крымской молодежи в частности. В данной связи нами был поставлен вопрос о степени доверия к Евросоюзу.

Степень доверия молодежи Крыма к Евросоюзу.

(Данные приводятся в процентах к общему количеству опрошенных, в среднем за периоды, указанные в таблице)

Таблица №2.

Степень доверия	**Проявление степени доверия к Евросоюзу, в %, по годам мониторинга**						
	1994–1996	*1997–1999*	*2000–2002*	*2003–2005*	*2006–2008*	*2009–2011*	*2012–2014*
Полностью доверяли	36,7	19,6	13,6	12,5	15,0	14,0	13,5
В некоторой степени доверяли	17,0	9,9	8,4	9,3	10,0	11,5	10,5
Не очень доверяли	14,9	17,8	13,5	14,5	15,0	14,5	9,0
Совсем не доверяли	9,7	27,1	33,2	31,5	29,5	30,0	26,5
Затруднялись с ответом	21,7	25,6	31,3	32,2	30,5	30,0	40,5
Итого	100	100	100	100	100	100	100

В отличие от официальных заявлений руководителей страны и проводимого политического курса, направленного на евроинтеграцию, крымская молодежь в данном вопросе имела собственную точку зрения. Отношения к Евросоюзу среди молодежи региона, как показывают данные таблицы №2, являлись неоднозначными. В той или иной степени доверяла Евросоюзу всего лишь четвертая часть крымской молодежи, за исключением периода 1994-1996 годов. В таких условиях эффективно проводить политику на «евроинтеграцию» являлось крайне нерациональным, что, вероятно, и привело к почти

полному ее неприятию, включая неприятие в Крыму идей «евромайдана».

Наряду с указанным, в мировоззрении крымской молодежи отчетливо проявлялись позиции, направленные на реинтеграцию с Россией и другими странами СНГ. Об этом свидетельствуют полученные в ходе длительного мониторинга соответствующие данные [10].

Особо ярко такие настроения подтверждают исследования, проведенные 1-7 декабря 2013 года среди студентов вузов Крыма. В то время было опрошено 1137 респондентов, преимущественно студентов старших курсов государственных и ряда ведущих коммерческих вузов Автономной Республики Крым и города Севастополя.

Распределение ответов на вопрос:

«Как вы относитесь к идее вступления Украины в Таможенный Союз?»

(Данные в % к общему количеству опрошенных)

75,5% – положительно, Украина должна вступить в Таможенный Союз

19,5% – отрицательно, Украина не должна вступать в Таможенный Союз

5,0% – другое

_____

100% – итого

Таким образом, проведенные нами исследования в части выявления международных приоритетов крымской молодежи в исторической ретроспективе 1991-2014 годов дает основания сделать следующие заключения:

- крымская молодежь в подавляющем большинстве критически относилась к политике Украине на расширение сотрудничества с НАТО. При этом Североатлантический блок в общественном сознании молодежи рассматривался как агрессивная военная организация;

- отношение к Евросоюзу также у существенной части крымской молодежи являлось отрицательным. Степень относительного доверия к этой организации проявлялась в 2012-2014 годах на уровне 33,0%;

- исследованием также установлено, что главный фарватер проявления международных приоритетов у крымской молодежи был

направлен в сторону реинтеграции с Россией и другими странами СНГ.

В целом, приведенные данные свидетельствуют и объясняют, в том числе, почему на референдуме 2014 году о статусе Крыма крымская молодежь была необычайно активна и в подавляющем большинстве своем поддержала воссоединение Крыма с Россией.

Литература

1.Бобахо В.А., Левикова С.И. Социально-политические аспекты молодёжной субкультуры// *Вестник Московского университета.* – 2014. – №2. – С. 35-45.

2. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория / И.М. Ильинский. – М.: Голос, 2013.– 584 с.

3. Ильинский И.М. Молодежь как глобальная проблема человечества. Молодежная политика как императив 21 века /И.М. Ильинский.– М.: Голос, 2014. – 168 с.

4. Тальников Е.В. Государственная молодежная политика: методика выработки конструктивных решений// *Российский экономический журнал.* – 2014. – №2.– С. 9.

5. Меркулов П. А. Молодежь как основной ресурс «цветных революций» и борьба за нее *// Власть*– 2015.– № 6. – С. 63–66.

6. Торгашев Р. Е. Система органов власти в сфере молодежной политики: зарубежный опыт // *Публичное и частное право*. – 2015. – № 1.– С. 32-43.

7. Хриенко Т.В. Мировоззренческая детерминация молодежи Крыма (опыт социологического анализа): монография/Т.В. Хриенко.– Симферополь: ЧП ГУК, 2009. – 260 с.

8. ХриенкоТ.В. Молодежь Крыма о политике и политиках (опыт социологических исследований): монография /Т.В. Хриенко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2013. – 206 с.

9. Хриенко Т.В. Динамика формирования общественно-политических приоритетов крымской молодежи / Т.В. Хриенко. – Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология.2016.– 2 (68). –№ 1. – С. 25-33.

10. Хриенко Т.В. Мировоззренческие ценности молодежи Крыма (1991-2017 гг.) : монография / Т.В. Хриенко. – Симферополь: «АРИАЛ», 2018. – С. 101-104, 117, 157, 298.

Черкасская Н.А.

ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ В НАЧАЛЕ XX В.: СЛУХИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ И СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В статье рассматривается значение политических слухов, связанных с образами представителей династии Романовых, а также способы и каналы их трансляции в начале XX в. Основные события, рассматриваемые в работе: Первая мировая война, убийство Г.Е. Распутина и революции 1917 г.

Ключевые слова: Романовы, образ, слухи, Первая мировая война, революция.

Cherkasskaya N.A.

THE ROMANOV DYNASTY IN THE 1ST PART OF XX CENTURY: RUMORS IN POLITICAL AND SOCIOCULTURAL SPACE

Abstract. The article is considering the meaning of political rumors, connected with the images of the Romanovs as well as ways and channels of their spreading in the 1st part of XX. The main events covered in the article: World War I, assassination of G.E. Rasputin and revolutions of 1917.

Keywords: Romanovs, image, rumors, World War I, revolution.

Исследователи репрезентации образа династии Романовых, такие как, к примеру, Р.С. Уортман подробно анализируют создание политического «сценария», который был необходим для популяризации монархической формы правления. Уортман подчеркивает, что именно российская монархия отличалась тщательно разработанной системой церемониалов и пышными ритуалами [1, с. 18].

Не менее интересным и важным является процесс восприятия представителей правящей династии в различных кругах: от приближенных до народных масс. Это отмечает историк Б.И. Колоницкий, который в своей статье «Политическая порнография: случай России (1914-1917)» обращает внимание именно на проблемы восприятия образов Романовых [2].

Целью нашего исследования является выявление и классификация слухов, распространявшихся среди ближайшего окружения Романовых во время Первой мировой войны. Для этого необходимо проанализировать причины и механизмы появления и распространения слухов, а также направления их трансляции. Источники личного происхождения членов дома Романовых, а также приближенных и других представителей элитарных кругов являются для настоящей работы главными.

В исследованиях культурных перемещений выделяют несколько видов трансферов – т.е. культурных заимствований и перенесений: трансфер через соревнование, трансфер по выбору и трансфер случайный [3, с. 5]. Последний в контексте рассмотрения политических слухов интересует нас больше всего, поскольку именно наблюдение за монархией и представителями династии в большинстве случаев, как за чем-то далеким и закрытым, порождало такое явление как слухи.

Б.И. Колоницкий подчеркивает тот факт, что «периоды глубоких политических потрясений необычайно усиливают роль персонификации в политике» [2, с. 16]. В обстановке всеобщего хаоса, за развитием которого было трудно уследить, таким образом, зарождались самые парадоксальные мысли, превращаемые в слухи. Фрейлина императрицы Александры Фёдоровны – София Буксгевден, вспоминая о периоде Первой мировой и революции в России, отмечала, что в то время «слухи заменяли информацию» [2, с. 22].

В таких условиях именно представители династии Романовых, как символы монархии и власти в целом, становились первыми объектами для слухов различного характера. Николай II выступал чаще всего в двух образах: в первом случае он изображался как неверный муж и император, который действует в интересах немцев. Во втором, как слабохарактерный человек, которым руководит жена, слушающая Г.Е. Распутина. Возникновение первого образа императора, скорее всего, связано с чередой династических браков Романовых с немецкими принцессами. Подобный образ с отсылкой к немецким корням династии в элитарных кругах начал складываться ещё в начале XIX в. и отразился в песне, сочиненной К. Рылеевым и А. Бестужевым в 1823 г.:

Царь наш - немец русский - / Носит мундир узкий. / Ай да царь, ай да царь, / Православный государь! [4, с. 86-87].

Немецкое происхождение императрицы и ее негативное влияние обсуждалось не только в народных массах в провинции,

трансформируясь в фольклор и слухи, но и в пределах Зимнего дворца, где во время Первой мировой войны ходил анекдот о том, как один генерал повстречал плачущего наследника престола. Генерал спросил, кто его обидел, на что цесаревич ответил: «Когда русских бьют, папа плачет. Когда немцев бьют, мама плачет. А когда мне плакать?» [5, с. 267].

Примечательно, что даже некоторые из Романовых считали, что прогерманская деятельность императрицы имела место. Так, например, двоюродный дядя императора Николая II – великий князь Николай Михайлович в своем дневнике 17 сентября 1914 г. записал: «Сделал целую графику, где отметил влияния: гессенские, прусские, мекленбургские, ольденбургские и т.д., причем вреднее всех я признаю гессенские на Александру Фёдоровну, которая в душе осталась немкой» [6, с. 166].

Близкое родство Романовых с немецкими правящими династиями вследствие непрерывной череды междинастических браков императоров с немецкими принцессами к началу Первой мировой стало проблемой национального дискурса не только в народных массах, но и в близких ко двору кругах. Популярным в народе стал слух о том, что брат Елизаветы Федоровны и Александры Федоровны Эрнст Людвиг Гессен-Дармштадтский приехал в Россию для заключения сепаратного мира между Россией и Германией и скрывается в Марфо-Мариинской обители у Елизаветы Федоровны [7]. Точно такой же слух ходил и про Александру Федоровну, однако, Марфо-Мариинская обитель в нем заменялась на подвалы дворца. Таким образом, границы между образами двух сестер бессознательно размывались.

Тот факт, что большинство сплетен и слухов, в том числе и тех, которые были связаны со шпиономанией и «германофилией» императрицы, зарождались в Петрограде, в своих воспоминаниях подчеркивал великий князь Александр Михайлович: «Ничего, кроме лжи и сплетен, выдаваемых за истину только потому, что их распускают высшие придворные чины» [8, с. 259].

По мысли психолога из Университета Темпл Ральфа Роснова, «слух - это своего рода гипотеза, спекуляция, которая помогает людям осмыслить хаотическую реальность или дает им небольшое чувство контроля в угрожающем мире» [9]. Самыми подходящими для рождения таких слухов были критические моменты: общественное негодование, близость революции, громкое убийство.

Исследователи выделяют несколько видов слухов, связанных с политикой. Два из них можно отнести к рассматриваемым нами:

1. «слух-пугало». К такому виду относятся слухи о поражении на фронте или о скором падении династии после убийства Распутина.

2. «агрессивный слух», который формирует сюжет, развивающий тему различных конфликтов [10]. К таким слухам можно отнести все те, которые были связаны с германофилией кого-либо из Романовых.

Таким образом, слухи, активно распространявшиеся в народных массах, зачастую зарождались в кругах, близких к династии Романовых: дворянство, офицерство и т.д. Часто происходило размывание границ между «обсуждаемыми» – имя персоны теряло свое значение, была важна принадлежность к правящей фамилии. Слухи воспринимались как правда, несмотря на то, что в источниках личного происхождения по-прежнему назывались слухами.

Романовы, как правящая династия становились главными объектами слухов, как при дворе, так и в столице, и на фронте. Слухи, таким образом, чаще всего появлялись именно в правящих кругах. Однако причины и мотивы для их распространения среди представителей династии являются темой для дальнейшего исследования.

Литература

1. Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии российской монархии. Т. 1. М.: ОГИ, 2002. 608 с.

2. Колоницкий Б.И. Политическая порнография: случай России (1914-1917). [Электронный ресурс] // Leontief Centre. URL: http://www.leontief.ru/inc2/articles/237/307/basket/kolonizkii.pdf

3. Imperium inter pares. Роль трансферов в истории Российской империи (1700-1917) М.: НЛО, 2010. 392 с.

4. Рылеев К.Ф. Агитационные песни, написанные вместе с А.А. Бестужевым. К.Ф. Рылеев. Избранное. М., "Детская литература", 1972. С. 86-87

5. Синдаловский Н. Династия Романовых в зеркале городского фольклора. М.- СПб.: Центрполиграф, 2011. 320 с.

6. Записки Н.М. Романова // Красный архив. Т. 4-5. 1931.

7. Протоиерей Михаил Ходанов. Преподобномученица Елизавета Федоровна Романова. Попытка неформального жизнеописания. [Электронный ресурс] // Журнал «Переправа». URL:

http://pereprava.org/jurnal-pereprava-article/1803-prepodobnomuchenica-elizaveta-feodorovna-romanova-prodolzhenie.html
8. Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М.: Захаров, 2014. 528 с.
9. Daniel Goleman. Anatomy of a Rumor: It Flies on Fear. [Электронный ресурс] // The New Your Times. URL: https://www.nytimes.com/1991/06/04/science/anatomy-of-a-rumor-it-flies-on-fear.htm
10. Осетрова Е.В. Возникновение, обращение и факторы развития слухов. [Электронный ресурс] // Киберленинка. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozniknovenie-obraschenie-i-faktory-razvitiya-sluhov

Щетинина Е.А.

ПОТЕНЦИАЛЬНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Предлагаемая вниманию исследовательская работа посвящена изучению потенциального применения технологии распределенного реестра в государственном управлении Российской Федерации. Выявлены сильные и слабые стороны блокчейн-технологии. Определены области внедрения технологии распределенного реестра в сфере государственного управления Российской Федерации.

Ключевые слова: блокчейн-технологии, технологии распределенного реестра, государственное управление, Российская Федерация.

Shchetinina E.A.

POTENTIAL APPLICATION OF BLOCKCHAIN TECHNOLOGY IN THE PUBLIC ADMINISTRATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The proposed research work is devoted to the study of the possible using of the blockchain technology in the state administration of the Russian Federation. The strengths and weaknesses of the blockchain technology are identified. The scope of application of the distributed

access technologies in the field of public administration of the Russian Federation.

Keywords: blockchain technology, distributed ledger technology, public administration, Russian Federation.

Одним из трендов мирового развития является цифровизация большинства процессов. Это направление не обошло стороной, в том числе, и сферу государственного управления. Правительства множества стран следуют в направлении развития данной тенденции. Например, Эстония, внедрившая систему электронных медицинских карт на основе блокчейн-технологий [3] или Швеция, Национальная земельная служба которой заявила о работе с блокчейн стартапом ChromaWay, штат Делавер в США презентовал инициативу по автоматизации юридической и операционной деятельности компаний с применением технологии распределенного реестра [1]. Не стала исключением в этом вопросе и Российская Федерация, разработавшая стратегию планирования развития по наиболее перспективным областям науки и технологий на период до 2030 года, где уделила внимание большому потенциалу внедрения блокчейн-технологий [6].

Актуальность темы данной статьи определяется тем, что в настоящее время правительство Российской Федерации приступило к внедрению в органы государственной власти информационных и коммуникационных технологий, в число которых входит и технология распределенного реестра [5].

Целью статьи является определение потенциальных областей применения технологии распределенного реестра в государственном управлении Российской Федерации, качественно повышающих эффективность работы системы.

Блокчейн-технология, описанная и впервые примененная Сатоши Накомото в пиринговой платежной системе Биткоин в 2008 году, подразумевала под собой децентрализованное решение вопроса о том, как совершать электронные транзакции между сторонами, пропуская любые институты (то есть происходило выполнение процедур напрямую, без посредников) [8].

Стоит заметить, что определение понятия «транзакция» здесь следует понимать в широком значении, а именно, что это серия операций по обмену данными, в результате которой в систему вносятся изменения. Поэтому криптовалюты являются не единственной областью применения технологии распределенного реестра. Так, блокчейн может использоваться во всех сферах

человеческой деятельности, где требуется подтверждение достоверности информации. Это касается и государственного управления.

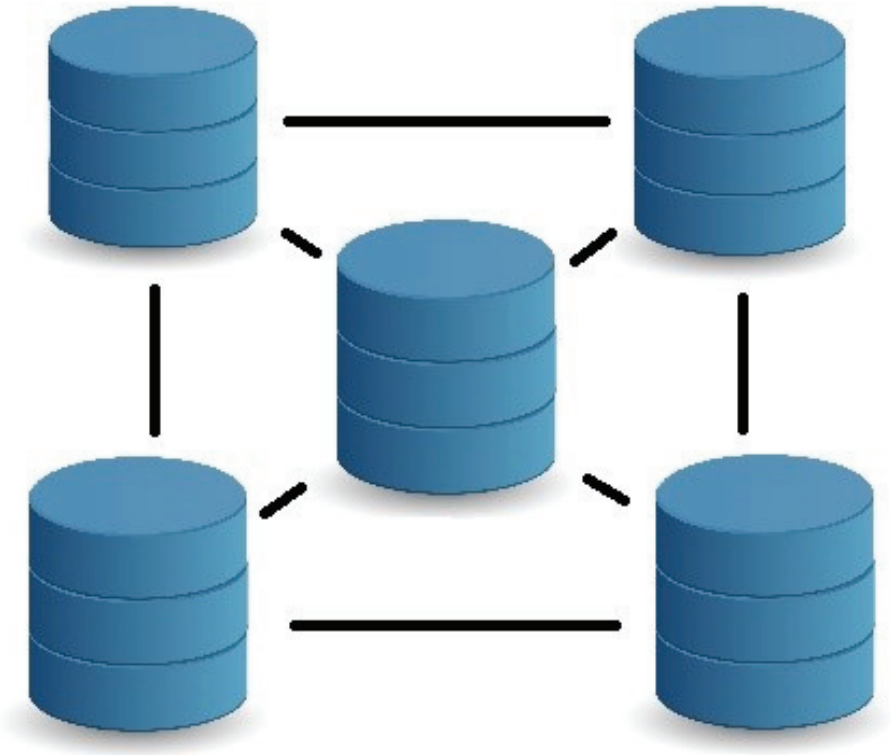


Рис.1. Схема технологии распределенного реестра.

Данная технология обладает определенным рядом сильных сторон перед традиционной, то есть централизованной системой хранения данных:

1. Прозрачность управления. Ликвидация мошеннических действий, сокращение коррупции.
2. Безопасность данных. Защита от кибератак, надежная верификация пользователя, обеспечение консистентности данных, снижение влияния человеческого фактора.
3. Экономические преимущества. Ускорение обмена информацией, уменьшение расходов на содержание управленческого аппарата, экономия средств на снижении бумажного делопроизводства [4].

Именно из-за большого количества преимуществ технологии распределенного реестра, в Росссийской Федерации уже происходит её внедрение. Например, в таких областях как:

1. Голосование на выборах. Сбор данных в блокчейн-хранилище. Партия «Единая Россия», презентовавшая процедуру цифровых праймериз, реализованных на базе блокчейн-технологии, будет использовать её в обязательном порядке в 32 субъектах в Единый день голосования 2019 года. Такой вид голосования уже применялся партией в некоторых регионах в 2018 году. В нем приняли участие 217 тыс. человек [2].
2. Контроль государственных закупок. Чтобы избежать мошенничества и усовершенствовать работу системы государственных закупок, до конца 2019 года система контроля государственных закупок будет переведена на блокчейн [9].
3. Кадастровый учет. В Ленинградской области запущен пилотный проект Минэкономразвития Российской Федерации по использованию блокчейн для мониторинга достоверности сведений из Единого госреестра недвижимого имущества [3].

Но помимо уже работающих проектов, существуют другие весьма перспективные области внедрения блокчейн-технологии. Такие как:

1. Национальная криптовалюта.
2. Здравоохранение.
3. Идентификация личности.

Однако стоит упомянуть и существующие сложности внедрения технологии распределенного реестра. Например, повышение ответственности за внесение входных данных. Впрочем, нивелируется данная проблема уменьшением контролируемых точек данных. Также полностью не исключается наличие третьей стороны в процессе взаимодействия пользователей. Еще одной слабой стороной является достаточно сложная инфраструктура для обеспечения работоспособности системы [4]. Но все эти сложности, сопутствующие внедрению новой технологии, преодолимы с дальнейшим ее развитием.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что применение блокчейн-технологии возможно в различных сферах человеческой деятельности, связанных с неизбежностью документального подтверждения статуса информации. И хоть технология распределенного реестра имеет свои сложности в реализации, она будет востребована в современном обществе благодаря своим преимуществам.

Литература

1. Авдеев М. Блокчейн-технологии в госуправлении. Мировой опыт // Финансово-экономический журнал Forbes [Электронный ресурс]. URL: https://www.forbes.ru/tehnologii/343203-blokcheyn-tehnologii-v-gosupravlenii-mirovoy-opyt (дата обращения: 17.03.2019).
2. Антонов К. «Единая Россия» соберет голоса в блокчейн-хранилище. Партия власти усовершенствовала процедуру праймериз [Текст] / К. Антонов // Коммерсантъ. – 2019. - №41 - С. 2.
3. Бескровный Р.Д. Применение технологии блокчейн в российском государственном управлении / Бескровный Р.Д., Трифонова А.К. // Научные записки молодых исследователей, 2018. – № 2. – С.33-40.
4. Ломоносов-2019: Материалы XXVI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2019» (3–5 апреля 2019 года, г. Севастополь) / Под ред. О.А. Шпырко, В.В. Хапаева, С.И. Рубцовой и др. – Севастополь : Филиал МГУ в г. Севастополе, 2019. – 280 с.
5. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // Законодательство России [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102431687 (дата обращения: 22.03.2019).
6. Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157978/ (дата обращения:16.03.2019).
7. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р // Официальный сайт Аналитического центра Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://ac.gov.ru/files/content/14091/1632-r-pdf.pdf (дата обращения: 17.03.2019).
8. Сатоши Н. Биткойн: система цифровой пиринговой наличности // Научный поиск - 2016. С. 1-3.
9. Систему контроля госзакупок переведут на блокчейн // Информационный ресурс BitNovosti [Электронный ресурс]. URL:

https://bitnovosti.com/2019/03/16/sistemu-kontrolya-goszakupok-perevedut-na-blokchejn/ (дата обращения: 22.03.2019).

Щёголев Е.Н.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА

Аннотация. Показана обусловленность системного экологического, экономического и социального кризиса универсализацией мировоззренческих основ капиталистической системы, императивами которой являются: максимизация производства, максимизация прибыли и максимизация потребления.

Ключевые слова: капитализм, экономика смерти, корпоратократия, массовая культура потребления, глобализация, техносфера, биосфера, устойчивое развитие, ценности, мировоззрение.

Schegolev E.N.

WORLD VIEW BASIS OF THE CRISIS OF CAPITALISM

Abstract. There is shown the dependance of the global ecological, economic and social crisis on the universalization of the world view foundations of the capitalist system, the imperatives of which are: maximizing production, maximizing profits and maximizing consuming.

Keywords: capitalism, the economic of death, corporatocracy, mass culture of consumption, globalization, the technosphere, the biosphere, sustainable development, values, worldview.

На протяжении последних тридцати лет в научных работах всё больше актуализируется тезис о том, что капитализм есть деградационный, тупиковый путь для всего глобального общества, поскольку техногенная цивилизация, созданная на принципах капитализма, уничтожает биосферу. Локомотивом процессов глобализации экономики, в конечном итоге приводящей к внедрению системы *глобального денежного тоталитаризма,* выступают транснациональные корпорации и транснациональные

банки. Дж. Перкинс, вскрывший детали работы распространившейся на весь мир системы «экономических убийц», ввел новый термин – «*корпоратократия* – саморазрушительная экономика смерти, основанная на войне, долгах и расхищении природных ресурсов [4, с. 13] и пришел к выводу о том, что «в конце концов даже богатые станут жертвами экономики смерти» [4, с.159].

Об этом неоднократно упоминал на различных международных площадках В.В. Путин, начиная с Мюнхенской речи (февраль 2007 г.), ключевым тезисом которой было утверждение, что сама однополярная модель является неработающей, так как в ее основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации. И это в конечном итоге губительно не только для всех, кто находится в рамках этой системы, но и для самого «суверена», потому что разрушает его изнутри. Процессы такого разрушения, предел в эволюции мировой капиталократии убедительно показал А.И. Субетто в работе «Капиталократическая эсхатология» [6].

И. Валлерстайн показал, что именно «приоритет бесконечного накопления капитала» является основой, отличительной особенностью (differentia specifica) капиталистической системы, «чьи институты призваны выделять из общей массы и поощрять тех, кто в своей деятельности соблюдает первенство накопления капитала, и наказывать тех, кто пытается следовать другим приоритетам» [1, с. 17]. Другими словами, капиталистическая система исключает и борется с такими остро востребованными сегодня приоритетами, как природозащитный (в том числе и человекозащитный), приоритет социальной справедливости и тем более нравственный приоритет. Борется вся указанная Валлерстайном «совокупность институтов, рассчитанных на эти операции», используя сформированную в своих целях «интегрированную геокультуру, легитимирующую институциональные структуры и сдерживающую недовольство эксплуатируемых классов» [1, с. 17].

Сегодня очевидно, что результатом глобальной экспансии системы ценностей западной цивилизации – конкурирующего индивидуализма (эгоизма), этического релятивизма, гедонизма, нарциссизма, потребления, конформизма, толерантности, унификации – явился глобальный экологический кризис, сопровождающийся непрекращающейся ожесточенной борьбой за ресурсы, которые экспоненциально истощаются вследствие внедренной в 40-е годы XX века экономической системы

расширенного воспроизводства. Императивами данной системы являются: максимизация производства, максимизация прибыли и максимизация потребления. В свою очередь, данные требования сформировали новый тип человека – homo consumers и новый тип культуры – массовую культуру потребления [3, с. 43].

Фактически глобализация на современном этапе представляет собой *гибридную войну* как необходимое средство обеспечения высокого уровня потребления для наднациональных элит и элит государств-носителей системы ценностей Запада (the West) за счет эксплуатации ресурсов традиционных и названных ими «неразвитыми» стран (the Rest).

Если с позиций Достаточно общей теории управления анализировать жизнь в условиях глобализации как гибридной войны, то средства воздействия на общество (средства защиты, нападения и или предотвращения нападения) можно отнести к шести группам, каждая из которых обладает различной приоритетностью и соответственно имеет свое положение в иерархии:

1) методологический (гносеологический) приоритет. По сути это методология познания и творчества, т.е. осознанное описание процессов в психике личности и в коллективной психике социальной группы или общества, которые протекают в ходе познавательно-творческой деятельности. Если это описание адекватно, то человек в состоянии соотнести с ним свою личностную культуру психической и интеллектуальной деятельности и выработать навык самостоятельного познания мира. В этом случае он обретает независимость от толкователей жизни тем в большей мере, чем более совершенна методология познания и творчества, которую он освоил, и чем дальше он продвинулся в ее освоении. С другой стороны, если познавательно-творческие способности человека не востребованы, подавлены, извращены дефективной методологией познания, то личность, будучи не способной познавать жизнь самостоятельно, становится зависимой от внешних толкователей. Общества в целом характеризуются как отношением к познавательно-творческому потенциалу людей, так и статистикой его освоенности. В зависимости от последнего обстоятельства общество де факто более или менее суверенно: при массовой методологической безграмотности общество обречено утратить реальный суверенитет и подпасть под власть внешних толкователей смысла жизни.

2) *историко-алгоритмический приоритет.* Реализующий концептуальное управление допущен к формированию информации

летописного характера, т.е. тот, кто контролирует настоящее, тот контролирует прошлое, и, следовательно, прогнозирует будущее

3) фактологический приоритет. К нему относится вся фактология всех отраслей науки и техники. По отношению к обществу этот тот приоритет, на котором формируются идеологии, религии, линии поведения, мэйнстрим масс-медиа.

4) экономический приоритет. В нем отражена информация финансово-экономического характера, соответствующие процедуры (финансовые инструменты), государственные и мировые деньги, цены и их соотношения, в том числе выстраивание финансовых схем, позволяющих перераспределять права собственности.

5) пятый приоритет – оружие геноцида, направленное на подрыв генофонда, ослабление потенциала развития и уничтожение будущих поколений.

6) шестой приоритет – военное оружие [2, с. 8-9].

Назначение концепции устойчивого развития выявил В.Н. Сагатовский: «Надежды на сдерживающее воздействие концепции «устойчивого развития» при неизменности доминирующих ценностей есть не более чем кабинетная утопия, работающая иногда как идеологическое прикрытие – там, где надо сохранить природные запасы и окружающую среду в регионах проживания «избранных» за счет ее окончательной деградации в других регионах» [5, с. 40]. В выступлении В.В. Путина в октябре 2016 года на сессии Международного дискуссионного клуба «Валдай» отмечалось, что основной целью будущей глобализации становится следующая: «дать жителям планеты, причем ***всем***, а не избранным, возможность жить по-настоящему здоровой, долгой, полноценной жизнью».

Таким образом, достижение подлинного устойчивого развития человечества в целом, а не какой-либо «избранной» его части за счет геноцида депрессивных регионов, формирование безопасной для граждан единой ноосферной цивилизации, т. е. глобализации в интерпретации В.И. Вернадского и его последователей возможно лишь при условии изменения *мировоззрения* современного человека.

Литература

1. Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? // Социологические исследования. 1997. №1.

2. Величко М.В. Комплексная безопасность общества и государства в условиях интенсификации глобализации // Ключъ: Философско-общественный альманах Пушкинского центра

аналитических исследований и прогнозирования. Выпуск 11. СПб: СПбГАУ, 2017.

3. Миловзорова М.Н. Принципы ненасильственного развития: мировоззренческий аспект безопасности граждан глобального общества в биосфере Земли // Общество: философия, история, культура. 2017. № 7. С. 43-47.

4. Перкинс Дж. Новая исповедь экономического убийцы / Пер. с англ. М.: Претекст, 2016.

5. Сагатовский В.Н. Мировоззренческий проект. М.: Издательство «Перо», 2013. 120 с.

6. Субетто А.И. Капиталистическая эсхатология (принципы возможного экологического самоуничтожения строя капиталократии) / Под науч. ред. Л. А. Зеленова. СПб.: Астерион, 2016.

Юсупова Г.И.

ОСОБЕННОСТИ «ПОИСКА ИСТИНЫ» В ДРЕВНЕЙ ТРАДИЦИИ «ДЕСЯТИ КАРТИНОК ДЗЭН-БУДДИЗМА»

Аннотация. В статье исследуются особенности поиска истины в традициях восточных духовных систем, их отличие от западных принципов. Автор в качестве примера рассматривает древнюю традицию «десяти картинок дзэн-буддизма». Данная традиция возникла в даосизме и была трансформирована в 12 веке Какуаном. Она передает суть духовного Пути, связь искателя и искомого.

Ключевые слова: даосизм, дзэн-буддизм, поиски истины, духовная традиция, познание, искатель, смысл жизни.

Yusupova G.I.

FEATURES OF THE "SEARCH FOR TRUTH" IN THE ANCIENT TRADITION OF "TEN PICTURES OF ZEN BUDDHISM"

Abstract. The article examines the features of the search for truth in the traditions of the Eastern spiritual systems, their difference from the Western principles. As an example, the author examines the ancient tradition of "ten pictures of Zen Buddhism." This tradition originated in Taoism and was transformed in the 12th century by Kakuan. It conveys

the essence of the spiritual Path, the connection of the seeker and the sought.

Keywords: Taoism, Zen Buddhism, search for truth, spiritual tradition, knowledge, seeker, sense of life.

Отождествляя в некотором смысле истину со смыслом жизни, восточная мудрость исходит из первенства не абстрактного знания, а экзистенционального переживания. «Но какая польза для человека от того, что он знает смысл жизни, но не ощущает ее вкус. Ведь лучше есть сочный и сладкий фрукт, чем говорить о нем [1, с. 166]. Культура Востока является неотъемлемой частью общемировой культуры. В едином духовном пространстве переплетены культурные традиции разных народов. Считая аксиомой фразу «Солнце восходит на Востоке», мы решили обратиться к более древней, чем западная, традиции поиска истины на Востоке.

В философии одного из направлений йогочары – философии мадхьямиков – есть концепция свабхавы - сущностного проявления, независимого и вечного существования. Этот подход применяется при описании трех природ или путей познания реальности: восприятия реальности как совокупности самостоятельных объектов (воображаемое сущностное проявление), опыта человека как цели последовательных восприятий (взаимозависимое сущностное проявление), способ познания, при котором разделение на объекты проявления исчезает (совершенное сущностное проявление). Третий путь познания реальности в этой духовной системе считается более истинным [2, с. 136].

По-своему трактуется познание реальности в духовной традиции даосизма. В древнем памятнике китайской мысли «Дао дэ Цзин» основное понятие дао трактуется как «небесная воля», «чистое небытие». В материалистической традиции древних китайских мудрецов дао – это путь вещей, а дэ – его проявления. «Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное дао. Имя, которое может быть названо, не есть постоянное имя. Безымянное есть начало неба и земли, обладающее именем – мать всех вещей» [3, с. 12].

Картины «Десять быков Дзен» – это нечто самобытное в развитии человеческого знания. На Западе они стали впервые известны в 1857 году. Пол Репс и Негэн Сэндзаки включили их в книгу «ZenFlesh. Zen Bones: A Cjllection of Zen and Pre-Zen Writings». Большая роль в популяризации данной древней традиции поиска истины принадлежит неоиндуистскому философу Бхагван

Шри Раджнишу или Ошо, благодаря которому человечество получило доступ ко многим загадкам древнейших философских систем поиска истины. Одну из своих книг он посвятил десяти картинам дзэн, которые считает попыткой одним усилием передать смысл невыразимого.

В даосской традиции было только 8 картин, которые характеризовали поиск истины человеком. Сюжет 7 картин заключается в том, что искатель отправляется по следам сбежавшего быка на его поиски. Восьмая картина представляет чистый лист, олицетворяяя невыразимость передачи истины словами или другими символами. По мнению Ошо, в 12 веке китайский дзэн-мастер Какуан перерисовал их и добавил еще 2 картины, вместо 8 их стало 10. В этом, по мнению Ошо, заключается весь вклад Дзэн в религиозное сознание.

Какуан поменял финал даосских картин, где восьмым быком была пустая картинка. 2 добавленные картины Какуана передают смысл возможности трансляции истины, суть энергетической цепочки, в которую каждый человек имеет шанс попасть. Мудрость «Познай себя, и ты познаешь весь мир» всегда была кодовым символом поиска истины для всех духовных систем. Этот постулат, заложенный в даосизме, в дзэн-буддизме получил завершенность благодаря Какуану. Какуан выразил, как полагает Ошо, весь процесс человеческого поиска в десяти картинках, показав, что человек и есть поиск. Человек - не только исследующий, но и исследуемое, познающий и познаваемое.

Развивая идеи Какуана, Ошо считает, что с самого момента зачатия и до самого конца, человек сам есть исследование или поиск истины. Если вы не ищите Истину, отмечает он, вы не человек, в вас чего-то не достает. Хотя вы выглядите как человек, однако, ваша человечность только на поверхности, а не в вашем сердце. По этому принципу Ошо определяет разницу между человеком и животными. Животные просто живут, они не исследуют. Ни одно животное не задает вопросы: «Что такое истина? Что такое жизнь? В чем смысл жизни? Зачем мы здесь? Откуда мы пришли? Куда мы идем?» Ни одно дерево, ни одна птица, ни одно животное на этой огромной земле этим не интересовалось. В этом уникальность человека. Он такой маленький, но он выше неба, потому что есть нечто в нем уникальное – исследование. Даже бескрайнее небо не столь бескрайне по сравнению с человеком, потому что у неба есть границы, но нет границ человеческому исследованию. Это вечное паломничество – без начала и без конца. Для восточного мистицизма

в поиске истины состоит смысл паломничества, в котором искатель натолкнется на вопрос «Кто я есть ?». В поисках ответа человеку приходится развернуть внимание снаружи вовнутрь. В паломничестве за истиной искомым оказывается сам паломник. Интересно, что философия познания в 21 веке пришла к признанию важности наблюдателя в процессе познания. Квантовая физика сегодня идет еще дальше, отмечая зависимость характеристик наблюдаемого (к примеру, частиц) от наблюдателя.

Какуан нарисовал картинки, но посчитал это недостаточным. Получились замечательные рисунки, но его это не удовлетворило. Истина – такая вещь, что вы можете делать что угодно, но не будете удовлетворены. Ее невозможно выразить. Тогда Какуан написал стихи – 10 маленьких поэм. То, чего не доставало в картинках, он попытался выразить в стихах и вновь остался неудовлетворенным. Тогда он написал 10 комментариев в прозе. Но и это не удовлетворило его. Больше уже ничего не сделаешь, так как истина безгранична, а выражение ограничено. Он сделал все возможное. «С тех пор быки Какуана были постоянным источником вдохновения учеников» [4, с. 204].

Рисунки, стихи и краткий комментарий показывали, как ученик в поисках «быка» (метафора «просветления», первоосновы жизни, истины в действии) отправляется в дикие места. Его усилия поначалу оказываются бесплодными, но он продолжает поиск и находит следы на берегу реки. Когда он увидел быка в первый раз, то был поражен его великолепием. Далее ученик должен приложить усилия, чтобы приручить быка. Когда бык приручен, он исчезает и появляется человек, затем исчезает и человек, о чем свидетельствует восьмая пустая картина. В конечном итоге искатель достигает высокого просветления и возвращается в мир, на который теперь способен духовно повлиять: «И на базаре, и в лавчонке винной, лишь только на кого взгляну — он просветлённым станет» [5].

Уникальность картин Какуана заключается в том, что сначала он использовал язык подсознания, язык художников, скульпторов, мечтателей; далее язык поэтов, мост между подсознанием и сознанием. Лишь потом он использовал логический язык, язык ума. Ошо назвал этот эксперимент уникальным, потому что никто не совершал этого раньше. Будда говорил прозой. Мира пела, самовыражаясь через поэзию, неизвестные художники и скульпторы выражались через множество памятников, таких как Аджанта, Эллора, Тадж-Махал. Какуан делает и то, и другое, и третье одновременно.

Его талант многогранен во всех направлениях, на всех уровнях сознания, символы просты и глубоки. Бык на картинах символизирует жизненную силу, энергию, движение. Ошо сумел гениально раскрыть эту мистическую символику: Он считает, что у вас есть жизненная энергия, но вы не знаете, откуда она берется, куда устремлена, вы и есть эта энергия. Не зная ее, вы живете. Задать вопрос «Кто я?», по мнению Ошо, означает начать поиск быка. Пока вы не познаете себя, все, что вы делаете, будет напрасным. Самое главное для человека – это познать себя. Однако мы упускаем из виду главное и продолжаем заботиться о бесполезном [6]. Будучи великим мастером, Какуан в своем труде смог передать весь смысл Пути. Наше знакомство с ним произошло благодаря произведениям другого величайшего мастера - Ошо.

Современная наука в объяснении реальности наблюдаемого, считает целесообразным включить самого наблюдателя, что имеет древние традиции, переданные различными духовными системами человечества. Т.Г. Лешкевич трактует процессуальность истины бесконечным взаимодействием субъекта и объекта познания, выделением в объективной реальности все новых и новых фрагментов, предлагает понимать истину «не просто как соответствие понятия предмету, мысли и действительности, а как процесс совпадения мышления с предметом, который неотделим от действительности» [7, с. 338].

Западной традиции присущ поиск ментального объяснения понятия истины. Восточная считает невозможным передать непередаваемое, облечь в форму бесформенное. Поэтому восклицание Понтия Пилата «Что есть истина?», высказанное еще 2000 лет назад, актуально и поныне.

Литература

1. Мудрый ходит, не оставляя следов. Восточные притчи. – Ростов-на-Дону, 2011.
2. Лао-Цзы. – М., 2001.
3. Дао Дэ Цзин. Книга пути и благодати. – М., 2008.
4. Бхагаван Раджниш (Ошо) - Поиск. Беседы о десяти быках дзен [Электронный ресурс]. URL: https://www.libfox.ru/597174-bhagavan-radzhnish-osho-poisk-besedy-o-desyati-bykah-dzen.html.
5. Плоть и кости дзэн.– М.: Издательство АСТ, 2017.

6. Бхагаван Раджниш (Ошо) - Поиск. Беседы о десяти быках дзен [Электронный ресурс]. URL: https://www.libfox.ru/597174-bhagavan-radzhnish-osho-poisk-besedy-o-desyati-bykah-dzen.html.
7. Лешкевич Т.Г. Философия и теория познания. – М., 2011.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алехина Лариса Леонидовна - кандидат экономических наук, доцент, Орловский государственный университет экономики и торговли, г. Орёл, РФ.

Андреева Юлия Валентиновна - доктор педагогических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Высшая школа журналистики и медиакоммуникаций, г. Казань, РФ.

Ахметагич Ясмина - доктор философии, старший научный сотрудник, Институт сербской культуры Приштина – Лепосавич, г. Лепосавич, Косовская Митровица, Сербия.

Баранецкий Андрей Наумович – кандидат философских наук, преподаватель, ГБОУ ПО Севастопольский индустриально – педагогический колледж имени П.К. Менькова, г. Севастополь, РФ.

Баранов Андрей Владимирович - доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, РФ.

Баранов Николай Алексеевич - доктор политических наук, профессор, Балтийский государственный технический университет «Воен-мех», Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, РФ.

Безменов Владислав Владимирович - Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, Институт социально – философских наук и массовых коммуникаций, студент, г. Казань, РФ.

Беспалова Татьяна Викторовна - доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт Наследия, г.Москва, РФ.

Булетова Наталья Евгеньевна – кандидат экономических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, РФ.

Велоич Далибор Златимир - доктор истории, научный сотрудник Института сербской культуры Приштина – Лепосавич, г. Лепосавич, Косовская Митровица, Сербия.

Воликова Татьяна Витальевна - Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, Таврическая академия, философский факультет, студент, г. Симферополь, РФ.

Геращенко Карина Вадимовна - Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, Таврическая академия, философский факультет, студент, г. Симферополь, РФ.

Горин Антон Анатольевич - кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, г. Казань, РФ.

Донцев Сергей Павлович - кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, РФ.

Егорова Ольга Владимировна - доктор исторических наук, профессор, МГТУ им. Н.Э. Баумана, г. Москва, РФ.

Земцов Борис Николаевич - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, МГТУ им. Н.Э. Баумана, г. Москва, РФ.

Зоткин Андрей Алексеевич – кандидат социологических наук, доцент, Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, РФ.

Иванков Кирилл Владимирович - Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, философский факультет, студент, г. Симферополь, РФ.

Киуру Константин Валерьевич - доктор филологических наук, профессор, Челябинский государственный университет, г. Челябинск, РФ.

Ковальска-Стус Ханна - доктор гуманитарных наук, профессор, Ягеллонский университет, г. Краков, Польша.

Когут Виктор Григорьевич - Межпарламентская ассамблея СНГ, Заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ —

полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь в МПА СНГ и ПА ОДКБ, г. Санкт-Петербург, РФ.

Колесникова Галина Ивановна - доктор философских наук, профессор, Таганрогский институт имени А.П. Чехова, филиал Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Таганрог, РФ.

Коловский Денис Игоревич - Казанский (Приволжский) Федеральный университет, студент, г. Казань, РФ.

Коробкина Елена Николаевна - внештатный сотрудник, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, НИЦ «Центр перспективных конвергентных технологий и коммуникаций» г. Симферополь, РФ.

Косушкин Виктор Григорьевич - доктор технических наук, профессор, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга, РФ.

Красовская Наталия Рудольфовна - кандидат психологических наук, помощник депутата, Аппарат Государственной Думы ФС РФ, г. Москва, РФ.

Кугушева Татьяна Вячеславовна - кандидат экономических наук, старший преподаватель, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, РФ.

Кушнерева Ксения Владимировна – ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», студент, г. Вологда, РФ.

Лазарева Елена Иосифовна - доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, РФ.

Ловецкий Геннадий Иванович - доктор философских наук, профессор, Калужский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, г. Калуга, РФ.

Магомедова Мадина Зайнудиновна - кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник; доцент, Региональный центр этнополитических исследований Дагестанского научного центра Российской академии наук (РЦЭИ ДНЦ РАН); Дагестанский

государственный университет народного хозяйства (ДГУНХ), г. Махачкала, РФ.

Миркович Эна - доктор философских наук, научный сотрудник, Институт сербской культуры Приштина-Лепосавич, г.Лепосавич, Косовская Митровица, Сербия.

Михайлович Милошевич Сена - кандидат философских наук, Институт сербской культуры Приштина-Лепосавич, г.Лепосавич, Косовская Митровица, Сербия.

Миятович Марина – младший научный сотрудник, Институт сербской культуры Приштина-Лепосавич, г.Лепосавич, Косовская Митровица, Сербия.

Мохов Андрей Владимирович – директор Черноморского информационно-аналитического центра, г. Севастополь, РФ.

Мумович Анна Милош - доктор философских наук, научный сотрудник, Институт сербской культуры Приштина-Лепосавич, г.Лепосавич, Косовская Митровица, Сербия.

Муравьева Наталия Николаевна - кандидат экономических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, РФ.

Нурышев Геннадий Николаевич - доктор политических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, РФ.

Омельчук Дмитрий Владимирович - кандидат исторических наук, доцент, Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, РФ.

Парахина Валерия Юрьевна - Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, философский факультет, студент, г. Симферополь, РФ.

Пашковский Пётр Игоревич - кандидат политических наук, доцент, Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, РФ.

Полякова Оксана Ивановна - кандидат экономических наук, доцент, ФГБОУ ВО Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, г. Орёл, РФ.

Попова Ольга Валентиновна - доктор политических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, РФ.

Прядко Анастасия Олеговна - Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, философский факультет, студент, г. Симферополь, РФ.

Прядко Ирина Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент, Южный федеральный университет, г.Ростов-на-Дону, РФ.

Ремарчук Валерий Николаевич - доктор философских наук, профессор, декан факультета «Социальные и гуманитарные науки», Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, г. Москва, РФ.

Романович Нелли Александровна - доктор социологических наук, профессор, Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ (Воронежский филиал), г. Воронеж, РФ.

Росенко Мария Ивановна - доктор политических наук, профессор, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, РФ.

Савич Биляна – независимый исследователь, Босния и Герцеговина.

Савич Елена - независимый исследователь, Босния и Герцеговина.

Самылов Павел Васильевич - кандидат исторических наук, доцент, директор филиала, Калужский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, г. Калуга, РФ.

Сафиуллина Екатерина Александровна - лаборант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, РФ.

Сенюшкин Евгений Александрович - кандидат политических наук, доцент, Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, философский факультет, г. Симферополь, РФ.

Сенюшкина Маргарита Александровна – кандидат экономических наук, доцент, заслуженный работник образования АР Крым, почётный член Крымской Академии Наук, г. Симферополь, РФ.

Сенюшкина Татьяна Александровна - доктор политических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Крым, Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, РФ.

Сидоренко Виктория Александровна - Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, философский факультет, студент, г. Симферополь, РФ.

Силаева Зоя Владимировна - кандидат политических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, РФ.

Слинько Александр Анатольевич - доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политического управления, Воронежский филиал ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Воронеж, РФ.

Слинько Ольга Львовна - начальник отдела аспирантуры, старший преподаватель, Воронежский филиал ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Воронеж, РФ.

Слович Срдиан - доктор политических наук, научный сотрудник, Институт сербской культуры Приштина-Лепосавич, Косовская Митровица, г. Лепосавич, Республика Сербия.

Степанова Екатерина Владимировна - кандидат философских наук, ведущий специалист по связям с общественностью, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, РФ.

Столетова Анна Сергеевна - кандидат исторических наук, старший преподаватель, ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда, РФ.

Съедин Николай Александрович - кандидат политических наук, доцент, Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, философский факультет, г. Симферополь, РФ.

Трухан Анатолий Васильевич - кандидат философских наук, доцент, Ростовский филиал ФБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Ростов-на-Дону, РФ.

Ускова Ольга Сергеевна - Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, философский факультет, студент, г. Симферополь, РФ.

Филин Никита Александрович - кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университета (РГГУ), г. Москва, РФ.

Хриенко Татьяна Викторовна - доктор социологических наук, профессор, Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, философский факультет, г. Симферополь, РФ.

Черкасская Надежда Алексеевна – аспирант, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, РФ.

Щетинина Елена Александровна - Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, философский факультет, студент, г. Симферополь, РФ.

Щёголев Евгений Николаевич - старший преподаватель, Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова**,** г. Санкт-Петербург, РФ.

Юсупова Гурия Ислангараевна - доктор философских наук, главный научный сотрудник, Региональный центр этнополитических исследований Дагестанского научного центра Российской академии наук, г. Махачкала, РФ.

СОДЕРЖАНИЕ

Алехина Л.Л., Полякова О.И.
СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ КАК НЕОБХОДИМОЕ ТРЕБОВАНИЕ К ПОВЫШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ КАДРОВОГО МЕНЕДЖМЕНТА В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА МИРОВОГО РАЗВИТИЯ.....3

Андреева Ю.В.
СТОРИТЕЛЛИНГОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫМ ПОТОКОМ В СИТУАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ И ЦИФРОВОЙ БЛОКАДЫ 7

Ахметагич Я.
ПАРАНОИДАЛЬНОЕ ОТКРОВЕНИЕ И ТЯГА К ИСТИНЕ В «НОВОМ ИЕРУСАЛИМЕ» БОРИСЛАВА ПЕКИЧА 13

Баранецкий А. Н.
АКСИОМЫ ПСИХОДЕЛИЧЕСКОЙ ПОСТПРАВДЫ 15

Баранов А.В.
ЭТНИЧЕСКАЯ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЁЖИ КРЫМА КАК РЕСУРС ДОВЕРИЯ В ПОЛИЭТНИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ.....21

Баранов Н.А.
ИНФОРМАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ МЯГКОЙ СИЛЫ В КОНТЕКСТЕ ПОСТПРАВДЫ.....26

Безменов В.В.
ИДЕОЛОГИЯ ПАНИСЛАМИЗМА КАК АЛЬТЕРНАТИВНАЯ СИЛА ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....31

Беспалова Т.В.
ИСКУССТВО, КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 34

Булетова Н.Е., Степанова Е.В.
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭВОЛЮЦИИ ЕГИПЕТСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ 41

Воликова Т.В.
КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ
КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН 46

Velojić D. Z.
COOPERATION UNIT OF PEOPLE'S LIBERATION ARMY OF YUGOSLAVIA AND THE 3RD UKRAINIAN FRONT OF THE RED ARMY IN NIŠ OPERATION OCTOBER 1944 51

Геращенко К. В.
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ КАК ФАКТОР РАВНОМЕРНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ..... .60

Горин А. А., Сафиуллина Е. А
ИНСТРУМЕНТЫ СОЗДАНИЯ ИСКУССТВЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА. ..... .64

Донцев С. П.
РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. 68

Егорова О.В., Ловецкий Г.И., Самылов П.В.
ЧИЖЕВСКИЙ О СОЗНАТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ ..... .73

Земцов Б.Н.
СОВЕТСКИЕ ИНЖЕНЕРЫ И ВЛАСТЬ (1930-Е ГГ.) 77

Зоткин А.А.
ГОСУДАРСТВО КАК РЕГУЛЯТОР СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ГРАЖДАН: «БОЛЬШОЙ БРАТ» ИЛИ «НОЧНОЙ СТОРОЖ?» 82

Иванков К.В.
ВЗГЛЯДЫ РОССИЙСКОЙ И УКРАИНСКОЙ ЭЛИТ НА ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ДВУМЯ СТРАНАМИ (1991 – 2005 ГГ) 91

Киуру К.В.
ФЕЙКОВЫЙ КОНТЕНТ В МЕДИА КАК ОБЪЕКТ КОММУНИКАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 95

Ковальска-Стус Ханна
ТОЛКОВАНИЕ СЛОВ «СВОБОДА» И «ПРАВДА» КАК ОСНОВА РАСКОЛА РУССКОГО МИРА 100

Когут В.Г., Нурышев Г.Н.
ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: СОВРЕМЕННЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ 106

Колесникова Г.И.
КРИЗИС КАПИТАЛИЗМА: МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ВЕКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ.....111

Коловский Д.И.
ДИСКУССИЯ О НАЦИОНАЛЬНОСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИИ СЫНА БОЖЬЕГО КАК ПОПЫТКА РАСКОЛА ВНУТРИХРИСТИАНСКОГО ОБЩЕСТВА И САКРАЛИЗАЦИИ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП 117

Коробкина Е.Н.
«ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ХОРОТОП» И ЕГО САКРАЛИЗАЦИЯ В ГЕОПОЛИТИКЕ «НОВЫХ ИМПЕРИЙ» НА СТЫКЕ 20-21 ВЕКОВ 121

Красовская Н. Р.
ПСИХОТЕХНОЛОГИИ ВЕРБОВКИ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСЦИЕНТАЛЬНОЙ ВОЙНЫ.....126

Кугушева Т.В.
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В СВЕТЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА 131

Кушнерева К.В.
ПРОБЛЕМА ПРАВДЫ И ЛЖИ В ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО» 138

Лазарева Е.И.
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПРИРАЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ 143

Ловецкий Г.И., Косушкин В.Г., Самылов П.В.
УРОКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И НОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ ВСЕМИРНО – ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА 147

Магомедова М.З.
РОЛЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ КАРКАСА ЖИЗНЕННОГО МИРА 151

Миркович Э.
БЛАГОЕ НЕШКОВИЧ - РУСОФИЛ И/ИЛИ СЕРБСКИЙ ПАТРИОТ 155

Михайлович Милошевич С.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ МОСКОВСКОГО СТУДЕНТА И СЕРБСКОГО ПИСАТЕЛЯ ГРИГОРИЯ БОЖОВИЧА 159

Миятович Марина Д., Савич Биляна Р., Савич Елена Д.
ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ, США И ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ ОТНОСИТЕЛЬНО РЕШЕНИЯ СТАТУСА КОСОВО И МЕТОХИИ С 1999 ПО 2019 ГОД 164

Мохов А.В., Сенюшкина Т.А.
ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ 169

Мумович Анна М.
РЕЦЕПЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗА ВРОНСКОГО В РОМАНЕ ПИСАТЕЛЯ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА» В СЕРБИИ 174

Муравьева Н.Н.
ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ СИСТЕМАМИ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ 176

Парахина В.Ю.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ КРЫМА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА.....179

Омельчук Д.В.
МИКРОФИНАНСОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ – УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ 182

Пашковский П. И.
ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ РОССИИ.....187

Попова О. В.
ПРИОРИТЕТНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ.....191

Прядко А. О.
РОЛЬ МОЛОДЕЖНЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ ПО ВЫБОРАМ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 2018 Г. 200

Прядко И.А.
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ 204

Ремарчук В.Н.
УПРАВЛЕНИЕ СМЫСЛАМИ КАК ИНСТРУМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ: ТЕХНОЛОГИИ, ВЕРОЯТНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ 215

Романович Н.А.
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК СПОСОБ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРАВДЫ.....219

Росенко М. И.
МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....225

Сенюшкин Е.А.
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ТЕОРИИ Н.Я.ДАНИЛЕВСКОГО.....232

Сенюшкина М.А.
КУЛЬТУРА И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.....236

Сенюшкина Т.А.
ТРАДИЦИОННЫЙ ПРАЗДНИК В КУЛЬТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И СОЦИАЛЬНОМ ВРЕМЕНИ: КРЫМСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ.....240

Сидоренко В.А., Омельчук Д.В.
К ВОПРОСУ О ПЛАНАХ СОЗДАНИЯ ЕВРЕЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В КРЫМУ.....247

Силаева З.В.
«ФАКТОР ИДЕНТИЧНОСТИ» В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ.....252

Слинько А.А., Слинько О.Л.
ЕВРАЗИЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ (РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ).....256

Слович С.
СУЩЕСТВЕННЫЕ ЧЕРТЫ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ТЕОРИИ.....260

Столетова А.С.
ПРАВДА И ЛОЖЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА: ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА А.Я. ЯШИНА)..264

Съедин Н.А.
ПОЛИТИКА ПОСТПРАВДЫ В ПЕРИОД РАСПАДА СССР: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА 269

Трухан А.В.
РУССКОЕ ИДЕОКРАТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ В ЛОВУШКЕ ПОСТСОВЕТСКОГО МЕЖВРЕМЕНЬЯ.....275

Ускова О.С.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ КРЫМСКОЙ ЭЛИТЫ 90-Х ГОДОВ XX ВЕКА.....281

Филин Н.А.
ИНДОКТРИНАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ИРАНЕ 285

Хриенко Т.В.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ КРЫМСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ 1991-2014 ГГ 294

Черкасская Н.А.
ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ В НАЧАЛЕ XX В.: СЛУХИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ И СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ 300

Щетинина Е.А.
ПОТЕНЦИАЛЬНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 304

Щёголев Е.Н.
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА 309

Юсупова Г.И.
ОСОБЕННОСТИ «ПОИСКА ИСТИНЫ» В ДРЕВНЕЙ ТРАДИЦИИ «ДЕСЯТИ КАРТИНОК ДЗЭН-БУДДИЗМА» 313

Для заметок

XXXVI МЕЖДУНАРОДНЫЙ ХАРАКСКИЙ ФОРУМ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ:

ПРАВДА И ЛОЖЬ В ПОЛИТИКЕ И ИСКУССТВЕ

15-17 мая 2019 г.
г. Ялта,
Республика Крым

Редакторы: *Т.А. Сенюшкина, Д.Танчич*

Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 19,41. Тираж 100 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru